

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том девятый

Лесник

Морские титаны

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Тексты печатаются по изданиям:

«Лесник»

Типография Е. Н. Ахматовой. С-Пб, 1874

«Морские титаны»

Типография Е. Н. Ахматовой. С-Пб, 1874

Составление, редакция переводов М. Секей

Художник Е. Сапожкова

Оформление И. Галкиной

Редактирование текста и подготовка оригинал-макета
осуществлены МП ТОО «Астра».

Эмар Гюстав

Э 54 Собрание сочинений. В 25-ти т. Т. 9. Лесник; Морские титаны: Романы/ Пер. с франц. — М.: ТЕРРА, 1993. — 448 с.: ил.

ISBN 5-85255-349-2 (т. 9)

ISBN 5-85255-092-2

В девятый том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) входят романы «Лесник» и «Морские титаны», завершающие цикл романов о подвигах пиратов Карибского моря.

Э 4703010100-109
А30(03)-93 Подписное

ББК 84.4 Фр

ISBN 5-85255-349-2 (т. 9)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

Лесник

ПРОЛОГ

ГЛАВА I

*Читатель немного знакомится с Сантьяго
Лопесом и его семейством*

Толедо, древняя столица сперва готских, а после распада кордовского калифата — мавританских королей, некогда заключал в себе до двухсот тысяч жителей, теперь же там насчитывается едва двадцать пять тысяч. Так быстро уменьшается народонаселение в несчастной Испании. Милях¹ в пяти или шести от этого знаменитого города, среди гор, в глубине зеленой и почти неизвестной долины, находился в эпоху, к которой относится начало этого рассказа, то есть в 1628 году, скромный домик, построенный из кругляшей, крытый соломой и прислоненный к громадной скале, которая защищала его от северного ветра, тогда как с остальных трех сторон его окружал сад, хорошо ухоженный и обнесенный живой изгородью из колючего кустарника.

Долина, где стоял домик, была невелика; в окружности она едва имела милю и разделялась на две почти равные части речкой, которая уступами падала с вершины горы, но достигнув подножия, лениво текла, осененная шпажником, с тем едва слышным журчанием воды по камушкам, которое так прельщает мечтателей.

---

¹ М и л я равна 1609 м.

Нельзя представить себе ничего более поэтичного, мирного и спокойного, чем вид этого затерявшегося в горах уголка земли, где замирали все отголоски света, этой очаровательной Фиваиды¹, где текла жизнь тихая и мирная, вдали от городских забот и мелочной вражды завистников.

Немногим ранее полудня восемнадцатого мая 1628 года молодой еще человек, высокий, стройный, с лицом кротким, но в то же время решительным, в одежде деревенского жителя окрестностей Толедо, с ружьем под мышкой и кобулой на плечах, спускался почти бегом с крутого склона горы по настоящей козьей тропинке; он направился прямо к хижине в сопровождении или, вернее, предшествоваемый двумя славными собаками с удлиненной мордой, висячими ушами и огненными подпалинами на коричневой шерсти. Завидев хижину, они помчались во все лопатки, мгновенно перемахнули через изгородь, так как калитка была затворена, и кинулись внутрь домика, где скрылись с радостным лаем, на который ответила густым басом громадная дворняга.

Мгновенно, точно лай был для них сигналом, из дома навстречу к охотнику поспешно вышли три женщины.

Из этих трех женщин первая была лет тридцати с небольшим. В чертах ее лица сохранялись следы красоты, которая лет за десять, вероятно, была замечательна; ее прямой и гибкий стан был наделен той томной грацией, которая отличает андалусиек и женщин Новой Кастилии.

За ней шли две молодые девушки, одна лет пятнадцати, другая — едва достигнув четырнадцати; белокурые волосы обеих имели тот пепельный оттенок, который свойствен потомкам готов, а глаза и брови были черные, что придавало странный характер их веселым и выразительным лицам. Черты их лиц, разве только очень уж правильные, были редкой красоты; ослепительная и гордая красота эта носила отпечаток надменной дикости, которая встречается только в глубоком уединении, увлекает и очаровывает в одно и то же время, и для страсти имеет обаяние неодолимое.

Женщину звали Марией Долорес, девушек — Христианой и Лусией.

Христиана была старшая.

---

¹ Ф и в а и д а — область вокруг города Фив в Египте, позже название Верхнего Египта.

Человек, навстречу которому шли три женщины, называл себя Сантьяго Лопесом; он был мужем Марии Долорес и отцом двух белокурых ангелов, бросившихся ему в объятия, как только они подбежали к нему.

Охотника мигом избавили от ружья и охотничьей добычи, после чего все четверо вошли в хижину и сели к столу, на котором был приготовлен сытный завтрак. Отец прочел вслух короткую молитву, и все усердно принялись за еду.

Мы воспользуемся временем, пока это патриархальное семейство мирно сидит за трапезой, чтобы в нескольких словах поведать его историю или, по крайней мере, о том, что известно было из его истории, — в сущности, однако, очень немного.

Однажды, лет шестнадцать или семнадцать назад, человек лет тридцати пришел со стороны Толедо в долину, тогда совершенно пустынную.

Незнакомец привел с собой двадцать рабочих и несколько мулов, навьюченных съестными припасами, разнообразными инструментами и материалами; одежда погонщиков мулов была не кастильская, а скорее напоминала одеяние жителей баскских провинций.

Осмотрев долину и изучив ее со всех сторон, незнакомец остановил свой выбор на самом дальнем конце ее, сделал знак работникам, и те, с помощью погонщиков развьючив мулов, немедленно со всем рвением принялись за работу.

Одни строили дом или, вернее, хижину, другие вспахивали значительное пространство земли, сперва для сада, а там и для полей, довольно обширных.

Земля никому не принадлежала; можно было брать сколько угодно.

Никогда еще в долине не царил подобного оживления: с грохотом валили деревья, распиливали их на отдельные части и обтесывали; кузнецы ковали на переносных или устроенных на скорую руку наковальнях; никто не оставался без дела.

Новый пришелец наблюдал за работами, объяснял свой план строительства и давал наставления.

Словом, была развернута такая кипучая деятельность, что менее чем через месяц деревянный домик в два этажа, прекрасно отстроенный внутри, стоял уже совсем законченный, как и большой сарай, конюшня на три лошади, хлев для скота и амбар для склада запасов.

Сад был обнесен живой изгородью, засажен фруктовыми деревьями, привезенными из Толедо в несколько приемов, и украшен прекрасными цветами. Вспаханные поля засеяли; две коровы и коза очутились в хлеве, две лошади на конюшне и несколько охотничьих и сторожевых собак на цепи в конурах неподалеку от птичьего двора, полного уток и кур.

Недоставало только мебели, но и ту, как только дом был достроен, немедленно доставили сюда вместе с бельем и посудой.

Мебель была простая, но прочная и могла служить долго.

Когда все работы были закончены, незнакомец, которого звали ньо Сантьяго Лопесом, собрал работников, поздравил их с успешным завершением дела, поблагодарил и отпустил с щедрым вознаграждением. Люди ушли, осыпая его благословениями, так они остались довольны.

После этого ньо Сантьяго обратился к старшему погонщику мулов с несколькими словами на языке, которого никто не понял, — позднее выяснилось, что это баскское наречие, — погонщики мулов ушли, в свою очередь, и незнакомец остался один.

Он принялся за осмотр своих владений и ежедневно отправлялся в долгие путешествия далеко по окрестностям; за две недели он узнал соседние горы на десять миль вокруг, как будто прожил тут целый век.

По прошествии этих двух недель ньо Сантьяго однажды утром, вместо того чтобы отправиться на обычную нескончаемую прогулку, взял ружье, свистнул собак и скорым шагом направился ко входу в долину.

Едва он успел поравняться с ущельем, выходившим на узкую тропинку, которая вела к равнине, извиваясь у подножия горы, как услышал напев баскской песни, которую распевали во все горло, между тем как серебристый звон бубенчиков будто в такт вторил пению.

Вскоре погонщик, которого он отослал две недели назад, вероятно возложив на него важное поручение, показался на повороте тропинки.

Он гнал четырех навьюченных мулов. За ними не торопясь шли четверо путников.

---

¹ Ньо — дон, сеньор.

Впереди была молодая женщина лет девятнадцати, не более, красоты замечательной, но бледная, слабая и с выражением лица грустным и болезненным.

Из трех остальных двое были рослые и дюжие мужчины, еще молодые, а третья — женщина лет двадцати трех, довольно хорошенькая и чрезвычайно свежая. Трое последних были слуги: один из двух мужчин, по имени Педро, — муж молодой женщины; другой же, Хуанито, — брат Педро и, следовательно, деверь служанки Пакиты.

Завидев этих людей, ньо Сантьяго бросился к ним навстречу.

Путники остановились с почтительным и радостным поклоном слуг, выросших в доме и сильно преданных своим господам.

Сантьяго ответил, улыбаясь, на их поклон и обнял молодую женщину.

— Наконец-то ты тут, Долорес! — воскликнул он. — О! Как я счастлив, что мы опять вместе; время так медленно тянулось вдали от тебя!

— И для меня также, мой дорогой Луис! — ответила она, с нежностью отвечая на его ласки.

— Тс-с! Не называй меня этим именем, радость моя! — вскричал он, закрывая ей рот поцелуем. — Ты ведь помнишь о нашем уговоре.

— Извини меня, друг мой, — сказала молодая женщина с улыбкой, озарившей ее прекрасное и кроткое лицо, словно солнечный луч, который мелькнул среди туч. — От счастья, что вижу тебя, я забыла обо всем на свете.

— Оставим это, моя крошка, но дай мне пожурить тебя.

— Меня, мой возлюбленный господин и повелитель? За что же?

— За то, что при твоей слабости ты идешь пешком, когда могла бы спокойно сидеть на муле.

— Я уже говорил графине, — пробормотал погонщик, — но она меня не слушала.

— Да что же это, Ареги! — с живостью вскричал ньо Сантьяго. — Что это вы говорите?

— Ба! — не смущаясь заявил тот. — Мы здесь в семье, и никакой опасности не подвергаемся. Дайте мне говорить по-своему, ваше сиятельство; не бойтесь измены с моей стороны, я сохраню вашу тайну.

Граф ли был незнакомец или нет, но он протянул погонщику руку.

— Знаю, — сказал он ему.

Подойдя к хижине, донья Долорес улыбнулась.

— О, как счастливы мы будем здесь! — радостно вскричала она.

— Если только наши гонители не отыщут нас и тут, — грустно возразил муж.

— Как же это возможно? Разве ты не умер для всех, без сомнения умер? И я разве не бежала во Францию и не постриглась там в монастыре в отдаленной провинции?

— Правда, — согласился он, — теперь, когда мы навек отторгнуты от общества, будем жить друг для друга и все счастье искать в нашей любви.

— Этого достаточно, чтобы жизнь показалась нам раем, мой возлюбленный.

На другой день ньо Сантьяго уехал в Толедо с погонщиком мулов.

Там они расстались, чтобы, быть может, никогда больше не видеться. Ареги возвращался в Бискайю.

Со слезами на глазах пожали они друг другу руки в последний раз.

Хотя долина, где поселился ньо Сантьяго, никому по настоящему не принадлежала, он решил, во избежание всяких придинок и притеснений со стороны местных властей соседнего города, отнять у них возможность тревожить его в уединении.

Он обратился к толедскому нотариусу и поручил ему начать переговоры с городским советом относительно покупки долины.

Члены совета сначала не уразумели ни слова из всего дела; они понятия не имели о существовании этой долины, однако деньги получать всегда кстати, откуда бы они ни приходили, поэтому городской совет после долгих прений и переговоров согласился за две тысячи пиастров наличными уступить некоему ньо Сантьяго Лопесу, землепашцу и леснику, означенную долину в вечное и потомственное владение, с правом передачи без всякого предварительного разрешения.

К этой купчей по настоящему требованию лесника была сделана приписка, в силу которой ему предоставлялось на вековечныя времена право охоты в горах круглый год на

пятнадцать миль в окружности, и это за дополнительную сумму в тысячу пиастров, внесенную единовременно.

Только в пользу его величества короля испанского выговорено было право охотиться в горах, если во время своего пребывания в Толедо, куда он приезжал довольно часто, ему угодно было бы заняться охотой.

Итак, сумма купли достигла трех тысяч пиастров, которые надлежало немедленно внести в городской совет нотариусу, служившему ходатаем в торге.

Это и было им исполнено, не покидая заседания. Ему вручили купчую крепость в законной форме, и сановники благородного города Толедо радостно потирали себе руки, устроив такое выгодное дело.

В ту эпоху, как и ныне, горы в окрестностях Толедо имели весьма дурную славу: в них укрывались бандиты со всей провинции; они убивали и грабили путешественников, не опасаясь ни алькальдов¹, ни альгвазилов², которые не смели им противиться. Поэтому, вполне естественно, никто не изъявлял желания владеть долиной, где ньо Сантьяго вздумал поселиться.

Как бы то ни было, он щедро вознаградил нотариуса, тщательно спрятал акт и весело вернулся в горы, куда прибыл за два часа до заката солнца, спеша увидеть жену, с которой расстался на рассвете.

Наши отшельники зажили чисто патриархальной жизнью.

Пакита была молочная сестра доньи Марии Долорес, Педро и Хуанито — молочные братья ньо Сантьяго; эти пять лиц в сущности составляли одно семейство, так они любили друг друга.

Однако, несмотря на просьбы и даже приказания ньо Сантьяго, никогда трое слуг не соглашались садиться за один стол со своими господами.

Не видя возможности убедить их, тот наконец предоставил им свободу поступать по-своему, чем несказанно обрадовал этих честных и скромных людей.

---

¹ А л ь к а л ь д — здесь: городской судья.

² А л ь г в а з и л — судебный исполнитель.

Ньо Сантьяго охотился, Мария Долорес вела домашнее хозяйство, Пакита исполняла тяжелые работы и ходила за птицами и скотом, мужчины возделывали поля и сад.

Каждое воскресенье маленькая колония ходила к обедне в маленькую церковь в бедной деревеньке на склоне горы, обращенном к Толедо.

Они были счастливы.

По прошествии нескольких месяцев обе женщины разрешились от бремени одна вскоре после другой.

Пакита первая произвела на свет крепкого мальчугана.

Через две недели Мария Долорес сделалась матерью престелстной девочки.

Пакита пожелала кормить обоих детей; она не сумела бы сказать, какого из малюток любила больше — своего собственного или ребенка госпожи.

На следующий год картина повторилась в точности. Опять Пакита родила первая и так же была кормилицей обоих детей.

Жена ньо Сантьяго, так как под этим именем ему — по важным, надо полагать, причинам — заблагорассудилось скрываться, донья Мария Долорес, оттого ли, что чистый и свежий воздух гор пошел ей на пользу, или тихое счастье, которое она вкушала, притупило в ней тайное горе, мало-помалу окрепла, расцвела здоровьем и никогда не чувствовала себя бодрее.

Теперь же она имела приятнейшее развлечение, очаровательное для матери занятие — заботу о детях.

Девочки были прездоровые; с утра до ночи раздавался в саду, словно пение птиц, их звонкий и серебристый смех. Девочки и мальчики играли под бдительным надзором матерей, которые глядели на них с улыбкой.

Отец Санчес, бедный священник деревенской церкви, о которой упомянуто выше, молодой человек, полный веры, ума и доброты, взялся быть наставником детей и три раза в неделю приходил давать им уроки.

Это были веселые дни для маленькой колонии. Иногда достойный пастырь даже оставался на ночь.

На другое утро все провожали его до ущелья, которым кончалась долина, и глядели ему вслед, пока он не скроется из виду в извилинах горной тропы.

«Дворяне Толедских гор», как пышно величали себя обитавшие в горах разбойники, были люди, по своей природе не

слишком обремененные совестью. Не питая никаких предубеждений, они абсолютно не уважали жизни ближнего. Сперва они с неудовольствием глядели на водворение чужого человека по соседству с их недоступными убежищами. Первая мысль, которая пришла им в голову, как вполне логичная с точки зрения их личного интереса, была та, что они имеют дело со шпионом.

Вследствие такого предположения они решились неустанно наблюдать за ним и безжалостно убить при первом же подозрительном действии с его стороны.

Наблюдение длилось целый год.

Достойные «горные дворяне», которые с утра до ночи не теряли лесника из виду, пришли по истечении этого долгого срока к такому заключению, что чужеземец нисколько о них не думает; они решили, что он нравственно больной, мизантроп, который удалился от подобных себе, словно от чумы, бежав в глубину лесов, чтобы жить вдали от людей, вероятно ему ненавистных.

Тогда всякое наблюдение прекратилось.

Бандиты не только перестали наблюдать за ним, но и сочли долгом чести не стеснять такого мирного и безвредного соседа; они расступились направо и налево на несколько миль, предоставив ему полное владение его пустынной обителью.

Лесник прекрасно видел проделки своих соседей, «горных дворян», но из опасения напугать их прикидывался, будто ничего не замечает.

Позднее редкие, но абсолютно без всякой натяжки отношения понемногу завязались между двумя договаривающимися сторонами, по мере того как этого требовали необходимость или случай.

Например, не раз доводилось бандиту, которого преследовали, искать убежища в горном домике, и никогда он не встречал отказа. Однажды раненый разбойник получил приют, был перевязан и вылечен в семействе лесника, который, со своей стороны, однако, никогда не имел надобности прибегать за чем бы то ни было к своим соседям.

Из всего этого выходило, что настоящим королем Толедских гор оказался лесник и что невидимое, но бдительное и преданное покровительство постоянно охраняло его самого и его семейство.

Горе тому, кто в недобрый час поддался бы искушению и осмелился нанести малейший вред леснику или его близким! Он не замедлил бы поплатиться жизнью за такой проступок.

Когда дочери ньо Сантьяго подросли настолько, что могли сопровождать отца и даже часто по прихоти, точно дикие лани, одни бегали по горам со своими молочными братьями одних с ними лет, это невидимое покровительство усилило свою бдительность, и никогда молодым девушкам не приходилось раскаиваться в своей смелости.

Когда в воскресенье маленькая колония долины отправлялась к обедне в деревушку на склоне горы, домик с отворенными окнами и отпертыми дверями стерегли одни собаки, и защищался он своей слабостью гораздо вернее, чем сильным гарнизоном.

Если случайно мимо проходил бандит, голодный или испытывающий жажду, он входил, чтобы перекусить и выпить рюмку вина, после чего продолжал путь, поставив все на место и приласкав собак, которые провожали его, виляя хвостами, до садовой калитки.

Вот каков был или, по крайней мере, каким казался человек, которого читатель теперь знает как владельца деревянного домика, и что про него говорили.

К тому дню, когда начинается наш правдивый рассказ, прошло шестнадцать тихих и безмятежных лет.

Кончив завтрак, ньо Сантьяго скрутил сигаретку, но вместо того чтобы пойти наверх в свою комнату для полуденного отдыха, как делал обыкновенно, он снова надел снятые сапоги, вскинул ружье на плечо и свистнул собак.

— Ты уходишь, Луис? — спросила его жена.

Она никак не могла привыкнуть называть его другим именем.

— Да, — ответил он, — я видел следы кабана; мне хотелось попробовать отыскать то место, где он залег. Это старый кабан, которого, вероятно, спугнули наши горные соседи. Он, должно быть, укрылся где-то здесь.

— Лучше бы тебе остаться, Луис, — посмотри, небо заволакивает тучами, верно, собирается гроза; ты знаешь, как она страшна в горах.

— О! Раньше вечера она не разразится, а я вернусь часа через два, самое позднее — через три.

— Говорил ли вам, папа, отец Санчес, — сказала Христиана, — что король уже несколько дней как прибыл в Толедо?

— Говорил, крошка, да нам-то какое дело?

— Правда, но Хуанито уверял, будто слышал сегодня утром звук охотничьего рога в горах.

— Он не ошибся, крошка; я тоже слышал его.

— Ах! — вскричала донья Долорес. — Уже не двор ли выехал на охоту? Упаси нас Господи, чтобы сюда случайно не заехал сбившийся с пути охотник!

— Да нам-то что до этого, моя возлюбленная? Разве мы здесь не дома?

— Разумеется, но...

— Отбрось эти опасения, жена, мы здесь в большей безопасности, чем в севильском Алькасар¹, к тому же я не думаю, чтобы двор охотился сегодня, мы вероятно слышали звуки рога наших соседей, они смелые охотники, как тебе известно; нет дичи, на которую они бы не пошли, — заключил он, смеясь. — Ну, до свидания!

— Не запаздывай, Луис, умоляю тебя! Сама не знаю, отчего мне сегодня так тяжело расстаться с тобой. Все время, пока ты не вернешься, я буду в смертельной тоске.

— Обещаю тебе, если не встретится чего-нибудь совершенно непредвиденного, вернуться до захода солнца; и тем вернее я буду дома, что в воздухе действительно пахнет грозой.

Он обнял жену и детей, свистнул собак, вышел из дома и быстрым шагом направился в сторону гор.

Охотники, однако, самые забывчивые люди на свете; стоит им напасть на след дичи, и они уже ни о чем больше не вспоминают.

Часы проходили; разыскивая следы зверя в чаще леса, лесник ни разу не подумал о возвращении домой.

Он неоднократно слышал, как трубил охотничий рог, но не обращал на это внимания. Он думал только о кабане и чувствовал сильную досаду, что никак не может увидеть его.

Давно уже зашло солнце, стало смеркаться, и с приближением ночи над горами нависла гроза.

---

¹ А л ь к а с а р — крепость, дворец.

Уже несколько раз беловатая молния пробежала по небу, глухо рокотал гром, и вдруг пошел дождь, мелкий, частый и необычайно сильный. Совсем стемнело.

Тут лесник вспомнил, что обещал жене вернуться до захода солнца; хотя и с опозданием, он, однако, поспешил исполнить данное слово.

Несмотря на мрак, он так хорошо знал местность, что не боялся сбиться с пути.

Итак, он шел со всей быстротой, какую допускала горная тропинка, когда сопровождавшие его собаки вдруг громко залаяли и невдалеке ему послышался звон оружия.

Не долго думая, он пустил собак по следу и бегом кинулся за ними.

Вскоре он вышел на узкую прогалину, среди которой спешившийся всадник, прикрываясь убитой лошадью, отчаянно оборонялся против шести разбойников, которые все разом нападали на него.

Насколько мог судить лесник при свете молнии, всадник, весь в черном бархате, был благородного вида, бледный и худощавый молодой человек, на наружности которого, правда немного бесцветной, лежал отпечаток невыразимого изящества и величия.

— Эй вы, молодцы! — крикнул лесник, обнажив свой охотничий нож и одним прыжком став по правую сторону всадника. — В какую же мы тут играем игру?

— Нью Сантьяго! — вскричали нападающие, узнав его голос.

Они отступили на шаг.

Всадник воспользовался минутой отдыха, чтобы перевести дух.

— Однако, приятель, — смеясь воскликнул один из разбойников, — хороший охотник не кидается на помощь зверю, когда тот загнан и осталось только положить его на месте. Дайте нам кончить свое дело; мы вмиг управимся.

— Клянусь Богом, я не допущу этого! — смело вскричал лесник. — Или вы положите на месте и меня вместе с ним!

— Полноте, нью Сантьяго, не вмешивайтесь не в свое дело, что вам до этого человека, которого вы совсем не знаете?

— Он мне ближний, и жизнь его в опасности; этого для меня достаточно, я хочу спасти его.

— Берегитесь, ньо Сантьяго, у нас в горах есть страшная поговорка: пощадить чужестранца — значит, нажить неу-молимого врага.

— Будет то, что угодно Богу, — великодушно ответил лесник, хотя сердце его непроизвольно сжалось от ужаса. — Я стану грудью за этого человека, пусть даже с риском для собственной жизни.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Если вы непременно требуете этого, ньо Сантьяго, — ответил наконец один из разбойников, — мы уйдем, так как не хотим отказать вам в первой вашей просьбе; но, повторяю, берегитесь этого человека. Прощайте, ньо Сантьяго, мы остаемся друзьями. Ну, отправляйтесь скорее! — крикнул он своим товарищам.

Разбойники скрылись во мраке, и лесник остался один возле человека, которого спас таким необычным образом.

ГЛАВА II

Несколько неприятных часов в Толедских горах

т истощения сил, а может быть, также, от волнения, пережитого во время неравной, храбро вынесенной им борьбы с разбойниками, незнакомец упал на землю и лежал без чувств.

Первой заботой лесника было оказать ему помощь и как-нибудь восстановить его силы.

Подобно всем охотникам, ньо Сантьяго всегда носил на поясе флягу с водкой.

Раскупорив ее, он влил несколько капель в рот незнакомцу.

Этого было достаточно, чтобы привести его в чувство.

Он приподнялся и с помощью охотника встал на ноги.

— Вы ранены, сеньор? — спросил с участием ньо Сантьяго.

— Не думаю, — ответил тот слабым голосом, — быть может, я и получил рану, но ничего серьезного.

— Слава Богу! Как же, однако, случилось, что я нашел вас в таком критическом положении?

— Сегодня в этих лесах охотился король.

— А!

— Я принадлежу к свите короля, увлекся, гоняясь за зверем, и заплутал в лесу...

— Где на вас напали шестеро разбойников, с которыми одному вам бы не справиться!

— Но Бог послал вас ко мне на помощь.

— Да, — с улыбкой сказал лесник, — кажется, пора было помочь вам.

— Так пора, сеньор, что без вас я был бы теперь уже убит; вам я обязан жизнью и не забуду этого.

— Полноте, стоит ли помнить такую пустяшную услугу! Я сделал для вас то, что готов сделать для каждого.

— Очень может быть, но это только доказывает, что вы человек с благородной душой, что нисколько не уменьшает мою благодарность вам. Я богат, могуществен, имею вес при дворе; я многое могу сделать для своего спасителя.

— Забудьте меня, кабальеро, вот все, о чем я вас прошу. Благодарение Богу, я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве. Мне достаточно моего небольшого состояния. Я счастлив в своей смиренной доле; всякая перемена только омрачит мой ясный небосклон.

Незнакомец вздохнул.

— Вы, кажется, страдаете? — с живостью вскричал лесник. — Силы ваши истощены усталостью, быть может, голодом! Гроза не утихает; нам нельзя оставаться здесь дольше, необходимо куда-нибудь укрыться. Полагаете ли вы, что отыщете сборное место охоты?

— Не знаю; этот лес и горы мне совсем не знакомы.

— В таком случае вам нельзя идти в эту темь на поиски, это было бы опасно. Чувствуете ли вы себя теперь в силах идти?

— Да, я совсем бодр; дайте мне еще немного водки из вашей фляги, и я оправлюсь окончательно.

Лесник подал ему флягу. Незнакомец выпил глоток и вернул флягу.

— Теперь я готов идти за вами, — сказал он, — куда мы направляемся?

— Ко мне.

— Далеко это?

— Да с милю будет... Только предупреждаю вас, дорога адская.

— Ничего, я привык рыскать по горам днем и ночью.

— Тем лучше. В путь!

— Признаться, и я буду рад поскорее добраться куда-нибудь; все платье на мне промокло насквозь, и я околел от холода.

— Так идем!

Незнакомец наклонился к своей лошади, вынул пистолеты из седельных сумок и заткнул их за пояс.

— Бедный Саид! — сказал он. — Такое благородное животное — и убито презренными разбойниками!

— Не жалуйтесь, сеньор; его смерть спасла вас, дав вам возможность укрыться за его телом.

— Это правда...

Они оставили прогалину и вошли в лес. Несмотря на уверения незнакомца, он только благодаря сверхъестественным усилиям мог следовать за лесником; на каждом шагу он готов был свалиться наземь.

Вскоренью Сантьяго заметил, как он слаб, несмотря на его возражения взял его под руку, и они пошли рядом, только немного медленнее.

— Домой, мои красавчики! — крикнул лесник своим собакам. — Домой! Бегите предупредить наших!

Собаки бросились в чащу леса со всех ног, точно поняли, что поручал им хозяин.

Однако Бог положил человеческим силам предел, за который они заходить не могут. При всем невероятном усилии воли незнакомец наконец почувствовал, что даже при помощи лесника не только шага не может дальше ступить, но и просто держаться на ногах.

Со вздохом отчаяния он тяжело опустился к ногам спутника, не в обмороке, но от истощения сил, несмотря на ливиную храбрость.

Лесник быстро наклонился к нему, приподнял и усадил, прислонив спиной к стволу упавшего от старости дерева.

Гроза усиливалась с каждой минутой; то и дело сверкали молнии; небо с одного края небосклона до другого казалось громадным огненным шатром зловещего бледно-желтого цвета.

Раскаты грома следовали один за другим неумолкаемо; буря завывала с неистовой яростью, хлеща по ветвям, крутя и ломая деревья, как соломинки, и увлекая их, чтобы кружить в воздухе, продолжая бешено нестись дальше; дождь, уже превратившийся в настоящий ливень, залил дорогу по колено; стремительные потоки с оглушительным ревом па-

дали с горных вершин, унося и опрокидывая все на своем пути, разрушая тропинки и вымывая землю, образуя при этом глубочайшие ямы.

Это величественное выражение Божьего гнева представляло собой зрелище ужасающей красоты.

Будь лесник один, он за несколько минут добрался бы до дома, но ему не хотелось бросать своего спутника, хотя он вовсе не заблуждался относительно опасности их положения; оставаться дольше там, где они находились, было все равно что обречь себя на неизбежную и страшнейшую смерть.

Он наклонился к незнакомцу.

— Взбодритесь, сеньор, — сказал он ему ласковым голосом, каким говорят с детьми и больными.

— Не бодрости мне недостает, сеньор, — возразил тот, — мои силы вконец истощены — я и пальцем не могу пошевелить.

— Попробуйте встать.

— Напрасно было бы, холод леденит меня; он проник мне в сердце; я словно параличом разбит.

— Что делать? — пробормотал лесник, в отчаянии ломая руки.

Это был человек с прекрасной и благородной душой, из тех избранных натур, решительных и энергичных, которые до последнего вздоха борются с неодолимыми преградами и сдаются только мертвые.

— Бросьте меня, сеньор, — сказал незнакомец голосом, который явно слабел, — не противьтесь долее преследующему меня року; вы сделали все, что только в человеческих силах, чтобы спасти меня, и если вам не удалось, то только потому, что мне суждено умереть.

— Ах! Если вы поддаетесь отчаянию, то мы погибли! — вскричал Сантьяго в смятении.

— Я не отчаиваюсь, мой друг, мой спаситель, я просто смиряюсь перед волей судьбы! Я уповаю на Божье милосердие! Я чувствую, что скоро пробьет мой последний час; Господь простит мне, я надеюсь, грехи за мое искреннее раскаяние и покорность Его грозному приговору.

— Все пустяки, сеньор! Господь — да благословенно Его имя! — тут не при чем. Будьте мужчиной, вставайте! Через десять минут мы достигнем надежного убежища — мой до-

мик находится в двух ружейных выстрелах от этого места, где мы остановились так некстати.

— Нет, сеньор, повторяю, я не в силах сделать ни малейшего движения, я совсем ослабел. Бросьте меня, бегите и спасайтесь сами, пока еще есть возможность.

— Вы жестоко оскорбили бы меня своими словами, сеньор, если бы не находились в таком жалком состоянии.

— Простите, сеньор, протяните мне руку и, умоляю вас, уходите, уходите скорее! Кто знает, не поздно ли будет через минуту? Повторяю вам, все ваши усилия спасти меня будут тщетны, бросьте меня здесь...

— Нет, я не брошу вас, сеньор; мы спасемся или погибнем вместе, клянусь Богом и честью... — он вдруг остановился и поспешно закончил: — ...лесника! Мне не впервые находиться в подобном положении. Вzbодритесь, сеньор! Посмотрим, что одержит верх, грубая слепая стихия или венец создания — человек, сотворенный по образу Божию, с умом и волей. Ей-Богу, мы спасемся вместе или вместе погибнем! Я понесу вас на плечах, если вы не можете идти сами.

И говоря таким образом с притворной веселостью, лесник, не слушая более возражений незнакомца, поднял его, как ребенка, на свои могучие руки, с легкостью перекинул через плечо и отважно пустился в путь, опираясь на ружье. Он твердо решил скорее пожертвовать жизнью, чем подло бросить того, кого уже спас от смерти так великодушно.

Началась смертельная борьба человеческой воли против безумных, свирепых, будто вырвавшихся на волю слепых сил природы.

Каждый шаг стоил леснику сверхъестественных усилий, особенно из-за той тяжести, что лежала у него на плечах. Он шел, шатаясь, точно пьяный, спотыкаясь, и по колено уходил в вязкую грязь, ежеминутно опасаясь увязнуть в ней с головой. Ветви хлестали и царапали ему лицо, дождь бил в глаза и ослеплял его, от бури захватывало дух и мутилось в голове.

Однако он не унывал и только удваивал усилия; он упорно не бросал своего спутника, теряя и вновь отыскивая дорогу по несколько раз за минуту, среди этого страшного хаоса восставшей против него разъяренной стихии.

За полчаса он продвинулся вперед всего на какую-нибудь сотню шагов.

Тут он с ясностью мыслей человека, принявшего непоколебимое решение, хладнокровно подсчитал, что если б он даже не разбился на дне пропасти, не был увлечен потоком или не выбился окончательно из сил — а холодный пот и теперь уже выступал у него на лбу от изнеможения, — ему понадобится ровно семь часов на то, чтобы добраться до дома таким образом, разве только к нему подоспеют на помощь.

— На Божью волю! — прошептал он. — Господь везде и во всем. Да будет то, что решил Он в своей премудрости. Но я не прекращу борьбы, пока есть силы, и буду отстаивать жизнь до последней минуты... но далеко ли до нее?

Он подавил вздох и удвоил усилия, и без того уже невероятные. Прошло еще несколько минут.

Незнакомец неподвижной массой висел на плече лесника и не подавал никаких признаков жизни. Он или умер, или лишился чувств.

Вдруг невдалеке раздался бешеный лай.

Лесник остановился; он несколько раз глубоко вздохнул, перевел дух, и радостная улыбка озарила его мужественное лицо.

— Вот мои славные собаки! — воскликнул он. — Мы спасены!

Он собрал последние силы и крикнул зычным голосом, который перекрыл на мгновение рев и грохот бури:

— Эй, красавчики! Сюда, сюда!

Собаки ответили лаем еще более сильным и вскоре показались в сопровождении двух человек с факелами, которые следовали за ними на некотором расстоянии.

— Слава Господу, вот наконец и вы! — вскричали они почти с благоговейной радостью — так боготворили своего хозяина.

— А это кто? — удивился Педро.

— Человек, которого я спас... Он очень нуждается в помощи, друг мой.

— Сеньора так и думала, что случилось нечто в этом роде, — в сердцах заметил Хуанито.

— Сеньора! Неужели она вышла в такую страшную погоду? — с живостью вскричал Сантьяго.

— Нет, нет, сеньор, не извольте беспокоиться; но и стоило же нам труда удержать ее!

— Достойная, святая женщина! — прошептал лесник.

— Однако, сеньор, отсюда надо поскорее убираться подобра-поздорову.

— Да, да, поспешим; этот несчастный в самом жалком положении.

— Бренная наша жизнь! — пробормотал Хуанито, который отчасти был философом. — Ба-а! После нас хоть трава не расти! — заключил он.

Незнакомца тихонько опустили на землю. Лесник наклонился к нему и пощупал пульс, — он был слаб, но ясно прощупывался. Очевидно, несчастный лишился чувств, но не умер.

Лесник весело поднял голову.

— Мы спасем его! — радостно вскричал он.

— Аминь! — отозвались слуги.

— Живее, надо устроить носилки.

— О, это не займет много времени!

— Особенно если тотчас примемся за дело.

Собаки лизали незнакомцу лицо и тихо, жалобно скулили.

Эти ласки привели его в чувство; он открыл глаза.

— Боже мой! — прошептал он. — Я думал, что умер.

— Но, по счастью, ошиблись, — весело ответил лесник.

— Ах! И вы тут, мой спаситель!

— Все тут.

— Вы не бросили меня?

— Бросить вас? Полноте, видно, что вы меня не знаете.

— Вы спасли меня во второй раз!

— И на этот раз окончательно, будьте спокойны.

— Как мне отплатить вам?

— Ничего не может быть легче, я уже говорил вам.

— Не говорите со мной таким тоном!

— Отчего же? Позвольте мне говорить с вами откровенно, чтобы положить конец всякому изъятию благодарности с вашей стороны.

— Говорите.

— Вы воображаете, что я спас вас и затратил столько усилий исключительно только ради вас?

— Для чего же тогда?

— Полноте, вы с ума сошли, сеньор! Я вас не знаю, понятия не имею, кто вы, да и знать не хочу. Я сделал все единственно для себя, из чистейшего эгоизма, для своего удовольствия, наконец. Моя страсть — оказывать услуги;

это мания, если хотите, как и любая другая. У каждого свой конек; это — мой, вот и все тут.

— Какой вы странный человек!

— Да уж каков есть, не извольте гневаться.

— Вы, должно быть, жестоко страдали, если дошли до того, что холодно излагаете подобные мысли, против которых возмущается даже ваше собственное сердце.

— Кто знает! Быть может да, быть может — нет... но теперь речь не о том. Как вы себя чувствуете?

— Лучше, гораздо лучше, я даже думаю, что в состоянии идти.

— Это заблуждение; вы еще слишком слабы, чтобы я согласился на это... Вот и носилки для вас готовы, мы тихонько переложим вас на них и с Богом отправимся в путь.

— О! Могу вас уверить...

— Ничего не хочу слушать, повинуйтесь.

По знаку лесника двое слуг осторожно переложили незнакомца на носилки, потом взялись каждый за один конец и подняли их.

Двинулись в путь.

Собаки уже убежали вперед — вероятно, чтобы дать знать оставшимся в доме о приближении хозяина.

Лесник сказал правду: расстояние до его домика было совсем не велико; они добрались до него менее чем за четверть часа.

Женщины стояли в тревожном ожидании в дверях домика, освещенные факелом, который держала Пакита.

Увидев носилки, донья Мария испустила крик ужаса и бросилась было к ним.

Она подумала, что случилось несчастье с ее мужем.

Нотот, угадав, что происходило в сердце жены, поспешил к ней и крепко обнял ее.

Велика была радость всех членов семейства, когда они опять были вместе после долгих часов мучительного ожидания.

По распоряжению доньи Марии яркий огонь горел в камельке и сухая одежда была приготовлена для пострадавших путников.

Как только слуги внесли в дом носилки, дамы ушли, чтобы дать путникам переодеться.

Незнакомец вскочил на ноги с живостью, которой нельзя было ожидать после полного его изнеможения за несколько минут до этого.

Лесник немедленно приступил к обязанностям сиделки и, даже не сменив своего мокрого платья, поспешил оказать незнакомцу с ловкостью и проворством, удивительными в таком человеке, самые заботливые и нежные попечения.

Раздев его, он велел докрасна растереть ему все тело су-конкой, пропитанной водкой, потом сам надел на него теп-лую и сухую одежду, дал ему укрепляющее средство и усадил в кресло подле пылающего камелька.

— Теперь не трогайтесь с места, пока я не вернусь, — сказал он, — грейтесь; через десять минут вы точно переро-дитесь, предсказываю вам.

— Клянусь, я чувствую себя отлично.

— Вам сейчас будет еще лучше и я надеюсь, что вы отда-дите должное ужину.

— Ужину? — переспросил незнакомец, улыбаясь.

— Что ж, черт возьми! Разве вы думаете, что мы останем-ся без ужина? Мы с вами, кажется, умираем с голоду.

— Право не знаю, мой любезный хозяин.

— В котором часу вы ели в последний раз?

— Часов в восемь утра, но что-то голоден не был и едва отведал завтрак.

— Так и есть, вы потеряли силы от недостатка пищи, — не спорьте, ваша частая зевота ясно изобличает страдание желудка! Вы будете есть, повторяю, и с большой охотой.

— Я буду делать то, мой любезный хозяин, что вам угодно.

— Вот это хорошо! Теперь вы благоразумны. Не теряйте терпения в мое отсутствие, я мигом вернусь.

— Здесь вы хозяин. Прошу вас передать дамам мои изви-нения за беспокойство, которое невольно причинил им, и за хлопоты, которые наделал теперь.

— Вы сами исполните свое поручение, сеньор; вы увидите дам за ужином.

Он сделал знак слугам вынести носилки, взял мокрую одежду незнакомца, чтобы высушить на кухне, и вышел.

Оставшись один, незнакомец осмотрелся вокруг, потом опустил голову на грудь, нахмурил брови и погрузился в глубокую задумчивость.

«Из всей моей свиты, — пробормотал он про себя, — ни один не подумал отыскивать меня! Все они бросили, низко

бросили меня, а ведь этих людей я осыпал почестями, богатством! Кто знает, не хотели ли они избавиться от меня? О! Если б я удостоверился в этом! Увы! Я один, всегда один! Никто не любит меня!.. Без этого человека, которого судьба послала мне на помощь, мое мертвое тело лежало бы теперь разбитое на дне какого-нибудь обрыва этих проклятых гор. О Боже, Боже мой!.. Но какое странное обращение у этого человека! Кто он?.. Он не имеет ни малейшего сходства с надушенными марионетками, которых я знал до сих пор. В нем что-то могущественное, благородное, непостижимое для меня. Я узнаю, что это за человек».

Легкий шум заставил его поднять голову. Перед ним стояла прелестная девушка.

Незнакомец хотел приподняться.

— Не вставайте, кабальеро! — с живостью произнесла она нежным и благозвучным голосом. — Извините, что я потревожила вас.

— Я задумался, сеньора, — ответил он с бледной улыбкой, — все, что происходит со мной уже несколько часов, так необычно!.. Господь спас меня и теперь прислал ко мне одного из своих ангелов; да будет благословенно имя Его!

— Это чересчур лестный отзыв о такой скромной девушке, как я, сеньор, — возразила она, краснея.

— Лестный? О нет, сеньорита! Я говорю то, что думаю; разве не обязан я жизнью вашему отцу?

— Это большая радость для нас; папа такой добрый! Но я просила бы вас не беспокоиться, я только пришла накрыть стол для ужина.

— Я не помешаю вам, сеньорита, прошу только об одной милости.

— О милости, сеньор?

— Назовите мне свое имя.

— Меня зовут Христианой... а вот и моя сестра Лусия, — прибавила она, указывая на молодую девушку, которая входила с целой горой посуды.

— Христиана, Лусия... благодарю, сеньорита, я запомню, — ответил гость с глубоким чувством.

В эту минуту в гостиную вошла Мария Долорес и с участием осведомилась о его состоянии.

Незнакомец воспользовался случаем, чтобы выразить ей свою искреннюю признательность и в тоже время извинить-

ся за хлопоты, невольно причиненные обитателям этого мирного жилища.

Вмиг стол был накрыт, и на нем появились дымящиеся блюда самого аппетитного вида.

— Сядем скорее за стол, любезный гость, — весело сказал лесник, входя в комнату, — мы с вами, кажется, заслужили хороший ужин; а вы что думаете об этом?

— Я думаю, — возразил сулыбкой незнакомец, — что вы — очаровательнейший эгоист, какого я видал, и семейство у вас прелестное.

— Быть может, вы и правы, но не надо давать ужину остыть.

Все сели за стол; лесник прочел молитву, и все с усердием приступили к давно ожидаемой трапезе.

Случайно незнакомец сидел напротив Христианы. Он не мог поднять глаз, чтобы не встретиться взглядом с молодой девушкой.

По-видимому, он совсем оправился; увлеченный примером других, он прогнал мысли, которые печалили его, и выказал себя таким, каков был на самом деле, то есть веселым, остроумным, приятнейшим собеседником с манерами человека высшего круга. С бодростью к нему вернулся и аппетит.

Ужин оживлялся веселыми шутками лесника, который хотя и не показывал, но в душе был очень рад, что спас жизнь такому благородному человеку, каким казался его гость.

Незнакомец встал из-за стола совсем другим человеком, нежели сел за него.

Он не знал, чему приписать такую счастливую перемену, которая изумляла его самого.

Он с изысканной вежливостью простился с дамами, и хозяин проводил его в комнату на нижнем этаже, приготовленную для него.

В камине горел огонь; одежда незнакомца сушилась, разложенная на стульях.

Лесник пожал руку незнакомцу и ушел, пожелав ему доброй ночи.

С этим человеком несчастье вошло в скромный домик, где в течение стольких лет царили мир и спокойствие.

Как несчастье входит в дом

розы в горах редко бывают продолжительны. Разбушевавшаяся стихия за несколько часов истощает свою неистовую ярость, и все вокруг быстро приходит в обычное, так внезапно нарушенное равновесие.

На другое утро светило яркое солнце; в воздухе стояла тишина, небо было голубое, утренний ветерок слегка шелестел ветвями, усыпанными росинками, и распространял острый, но благовонный запах, который издает земля после бури.

На рассвете лесник давно уже был на ногах. Он вышел на порог своего дома и с удовольствием огляделся вокруг, потом направился к конуре, вероятно с намерением дать свободу своим собакам, которые, почуяв приближение хозяина, наперебой приветствовали его громким лаем.

В ту же минуту отворилось окно. Лесник обернулся и увидел незнакомца, который дружески кланялся ему.

— Уже встали? — весело осведомился ньо Сантьяго.

— Как видите, любезный хозяин, — ответил тем же тоном гость. — И как видите, совсем уже одет.

— Уж не плохо ли вы спали, чего доброго?

— Я-то? До утра не просыпался.

— Это хорошо! И как вы себя чувствуете?

— Никогда не бывал бодрее.

— Тем лучше.

— Вы идете куда-нибудь?

— Да, собираюсь... а что?

— Я желал бы поговорить с вами.

— Кто же вам мешает? Хотите, я зайду к вам?

— Нет, лучше я выйду, если вам все равно.

— Как знаете. Я вас жду.

Пока незнакомец затворял окно, лесник отпер конуру и не знал, как отделаться от чересчур горячих ласк собак, которые от радости, что видят его, прыгали ему чуть не на плечи.

— Славные животные, — заметил незнакомец.

— По крайней мере, они искренни; их привязанность вознаграждает меня за лицемерие и людскую злобу, — заметил лесник с насмешливой улыбкой.

— Все те же странные речи!

— Почему же мне так не говорить, если это мои мысли, мой любезный гость?

— Так я повторю вам, что вы, должно быть, много страдали, если дошли до такого состояния духа.

— А я отвечу вам, как вчера: кто знает?.. Но оставим этот разговор, который завел бы нас далеко. Вы желали переговорить со мной?

— Действительно.

— Ничего легче быть не может. Я беру ружье и даю вам другое; в ожидании завтрака мы настреляем рябчиков и на охоте потолкуем, согласны?

— Очень хотел бы, но, к несчастью, это невозможно, — с подавленным вздохом сказал незнакомец.

— Как невозможно? Почему же? Разве вы еще чувствуете утомление? В таком случае я, разумеется, настаивать не стану.

— Нет, — покачав головой, возразил незнакомец, — нет, дело вовсе не в этом.

— В чем же тогда?

— Я должен покинуть вас.

— Уже? Полноте! Вы, должно быть, шутите.

— Нет, любезный хозяин, к несчастью, не шучу. Я уже говорил вам, что принадлежу ко двору; мои обязанности требуют моего немедленного возвращения в Толедо к королю.

— Правда, я и забыл про это, не стану настаивать более, мой любезный гость. Войдем в дом, я велю подать вам чашку горячего молока и кусок хлеба, а там — с Богом, и в путь.

В ту минуту, когда они вошли, Христиана с сестрой, как бы угадав, зачем мужчины вернулись в дом, ставили на стол чашки с горячим молоком, от которых поднимался густой пар.

— Эти прелестные дети — две очаровательные волшебницы, — сказал, улыбаясь, незнакомец.

— Это просто добрые девушки, — резко заметил лесник.

И он прошел в другую комнату.

— Позвольте мне, сеньориты, — обратился тогда незнакомец к молодым девушкам, но более к Христиане, — поблагодарить вас еще раз за все внимание ко мне, пока я имел счастье находиться под вашим кровом; я ухожу.

— Уходите? — вскричала Христиана, но вдруг остановилась, покраснела и в смущении опустила голову.

— Увы! Это необходимо, — ответил он с чувством, — и быть может, навсегда.

— Навсегда! — прошептала молодая девушка почти невольно.

— Но, — продолжал незнакомец, — я сохраню в сердце дорогую память о вашем... — и, тотчас спохватившись, договорил, — о жителях этого дома.

— Аминь! — заключил лесник, который в эту минуту показался в дверях.

Девушки убежали, точно испуганные голубки.

— Теперь пора и в путь, — сказал лесник, когда выпил чашку молока, приготовленную для него, и увидел, что незнакомец также кончил свою порцию.

Ньо Сантьяго взял ружье, и они вышли в сопровождении собак, прыгавших вокруг них.

У калитки сада стоял Педро, держа оседланную лошадь под уздцы.

— Садитесь на лошадь, любезный гость, — весело сказал лесник.

— Как?

— Да ведь вы в шести милях от Толедо! Такой ходок, как вы, пешком не доберется за целые сутки, а верхом вы будете на месте как раз к выходу короля, если его величество — да хранит его Господь! — имеет привычку вставать рано.

— Да, это правда.

— Ну, теперь еще нет и шести. В восемь вы будете в Толедо, не особенно спеша. Полноте, не стесняйтесь со мной, мой любезный гость, и примите мое предложение.

— Принимаю, но с условием.

— Каким?

— Что вы позволите мне самому привести к вам назад вашу лошадь.

— Я не вижу к тому никаких препятствий.

— Так решено, благодарю вас... Но где же донья Мария?

— Торопитесь с отъездом; она спит, вы увидите ее, когда вернетесь.

Они отправились вместе, потому что лесник непременно хотел проводить своего гостя до входа в долину, чтобы указать ему дорогу, и тот принял эту услугу с признательностью.

Если бы незнакомец оглянулся в минуту отъезда, быть может, он увидел бы приподнятую занавеску в окне второго

этажа и очаровательную белокурую головку, немного бледную, но с мечтательной улыбкой на алых губках.

Это Христиана, невидимая и задумчивая, присутствовала при отъезде незнакомца.

Во время пути мужчины разговаривали между собой о посторонних вещах. Когда они достигли того места, где надлежало расстаться, лесник указал незнакомцу направление, которого тот должен был держаться; впрочем, в нем трудно было ошибиться, необходимо было только все время ехать под гору.

— Теперь прощайте, мой любезный гость. Доброго пути!

— Прощайте и еще раз благодарю.

— Полноте!

— Одно слово!

— Что такое?

— Я один из первых сановников при короле.

— Очень рад за вас, если это вам приятно.

— Если бы, несмотря на свое желание, я был вынужден долго оставаться в отсутствии и... ведь неизвестно, что может случиться, не так ли?

— Так, но что же из этого?

— На случай, если бы вам понадобилась моя поддержка в чем бы то ни было, обращайтесь прямо в королевский дворец, назовите себя и спросите дон Фелипе.

— Кто этот дон Фелипе?

— Я, — улыбаясь, ответил незнакомец.

— Гм! Вы, должно быть, очень известны, если достаточно назвать вас по имени при большом дворе, который кишмя кишит звонкими титулами.

— Я действительно очень известен, — ответил незнакомец, слегка покраснев, — вы удостоверитесь в этом сами, если навестите меня. Сегодня же будет отдано приказание, чтобы вас тотчас провели ко мне, в какое бы время вам ни заблагорассудилось приехать. Вы не забудете?

— Как можно? Но маловероятно, чтобы я стал отыскивать вас при дворе; если вы желаете видиться со мной, вернее будет вам приехать сюда.

— И я, в свою очередь, запомню это. До свидания, любезный хозяин.

— До свидания, сеньор дон Фелипе; поручаю вам мою лошадь.

— Будьте спокойны, я поберегу ее.

Они еще раз махнули друг другу рукой на прощание, и дон Фелипе, так как это было имя незнакомца, ускорил шаг.

С минуту лесник следил за ним взглядом, после чего вернулся в долину. Стая куропаток поднялась перед ним, и он весело занялся охотой.

Прошло несколько дней. Ничто, по-видимому, не изменилось в мирной и тихой жизни обитателей лесного домика, однако теперь уже было не то, что прежде: донья Мария имела вид озабоченный, Христиана задумчивый, Лусия больше не смеялась, что же касается нью Сантьяго, то он напрасно ломал себе голову, отыскивая причину всему этому, и страшно сердился, что не находит ее.

По прошествии десяти дней однажды за завтраком лесник вдруг спросил Педро, который стоял за его стулом:

— Давно ты имел известие о сыновьях?

— Довольно давно, сеньор.

— Где они?

— Старший, Мигель, пошел в моряки, как я вам докладывал, сеньор; он отправился из Байоны по морям-океанам.

— А другой?

— Перико?

— Ну да.

— Он на родине, как вам известно, сеньор, у наших родителей.

— Видно, не хочет быть моряком?

— О! Это истый горец! Я ждал от него письма и удивляюсь, что до сих пор не получил.

— Постой, завтра я поеду в Толедо и справлюсь; можешь быть спокоен.

— Благодарю, сеньор.

— Кстати, мне хочется узнать, что случилось с моей лошадью — кажется, этот дон Фелипе не церемонится со мной.

— Разве с друзьями церемонятся? — раздался тихий голос в дверях.

Все с изумлением обернулись. Женщины едва удержались, чтобы не вскрикнуть от испуга.

Дон Фелипе стоял на пороге, спокойный, улыбающийся, со шляпой в руке.

Он низко поклонился.

— Привет и доброго здоровья всем! — сказал он.

— Ей-Богу! Вы не могли явиться более кстати, дон Фелипе! — вскричал лесник. — Я как раз поминал вас.

— Слышал, — с улыбкой ответил тот.

— Мы только что сели за стол; милости просим позавтракать с нами. Педро, прибор.

— С удовольствием принимаю приглашение.

И гость сел между двумя девушками, которые, как бы по безмолвному соглашению, раздвинули свои стулья, чтобы дать ему место.

— Я привел назад вашу лошадь, любезный хозяин, — сказал дон Фелипе, как только сел, — не беспокойтесь о ней; я попросил бы моего друга Педро отвести ее на конюшню вместе с моей.

— А где же лошади, сеньор? — спросил ньо Сантьяго.

— Мой слуга держит их у калитки сада.

— Педро, — приказал лесник, — позаботься о слуге этого сеньора.

Педро поклонился и немедленно вышел.

Веселость и оживление, так давно исчезнувшие из дома, точно вернулись вместе с гостем.

Губы улыбались, глаза блистали, разговор был оживлен. Дон Фелипе очаровывал остроумием и веселостью. Он говорил про Толедо, про двор и вельмож, окружавших короля, как человек посвященный во все тайны придворного быта; он ловко передавал забавные анекдоты; словом, добродушно-свободным обращением, которое никогда не переступало границ приличия и хорошего вкуса, и слегка насмешливым, но всегда утонченным умом приводил в восторг своих слушателей, которые все время находились под обаянием его живой, меткой и увлекательной речи.

Часы летели, словно минуты.

Но в конце концов пришла пора расставаться, хотя дону Фелипе, по-видимому, так нравилось это милое семейство, что он всячески отдалял минуту отъезда.

В три часа, однако, ему необходимо было уехать; его звание обязывало его прибыть ко двору не позднее шести часов.

Итак, он отправился в путь, дав слово опять приехать, и хозяева усердно просили его не забывать своего обещания.

Дон Фелипе вернулся опять. Сперва он приезжал раз в неделю, потом по два раза и, наконец, ежедневно.

С каждым разом его посещения становились продолжительнее; казалось, ему стоило большого труда отрываться даже на несколько часов от своих новых друзей.

Они же, со своей стороны, питали к нему искреннюю и глубокую привязанность.

Надо отдать дону Фелипе справедливость, что он делал все на свете, дабы угодить всем и каждому.

Он охотился с лесником, беседовал о духовных предметах с доньей Марией, которая была чрезвычайно набожна, смеялся, пел, играл и бегал с молодыми девушками, был щедр и обходителен со слугами и даже искал дружбы собак, кормя их пряниками.

Чего же больше?

Однажды дон Фелипе объявил, что не появится целых три дня по непредвиденному случаю. Его величество король Филипп IV должен был принять посланника французского короля, прибывшего в Толедо накануне. Хотя двор изначально переехал в город всего на несколько дней, он словно окончательно основал тут свое пребывание; по крайней мере, уже целых пять месяцев король испанский жил в Алькасаре — дворце мавританских владык.

Не знали, чему приписать это внезапное расположение короля к Толедо, но жители провинции, равно как и города, оставались очень довольны продолжительным пребыванием двора, так как оно оживляло торговлю и вдобавок ко всему принесло ту выгоду, что Толедские горы избавились от разбойников, до тех пор процветавших там в полной безнаказанности, нанося большой ущерб мирным городским и окрестным жителям.

На другой же день после охоты, о которой мы упоминали, несколько отрядов войска обложили гору, а другие в то же время изъездили весь лес вдоль и поперек. Разбойники были захвачены все до одного и вздернуты на виселицу без дальних околичностей.

Итак, дон Фелипе уехал, объявив, к огорчению всего семейства лесника, что визит французского посланника задержит его на целых три дня, но на четвертый день он прискачет во весь дух к своим добрым друзьям.

Прошло двое суток. Утром на третий день отец Санчес, достойный наставник молодых девушек и преданный друг семейства, сходил со своего мула у садовой калитки. Все кинулись к нему навстречу, однако добрый пастырь казался печален и озабочен.

В то время это был человек лет тридцати пяти, со строгим лицом и величавой речью, преждевременно состарившийся

от перенесенных мук и страданий — как душевных, так и телесных.

Посещение священника в этот день вовсе не входило в его привычки — уже с год он не проводил занятий с молоденькими девушками, образование которых было закончено; раза два-три в месяц, никак не более, он приезжал, чтобы провести несколько часов в семействе лесника, а между тем не прошло и пяти дней со времени последнего посещения достойного пастыря. Дамы очень обрадовались ему, однако не знали, чему приписать посещение отца Санчеса, образ жизни которого был по преимуществу точный и определенный.

Пожимая руку хозяина, священник шепнул ему:

— Найдите предлог, чтобы нам остаться наедине, мне нужно переговорить с вами о важном деле.

— Знаете что, отец Санчес, — громко ответил ему ньо Сантьяго, — ведь еще рано, чтобы запираяться с дамами, не лучше ли вам пройтись со мной по долине? Дичи теперь бездна; быть может, мы и подстрелим кое-что к обеду.

— Вы — пожалуй, любезный сеньор, только не я! Ведь я никогда не охочусь, как вам известно, — возразил пастырь с кроткой улыбкой, — однако, если вы желаете, я охотно пойду с вами; мне будет полезно размяться после долгой дороги верхом.

— Идите, сеньор падре, — сказала донья Мария, — но не задерживайтесь надолго! В особенности не давайте мужу завлечь вас далеко; помните, что мы ждем вас с нетерпением.

— Мы вернемся не позднее чем через час, не так ли, ньо Сантьяго?

— Когда вам будет угодно, сеньор падре.

— Вот это умно сказано, — похвалила донья Мария, — желаю удовольствия, господа.

Мужчины ушли. Пока их можно было видеть из дома, они говорили исключительно о посторонних предметах, но после нескольких поворотов они достигли густого леса, под сенью которых, внимательно наблюдая, что происходит вокруг, могли беседовать, не боясь, чтобы их подслушали или застигли врасплох.

Лесник растянулся на траве и знаком предложил священнику располагаться возле него; собакам он велел сторожить.

— Ну, отец Санчес, теперь я готов слушать, — сказал он, — что вы хотите мне сообщить, мой добрый старый друг?

— Я только хочу рассказать вам одну историю, — ответил священник своим приятным голосом.

— Историю?

— Да, друг мой, — с тонкой улыбкой подтвердил отец Санчес, — разумеется, вы вольны извлечь из нее заключение, какое найдете нужным.

— Ага! Очень хорошо понимаю, сеньор падре! Говорите же, я вас слушаю.

— Итак, друг мой, — начал пастырь, — жил-был некогда великий испанский король по имени Филипп, не помню — первый ли, второй, третий или четвертый по порядку престолонаследия.

— Не суть важно, сеньор падре, продолжайте. Итак, вы говорите?..

— Я говорю, что король этот Филипп — который именно, ровно ничего не значит в этом деле — был охотник путешествовать, и разъезжал он, если верить хронике...

— Не «Современной хронике» Тюриена¹, надеюсь?

— Я боюсь, что именно ей; итак, разъезжал король единственно для того, чтобы избавиться от докучливости своего первого министра, которого он ненавидел, однако последний был настолько всемогущ, что иначе его величество не мог спастись от него. Вышеупомянутый король прибыл однажды в добрый свой город Кордову.

— Или Толедо, — посмеиваясь, подсказал лесник.

— Что вы хотите сказать, друг мой? — вскричал священник, слегка вздрогнув.

— Ровно ничего! Продолжайте, пожалуйста, эта история в высшей степени заинтересовала меня.

— Слушайте же. Итак, по прибытии в Кордову... или Толедо, как вам будет угодно...

— Я предпочитаю Толедо.

— Скажем, в Толедо... Поблизости от города есть горы, богатые дичью. Тотчас устроили охоту для двора. К несчастью, король так увлекся новым для него наслаждением почти неограниченной свободы, что потерял охоту из вида.

— Бедный король!

---

¹ Ришар Тюриен — французский историк XVI в. — *Примеч. автора.*

— Разумеется, бедный король, потому что проплутал долго и никак не мог отыскать своей свиты. Совсем стемнело, разразилась страшная гроза, и, как бы в довершение всех бед, обрушившихся на несчастного венценосца, его жестокое положение усложнилось...

— Нападением шести разбойников, которые внезапно как из-под земли выросли перед ним, — перебил лесник. — Они разом напали на него, убили его лошадь, и не подоспел к нему вовремя на помощь другой запоздавший охотник, король Филипп без сомнения был бы убит! Теперь рассказывайте, пожалуйста, дальше.

— Разве вы знаете эту историю?

— В основных чертах, как видите, но о подробностях я не имею понятия, а, собственно, они-то и должны быть интересны. Итак, продолжайте.

— Что ж мне говорить вам, друг мой? Охотник избавил короля от разбойников и спас его с риском для собственной жизни от ужасного урагана в горах; словом, преданность его королю, которого он не знал, была безусловна, великодушна, самоотверженна и без всякой затаенной мысли. Он привел короля в свой дом и оказал ему сердечное радушие. Король увидел его дочерей — у охотника были две очаровательные дочери, души чистой и простой, прямой и невинной.

— Довольно, довольно! — вдруг воскликнул лесник, лицо которого помертвело. — Которую полюбил он?

— Христиану!

— Любимую мою! — пробормотал лесник. — Но она не любит его! — вскричал он с внезапным порывом.

— Любит! — спокойно ответил пастырь.

— О, низость людская! — воскликнул с отчаянием лесник. — Человек, которому я спас жизнь, король, которого я видел еле дышащим у своих ног, которого спас, рискуя погибнуть сам, — вот какую награду готовил он мне! О, это ужасно! Все они одинаковы, эти тираны, для которых нет иного закона, кроме их чудовищных прихотей!

— Успокойтесь, любезный друг, ради Бога!

— Мне успокоиться?! — вскричал ньо Сантьяго вне себя. — А вы-то сами, служитель Бога, по какому праву приходите вы рассказывать мне эту страшную историю? Разве она теперь известна всем? Разве честь моего имени отдана на всеобщее посмеяние?

— Я рассказал вам ее, сеньор, — холодно возразил священник, — потому что все может быть исправлено, а дочь ваша — еще чистый, невинный, святой ребенок! Вы можете бежать и таким образом оградить ее от преследований короля.

— Бежать? Мне?! — вскричал лесник в порыве гнева. — Видно, вы не знаете меня, сеньор падре, я рожден для борьбы! Клянусь Богом! Я, напротив, неуклонно стану грудью против бури.

— Берегитесь, мой друг, проиграете!

— Сеньор падре, — сказал ньо Сантьяго с леденящим холодом, — вы искренне мне преданы, раз не побоялись поставить вашу жизнь на кон, рассказав мне эту чудовищную историю. От всей души благодарю вас, потому что вы не колеблясь указали мне бездну. Мало людей на вашем месте были бы способны на такой подвиг дружбы... Вашу руку! Я люблю вас — о! — люблю глубоко, вы доказали, что вы мне истинный друг. Выслушайте же меня. Завтра рано утром сюда прискачет этот гнусный король, этот венценосный соблазнитель, который подлой изменой платит мне за мою великодушную самоотверженность. Дайте мне честное слово быть здесь завтра ровно в полдень. Обещаете?

— Что вы намерены делать?

— Это мое дело... Но успокойтесь — месть моя, если я буду мстить, будет благородная и достойная!

— Обещаю, но с условием.

— Нет, друг мой, без всякого условия.

— Пусть будет так, если это необходимо, я полагаюсь на вашу честь.

— Благодарю!.. Теперь ни слова более. Вернемся, нас ждут. Смотрите только, не выдайте как-нибудь того, что произошло между нами. Глаза любви зорки!

— Будьте спокойны, друг мой. Для большей верности я уеду тотчас после завтрака.

— Вы хорошо сделаете, это правда, но завтра не забудьте...

— Ровно в полдень я буду здесь; я дал честное слово!

Они встали, вышли из лесу и не торопясь вернулись к домику. Дорогой лесник настрелял рябчиков.

Итак, он ходил на охоту, ровно ничего более.

*Где доказывается, что ни богатство, ни
величие не составляют счастья*

а другое утро, часам к десяти, дон Фелипе, не подозревая, какой прием готовит ему лесник, подъезжал к его домику с сияющим лицом. Лошадь, вся в пене, доказывала, с какой быстротой он мчался.

Он остановил ее у садовой калитки, соскочил наземь, бросил поводья слуге, который был с ним, взял под мышку из его рук большой красный сафьяновый портфель, который запирался на ключ, и большими шагами направился к домику, где на пороге неподвижно стоял лесник.

— Вот и я, любезный друг! — сказал он, протягивая руку леснику.

— Я ждал вас, дон Фелипе, — ответил тот, сделав шаг назад и не взяв протянутой ему руки.

Дон Фелипе этого движения не заметил или не придавал ему значения.

— Все у вас здоровы? — продолжал он. — Мне кажется, будто я целый век не был здесь.

— Все здоровы, сеньор.

— Слава Богу! Я не мог дожидаться минуты, когда мы увидимся.

— И я также, сеньор, — ответил лесник глухим голосом.

Теперь холодный прием невольно бросился дону Фелипе в глаза.

— Что с вами, друг мой? — спросил он с участием. — Вы мне кажетесь печальным, озабоченным; уж не приключилось ли у вас какого горя?

— Действительно, горе есть, сеньор, почему и прошу извинить меня. Я желал бы переговорить с вами, дон Фелипе, о важном деле; удостойте меня несколькими минутами разговора с глазу на глаз.

— С величайшим удовольствием, — весело ответил дон Фелипе, похлопывая по портфелю, который держал, — и мне надо переговорить с вами о важном деле.

— Важном для меня?

— Для кого же еще?

— Я не понимаю, какое это дело.

— Быть может, — лукаво заметил дон Фелипе, — мое дело и ваше — в сущности, одно и то же.

— Сомневаюсь, — пробормотал лесник, нахмутив брови.

— Мы будем беседовать здесь?

— Нет, это общая комната, здесь все проходят; лучше пойдемте ко мне.

— Как хотите, любезный друг.

Лесник прошел вперед и поднялся по лестнице, между тем как дон Фелипе следовал за ним.

К своему изумлению, гость заметил, что дамы не показывались, тогда как прежде этого не случалось никогда.

Лесник был как будто совершенно один в своем домике.

Наверху он отворил дверь, посторонился, чтобы пропустить дону Фелипе, и вошел вслед за ним, тщательно затворив за собой дверь, потом быстро надел на голову шляпу, которую все время держал в руках, выпрямился и надменно сказал гостю:

— Мы теперь наедине и можем объясниться.

— По-видимому, кузен, — улыбаясь, ответил дон Фелипе, — вам угодно наконец вспомнить, что вы — испанский гранд первого ранга и имеете право стоять перед королем в шляпе. Я очень рад этому за вас и за себя.

— Что это значит? — вскричал лесник, оторопев.

— Это значит, что я — Филипп Четвертый, король Испании и Индии, а вы — дон Луисде Торменар, граф Тулузский и герцог Бискайский. Разве я ошибаюсь, кузен?

— Ваше величество! — пробормотал дон Луис в страшном волнении.

— Выслушайте же меня, — с живостью продолжал король, ласково улыбаясь, — вы спасли меня, рискуя собственной жизнью. Я хотел узнать, кто вы; однако, упорно оставаясь неприступным, вы отказывались от всех моих даров, отклоняли все мои предложения. Такое упрямство подзадоривало меня; во что бы то ни стало хотел я знать о вас — и узнал! Герцог, мой покойный отец, король Филипп Третий, обманутый ложными наветами и легко поверив клевете ваших врагов, был жесток, неумолим к вам, я даже прибавил бы — несправедлив, если бы не говорил про отца, теперь уже находящегося на небе, в царстве Отца Небесного. Следовало исправить вопиющую несправедливость — я исполнил это. Ваше дело было пересмотрено в верховном суде, приговор

над вами отменен, честь ваша восстановлена в былом блеске. Теперь, кузен, вы действительно дон Луис де Торменар, граф Тулузский, маркиз Сан-Себастьянский, герцог Бискайский; состояние ваше возвращено вам, позор снят с вашего имени, враги ваши наказаны!.. Довольны ли вы?

И он протянул ему руку.

Совсем растерявшись под влиянием тысячи разнородных чувств, нахлынувших на него, дон Луис преклонил колено и хотел поцеловать руку, которая так великодушно возвращала ему все, чего он был лишен, но король не допустил этого, он удержал его, привлек к себе и заключил в объятия.

— О, ваше величество! — вскричал герцог, и рыдание вырывалось из его груди. — Зачем надо...

— Пойдите, кузен, — мягко прервал его король, — ведь я еще не закончил.

— Боже мой! С какой целью все это было сделано? — пробормотал герцог глухим голосом.

— Увидите.

— Я слушаю, ваше величество.

— Я буду говорить откровенно; принятый как друг, почти как сын в вашей благородной семье, я не мог не полюбить Христианы.

— А! — вскричал дон Луис, бледнея.

— Да, герцог, теперь говорит не король, но друг! Я люблю Христиану, как никого еще не любил; ее безыскусное чистосердечие, ее девственная чистота — все пленило меня в ней. Тогда...

— Тогда, ваше величество, — с горечью сказал герцог, — вы, друг ее отца, спасшего вам жизнь, решили отплатить за эту услугу.

— Тем, что прошу у герцога Бискайского, моего друга, руки его дочери, — с благородством сказал король, — неужели он откажет мне и спас мне жизнь только для того, чтобы осудить на вечное страдание? Теперь отвечайте мне, герцог, или, вернее, друг мой; я сказал все, что хотел сообщить вам.

— Но я, ваше величество, должен сообщить вам, что недостойн вашей доброты, что сомневался в вас, в вашем сердце, наконец, в величии вашей души; что еще вчера, когда мне открыли, кто вы, я думал, что вы намерены внести позор в мой дом.

— Молчите, дон Луис!

— Нет, ваше величество, не буду молчать! Вы должны узнать все: ненависть, которую я питал в сердце к вашему отцу, мгновенно пробудилась во мнесильнее, ужаснее прежнего, и — да простит мне Господь! — в моей голове мелькнула мысль смыть вашей кровью неизгладимое оскорбление, которое вы, как мне казалось, хотели нанести.

— Вы имели бы на это право, дон Луис; я был бы подлец и изменник, если бы действительно замышлял то, что предполагали вы. Однако, герцог, вы не ответили еще на мою просьбу.

— О! Ваше величество, такая честь... — пробормотал дон Луис, изнемогая от прилива разнородных чувств, которыми было переполнено его сердце.

— Полно, кузен, — ласково остановил его король, — разве впервые вашему роду вступать в союз с королевским домом? Поверьте мне, герцог, вашему счастью будут завидовать, но злобной зависти оно не возбudit, так как брак этот в глазах всех будет явным восстановлением вашего доброго имени и доказательством большого уважения к вам вашего короля и друга.

— Благодарю, ваше величество, вы велики и возвышенны душой.

— Нет, я благодарен, — возразил король, улыбаясь, — я справедлив, а в особенности — влюблен. Теперь же, когда между нами нет более недоразумения, поговорим о наших делах, чтобы и впредь не могло вкрасться ничего темного между нами.

— Я почтительно слушаю ваше величество.

— Садитесь возле меня.

— Ваше величество!

— Я так хочу.

Граф склонил голову и взял стул.

Положив портфель на стол, король отпер его золотым ключиком тонкой работы и достал из него несколько пергаментов с печатями разных величин и цветов.

— Вот, — сказал король, — все бумаги, относящиеся к делам, о которых мы говорили; ваши грамоты на владение — словом, все, что было вашим и что я возвратил вам. А вот, сверх того, ваше назначение губернатором Бискайи... Последний же этот акт есть составленный мной брачный дого-

вор; из него вы увидите, что я закрепляю за Христианой сумму в миллион пиастров и вдовью пенсию в двести тысяч в год.

— О, это слишком много, ваше величество!

— Я не согласен, кузен, напротив, я нахожу, что этого недостаточно... Но довольно обо всем этом! Вот ключ и портфель, кузен; уберите эти документы и поговорим о другом.

— Ваше величество...

— Завтра, если возможно, вам бы следовало расстаться с этой долиной, где вы наслаждались таким счастьем, и уехать с семейством в Мадрид. Ваш так давно запертый дворец на улице Алькала готов к вашему приему.

— Я исполню приказание вашего величества и завтра же выеду.

— Очень хорошо! Я, со своей стороны, отправлюсь сегодня вечером из Толедо, так что мы прибудем в Мадрид почти одновременно. Однако мне пора приступить к самой щекотливой части моего сообщения. Для избежания всякого недоразумения, чтобы вы вполне поняли меня, любезный кузен, я по-прежнему буду говорить с вами совершенно откровенно.

Герцог почтительно склонил голову.

— Не знаю, известно вам или нет, любезный дон Луис, — продолжал король с напускной веселостью, — что я слышу — если не на самом деле являюсь таковым — за короля очень слабого и добродушного, который позволяет министрам управлять собой и делает почти все, чего они хотят.

— О, ваше величество!

— Это верно. Наскутила ли мне борьба с душами более упорными, или утомила она меня, но много справедливого в этих слухах. Я сознаюсь в этом, но средства помочь беде не вижу. Теперь это положение вещей изменить нельзя. Герцог Оливарес, мой первый министр, управляет королевством почти по своему усмотрению. Я не препятствую ему ни в чем, а так как это, в сущности, глубокий политик, опытный в делах, то я по большей части в выигрыше. Из всего изложенного следует, что, не желая открыто вступать в борьбу, когда мне приходит охота быть независимым, я обхожу затруднение окольным путем и потом вынуждаю упрямого министра смиряться перед свершившимся фактом. Понимаете, герцог?

— Вполне понимаю, ваше величество.

— Так я приступлю к дальнейшему: мой брак с доньей Христианой — один из моих приступов независимости, о которых я только что упоминал.

— То есть, ваше величество желает обойти затруднение?

— Именно, и вот средство, которое я придумал; оно очень простое и непременно будет иметь успех.

— Я слушаю, ваше величество.

— Я сочетаюсь с доньей Христианой тайным браком.

— Тайным браком?

— Как только у меня родится сын, брак будет обнародован и мой сын объявлен наследником престола. Как и всегда, герцог Оливарес побесится, так как у него на уме другой брак, если не ошибаюсь, но должен будет покориться; только нам надо спешить, чтобы искусные шпионы не успели предупредить его.

— Но тайный брак, ваше величество!..

— Все знаю, но другого выхода нет. К тому же, это вопрос года, не больше. Кроме того, хотя и не признанная официально, донья Христиана будет пользоваться своим званием при дворе.

— Если дело должно произойти таким образом, я предпочел бы, чтобы дочь моя оставалась у меня в доме; на нее меньше будут обращены взгляды.

— Вы правы, кузен, так будет лучше. Теперь же я подкреплю обещание своим королевским словом. Согласны вы принять это ручательство?

— Приходится, делать нечего.

— Но вы не скрываете от меня неприятных мыслей?

— Нет, ваше величество, я так же прямодушен, как и вы сами.

— Значит, все идет отлично. Не говорите ничего дамам о нашем разговоре, пока мы не увидимся опять в Мадриде, — я желаю преподнести сюрприз моей пленительной донье Христиане.

— Все будет исполнено по желанию вашего величества... но разрешите ли вы мне обратиться к вам с просьбой?

— Просите о чем хотите, кузен, все даровано вам заранее, — милостиво сказал король. — О чем речь?

— О бедном священнике деревенской церкви, которая стоит на склоне горы. Он был наставником моих дочерей,

ваше величество, и ныне проповедует слово Божие. Он чрезвычайно предан моему семейству; мне не хотелось бы расставаться с ним.

Не говоря ни слова, король придвинул к себе лист бумаги, написал несколько строк, подписался и перстнем, который носил на шее на золотой цепочке, приложил печать, после чего сложил лист вчетверо и подал его дону Луису.

— Не читайте, кузен, — сказал король с улыбкой, — и сами отдайте ему это.

— Он сейчас придет.

— Так подождите, пока я уеду, и только тогда передайте ему бумагу... Теперь все? Вам не о чем больше просить меня?

— Только могу благодарить ваше величество за все милости, которыми я осыпан.

— А вы разве ничего не делаете для меня, дон Луис? Ни слова больше об этом; сойдем теперь к дамам.

— Я к услугам вашего величества.

— Не забудьте, кузен, что сегодня я еще сохраняю свое инкогнито, что я — дон Фелипе и более никем быть не хочу.

— Я исполню ваше приказание.

Дамы с нетерпением и беспокойством ожидали конца этого продолжительного разговора, причина которого им была неизвестна. Они очень обрадовались при появлении мужчин, которые с веселыми лицами дружески разговаривали между собой.

В то же самое время у садовой калитки показался отец Санчес. Он сильно тревожился и потому с невыразимым радостным облегчением и благодарностью к Богу услышал уверение дон Луиса, который поспешил к нему навстречу, что все окончилось счастливейшим и вместе с тем самым необычайным образом; дон Луис прибавил второпях, что расскажет все позднее и что отец Санчес так же, наверное, как и он, будет в восторге от непредвиденной развязки дела, грозившего самыми ужасными последствиями.

— Особенно, — заключил он, — не показывайте вида, что узнали короля; сегодня он еще хочет сохранить строжайшее инкогнито.

— Я во всем буду соображаться с волей его величества, любезный дон Луис, вы будете довольны мной, — ответил священник с кроткой и тонкой улыбкой.

День прошел в тихих и приятных беседах.

По своему обыкновению, король простился около трех часов. Дон Луис и отец Санчес провожали его до конца долины.

— До скорого свидания! — сказал король, махнув им рукой в последний раз.

Он ускакал.

Священник и дон Луис вернулись к дому медленным шагом; последний рассказал со всеми подробностями о том, что произошло между ним и королем. Свой рассказ он заключил тем, что, не желая расстаться с ним, просил у его величества разрешения увести священника с собой в Мадрид.

— Вот, падре, — прибавил он, подавая ему бумагу с королевской подписью, — что мне поручено передать вам.

Священник развернул бумагу и вскрикнул от изумления: он назначался настоятелем Иеронимитского монастыря в Мадриде.

На другое утро долина, в которой так долго благоденствовало семейство де Торменаров, опустела; домик их стоял брошенный навсегда.

Все совершилось так, как решил король.

Бракосочетание Филиппа IV и доньи Христианы произошло в Эскуриале¹ в присутствии некоторых придворных и самого герцога Оливареса, хотя брак был объявлен тайным.

Всемогущий министр искусно скрыл свое неудовольствие по поводу брака, состоявшегося против его воли — по крайней мере, он, как и всегда, внешне казался склонившимся пред свершившимся фактом.

Так продолжалось довольно долго; министр и, по его примеру, все придворные оказывали всевозможные почести той, которая с минуты на минуту могла быть открыто признана королевой.

Дон Луис де Торменар пользовался, по крайней мере с виду, величайшим весом при дворе, постоянно живя в Мадриде, в своем собственном дворце, лишь по временам и на короткий срок навещая Бискайю, губернатором которой он был.

Прошло два года, наконец донья Христиана в декабре 1641 года родила сына.

---

¹ Эскуриал (Эскориал) — город близ Мадрида с одноименным дворцом-монастырем, резиденцией испанских королей.

Долгожданное рождение ребенка привело короля в восторг. По получении уведомления он примчался в мадридский дворец герцога, где все еще жила донья Христиана, и непременно сам хотел положить в колыбель желанного сына орден Золотого Руна первой степени, великими магистрами которого были испанские короли в качестве прямых наследников герцогов Бургундских.

Новорожденного окрестили под именами Гастона-Филиппа Карла Лорана, и отец тут же пожаловал ему титул графа де Транстамара и назначил альмиранте кастильским.

Затем король, верный слову, которое дал герцогу Бискайскому, принял меры, чтобы публично огласить свой брак и признать донью Христиану королевой.

Дело вели с необычайной быстротой; торжественный обряд в Уэльвском монастыре должен был совершиться, как только поправится будущая королева.

Роды доньи Христианы были очень тяжелые, она медленно приходила в силы, однако доктора не выказывали ни малейшего беспокойства; напротив, они утверждали, что молодая женщина скоро будет в состоянии встать, когда вдруг, против всякого ожидания, с доньей Христианой после продолжительного посещения герцога Оливареса случился первый припадок и через полчаса она скончалась в страшных страданиях на руках обезумевшего от отчаяния короля.

Смерть эта вызвала большие толки при дворе.

Враги министра — а их было немало — громко говорили об убийстве, то есть отравлении, но слухов этих ничто не подтверждало, и мало-помалу они затихли сами собой.

Безутешный король с торжественным великолепием схоронил единственную женщину, которую горячо любил и которая была вполне достойна его любви по ангельской кротости своей и высокому уму. Он заперся в своем дворце и долго никого не хотел принимать, кроме самых близких к нему лиц.

Беды к горю, как реки к морю — эта народная поговорка сбылась роковым образом и теперь.

Донья Мария Долорес с младшей дочерью, доньей Луцией, уехали в Бискайю тотчас после смерти доньи Христианы и предавались снедающему их горю в замке Торменар,

---

¹ Альмиранте — адмирал.

мрачном здании среди гор, находящемся в каких-нибудь двух-трех милях от французской границы.

Однажды ночью замок был захвачен врасплох и сожжен мародерами, как говорили, принадлежащими к французской армии. Слабый гарнизон, защищавший Торменар, был весь перебит, местечко и замок преданы огню и мечу.

На следующее утро от них остались одни дымящиеся развалины; пожар залили кровью; мародеры исчезли с громадными богатствами и увели с собой донью Марию и ее дочь, донью Лусию.

Этот новый, еще более ужасный удар, поразивший дону Луису едва не лишил его рассудка.

Силою воли, однако, он поборол свое отчаяние. Во что бы то ни стало решил он отыскать жену и дочь, но лишь напрасно расточал золото и обещания, — все поиски остались тщетными, все усилия не привели ни к какому результату. Никогда убитый горем муж и сокрушенный духом отец не смог узнать что-либо о судьбе двух дорогих ему существ; она осталась навсегда покрыта непроницаемой тайной.

Изъездив Европу в течение нескольких лет по всем направлениям в поисках двух ангелов, которых лишился таким печальным образом, герцог сдал все занимаемые им должности герцогу Оливаресу, бывшему в то время могущественнее и счастливее, чем когда-либо, и удалился во вновь отстроенный по его приказанию на прежнем месте замок Торменар, чтобы там доживать век вдали от света, причинившего ему столько страданий.

Один преданный друг остался верен герцогу в его несчастье, это был отец Санчес, который все оставил, чтобы разделять его уединение и не утешать его — есть такого рода скорбь, которая всегда останется незаживающей раной в сердце, — но помогать твердо сносить удары, постигшие его, и поддерживать на скорбном пути жизни.

Гастон-Филипп, на которого король, отец его, по-видимому, перенес всю любовь, которую питал к его матери, получил блестящее образование.

В то время, о котором мы теперь ведем речь, это был прекрасный и гордый молодой человек лет семнадцати, одаренный пленительной красотой матери, но с выражением более мужественным и, в особенности, более твердым.

По неперемennomу требованию короля, который словно боялся с ним расстаться, юноша не оставлял двора и жил в

мадридском дворце деда. Он носил титул графа де Транстамара и, как было сказано выше, со дня рождения своего был назначен кастильским альмиранте.

Хотя Гастон лишь изредка видел своего деда, герцога Бискайского, он, однако, питал к нему искреннюю и глубокую привязанность и был счастлив, когда удавалось выпросить у короля дозволение провести несколько дней в Торменаре.

И в замке это были дни радости! При виде внука дон Луис словно оживал, и радостное чувство наполняло его сердце. С неисчерпаемым наслаждением слушал герцог рассказы молодого человека о его жизни в Мадриде, о событиях при дворе, свидетелем которых он был.

Однако тайное беспокойство терзало старого герцога.

Хотя, казалось, король и горячо любил Гастона-Филиппа, окружал его заботливым вниманием и осыпал милостями, однако не признал еще законности своего брака с доньей Христианой, несмотря на торжественное обещание, и не упрочил положения своего сына, которого после объявления брака должен был признать наследником престола.

Это равнодушие короля, эта непостижимая беспечность огорчали старика, и не из честолюбия — давно уже всякое честолюбие умерло в его сердце, — но он находил справедливым этот поступок по отношению к сыну той женщины, которую король так любил, и считал, что король оскорбляет ее память, изменяя священной клятве.

И это было еще не все: король не оставался верен памяти бедной Христианы; несмотря на первые приступы безутешного горя, он мало-помалу втянулся в свой обычный образ жизни, одна за другой несколько наложниц метеорами сверкали при дворе. Одна из них имела сына, и под именем дона Хуана Австрийского сын этот открыто воспитывался при короле, пользуясь его любовью и милостями наравне с Гастоном-Филиппом, который, хотя и непризнанный, все же был законным сыном и прямым наследником престола.

Кроме того, чья-то скрытая, но неумолимая и никогда не дремлющая ненависть с самого рождения молодого человека с ожесточением преследовала его. Или это была несчастная судьба?

Напрасно старый герцог старался выяснить что-нибудь на этот счет, удивительное стечение обстоятельств, случайных или вызванных упорной ненавистью, приводило старика в

сильное недоумение и внушало ему величайшие опасения за жизнь внука.

Несколько раз Гастон чуть было не сделался жертвой самых странных случайностей, даже жизнь его была в опасности.

Эти случайности были так искусно подстроены, что Гастон, со свойственной его возрасту беспечностью и к тому же одаренный неодолимой храбростью, со смехом рассказывал деду, который грустно покачивал головой, слушая его, как лошадь под ним внезапно взбесилась и он чуть было не разбился насмерть в скалах; или как в другой раз, когда он фехтовал с графом Медина-Сидонией, молодым человеком одних с ним лет и большим его приятелем, с рапиры графа каким-то непостижимым образом вдруг слетел шарик и жизнь Гастона была на волоске, так как рапира чуть не проткнула его насквозь.

Еще раз, на охоте, пули засвистели вокруг него, а узнать, кто же был виновником такой удивительной неловкости, оказалось невозможно.

Все эти факты действительно наводили ужас и сильно беспокоили старого герцога.

Так обстояло дело, когда однажды утром в мае 1750 года Гастон неожиданно прискакал в Торменар, где не был с год.

Герцог Бискайский, предупрежденный слугой, поспешил навстречу молодому человеку, который, увидев деда, соскочил с лошади и бросился в его объятия, осыпая его дорогими для старческого сердца ласками.

После этого молодой человек подал руку герцогу, и они вместе вошли в замок.

ГЛАВА V

Клятва

Молодой человек был бледен, брови его нахмурены, он казался чем-то сильно удручен и взволнован. Герцог усадил внука на подушку у своих ног, взял его за руки и две-три минуты внимательно вглядывался в его лицо.

— Бедное дитя! — сказал он, целуя его в лоб. — Ведь ты очень страдаешь?

— Очень, дедушка, — ответил Гастон с глазами, полными слез.

— Хочешь разделить со мной свое горе, дитя?

- Для этого только я и прискакал сюда, дедушка.
- Как! Ты все эти двести миль...
- Летел сломя голову, чтобы все рассказать вам.
- А... король что?
- Король! — вскричал он с горечью. — Король — могущественный властелин, дедушка!
- Надолго ты ко мне теперь?
- Вы сами решите это.
- Если так, то я не скоро выпущу тебя из Торменара.
- Кто знает? — пробормотал Гастон задумчиво.
- Правда, король, твой отец...
- У меня нет больше отца, кроме вас, герцог.
- Боже! Разве король скончался?
- Успокойтесь, здоровье его величества отменное.
- Тогда твои слова для меня загадка, дитя мое, и я отказываюсь понять их.
- Я объясню, не беспокойтесь, но прежде чем приступить к объяснению, я желал бы видеть здесь достойного пастыря...
- Он в отсутствии, дитя мое, — перебил герцог, — уже месяц как отец Санчес уехал от меня, — вероятно, ты говоришь о нем?
- Разумеется, о нем, о вашем старом друге, единственном, который оставался верен нашему семейству.
- Увы! Отец Санчес уже с месяц в Мадриде, куда внезапно был призван делами величайшей важности, как, по крайней мере, сказал он мне перед отъездом из замка. Удивительно, что ты не видел его при дворе.
- И меня это удивляет, дедушка, — обычно по приезде в Мадрид он первым делом навещал меня. Вероятно, что-нибудь помешало ему... Но так как отец Санчес в отсутствии, то я выскажу все только вам, дедушка.
- Говори, дитя, я слушаю.
- Прежде всего, надо вам сказать, что в течение уже нескольких месяцев я замечал странную перемену в обращении короля со мной; его величество все еще был милостив ко мне, но не так сердечен, не так откровенен. Когда являлся во дворец, я замечал в нем что-то натянутое, неестественное, чего никогда прежде не бывало! Мало-помалу его обращение со мной превратилось в холодное, сухое и надменное, не раз мне даже возбранялся вход к королю и я уезжал из дворца, так и не повидав его величества.

— О, это действительно странно! — пробормотал герцог, нахмутив брови.

— Это еще ничего, — продолжал молодой человек с горькой усмешкой, — мне суждено было вынести оскорбления и по сильнее. Придворные, по свойственному им обычаю соображаясь с настроением духа короля, стали принимать в разговоре со мной тон, который мне очень не нравился, они шептались между собой или понижали голос при моем появлении; если бы смели, они просто повернулись бы ко мне спиной. Я молча страдал от этих глупых нападков, выжидая прямого оскорбления, за которое мог бы достойно отомстить. Прав ли я был?

— Прав, дитя мое, ты поступал как человек благородный и храбрый... Я предчувствую, как все это должно было кончиться.

— Напротив, дедушка, вы и подозревать не можете, — возразил Гастон с нервным смехом. — О! Моя месть была великолепна, даже блистательнее, чем я мог надеяться!

— Продолжай, дитя, я слушаю.

— В это время при дворе стали поговаривать о женитьбе короля. Смутные вначале, слухи становились все определеннее.

— О женитьбе короля? — вскричал герцог с прискорбным изумлением. — Так король женится?!

— Да, теперь об этом объявлено официально, его величество вступает в брак с принцессой, олицетворением совершенства, как говорят. Да нам-то какое дело!

— Это правда, — прошептал герцог, стиснув зубы, тогда как презрительная улыбка мелькнула на его побледневших губах, — продолжай, мой мальчик.

— Однажды утром, — заговорил опять Гастон, — ко мне явился королевский камердинер с извещением, что король требует меня к себе. Я немедленно сел на лошадь и отправился в Эскуриал. Его величество ждал меня в своей молельне, с бледным лицом и глазами, красными от слез или от бессонной ночи. Камердинера он отослал движением руки и знаком подозвал меня к себе. Я повиновался. Заметив, что я держу шляпу в руке, король сказал сухо: «Наденьте шляпу, вы испанский гранд». — «Если как гранд я имею право стоять перед королем в шляпе, то долг велит мне слушать отца с обнаженной и склоненной головой». — «Хорошо, сын мой».

Король отвернулся, — продолжал Гастон, — и спустя минуту заговорил опять: «Я призвал вас по весьма важному делу, которое не терпит отлагательства».

Никогда еще король не говорил со мной так холодно! У меня дрогнуло сердце, но я ничего не ответил. Видя, что я молчу, он продолжал тоном человека, который спешит исполнить то, что в душе находит достойным порицания.

«Польза государства требует, чтобы я вступил в брак; вероятно, вы уже слышали об этом?»

Я только наклонил голову.

«Бракосочетание должно вскоре совершиться, и я вынужден временно удалить вас от двора». — «Это изгнание, ваше величество?» — спросил я. — «Нет, — с живостью возразил король, — это мера осторожности, диктуемая политикой. Предоставляю вам самому выбрать место вашего пребывания, только не в Бискайе, у вашего деда...»

— Король сказал это? — вскричал герцог.

— Разумеется, раз я повторяю его слова!

— Правда, прости мне, мой мальчик!

— «...И чтоб вы не подъезжали ко двору ближе чем на двадцать пять миль, — продолжал молодой человек. — Впрочем, ваше удаление будет, надеюсь, непродолжительно; вот все, что я хотел сказать вам. Уезжайте, вдали вы или вблизи, мое благосклонное внимание всегда будет следить за вами».

Не дав мне времени ответить, король знаком простился со мной и прошел в другую комнату. Как во сне вышел я из Эскуриала и возвратился домой, сам себя не помня. Там я нашел приближенного секретаря могущественного министра, который от имени короля потребовал, чтобы я отказался от всех своих званий. Как видите, король спешил доказать мне благосклонность, в которой уверял. Не удостоив посланника ни единым словом, я молча подписался под всеми актами отречения. Секретарь брал их один за одним, рассматривал, и когда все бумаги были подписаны, он спросил меня с усмешкой, когда я уезжаю. «Сегодня же», — ответил я и выставил вон этого человека.

— Так ты без звания, дитя мое?

— Только сын Христианы де Торменар, и этого звания, ей-Богу, никто не может у меня отнять! Да и на что мне титулы?... Но это еще не все, дедушка.

— Говори, дитя.

— В тот же вечер герцог Медина-Сидония, отец моего близкого приятеля, давал бал, на который была приглашена вся знать. Так как я не совершил ни преступления, ни позорного действия, насколько мне было известно, я не считал достойным себя скрыться от двора, словно беглец, я решил явиться на бал с гордо поднятой головой, как человек, уверенный в своей невинности. Итак, я велел все приготовить к своему отъезду и, распорядившись, чтобы люди с экипажами ждали меня у форта Энарес, с одним слугой, которого оставил при себе, отправился во дворец герцога Медина-Сидонии. Многочисленная и блистательная толпа теснилась во всех залах. Мое появление произвело ошеломляющее впечатление, я ожидал этого и потому несколько не смутился. Должно быть, немилость, в которую я впал, была уже всем известна, из моих многочисленных накануне друзей оказалось всего пятеро или шестеро, у которых хватило духу подойти ко мне и пожать руку — знак сочувствия, за который я был им глубоко признателен в душе. Медина-Сидония, сын герцога, и граф Осуна взяли меня под руки и, весело разговаривая, пошли со мной среди толпы, которая расступалась, точно я чумной, потом они увели меня в комнату, где собралась вся молодежь из высшей знати, чтобы смеяться и шутить на свободе. В числе присутствующих находился молодой человек, почти одних лет со мной, по имени или, вернее, называемый доном Филиппом Гусманом Оливаресом. Он был сыном герцога и севильской актрисы. Три года назад отец узаконил его благодаря своему могуществу. Молодой человек этот — в сущности, ничтожный и очень гордый своими новыми титулами — всегда выказывал, сам не знаю почему, глубокую ненависть по отношению ко мне, на которую, однако, признаться, я не обращал ровно никакого внимания, дедушка. В ту минуту, когда я входил, дон Филипп говорил с большим оживлением посреди небольшой кучки людей, собравшихся вокруг него. При моем появлении один из его приятелей сделал ему знак, и он мгновенно замолчал...

...Тут я воспользуюсь своим правом романиста и вместо слов Гастона де Транстамара вставляю свой собственный рассказ, в убеждении, что интерес повествования от этого только выиграет.

Молодой человек прекрасно заметил внезапное молчание, воцарившееся в толпе около дона Филиппа при его неожиданном появлении в дверях; он медленно подошел к

дону Филиппу, раскланиваясь направо и налево, и очень спокойно сказал:

— Извините, кабальеро, вы, кажется, беседовали о чем-то чрезвычайно занимательном, когда я вошел. Надеюсь, вы не сочтете мое поведение нескромным, если я спрошу, что именно так сильно заинтересовало вас?

— Несколько, сеньор, — дерзко ответил дон Филипп, — мы говорили о незаконных сыновьях!

— Лучше вас, кабальеро, — холодно возразил Гастон, — никто не может обсуждать подобный вопрос. Позвольте узнать, здорова ли ваша матушка?

— Сеньор! — воскликнул собеседник в порыве гнева. — Такое оскорбление...

— Оскорбление? Когда я осведомляюсь о здоровье вашей матери, кабальеро? Да что с вами?!

Дон Филипп прикусил губу.

— Я говорил о вас, — процедил он сквозь зубы.

— Стало быть, я, по вашему мнению, незаконный сын? — вскричал Гастон, и молния сверкнула в его черных глазах. — Клянусь Богом, вы солгали! Оказывается, вы не только глупец, но еще и клеветник!

— Да что же это, сеньоры! — вскричал с гневом один из молодых людей. — Разве сыновья куртизанок станут нам предписывать законы? Вышвырнуть вон этого человека, и делу конец!

— Никто не должен трогаться с места! — громко вскричал Гастон, останавливая друзей, которые, казалось, хотели броситься к нему на помощь. — Это касается меня одного!.. Вы будете вторым после дона Филиппа, граф Касерес! Ну, господа, ктоещенамеренподдерживать эту позорнуюссору? — Я!

— И я также! — вскричали почти в один голос двое.

— Очень хорошо, маркиз д'Альвимар, а после вас будет очередь, если не ошибаюсь, графа Сьерра-Бланка. Господа, я согласен драться с вами по очереди или разом со всеми четверьмя, что, полагаю, было бы вам всего приятнее.

Молодые люди испустили крик ярости при этом новом оскорблении.

— Сеньоры, — сказал молодой Медина-Сидония, подходя к ним, — я стыжусь за ваше поведение в доме моего отца, который вам следовало бы уважать. Граф де Транстамар мой друг и гость, благородный дворянин, любимый нами. Вы

вели себя, без всякого повода с его стороны, как конюхи! Мои друзья и я, мы сумеем поддержать его в этой ссоре, которая касается также и нас.

— Да, да! — вскричали все, увлеченные примером, и подошли, чтобы крепко пожать Гастону руку.

Обидчики остались в одиночестве, и вокруг них образовалась пустота.

— Благодарю вас, господа! — вскричал с чувством Гастон. — Мне приятно убедиться, что я не упал в вашем мнении.

Раздались крики, единодушно утверждавшие противное.

— В эту же ночь я уезжаю из Мадрида, господа, — продолжал Гастон, — и буду ждать вас на рассвете у Энареса.

— Мы все придем туда и будем вашими секундантами! — восторженно вскричали его друзья.

Через два часа Гастон выходил из дворца герцога Медина-Сидонии. Вернувшись домой, он привел в порядок некоторые бумаги, вооружился, сел на лошадь и, сопровождаемый слугой, выехал из Мадрида, направляясь к деревне Энарес, куда прибыл минут за десять до восхода солнца.

При въезде в деревню он увидел человек сорок знатных вельмож, которые ждали его, чтобы составить ему свиту.

Такое выражение внимания подействовало на Гастона отрадно. Он с жаром поблагодарил друзей, не бросивших его в трудную минуту, и, сопровождаемый ими, достиг довольно уединенного места позади картезианского монастыря, избранного секундантами обеих сторон местом сражения.

Там молодые люди сошли с лошадей и отдали поводья слугам.

— Господа, — сказал Гастон своим друзьям, — дело это касается меня одного, я один и должен покончить с ним.

Медина-Сидония и Осуна хотели было протестовать, но Гастон остановил их.

— Умоляю вас именем нашей дружбы! — сказал он.

Друзья крепко пожали ему руку и замолчали.

Приехали противники Гастона, но почти одновременно подоспел старый герцог Медина-Сидония, который примчался во весь опор.

Несмотря на свой почтенный возраст, он проворно соскочил наземь и подошел к Гастону, который в свою очередь поспешил к нему навстречу.

— Граф де Транстамар, — громко сказал герцог, снимая шляпу и бросая гордый взгляд вокруг себя, — я узнал, что в

эту ночь, во время посещения, которым вы удостоили меня, вам было нанесено жестокое оскорбление в моем доме. Прошу вас, граф, принять мое нижайшее извинение! Я считаю вас за благороднейшего, истого дворянина и ставлю себе за честь быть в числе ваших друзей.

Эти слова, произнесенные одним из высших представителей испанского дворянства, тронули Гастона до слез.

— Благодарю вас, герцог, — сказал он дрожащим голосом, — вы восстановили мою честь в глазах всех. С Божьей помощью, моя шпага довершит остальное.

— Искренне желаю этого, граф, — ответил почтенный старик.

— Долой плащи, господа! За шпаги! Это борьба не на жизнь, а на смерть! — вскричал Гастон звонким голосом, сбрасывая на землю верхнее платье. — Ваша очередь, дон Филипп!

Испанцы по природе народ храбрый, для них дуэль почти то же, что увеселительная прогулка. Дон Филипп уже стал в позицию. При втором выпаде шпага Гастона проткнула его насквозь.

Граф Касерес уже стоял перед ним, обнажив шпагу.

Гастон сделал ему знак, что готов, и противники ринулись один на другого.

Через несколько мгновений граф Касерес повалился как сноп, шпага Гастона воткнулась ему прямо в сердце.

Присутствующие пришли в ужас. Они уже хотели вмешаться, но Гастон остановил их.

— Прочь! — крикнул он, размахивая окровавленной шпагой. — Эти люди принадлежат мне.

— Я вас жду, — сказал маркиз д'Альвимар.

— К вашим услугам! — вскричал Гастон с ревом тигра.

Это был уже не человек, гнев и кровь ослепляли его, он видел перед собой лишь смертельного врага.

Маркиз упал со шпагой противника, воткнувшейся ему в горло.

Почти мгновенно граф Сьерра-Бланка стал в позицию.

— Убейте же и меня! — крикнул он резко.

— Постараюсь, сеньор, — последовал грубый ответ.

На этот раз бой был продолжительный и ожесточенный. Оба противника были мастера фехтовать. Утомленный предыдущими стычками, Гастон утратил добрую долю своего проворства. А Сьерра-Бланка, хладнокровный, методич-

ный, рассчитывал каждый удар и не давал противнику поразить себя, извиваясь вокруг него как змея; шпага его составляла как бы непроницаемую броню.

Гастон понял, что погиб, если не переменит тактики. Он мгновенно напал на противника, сильным ударом отразив его шпагу, ринулся вперед, прежде чем тот имел время дать отпор, и всадил ему лезвие прямо в сердце.

Граф упал, даже не вскрикнув; он был мертв.

Четыре врага теперь лежали у ног Гастона бездыханные.

— Исполнил ли я свой долг, как человек храбрый и дворянин? — спросил он, воткнув в землю конец шпаги.

— Да, — грустно ответили ему друзья, — вы сражались доблестно.

— Так прочтите теперь вслух эту бумагу, герцог Медина-Сидония.

Он подал герцогу бумагу, которую тот немедленно прочел, — это было свидетельство о браке короля Филиппа IV с доньей Христианой.

— Итак, я законный сын! — гордо вскричал Гастон.

Все склонили голову в знак согласия.

Тогда молодой человек взял свою шпагу и сломал ее о колено.

— Слушайте все, — сказал он, — сломав эту шпагу, я одновременно разбил и свою клятву верности испанской короне. Я отрекаюсь от своего отечества, не хочу служить королю-клятвопреступнику, который попирает ногами честь женщин своего дворянства, отказывается от своих детей! Пока я жив, испанская монархия не будет иметь врага более неумолимого, чем я! Повсюду я стану преследовать ее без отдыха, без пощады. Скажите это королю, господа, чтобы он знал, что сын, от которого он отрекся и права которого подло украл, сохранил драгоценнейшее из всех благ — честь. Прощайте, господа! Граф де Транстамар умер. Скоро вы услышите о мстителе. Клянусь вам в этом прахом моей матери, ставшей жертвой этого презренного короля!

Он накинул на плечи плащ, вскочил в седло и ускакал во весь опор, между тем как никто не думал останавливать его.

Присутствующие пребывали в оцепенении, они были поражены увиденным и услышанным и не могли себе уяснить, явь ли все это или им грезится страшный сон.

Герцог Бискайский выслушал этот ужасный рассказ с мрачным удовлетворением.

— Хорошо, дитя мое, — сказал он, когда молодой человек наконец замолчал, — я узнаю в тебе потомка де Торменаров, но грозную клятву, которую ты произнес, сдержать надо.

— До смерти не изменю ей, дедушка, клянусь вам!

— Ах, наконец-то мы будем отомщены! — воскликнул старик с необычайным оживлением. — Тебе нельзя оставаться здесь ни минуты, надо ехать немедленно, если возможно.

— Я готов, дедушка, — ответил молодой человек, вставая.

— Но куда ехать?

— Сперва во Францию, а там — куда Бог приведет.

— Хорошо, но торопись.

В комнату вбежал слуга с докладом, что человек пятнадцать всадников поднимаются вскачь по крутому подъему, следуя по дороге к замку.

— Все к оружию! — приказал герцог.

— Поторопились, — заметил с улыбкой молодой человек.

— Нельзя допускать, чтобы ты попался им в руки.

— Не бойтесь, дедушка, живым они меня не возьмут.

Они быстро вышли.

Слуги, беззаветно преданные герцогу и давно находившиеся при нем, стояли вооруженные, готовые исполнить любое его приказание, в чем бы оно ни заключалось.

Однако всадники приближались во весь опор. Когда до замка оставалось всего несколько метров, человек, с ног до головы одетый в черное, с золотой цепью на шее и с эбеновой тростью в руке, потребовал именем короля, чтобы их впустили.

— Королю тут делать нечего, — отчетливо произнес герцог.

Тогда человек в черном развернул пергамент и с важным видом приступил к чтению.

В это время Гастон уже сел на лошадь и тихо отдал приказание привратнику.

— Что ты хочешь сделать, Гастон? — спросил герцог.

— Проложить себе дорогу сквозь толпу этих негодяев.

— Они убьют тебя, дитя! — вскричал старик.

— Нет, дедушка, — возразил Гастон, смеясь, — они чересчур неловки для этого.

— Боже, Боже мой!

— Дедушка, благословите меня, — сказал молодой человек, обнажив голову.

— Да благословит тебя Господь, дитя мое! — произнес старик дрожащим голосом. — Всемогущий Боже! Неужели мне суждено лишиться и тебя, последнего и более всех дорогого моему сердцу!

— Господь сохранит меня, дедушка. Разве не должен я отомстить за ту, которая молится за нас на Небе?

— Да, сын мой, отомсти за свою мать!.. Но что я говорю? Они убьют тебя, эти люди!

— Не думаю, дедушка, но — ей-Богу! — если бы это и случилось, я устрою себе славные похороны. Поцелуйте меня в последний раз, дедушка, и отпустите.

Он наклонился к старику, который поцеловал его в лоб, проливая слезы.

— А теперь прощайте, дедушка! — вскричал Гастон. — Я опять бодр и полон сил!

— Постой, — сказал герцог, — я отвлеку их внимание.

Человек в черном, не кто иной как алькальд министерского дворца, между тем закончил свое чтение.

— Если вы не отопрете ворота, — крикнул он, складывая опять свой пергамент, — в вас будут стрелять, как в мятежников, выступающих против воли короля!

— Вашего короля мы не знаем, — возразил старик звонким голосом.

В ту же минуту ворота отворились и Гастон, со шпагой в зубах и пистолетом в каждой руке, помчался во весь опор среди королевских посланников.

— Стрелять в бунтовщиков! — взревел алькальд.

— Огонь! — приказал герцог.

Два страшных залпа раздались почти одновременно.

Старик упал с пуль в груди, но тотчас опять встал.

Несколько минут продолжалась страшная свалка между Гастоном и окружавшими его всадниками, наконец молодой человек проложил себе кровавый путь сквозь их ряды и с криком торжества скрылся из виду под горой, размахивая шпагой.

— Он спасен, благодарю Тебя, Боже! — воскликнул старый герцог, который ухватился за выступ стены, чтобы следить за бегством внука. — Господи, — прошептал он, — прими мою душу...

Он выпустил из рук опору, за которую держался, и упал бездыханный.

Старик был мертв.

ГЛАВА I

Что происходило 28 февраля 1664 года в пятом часу утра на пустынном побережье в окрестностях Чагреса

ля европейца, только что высадившегося на американский берег, тропическая ночь представляет чудное и величественное зрелище: таинственно шелестит морской ветер в ветвях высоких столетних деревьев девственных лесов; небо, усеянное блестящими, как алмазы, звездами, простирает до крайних пределов небосклона свой лазоревый свод с темной каймой, которая смешивается с широко раскинутой гладью неподвижного океана; серебристый диск луны парит в эфире и, словно отражаясь в бесчисленном множестве зеркал, сверкает в зеленоватых лужицах, как бы неохотно оставляемых за собой, среди мрачных и грозных прибрежных скал, отступающими волнами.

Все спит, все отдыхает в дремлющей природе, только и видишь, словно во сне, постоянно набегающие на песчаный берег волны и слышишь однообразный назойливый гул насекомых, невидимая работа которых никогда не утихает.

О! Тропические ночи, что в тысячу раз светлее самых ясных и все-таки темных дней наших холодных северных стран, вы возвышаете душу, вливаете жизнь в истощенное тело, энергию в сердце, расслабленное унынием! Ничем нельзя передать упоительного обаяния, затаенного под вашим прозрачным и тем не менее таинственно-величественным покровом.

Если бы 28 февраля 1664 года человек посторонний или любопытный находился часам к четырем утра, примерно за час до восхода солнца, на вершине крутого утеса, милях в пяти к северу от города Чагреса, и, куря сигаретку или пахитоску, блуждал бы взглядом по бесконечной равнине океана, теперь спокойного, этот посторонний или любопытный присутствовал бы при зрелище, в котором ровно ничего бы не понял, несмотря на все усилия своего воображения.

Глазам наблюдателя представилась бы панорама, не лишенная известной доли величественной и печальной красоты, особенно в этот ранний утренний час, когда ночь вступает в борьбу с занимающимся днем, которому суждено вскоре остаться победителем.

Во-первых, у самого подножия утеса начиналось песчаное побережье, вдоль которого на довольно значительное пространство тянулись песчаные холмы, увенчанные группами тропических деревьев со странно высеченной листвой, стволы которых, высокие, тонкие и прямые или узловатые и низкие, устремлялись во все стороны.

Налево мыс, покрытый густым кустарником, углом врезался в море, образуя бухточку в виде эллипса, в которой при необходимости довольно большие суда могли бы найти убежище или даже укрыться за корнепусками.

С другой стороны, направо, виднелась посеребренная лунной извилистая речка, впадающая в океан, поберегам которой было разбросано несколько полуразрушенных хижин из тростника, по-видимому давно покинутых своими обитателями.

Опаловая полоса уже появилась на темно-буrom горизонте небосклона, звезды стали меркнуть одна за другой на небесном своде, когда в море на некотором расстоянии от берега появилась черная точка, которая быстро увеличилась в размерах и вскоре приняла форму брига водоизмещением тонн в двести.

Судно это, лавируя, медленно подходило к берегу и на расстоянии ружейного выстрела от мыса повернуло и замерло в неподвижности.

Тотчас же спущенная на воду лодочка отделилась от брига и на веслах пошла к берегу.

Не успела лодка отчалить, как бриг поднял паруса и, пользуясь попутным ветром, скрылся за мысом.

Лодочка с усиленно работающими гребцами вскоре очутилась среди зарослей корнепуска и, почти не замедляя своего хода, стала пробираться между ветвями до расстояния двух-трех метров от берега, после чего остановилась возле упавшего от старости дерева, поддерживаемого на воде другими деревьями и образующего естественную пристань.

Три человека, находившиеся в лодке, встали.

Двое из них одновременно прыгнули на ствол лежащего дерева, тогда как третий, оставшись в одиночестве в лодке, собрал несколько довольно больших мешков, которые передал товарищам, а те сложили их один за другим на сухом песке.

— Ну вот, — сказал человек, оставшийся в лодке, после тщательного осмотра под всеми лавками, — теперь мы все перенесли на берег.

— Ты уверен, что ничего не забыли? — спросил человек, ближайший к лодке.

— Еще бы, ваше сия...

— Что такое? — с живостью вскричал собеседник, и черные глаза его сверкнули гневом.

— Виноват, обмолвился! — воскликнул человек в лодке. — Да ведь мы же по-французски говорим!

— Это правда, но я приказал тебе или, вернее, просил... — прибавил он смягченным тоном.

— Ба-а! Не стесняйтесь! — сердито заметил человек в лодке. — Разве ваша просьба не приказание для меня?.. Не бойтесь, больше не попадусь, это в последний раз.

— Надеюсь!

— Что же теперь делать?

— Скорее в путь, Мигель, солнце уже восходит, вскоре нам здесь придется худо.

— Это правда.

Мигель взял топор, двумя сильными ударами пробил дно лодки, и она вмиг наполнилась водой, так что он едва успел гигантским прыжком перескочить на дерево, чтобы не пойти ко дну вместе с ней.

Три странных пловца сперва удостоверились, что лодка не всплыла на поверхность воды, после чего сошли на берег и каждый взвалил себе на плечи по мешку.

— А теперь, вождь — или кто бы вы там ни были, — сказал первый из говоривших тому своему спутнику, который до сих пор оставался безмолвен, — остальное касается вас.

— Идите за мной, — ответил тот, к кому была обращена речь.

— Одну минуту, — резко остановил другой, взяв его за плечо и глядя на него в упор, — мы с Мигелем Баском в ваших руках; помните, что при малейшем подозрении в измене я убью вас как собаку, клянусь честью буканьера!

Индеец — тот, к кому обращена была эта страшная угроза, был краснокожий — без тени смущения выдержал устремленный на него пристальный взгляд и кротко улыбнулся, повторив спокойно и лаконично:

— Идите за мной.

— Хорошо, — согласился буканьер, — идем.

Они углубились следом за индейцем в густой кустарник на берегу речки.

Однако путь их оказался непродолжительным. Не успели они пройти и получаса по лесу, где их проводник вышагивал со свободной уверенностью, точно на большой дороге в цивилизованном краю, как остановились перед хижинкой, скрытой в непроницаемой чаще и так искусно замаскированной от посторонних глаз густыми ветвями, что заметить ее было невозможно даже в пяти шагах.

Краснокожий тихо свистнул.

По прошествии пяти-шести секунд ожидания ему ответил такой же свист.

Это явно был ответ на сигнал, данный проводником.

Не колеблясь более, индеец снял растянутую на четырех шестах изтростника оленью шкуру, которая заменяла в хижине дверь, потом посторонился и, нагнувшись к двум своим спутникам, которые неподвижно стояли за его спиной, произнес тихим и вместе с тем звучным, мелодичным голосом:

— Войдите, господа, в мое смиренное жилище, здесь вы в полной безопасности на все время, пока вам угодно будет оставаться под моим кровом.

Спутники вождя прошли мимо него и очутились в хижине.

Тот опять заставил отверстие щитом из оленьей кожи и снова свистнул.

— Что вы делаете? — поинтересовался буканьер.

— Даю приказание, чтобы нас стерегли, — спокойно ответил вождь.

— Переоденемся, — предложил Мигель, — никогда нельзя знать наперед, что может случиться, надо всегда быть настороже, это очень важно!

— Хорошо сказано, братец, ей-Богу! Это похвальная предусмотрительность.

— В такой экспедиции, как наша, — произнес Мигель Баск внушительно, — когда самое меньшее, чем можно заплатить, это головой, необходимо помнить, что прежде всего не следует пренебрегать...

— Чем? — перебил со смехом его товарищ.

— Детальями, брат, детальями. Правда, мы оба говорим по-испански, словно уроженцы Кастилии, но не следует забывать, что испанцы есть и в числе Береговых братьев, хотя их совсем мало. Надо перехитрить хитрецов, испанцы чуют буканьера за десять миль вокруг, у них особенный дар узнавать их безошибочно; нам надо быть тем бдительнее, что мы одни во враждебном краю, отрезаны от всякой возможной помощи, а между тем нам предстоит столкнуться с мастерами своего дела и малейшее упущение или забывчивость могут погубить нас безвозвратно.

— Отлично излагаешь, любезный друг. Должен признаться, что ты прав во всех отношениях. Итак, условимся хорошенько, чтобы не допускать ошибок в наших ролях.

— Я слушаю, но очень опасаясь.

— Ты всегда опасаясь, — возразил со смехом его собеседник.

— Если бы речь шла только обо мне!

— Уж не принимаешься ли ты, снова-здорово, за прежнее?

— Я молчу.

— Это замечательно! Ты пугаешься тени, когда нет ничего проще и легче того, что мы хотим сделать.

— Гм, гм!

— Опять?

— Нет, я просто охрип и прочищаю горло, вот и все. Я слушаю.

— Прежде всего скажем, что мы бискайцы, — начал буканьер, уже приступив к переодеванию, — следовательно, принадлежим к племени, которое под видом простодушной откровенности скрывает тонкий ум и большую хитрость, — в этом, надеюсь, ты согласен со мной?

— Вполне. Продолжайте, я не пророню ни слова.

— Желал бы я видеть, как негодяи-испанцы заткнули бы нас за пояс, словно каких-нибудь простофиль! Помни одно, Мигель, старый дружище, я — граф Фернандо Гарсиласо де

Кастель-Морено, чистокровный испанец, предки которого поселились и проживают в Мексике уже лет сто.

— Ну, этим я скорее доволен.

— Почему?

— Да хотя бы потому, что я, по крайней мере, могу называть вас вашим сиятельством.

— Что ж в этом за польза?

— Так будет легче — по крайней мере, я не стану опасаться на каждом шагу, что сделаю глупость. Какая великолепная мысль пришла вам в голову, ваше сиятельство!

— Опять за старое?

— Напротив, за новое, я вхожу в свою роль! Разве вы не испанский гранд первого ранга и прочая, и прочая? Будьте спокойны, теперь нечего опасаться, что я ошибусь.

— Сумасброд! — улыбнулся буканьер. — Пусть будет по-твоему, раз ты так настаиваешь, но не забудь, что аделантадо¹ в Кампече, мой близкий родственник, зная, что я имею намерение организовать в Панаме добычу жемчуга в больших масштабах, снабдил меня убедительнейшим рекомендательным письмом к тамошнему губернатору, — все это, кажется, ясно как день.

— Яснее дня, ваше сиятельство!.. Видите, я уже привыкаю к роли.

— Прекрасно, теперь, кажется, все сказано... Да! Еще надо прибавить, что ты — мой преданный слуга...

— Еще бы, черт возьми!

— Дай же закончить... старший сын моей кормилицы, почти молочный брат.

— За исключением возраста, впрочем, все справедливо.

— погоди, теперь все будет вымыслом: во-первых, тебя зовут Мигелем Варосом.

— И тут не большая ошибка: Мигель Баск и Мигель Варос — в сущности, одно и то же.

— Совершенно верно; вдобавок, мы с этой минуты говорим только по-испански. Поначалу будет немного трудно привыкнуть, но вскоре мы втянемся и таким образом легче влезем в шкуру испанцев.

— Решено, сеньор граф, — по-испански ответил Мигель Баск.

---

¹ Аделантадо — губернатор в пограничной провинции.

Разговаривая таким образом, авантюристы переоделись. Это было полное превращение с ног до головы.

Буканьеры исчезли бесследно, а вместо них появились вельможа знатного вида лет двадцати восьми—тридцати, с изысканными манерами, пленительной обходительностью, но тем не менее с орлиным взглядом и гордым, несколько насмешливым выражением лица, что не только не вредило его костюмировке, но, напротив, довершало ее, и человек лет сорока пяти, с хитрым взглядом исподтишка и раболепно почтительным видом слуги из хорошего дома.

Так искусно было переодевание, что самый зоркий глаз не подметил бы обмана.

Граф Фернандо — поскольку он дал себе это имя, то мы на первое время оставим ему оное за неимением другого — и Мигель Баск, его мнимый слуга, были из числа техотверженцев феодального общества XVII столетия, которых изгнал подавляющий деспотизм европейских правительств и которые, вместо того чтобы склонить голову под унижительным игом, навязываемым им, гордо удалились на Черепаший остров.

Остров этот был тогда убежищем множества великих людей, не признанных и доведенных до отчаяния.

Присоединившись к грозному обществу Береговых братьев, флибустьеров и буканьеров, на Санто-Доминго, эти два человека, которых мы выводим на сцену, благодаря неслыханным подвигам храбрости, ума и отваги вскоре стали наравне с Монбаром, Польшэ, Олоне и прочими знаменитыми авантюристами, которые даже самых могущественных королей заставляли трепетать от страха и открыто вели с ними переговоры, гордо выставляя на своем трехцветном флаге — голубом, белом и красном — неумолимый девиз:

Война с Испанией без отдыха и пощады!

Переодевшись, два авантюриста стали один против другого, и, подобно авгурам¹ в древнем Риме, не могли не расхохотаться, глядя друг на друга — так мало они походили на то, чем были всего минутой назад.

---

¹ А в г у р ы — римские жрецы, улавливавшие поданные божеством знаки и толковавшие их. Согласно Цицерону, в его время авгуры не могли без улыбки смотреть друг на друга при совершении гаданий, ибо не верили в них.

Дон Фернандо, как младший, а следовательно, и наиболее смешливый, первый разразился хохотом.

— Делать нечего, любезный друг! — весело вскричал он. — Надо с этим смириться! Мы просто великолепны: ни дать ни взять два чучела в католической процессии.

— Ба! Что нам за дело до этого? — философски возразил Мигель. — Тем лучше, если мы похожи на чучела: так нас скорее примут за идальго, а нам этого-то и нужно, ваше сиятельство.

— Совершеннейшая правда, любезный друг.

— Итак, все хорошо, и незачем нам долее, глядя друг на друга, драть глотку, словно два каймана, зевающих на солнце.

При этом довольно оригинальном сравнении оба снова залились дружным хохотом, сильно вредя своему напускному достоинству.

По счастью, их остановило возвращение индейца, который из врожденного у краснокожих чувства приличия вышел из хижины, чтобы предоставить им полную свободу переодеваться, и теперь возвратился сказать, что завтрак готов.

Известие это было принято с невыразимым удовольствием: авантюристы не ели со вчерашнего вечера и, утомленные продолжительным путешествием по морю и по суше, буквально умирали с голоду. Они поспешно последовали за хозяином и уселись рядом с ним на траве против жареной лопатки оленя и печенных в золе сладких бататов, предназначенных, вероятно, заменить, хотя и не вполне удачно, хлеб, которого не было.

Мимоходом мы отметим некую характерную черту, которая не лишена известного значения: люди, привыкшие к крутым поворотам жизни авантюристов, в каком бы настроении духа ни находились, в радости или в горе, всегда едят с аппетитом.

То же самое замечается и у солдат во время кампании или на биваках неподалеку от неприятеля накануне сражения. Все это, по нашему мнению, основательно доказывает, что физическое состояние поддерживает нравственное, и в течение наших продолжительных странствований по Америке мы имели случай удостовериться, что ясности мысли и бодрости духа немало способствует сытый желудок.

Оба буканьера оказали честь простой, но обильной трапезе, предложенной хозяином; они приправили ее несколькими глотками хорошей французской водки, которой захватили с собой порядочное количество — на всякий случай, как говорил Мигель Баск с той насмешливой серьезностью, которая составляла отличительную черту его характера.

Краснокожий, подобно большей части представителей этой расы, ел очень умеренно и, несмотря на все уговоры, ни за что не хотел коснуться губами золотистой влаги.

Краснокожего звали или, вернее, он позволял себя звать общим прозвищем *Хосе*, которое, неизвестно почему — в насмешку, быть может, — испанцы дают всем индейцам, и непокорным, и мирным.

Он представлял собой один из совершеннейших типов прекрасной индейской расы, перемешанной с европейской и африканской.

Индеец этот был высок и строен, тело его, необычайно пропорциональное, могло бы служить моделью для Аполлона Пифийского, а руки и ноги, с выступающими твердыми, как сталь, мышцами, выдавали в нем необычайную силу, гибкость и проворство.

Красивое овальное лицо его имело правильные и тонкие черты, а большие черные глаза с бахромой длинных темных ресниц, бросавших тень на щеки медно-красного цвета, имели прямой, глубокий и проницательный взгляд и придавали подвижному выражению лица отпечаток тонкого ума, который становился еще более явным от немного мечтательной улыбки на губах; кроме того, индеец был наделен каким-то удивительным магнетическим даром, который неудержимо увлекает тех, кого случай или обстоятельства сводят с подобными людьми.

Хосе казалось на вид лет сорок или сорок пять; быть может, он был старше, а может, и моложе — с точностью определить возраст краснокожего не представлялось возможности.

Так же трудно было составить себе мнение и насчет его нравственной натуры. Он казался кроток, откровенен, благороден, бескорыстен, весел, общителен, но — кто знает? — не играл ли он всего лишь роль и под маской мнимого добродушия не старался ли обмануть тех, чье доверие ему полезно было приобрести?

Кто был он? Откуда? Все это покрывал непроницаемый мрак тайны, он никогда не говорил о своем прошлом и очень мало — о настоящей своей жизни. Два года назад он прибыл в Чагрес неизвестно откуда и с той поры жил здесь постоянно, добывая себе средства к существованию охотой и тем, что провожал путешественников из Чагреса в Панаму или через перешеек, иногда же выполняя роль гонца.

Индеец также считал приличным принарядиться, заменив накидку из плетеного камыша, которая служила ему единственной одеждой, на штаны из сурового полотна, кожаное пончо и остроконечную соломенную шляпу с широкими полями, какие обычно носят работники на испанских плантациях.

Авантюристы едят быстро, для них время — деньги, как говорят современные янки. Три описанных нами человека ели молча и насытились за несколько минут.

Когда последний кусок был проглочен, дон Фернандо залпом выпил большую рюмку водки, громко крикнул и, набивая свою глиняную трубку с черешневым чубуком, обратился на чистейшем мадридском наречии к краснокожему:

— Ну, вот мы и на берегу, Хосе, любезный друг. Скажи, где мы? Что нам делать?.. Передай мне огня, Мигель.

Последний осторожно взял большим и указательным пальцами раскаленный уголь и приложил его к трубке товарища, чтобы он раскурил ее.

— Мы в пяти милях к востоку от Чагреса, — ответил краснокожий, — речка возле нас — та же самая, по берегу которой мы шли сюда; исток она берет далеко в горах и впадает в Тихий океан в восьми милях от Панамы; называется она Браво.

— Она судоходна на всем своем протяжении? — спросил дон Фернандо.

— Да, для маленьких каноэ, за исключением небольших порогов.

— Вот что я называю толково излагать! Итак, мы продолжаем наш путь по воде?

— Что будет чрезвычайно приятно, — заметил Мигель между двух клубов дыма.

— Нет, это заставило бы нас кружить и потерять дорогое время.

— Гм! — отозвался Мигель. — Это не лишено основания.

— К тому же, — продолжал краснокожий, — дон Фернандо — испанский дворянин, он путешествует верхом, что гораздо приличнее для его звания и удобнее.

— Разумеется, — согласился неисправимый Мигель. — Беда только в том, что рагу хорошо, да зайца для него пока еще нет.

— То есть, — пояснил дон Фернандо, — для путешествия верхом надо иметь лошадей.

Краснокожий улыбнулся.

— Две верховые лошади с вашей поклажей, привязанной к седлам, ожидают вас в том кустарнике, — сказал он.

— Неужели?

— Разве я не обещал вам?

— Правда! Простите, вождь, я забыл. Должен признаться, что словосное вы умеет держать... Но почему же две лошади, а не три?

— Потому, — с недоброй усмешкой произнес краснокожий, — что я всего лишь бедный мирный индеец, слуга, и моя обязанность — бежать впереди вашей милости, чтобы прокладывать вам дорогу. Что подумают о вас, если ваш раб будет на лошади?

— Ага! Вот оно что! — посмеиваясь, сказал Мигель. — Эти добрые испанцы всегда такие человеколюбивые!

— Когда мы отправляемся? — спросил дон Фернандо.

— Когда будет угодно вашей милости.

— Нас больше ничто не держит?

— Ровным счетом ничего, сеньор.

— Так отправимся в путь немедленно!

— Извольте!

Они встали.

В эту минуту нежный, мелодичный, почти детский голос раздался в кустах нарвалина.

— Отец! — произнес голос.

И молоденькая девушка, выпрыгнув из-за ветвей, бегом бросилась к краснокожему, который приподнял ее могучими руками и страстно прижал к своей широкой груди, воскликнув с невыразимым восторгом:

— Аврора! Мое прекрасное дитя! О, я боялся, что буду вынужден уйти, не обняв тебя!

При виде девушки авантюристы остановились, пораженные удивлением, и почтительно поклонились ей.

Как совершился первый переход

Только сейчас девушка заметила присутствие посторонних, опустила глаза, попятилась и замерла в неподвижности, вся вспыхнув от смущения. Несмотря на тройную броню, которая облекала их свирепые сердца, авантюристы были приятно взволнованы видом очаровательного создания, которое так внезапно предстало перед ними, словно небесное явление; они едва осмеливались коснуться ее беглым взглядом, опасаясь усилить смущение девушки и тем заставить ее скрыться.

И в самом деле прекрасна была эта невинная шестнадцатилетняя девушка, уже наделенная, сама того не подозревая, всеми совершенствами женщины.

Большие задумчивые глаза с кротким и немного беспокойным взглядом, цвет кожи слегка смуглого оттенка, правильные черты ее прелестного лица, пунцовые губки, которые, раскрываясь при звонком смехе, обнаруживают двойной ряд ослепительной белизны зубов; благовонным облаком вокруг нее развеваются иссиня-черные волосы, чрезвычайно тонкие, которыми она с легкостью вся могла бы закрыться с ног до головы; ее стройный, округленный и грациозно гибкий стан, голос, мелодичный, как пение птиц, обаятельная гармония ее изящных очертаний — словом, все соединялось, образуя в целом образ самой пленительной красоты, когда-либо выпадавшей на долю дочери Евы.

С минуту краснокожий смотрел на чудного ребенка умиленным взглядом, потом нежно привлек ее в свои объятия, в которых она укрылась, точно перепуганная горлица, и, поклонившись своим гостям с учтивостью, гордой и величественной, сказал с достоинством:

— Представляю вам свою дочь.

Авантюристы молча поклонились.

— Зачем ты пришла, несмотря на мой запрет? — опять обратился краснокожий к дочери, напрасно стараясь придать своему голосу строгость.

— Мне очень хотелось скорее обнять вас, — ответила она в замешательстве, — и потом еще...

— Что же еще? — спросил он, видя, что она замялась.

— Я хотела узнать ваши распоряжения.

— Мои распоряжения? — удивился он.

— Да, насчет гостей.

— Вот оно что, — с улыбкой сказал он. — Но мне нечего распоряжаться насчет этих сеньоров, так как они уезжают через десять минут.

— А! — вскрикнула она, украдкой взглянув на посетителей.

— Да, Аврора, моя милая, и я пойду с ними.

— И вы уходите! — вскричала она огорченно. — А я?

— Что ты?

— Разве я должна оставаться здесь одна?

— Одна? Ни в коем случае. Кажется, Силах, Камиш и Тораб могут надежно оградить тебя от всякого беспокойства и защитить в случае необходимости. Это преданные слуги.

— Разумеется, отец, но вас-то не будет и, простите, мне страшно.

— Ты сумасбродна и избалована моей любовью, Аврора. Я был чересчур мягок по отношению к тебе.

Но заметив слезы в глазах девушки, он поспешил прибавить:

— Полно, не плачь, дитя, я не могу остаться, но будь спокойна, скоро я вернусь, мое отсутствие не продлится долго.

— Дай-то Бог, отец! Эта хижина стоит так уединенно, а между тем в лесу столько незнакомых людей!

— Успокойся, говорю тебе, твои страхи нелепы. К тому же, если кто-либо из этих презренных посмеет подъехать на расстояние выстрела к нашей хижине, ему пустят пулю в голову. Я в особенности приказал слугам наблюдать за Каскабелем. Если этот негодяй опять станет бродить тут поблизости, как он, по-видимому, взял в привычку, то с ним, не сомневайся, сведут счеты! Повторяю, не опасайся ничего.

— Каскабель! — пробормотала девушка движением ужаса.

— Ни слова больше, дитя, — возразил отец повелительно, — я и так потерял много времени. Поцелуй меня и оставь нас.

Молодая девушка не посмела настаивать, она бросилась с рыданием на шею отца и потом убежала с легкостью птички.

— Это ребенок, — сказал краснокожий голосом, которому напрасно силился придать твердость, — она ничего не знает о жизни и воображает, что все должно идти по ее прихоти.

— Да сохранит ей Бог это неведение как можно дольше! — сказал Мигель Баск. — Она так счастлива!

— Правда, бедное дитя!.. — сказал индеец и вдруг переменил тон. — Следуйте за мной, сеньоры, мы должны были бы сделать уже целых две мили.

— Ну вот! Что за спешка? Да, наконец, мы скоро нагоним упущенное время.

Они направились за проводником к густому перелеску, посреди которого молодой красивый краснокожий держал под уздцы двух великолепных лошадей в богатой испанской сбруе.

— Вот вам лошади, — сказал Хосе.

— Какие превосходные животные! — не мог удержаться от восхищенного восклицания дон Фернандо.

— Вы еще больше оцените, когда узнаете их достоинства, — заметил вождь.

Авантюристы вскочили в седло.

Хосе о чем-то тихо говорил несколько минут с молодым индейцем, после чего тот почтительно склонил голову, приложил руку к сердцу и одним прыжком скрылся в кустах.

— В путь! — сказал вождь, став во главе небольшого отряда.

Наконец все двинулись по тропинке, едва проложенной дикими зверями, которая тянулась вдоль холмистых берегов речки.

Картины природы, суровой, спокойной, дикой и величественной, сменяли одна другую, подобно исполинскому калейдоскопу, перед глазами восхищенных путников.

Нигде не было видно признаков грубого вмешательства человека.

Эта великолепная страна со своими тысячелетними лесами, с лугами, покрытыми высокой травой, осталась точно такой, какой вышла из рук Творца.

Действительно, почва под ногами путешественников была девственно свежей и абсолютно нетронутой.

Порой при звуке их шагов из-за кустарника выглядывала с беспокойством лань и тут же убегала в испуге; самые разнообразные птицы с ярким оперением мелькали повсюду, некоторые лениво качались над волнами речки, едва подернутой легкой рябью от прихотливого ветерка.

Повсюду, куда доставал глаз, царила девственная природа, нигде не было заметно следов рук человеческих и присутствия людей, хотя они не могли быть далеко, так как местность, где находились путешественники, была в то время одной из богатейших и могущественнейших испанских

колоний на американском континенте; к тому же Панама на Тихом океане и Чагрес на Атлантическом океане соединялись путем очень оживленным, потому что между двумя этими портами пролегла Золотая тропа, по которой перевозили несметные богатства Нового Света.

По требованию проводника авантюристы пустили лошадей крупной рысью, а между тем индеец, выступая своим скорым, свойственным краснокожим шагом, не отставал от них, ничуть не напрягаясь при этом и постоянно держась впереди, по-видимому нисколько не тяготясь таким быстрым ходом.

Мигель Баск под влиянием лучей полуденного солнца, отвесно падавших ему на голову, и арабского седла, на котором он удобно устроился, скоро заснул.

Напрасно дон Фернандо будил его несколько раз и силился завязать разговор, ответом ему было лишь короткое и невнятное мычание. Наконец он и этого добиться не смог, а вместо того раздалось храпение, сила звука которого не уступала гудению севильского церковного органа в воскресный или праздничный день.

Потеряв всякую надежду на успех, дон Фернандо отказался от попыток вступить в разговор с таким упорным спящим, но так как он принадлежал к числу людей, никогда не засыпающих, если вынашивают в голове важные замыслы или им поручено дело не только трудное, но и опасное, то решил оставить в покое товарища, не отвечающего ему, и расспросить проводника, чтобы извлечь из него полезные сведения, которые впоследствии, вероятно, могли бы им пригодиться.

Дон Фернандо был одарен редкой тонкостью, хитрый, как горец, до мозга костей, он, однако, до сих пор имел дело только с европейцами; характера краснокожих он не знал вовсе и понятия не имел, где у них слабая струнка. Со свойственной европейцам самонадеянностью он воображал, что легко справится с неотесанным дикарем, который так бодро вышагивал в десяти шагах впереди него.

Достойный авантюрист не подозревал, что в самом простодушном с виду краснокожем хитрости, ловкости и смысленности хватит на трех уроженцев Нижней Нормандии, двух — Нижней Бретани и такое же число гасконцев или бискайцев, по общему мнению — за основательность которого, однако, сохрани нас Боже поручиться, — людей самых хитрых во всем нашем подлунном мире.

Итак, уверенный, что достигнет своей цели, авантюрист пренебрег всеми мерами предосторожности и весело окликнул проводника:

— Эй, Хосе! Нельзя ли тебе идти немного тише и рядом со мной? Мы потолковали бы дорогой, чтобы скоротать время. Между нами говоря, оно тянется для меня чертовски долго на этом солнцепеке, от которого изжарился бы даже панцирь черепахи.

— Как угодно, сеньор, — спокойно ответил краснокожий, — но к чему говорить, когда можно спать? Берите пример с вашего товарища: видите, он спит, убаюканный мерной поступью лошади. Отчего бы вам не поступить так же?

— По двум причинам, любезный друг, — ответил молодой человек насмешливым тоном, — во-первых, мне спать совсем не хочется, во-вторых, я был бы не прочь наблюдать за дорогой, по которой мы едем.

— Нет ничего легче, когда у вас глаза так широко раскрыты, сеньор, для этого нет надобности в разговорах.

— Правда, любезнейший, истинная правда, я вполне признаю это, однако, если тебе не будет неприятно, я был бы очень рад поговорить с тобой. Признаться, я очень люблю беседовать, да и то сказать, ведь это самое верное средство получить сведения.

— А! Вы хотели бы собрать сведения, сеньор?

— Не скрою, что сильно хочу этого.

— Какая неудача для вас, что вы напали именно на меня, любезный сеньор! — возразил краснокожий, и в голосе его прозвучала насмешка. — Похоже, из всех людей я менее всего способен предоставить то, что вам нужно.

— Как знать, любезный друг, как знать, все-таки подойди ближе, если не возражаешь, и потолкуем о том о сем; быть может, сами не подозревая того, в нашем беспредметном разговоре мы до чего-нибудь и договоримся.

— Не думаю, сеньор, однако, не желая делать вам неприятное, я исполню ваше желание. Будем говорить или, вернее, извольте говорить, сеньор, а я готов отвечать вам, если смогу.

Краснокожий замедлил шаг и пошел по правую руку путешественника.

Тот, изумленный отпором и начиная подозревать, что имеет дело с противником несравненно более сильным, чем предполагал, насторожился и сменил тактику. Он продолжал самым равнодушным, казалось бы, тоном:

— Признаться, я так упорно настаиваю на беседе с тобой только потому, что не хочу заснуть.

— Очевидно, — ответил проводник небрежно.

С этим словом он разможил палкой, которую держал в руке, голову речной змеи, внезапно появившейся перед ним.

— Ого, приятель, как ты ловко справляешься с этими гадами! — вскричал молодой человек с удивлением.

— О, это сущий пустяк!.. Так что вы говорили, сеньор?

— Я ничего не говорил.

— Значит, разговор окончен?

— Напротив, только начинается, поскольку, как известно, приступить к делу труднее всего.

— Полноте, сеньор, вы шутите или смеетесь надо мной.

— Ты же так не думаешь.

— Напротив, уверен в том, что говорю. Вам, извольте видеть, приятно было бы узнать кто я, откуда родом, из каких мест направляюсь и куда.

— Да что же это? — вскричал молодой человек с притворным смехом, который не скрывал, однако, его смущения. — Мы, кажется, хитрим?

— Ничуть! Я не думаю хитрить и говорю вполне откровенно: мне нечего вам сообщить, по крайней мере сейчас; со временем, быть может, я окажу вам доверие, которое теперь считаю лишним. Человек, на которого вы вполне полагаетесь, поручил мне быть вашим проводником, он знает, кто я, любит меня и покровительствует мне, за него я дам изрубить себя в куски; этого для вас должно быть достаточно. Я дал слово довести вас до Панамы, слово это я сдержу — вот все, что я могу сказать вам в настоящую минуту, а если этого вам недостаточно, то ничего не может быть легче, как вернуться назад, тем более что я опасаюсь урагана. Вы можете пока скрываться в моей хижине, а при первом удобном случае я обязуюсь доставить вас обратно на ваш корабль в целости и сохранности.

С минуту авантюрист не знал, что ответить на эти гордые и решительные слова краснокожего, но он тотчас овладел собой.

— Ты меня не так понял, любезный друг, — сказал он шутливо, — я вовсе не сомневаюсь в твоей преданности — за нее мне поручился человек, которого я считаю обратом, — но поскольку мы должны оставаться вместе довольно долго, то, говоря откровенно, я был бы не прочь узнать тебя поближе, в

тебе кроется что-то таинственное, чего я не опасаюсь, правда, но что в высшей степени возбуждает мое любопытство.

— Однако, сеньор, мне кажется...

— И мне, черт возьми, кажется, — с живостью перебил путешественник, — что твои действия честны, обращение откровенно, но что это доказывает? Мы с товарищем затеяли игру, в которой наши головы могут начинить пулями! Испанцев ты должен знать не хуже нас, тебе известно, какую ожесточенную войну они ведут с нами, какую ненависть питают к нам, — впрочем, и мы не остаемся у них в долгу; они зовут нас грабителями, гонятся за нами, как за дикими зверями, и безжалостно убивают повсюду, где только встречаются нас поодиночке.

— Да, да, — сказал проводник задумчиво, — они поступают с вами, как с краснокожими.

— Именно так, если не хуже. С их точки зрения краснокожие — их рабы, так сказать, их собственность, лишаться которой они не имеют никакой охоты. А мы — совсем иное дело, при малейшем подозрении о том, что мы, нас безжалостно расстреляли бы после жесточайших пыток. Смерть меня не пугает, я часто глядел ей прямо в глаза. Но если я отважно подвергаюсь смертельной опасности во имя почестей, славы и богатства, это вовсе не значит, что я собираюсь попасться, как волк в западню, и лишиться жизни, как последний дурак, для вящего наслаждения надменных испанцев. В конце концов, я должен сознаться, что какая бы сумасбродная голова ни была у меня на плечах, я имею слабость дорожить ею, потому что другой уж, верно, не подыщу.

— Вы правы, сеньор, и слова ваши основательны — доверие требует доверия. Вы действительно находитесь в моих руках и, будь я изменником, могли бы считать себя погибшим, но все же предоставьте мне действовать по своему усмотрению. Ничьей воли насиловать не следует. Каждый должен поступать согласно своим наклонностям и своим интересам. Быть может, доверие, которого вы требуете от меня сегодня, завтра я окажу вам по собственному побуждению, это зависит от обстоятельств... Впрочем, предупреждаю, что скоро я попрошу вас об одной важной услуге, пусть это будет по пословице, что долг платежом красен.

— Согласен от всего сердца, но смотри в оба, приятель, клянусь честью Берегового брата, если бы даже ты как-ни-

будь оплошал по отношению ко мне, я не изменю своему слову.

— Решено, теперь разбудите вашего товарища, небо принимает вид, который меня тревожит, надо поторопиться.

— Чего же ты опасешься?

— Урагана. Взгляните наверх и вокруг себя, и вы увидите, что необходимо скорее добраться до убежища.

Молодой человек поднял голову и вздрогнул от изумления.

Солнце мгновенно скрылось за громадными желтоватыми тучами, которые мчались по небу с головокружительной быстротой армии, обратившейся в бегство, а между тем в воздухе стояла мертвая тишина, жара становилась удушливой, дышала огнем, птицы тяжело перелетали с места на место, в испуге кружили в воздухе, испуская пронзительные и отрывистые крики, животные в страхе выбегали из леса и кустарника и со зловещим воем разбегались в разные стороны.

Явление странное и вместе с тем грозное — река как будто вдруг остановилась в своем быстром течении, поверхность ее стала неподвижной и гладкой, как зеркало.

Вдали в горах слышался неопределенный гул и глухие раскаты.

Лошади под всадниками, уткнув морды в землю, сильно фыркали и скребли копытами землю, пригибая уши, сверкали глазами и в неопишемом ужасе не трогались с места, несмотря на понукания; временами они жалобно ржали.

— Что это значит? — спросил дон Фернандо с изумлением, к которому примешивался отчасти страх.

— Это значит, сеньор, что если не произойдет чуда, мы погибли, — холодно ответил проводник.

— Погибли? Полноте! — вскричал молодой человек. — Разве мы не можем поискать какого-нибудь убежища?

— Поискать можно, только найти нельзя, от землетрясения не укроешься!

— Что такое вы говорите?!

— А то, что сейчас будет ураган вместе с землетрясением!

— Черт побери! Это, кажется, не шутка.

— Не шутка, а страшная вещь.

— Далеко мы от ночлега?

— В двух милях, не более.

— Да ведь это вздор, мигом проскакать можно.

— Поздно! — вдруг вскричал проводник. — Долой с лошади!

И схватив молодого человека за пояс, он мигом приподнял его с седла и уложил возле себя ничком наземь.

Лошадь, избавленная от всадника, тотчас улеглась рядом.

Страшный вихрь несясь прямо на них, ломая и опрокидывая все на своем пути.

Мигель Баск свалился с лошади, точно мешок, и спросонья не понимал, что происходит вокруг него.

На счастье достойного авантюриста, он упал так тяжело, что остался лежать неподвижно, оглушенный падением.

В то же время раздался оглушительный треск, подобный пальбе из сотни орудий крупного калибра; вода в реке, поднятая неведомой силой, закипела, полилась фонтаном на берег и затопила все вокруг на большом расстоянии; земля задрожала с глухим и зловещим рокотом, широкие трещины открывались в ней там и здесь, горы содрогались в своем основании, деревья сталкивались, раскачиваясь из стороны в сторону, словно укушенные тарантулами.

Потом вдруг все замолкло, тучи, затемнявшие небесный свод, рассеялись, солнце выглянуло вновь, и воцарилась прежняя тишина.

— Встаньте! — крикнул проводник.

Путешественники проворно вскочили на ноги и огляделись вокруг с испугом.

Они не могли узнать места, где находились. В несколько мгновений природа вокруг настолько изменилась, что все приняло совсем иной вид: там, где раньше была долина, теперь возвышалась гора, река как будто изменила свое русло, деревья, вырванные с корнем, скрученные, сломанные, переплелись ветвями и лежали, разбросанные в беспорядке, громадные трещины разверзлись в земле и пересекали равнину по всем направлениям, исчез всякий след дороги или тропинки.

Между тем с моря подул легкий ветер и освежил раскаленную атмосферу, ярко сияло солнце в голубом небе, глубокая тишина как бы по волшебству воцарилась вслед за страшным ураганом, животные, как и прежде, спокойно бродили, птицы запели в листве.

Никогда еще человеческий глаз не встречал противоположности более резкой, более поражающей.

— Что же нам делать? — вскричал дон Фернандо.

— Ждать, — ответил проводник.

— Прелестный край, — ворчал про себя Мигель, потирая бока, — даже земля уходит под ногами, на что же после этого полагаться? Ей-Богу! Море лучше во сто раз!

— Неужели мы тут останемся? — спросил дон Фернандо.

— До утра; разумеется, дорога нам отрезана, и надо положить другую, теперь же поздно за это браться. Мы проведем ночь на этом самом месте.

— Да зачем же это? — запротестовал Мигель. — Ночлег на открытом воздухе вовсе не безопасен в таком краю, где горы пляшут, словно пьяные матросы.

— Это неизбежно — мы не можем достигнуть сегодня места, где полагали остановиться на ночлег.

— Зачем же нам стремиться именно туда? Разве нельзя отыскать другого?

— Мы в пустыне.

— Однако не совсем... Что за стена там виднеется?

— Ничего нет, — ответил проводник нерешительно.

— Полно, друг, ты смеешься надо мной!

— Не понимаю.

— Как! — вскричал дон Фернандо. — Разве ты не видишь на вершине этого пригорка, немного вправо, минутах в десяти ходьбы отсюда белые стены здания, наполовину скрытого деревьями?

— Надо быть слепым, чтобы не видеть, черт побери! — подтвердил Мигель.

Проводник содрогнулся, но тотчас же, по-видимому, собрал все свое мужество и принял решение.

— Сеньоры, — сказал он, — я вижу этот дом не хуже вашего. Я знаю его давно.

— Что это за здание? — осведомился дон Фернандо.

— Асиенда дель-Райо.

— Блистательное название, во всяком случае¹, — с улыбкой заметил Мигель.

— Оно принадлежит дону Хесусу Ордоньесу де Сильва-и-Кастро, — невозмутимо продолжал проводник.

— А что это за человек? — поинтересовался дон Фернандо.

— Один из богатейших землевладельцев в провинции.

— Очень хорошо, но я не о том спрашиваю; сам-то он какой человек?

---

¹ Одно из значений испанского слова *гауо* — сияние, ореол.

— Чистокровный испанец, пропитанный предрассудками до мозга костей, ханжа, лицемер, развратник, коварный и лживый, но, разумеется, примерный католик — вот вам его портрет.

— Гм! Портрет не льстивый и если похож на оригинал, то последний весьма непривлекателен.

— Он точен. Позвольте мне еще раз настаивать на том, чтобы остаться ночевать здесь, это для нас будет лучше во всех отношениях!

— Разве нас плохо примут?

— О нет, нет! Этого опасаться нечего. Только...

— Только что?

— Станные слухи ходят про этого дона Хесуса Ордоньеса и про его дом.

— Да ну же, говори прямо! — вскричал с нетерпением дон Фернандо.

— Асиенда его имеет дурную славу в краю, люди благоразумные обходят ее стороной, страшные вещи рассказывают про эти старые стены... Поговаривают, будто там водится нечистая сила.

— Только-то! — радостно вскричал Мигель. — Вот славный случай посмотреть на привидение, который я-то уж ни в коем случае не упущу, поскольку жажду этого счастья всю свою жизнь, но ни разу еще не испытал его!

— Веди нас, Хосе, мы тут не останемся.

— Но...

— Полно говорить о пустых фантазиях, ведь мы не дети, которых пугают сказками, идем.

— Подумайте...

— И думать нечего! В путь!

— Если вы непременно хотите этого...

— Требую.

— Я покоряюсь вашей воле, но помните, что я только уступил вашим настоятельным требованиям.

— Разумеется, Хосе, я беру на себя всю ответственность.

— Так пойдемте, раз вы непременно этого желаете, но послушайте меня, будьте осторожны!

— Да чего же нам бояться-то? — рассмеялся Мигель. — Разве мы не такие же черти? Неужели сатана не будет добрым товарищем своим же?

Проводник пожал плечами с грустной улыбкой и двинулся в путь.

Спустя десять минут путешественники приближались к асиенде.

Когда они входили в ворота, Хосе увидел разглагольствовавшего среди кучки народа отвратительной наружности индейца, кривого и однорукого, тело которого было раскрашено, подобно тигровой шкуре, желтоватыми пятнами, а лицо, узкое, коварное, жестокое, просто отталкивало.

Возле него стоял серый мул, худой, с ввалившимися и окровавленными боками, понутив голову с покорностью отчаяния несчастного животного, не прирученного, но терзаемого человеком. Громадная собака с серой свалывшейся шерстью, с окровавленными ушами и гноящимися глазами, лежала у ног индейца.

Увидев этого человека, Хосе вздрогнул, в глазах его сверкнула молния, и он невольно прошептал:

— Каскабель здесь! Зачем?

Как тихо ни были произнесены эти слова, дон Фернандо услышал их.

Между тем проводник не останавливался, и всадники въехали вслед за ним во двор.

ГЛАВА III

Каков был на самом деле дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, владелец асиенды дель-Райо

Хосе обменялся со странно раскрашенным краснокожим быстрым взглядом, в который вмещалась вся ненависть, на какую способно человеческое сердце. Между ними легко бы могла завязаться жестокая ссора, если бы на парадном дворе не появился владелец асиенды, спеша приветствовать гостей.

— Гляди за шквалом, матрос, — шепнул дон Фернандо на ухо товарищу, — тут надо держать ухо востро.

— Будьте спокойны, ваше сиятельство, — почтительно ответил буканьер, низко склонившись к гриве своей лошади, быть может чтобы лучше скрыть насмешливую улыбку, адресованную испанцу.

Асиендадо дон Хесус Ордоньес был человеком средних лет, среднего роста и средней полноты, с правильными чертами и смуглым цветом лица, пронизательным взглядом, закрученными кверху усами, ртом одновременно насмеш-

ливым и сладострастным; лицо его выражало то хитрое добродушие, что чаще всего не дает наблюдателю составить себе определенное мнение о человеке, с которым имеет дело; впрочем, он был радушен, приветлив, любезен во всех отношениях и соблюдал законы кастильского гостеприимства со всеми своеобразными его требованиями: путешественники не только были вежливо приняты, но еще и приветствованы с изъявлениями живейшей радости.

— Добро пожаловать в мое бедное жилище, кабальеро, — сказал асиендадо с усердным поклоном. — Вам, вероятно, известна наша поговорка: гость Богом послан, он вносит в дом радость и счастье. Итак, повторяю, добро пожаловать в мою плохенькую хижину! Все, что в ней находится, в вашем распоряжении, как и ваш слуга дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро.

Эта речь была произнесена так быстро, не переводя духа, что дон Фернандо не имел времени вставить ни слова.

— Покорнейше благодарю, кабальеро, — наконец ответил он, сходя с лошади и бросая повод Хосе, — не имею слов выразить вам свою признательность за любезный прием. С час назад неподалеку отсюда меня с моим доверенным слугой и проводником-индейцем на пути застигло землетрясение. Поставленный перед невозможностью продолжать путь, я решился просить у вас приюта на несколько часов, принося извинение за беспокойство.

— Извинение! — вскричал асиендадо. — Вы, верно, шутите! Ведь это мне следует извиняться за то, что я не могу оказать вам достойный прием: землетрясение нас совсем переполошило, мои люди до сих пор еще не совсем опомнились от страха, все в беспорядке, но мы приложим все усилия, чтобы доставить вам возможное удобство.

После этого обмена любезностями асиендадо, предшествуемый мажордомом, рослым детиной с видом висельника, в черном бархате с ног до головы, толстой золотой цепью на шее и збеновой тростью в руке — знаками его достоинства, — повел гостей в обширную комнату, где собирался оставить вновь прибывших, лично удостоверившись, что тут имеется все для них необходимое.

— К ужину позвонят через час, — сказал он и сделал движение, чтобы уйти.

— Позвольте, сеньор, — возразил гость, удерживая его, — я вам еще не назвал себя.

— Для чего? Вы мой гость, и мне этого достаточно.

— Вам, может быть, достаточно, но не мне, сеньор! Позвольте поблагодарить вас за вашу любезную предупредительность, но пользоваться ею я не намерен. Я — граф Фернандо Гарсиласо де Кастель-Морено, прибыл недавно в Чагрес и отправляюсь в Панаму, куда меня призывают важные вопросы — частные и политические.

Асиендадо почтительно снял шляпу, отвесил поклон до земли и дрожащим от волнения голосом вскричал:

— Граф Гарсиласо де Кастель-Морено, племянник его светлости вице-короля Новой Испании, родственник губернатора Кампече и испанский гранд первого ранга! О, ваше сиятельство, какая честь моему бедному дому, какое счастье для меня, что вы сооблаговолили принять мое гостеприимство!

С этими словами он попятился к двери, не переставая кланяться, и наконец вышел в сопровождении мажордома, растерявшегося не меньше своего господина.

Дверь затворилась, и два авантюриста остались одни.

Мигель принес чемоданы и поставил их на стулья. Дон Фернандо тотчас принялся одеваться с помощью товарища, который добросовестно и со всем должным подобострастием исполнял свою роль слуги.

Береговые братья уже давно были знакомы с обычаями в испанских домах, они прекрасно знали, что в них имеются миллионы потайных дверей, скрытых лестниц и невидимых окошечек, через которые можно подсматривать и подслушивать, и потому соблюдали всякую осторожность.

И хорошо сделали — во всяком случае, на этот раз, — что были предусмотрительны: за ними подсматривали самым тщательным образом. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы намерение тут крылось дурное — имя и титул, которые присвоил себе молодой человек, произвели положительное впечатление на достойного асиендадо, сельского жителя, не привыкшего принимать знатных гостей, и он подсматривал за своим гостем и подслушивал его разговоры, чтобы хорошенько уяснить себе, как обращаются вельможи с людьми своего круга.

Вероятно, он остался очень доволен тем, что увидел, потому что удалился с сияющим лицом, радостно потирая руки.

Гость и его слуга постоянно говорили по-испански, и все, что было сказано между ними, только утвердило то высокое мнение о них, которое асиендадо составил себе с первой минуты.

Дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, родом из Бургоса, еще очень молодым приехал в Америку искать счастья. Ступив на почти девственную землю Нового Света, этот юный искатель золота, лет тринадцати или четырнадцати, никак не более, обладал только сильным желанием обогатиться, не имея ни гроша в кармане. Однако он не падал духом, напротив, он перепробовал чуть ли не все профессии, прошел одну за другой почти все испанские колонии и был поочередно матросом, солдатом, погонщиком мулов, рудокопом, разносчиком и Бог весть чем еще. Лет пятнадцать длился этот довольно пестрый образ жизни, подробности которого, однако, для всех остались тайной — достопочтенный юноша был очень скромен относительно собственных дел, — когда в один прекрасный день он явился в Панаму на собственном корабле, груз которого принадлежал ему одному.

Но это уже не был прежний ньо Хесус Ордоньес, он влез в новую шкуру: был богат, разыгрывал вельможу и величал себя пышным титулом — дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, который казался ему громким, и потому он окончательно присвоил себе его.

К тому же он был женат на прелестной молодой женщине с кротким и грустным лицом, которая внушала сочувствие с первого взгляда; у нее была премиленькая двухлетняя дочка, резвая хохотушка, по имени Флора, отцом которой, разумеется, был дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро.

Была ли эта дама счастлива со своим мужем? Это казалось сомнительным. Нередко ее видели с покрасневшими глазами, уверяли даже, что заставляли плачущей тайком, когда она целовала свою девочку и прижимала ее к сердцу. Она никогда не жаловалась, и если кто решался спрашивать ее, она ловко переводила разговор на другое, старалась улыбнуться и прикидывалась веселой, хотя никого не могла обмануть этим.

Как бы там ни было, все эти предположения, в сущности, ни на чем фактическом не основывались, ни одно слово, ни взгляд, ни даже движение не подтверждали подозрений людей праздных, любопытных или приятелей вновь прибывшего — он разыгрывал важную роль в Панаме, в силу своего богатства пользовался почетом, и перед ним даже заискивали. Впрочем, как бы ни поступал дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро в своем доме, чего никто не знал, в обществе он был очарователен, любезен, внимателен и с достоинством

пользовался своим честно ли, бесчестно ли приобретенным состоянием.

Закончив дела, которые удерживали его в Панаме, он объявил, что край ему понравился и он намерен поселиться здесь окончательно, но чтобы не оставаться в бездействии в свои года, приобретет поместье, где и будет заниматься сельским хозяйством.

В это же время богатый землевладелец в колонии, собираясь переехать обратно в Испанию, продавал все свое имущество, в числе которого находилась великолепная асиенда в нескольких милях от Чагреса, с обширными угодьями, лесом, пахотной землей и множеством лошадей и различного скота.

Асиенда эта называлась дель-Райо и была построена в эпоху открытия Нового Света одним из грозных товарищей Эрнандо Кортеса¹, поселившимся в этой колонии, почти совершенно тогда неизвестной. Об этом искателе приключений шли странные рассказы; поговаривали, что в стенах этого мрачного жилища происходили ужасающие сцены, чудовищные оргии, злодейства, от которых волосы становились дыбом, и смерть первого владельца будто бы сопряжена была со страшными обстоятельствами, которые так никогда до конца и не разъяснились. С той поры грозная таинственность витала над этим домом, народ сторонился его и, как говорили шепотом и крестясь, по временам там слышались непонятные говор и стук, наводя на всех неизъяснимый ужас.

Настоящий владелец никогда не жил на асиенде; раз он прибыл туда, заявив о намерении поселиться, но не провел и двух суток на ней, как ускакал с поспешностью бегства и без оглядки помчался обратно в Панаму, предоставив доверенному слуге управление этим обширным и великолепным поместьем.

При такой худой славе асиенда продавалась со всеми угодьями за сто пятьдесят тысяч пиастров — цену весьма умеренную, тогда как настоящая стоимость ее была по крайней мере в пять или шесть раз больше; но владелец боялся, что даже и за эту небольшую сумму не найдет покупателя.

На его счастье, об этой продаже прослышал дон Хесус. Авантюрист был не робкого десятка, чтобы придавать значение, по его собственному выражению, рассказам мамок. При

---

¹ Эрнандо Кортес — завоеватель ацтекской империи.

его жизни, исполненной самых удивительных приключений, он не мог испугаться толков, более или менее основательных, относительно старого дома.

Ему понадобилась асиенда, и такая была в продаже за умеренную цену. Поместье вполне соответствовало его желаниям, он вступил в переговоры с владельцем, выторговал уступку в двадцать пять тысяч пиастров и тут же на месте сполна выплатил золотом всю требуемую сумму, вследствие чего сделался законным владельцем асиенды дель-Райо.

Были лица, которые отважились на попытку отговорить его от этого приобретения, утверждая, что он не замедлит раскаяться, но почтенный испанец только улыбался и пожимал плечами, решения же своего держался с упорством, которое составляло основу его характера. В сущности, покупка была для него очень выгодна, он приобретал за ничто, так сказать, поместье стоимостью миллиона в три-четыре, против этого нечего было возразить, все замолчали, но предсказывали ему в будущем всякого рода несчастья.

Однако, судя по всему, эти предсказания со временем не сбывались. К великому изумлению всех приятелей и знакомых, дон Хесус благоденствовал, проживая в своем новом доме.

Не интересуясь более общими толками, новый асиендадо сделал все надлежащие распоряжения, чтобы уехать из Панамы и поселиться на асиенде дель-Райо. По прошествии недели после заключения сделки однажды утром, на заре, он выехал из Панамы с женой и дочерью в сопровождении многочисленной прислуги, хорошо вооруженной и на добрых лошадях, и направил путь к асиенде, куда прибыл на четвертый день около трех часов пополудни.

Переезд совершился не быстро, так как, хотя асиенда находилась всего в четырнадцати милях от города, дороги были непроходимые или, вернее, их не существовало вовсе. Кроме того, задоном Хесусом тянулось додвадцати мулов, навьюченных самыми разными вещами, пять-шесть телег, запряженных волами, а в паланкине еще находились его жена и дочь.

Служанки были кое-как размещены в телегах. Такой многочисленный, а в особенности тяжелый караван с величайшим трудом выбирался из оврагов и трясин, в которых вязнул на каждом шагу, надобно было буквально пролагать себе путь топором и заступом, и только благодаря громадным,

почти нечеловеческим усилиям они наконец благополучно достигли асиенды.

Величественный вид великолепного, чисто феодального здания порадовал глаза и сердце нового помещика, который не ожидал увидеть такое чудное жилище. По своей привычке он весело потер руки и совершенно спокойно, без малейшей заботы о том, что может готовить ему будущее в этом замке, въехал вскачь на парадный двор, где мажордом и все пеоны, работавшие на асиенде, с нетерпением ожидали своего нового господина, чтобы почтительно приветствовать его и засвидетельствовать всенижайшую преданность.

Дон Хесус был не таков, чтобы терять время на всякий вздор; поздоровавшись с пеонами и раздав им несколько реалов, он отправился в сопровождении мажордома осматривать дом от подвала до чердака, надворные строения, домовую церковь, конюшни и людские.

Теперь радость его уже не знала пределов и превратилась в восторг. Все было в порядке и в наилучшем виде, мебель и вся обстановка в доме имели новый лоск, точно купленные накануне. Дон Хесус горячо выразил свое удовольствие мажордому и едва ли не в первый раз в жизни изменил принятое им решение. Он сказал мажордому, что оставляет его у себя и что от него самого будет зависеть, служить ли ему в этом доме до самой смерти. Мажордом рассыпался в изъявлениях благодарности с тем большим жаром, что знал о прежнем намерении хозяина отказать ему.

Владелец асиенды указал, какие комнаты будет занимать сам, какие отводит жене с дочерью, велел приготовить их к вечеру и, все более и более довольный своей покупкой, завершил осмотр асиенды в самом блистательном расположении духа.

Мажордом не пропустил ни одной комнаты обширного здания, куда бы ни вводил нового хозяина — разумеется, отчасти желая продемонстрировать, как он заботился о порядке в доме. Итак, обход длился долго, но кому же наскучит осматривать свои богатства?

Уже с добрых два часа асиендадо и его мажордом поднимались по лестницам и спускались вниз, поворачивали по коридорам то направо, то налево, стучали в стены, отворяли потайные двери и сходили по тайным лестницам, так как дом, построенный в древнефеодальном вкусе, был, так сказать, с двойным дном: потайные комнаты и неизвестные

проходы присутствовали в гораздо большем числе, чем те, что имели окна и двери, выходящие на свет Божий.

Наконец новый владелец и мажордом дошли до правого флигеля здания, построенного в виде сарацинской башни, увенчанной вышкой, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. Дон Хесус уже хотел выйти опять на парадный двор, когда порыв сквозняка внезапно ворвался в залу, заколыхал занавеси, и одна из них, вероятно плохо закрепленная, упала, представив всеобщим глазам дверь, так искусно вделанную в стену, что заметить ее можно было только при тщательном осмотре; впрочем, дверь эта, очевидно, не отворялась уже давно и в ней не было следов замка или ручки.

Асиендадо взглянул на мажордома. Тот стоял бледный, весь дрожа, холодный пот выступил у него на лбу крупными каплями.

— Куда ведет эта дверь? — спросил дон Хесус.

— Не знаю, — нерешительно ответил мажордом.

— Отвори ее.

— Этого нельзя сделать.

— Почему?

— Сами изволите видеть, сеньор, в ней нет ни ручки, ни замка, она давно заделана. Зовут ее, сам не знаю почему, дверью Мертвеца. Прежний владелец, говорят, велел заложить ее кирпичом.

Дон Хесус постучал в дверь рукояткой своего кинжала, и действительно, звук был глухой и отрывистый, словно шел от сплошной стены.

Асиендадо покачал головой и спросил вполголоса:

— И ты ничего больше не знаешь об этой двери?

— Если верить преданию, за ней находятся — по крайней мере, находились, — ходы и лестницы, которые шли вокруг всего дома и вели в каждую комнату.

— Вот это мне больше нравится, я люблю ясность во всем!

— Что же касается подземелий, о которых говорится в предании, то они, как мне кажется, существуют в одном лишь воображении пеонов и краснокожих, самых легковверных людей на свете.

— Это правда, продолжай.

— Хотя асиенда эта построена на вершине довольно высокой горы, она не имеет подвалов. Впрочем, вам должно быть известно, сеньор, что в Америке погреба обыкновенно устраиваются не под зданиями.

— Вот тебе и на!

— По тому же преданию, — продолжал мажордом, — подземные ходы идут далеко в землю, и выходы их раскинуты на большое расстояние один от другого.

— Это не совсем приятно: получается, будто ты находишься в своем доме, да не у себя.

— О! — с живостью вскричал мажордом. — Это предание не может быть справедливо!

— Почему же?

— Вот уже десять лет, сеньор, как я один живу на асиенде, и сам составил ее подробный план. Раз сто я осматривал дом самым тщательным образом, мало-помалу открыл все тайники, все потайные двери — это просто убежища на случай нападения врасплох. В этой же стороне здания нет ни малейшего признака потайной лестницы, я сам удостоверился в этом; кроме того, потайных дверей нет и в тех комнатах, которые вы выбрали.

— Это справедливо. Дальше.

— Я хотел убедиться в этом полностью и, будучи самовластным хозяином на асиенде, приказал исследовать всю местность вокруг. Я сам наблюдал за этими обходами; они простирались на пять, на шесть и даже на семь миль вокруг асиенды.

— И ничего не открыли?

— Ровно ничего, сеньор.

— Стало быть, в толках нет ни тени правды?

— Что до меня, то я убежден в этом!

— Надеюсь вскоре убедиться в этом сам. Вели двум-трем пеонам прийти с инструментами, чтобы отомкнуть эту дверь.

Мажордом склонил голову и вышел. Через четверть часа он вернулся с тремя пеонами.

— Выньте эту дверь, ребята, — сказал асиендадо, — но смотрите, осторожно, по возможности чтобы не попортить ее.

Пеоны принялись за дело.

В несколько минут дверь была снята с петель; за ней оказалась глухая стена.

— Ты прав, — обратился владелец асиенды к мажордому.

Через полчаса все опять было на прежнем месте, а затем хозяин и слуги удалились.

В первый же день по прибытии дон Хесус освоился в доме, точно он целый год прожил на асиенде.

Вечером после сытного ужина дон Хесус вышел из столовой в сад, чтобы освежиться. Ночь была дивная, звездная, месяц светил ярко, и все было видно, как днем.

Асиендадо расхаживал взад и вперед, разговаривая с мажордомом, — он намеревался со следующего же дня начать обзор своих владений и отдавал приказания, чтобы лошади были готовы с рассветом.

Во время разговора он машинально поднял голову и вскрикнул от изумления.

В зале Мертвеца светился огонек.

— Видишь? — указал дон Хесус мажордому.

— Что это значит? — прошептал тот, крестясь.

— Ей-Богу, сейчас мы это узнаем! — вскричал асиендадо.

Дон Хесус был храбр; не колеблясь ни мгновения, он увлек засобой растерявшегося мажордома и быстрым шагом направился к правому флигелю.

Вдруг свет померк. Дон Хесус остановился.

— Я с ума сошел! — вскричал он, расхохотавшись. — Я принял за огонь лунный луч, отразившийся в стеклах.

Мажордом покачал головой с видом сомнения.

— Ты не веришь мне, — продолжал дон Хесус. — Я сейчас докажу тебе, что прав.

Он вернулся на прежнее место, где стоял, и огонек появился снова.

— Видишь? — спросил он.

Потом он опять перешел на то место, с которого свет не был виден, и действительно, он исчез. Эту проделку он повторил несколько раз с одинаковым успехом.

— Теперь можно пойти лечь спать, — наконец решил асиендадо, — и не думать больше о всех этих глупостях.

На следующий день он, не говоря о причинах, велел приготовить себе другие комнаты, в отличие от тех, которые выбрал сначала и в которых провел ночь, и отправился объезжать своих фермеров и пастухов. Мажордом заметил, что он бледен, чем-то расстроен, дико озирается по сторонам и порой содрогается от малейшего звука. Как хорошо вышколенный слуга, он оставил эти замечания при себе и не выдал их ни единым словом.

Прошло несколько лет. Дон Хесус только изредка ездил в Чагрес или в Панаму для сбыта товаров с асиенды, кож и зерна. Поездки его никогда не длились дольше, чем это было

необходимо. Едва он заключал сделку или делал покупку, как тотчас же поспешно возвращался домой.

Донья Лусия, жена его, жила очень уединенно, она почти не выходила из своих комнат и посвящала себя исключительно воспитанию дочери, которую любила страстно.

Иногда в тихую погоду она выходила в сад, садилась в рощице из магнолий, апельсиновых деревьев и яблонь и проводила несколько часов в задушевных беседах со своей дорогой Флорой и капелланом асиенды, достойным пастырем, согласившимся оставить свой монастырь в Панаме, чтобы похоронить себя в этом пустынном месте.

Отцу Санчесу было лет сорок восемь—сорок девять, но от подвижнического образа жизни и многочисленных лишений, которым он подвергал себя, волосы его побелели до времени, лицо сделалось изможденным, его кроткий взгляд дышал святостью, и сердце было в полном соответствии с его святым видом. Хотя он никогда не говорил о себе, однако при взгляде на него не трудно было понять, что большое горе смолоду навек разбило это великодушное сердце, одаренное редкой чувствительностью, подобно всем избранным натурам, для которых жизнь — одно продолжительное страдание; отец Санчес имел редкий дар не только сочувствовать страданию ближнего, но и приносить утешение, не докучая и не навязываясь при этом.

Все жители асиенды глубоко чтили отца Санчеса, донья Лусия любила его, как отца, и внушала любовь к нему своей дочери. Сам дон Хесус Ордоньес, который мало кого уважал, опасался и любил его в одно и то же время, не давая себе ясного отчета в этом двойственном чувстве к достойному капеллану.

Между тем донья Лусия стала все более и более слабеть, в течение нескольких месяцев силы постепенно оставляли ее, она худела и бледнела, но не жаловалась и, по-видимому, не слишком страдала.

Однажды она слегла.

Дон Хесус, вообще мало обращавший внимания на жену, решил, однако, на этот раз войти в ее спальню и по просьбе доньи Лусии пробыл с ней наедине около двух часов.

Что говорили друг другу супруги во время этого продолжительного разговора?

Этого никто не узнал.

Когда дон Хесус вышел из спальни супруги, он был бледен и сильно расстроен, как бы вследствие глубокого страдания или бессильного гнева.

Он тотчас вскочил на лошадь и в сопровождении слуги помчался сломя голову в Чагрес.

Едва за доном Хесусом затворилась дверь, как к донье Лусии вошли отец Санчес и донья Флора.

Флоре тогда было тринадцать лет; высокая, стройная, почти уже сложившаяся девушка, она обладала красотой матери с добавлением искорки решительности в бархатистых черных глазах.

Эти три лица провели всю ночь в задушевной беседе. На рассвете донья Флора, измученная бессонной ночью, несмотря на все усилия противиться сну, наконец заснула на груди умирающей матери.

Бедная женщина поцеловала ее в лоб.

— Стало быть, так надо? — прошептала она с грустью.

— Надо, — кротко ответил священник.

— Увы! Увижу ли я ее когда-нибудь?

— Увидишь, если повинуешься мне.

— Клянусь! Но мне страшно, Родригес.

— Потому что вера твоя слаба, бедная дорогая дочь моя! Сам Господь повелевает тебе моим голосом принести эту жертву.

— Да будет Его воля! — с невыразимой грустью сказала донья Лусия. — Ты будешь охранять ее, отец мой?

— Пока она не будет счастлива и что бы ни случилось!

— Даже если бы этот человек захотел воспротивиться?

— Успокойся, моя дорогая, он меня должен бояться, а не я его.

— Господь принял твой обет, отец мой.

— И поможет мне сдержать его, дочь моя.

Вскоре после десяти часов вечера из Чагреса во весь опор примчался дон Хесус.

С ним приехал доктор.

У ворот стоял отец Санчес, грустный, но спокойный.

— Донья Лусия?.. — только и смог сказать асиендадо.

— Скончалась при заходе солнца, — глухо ответил священник.

Не слушая дальше, дон Хесус соскочил с лошади и бросился в дом, крикнув доктору:

— Пойдемте!

Когда он вошел в комнату умершей, имовладелостранное волнение.

Донья Лусия лежала на кровати спокойная, улыбающаяся, как птичка, сложившая крылышки, она точно спала.

Донья Флора, стоя на коленях у изголовья матери, держала ее руку в своей и горько рыдала.

Поглощенная своим горем, девушка не заметила присутствия отца.

Комната вся была в черной драпировке с серебряными крапинами, четыре толстые свечи горели в подсвечниках — две у изголовья, две в ногах кровати; на столе стоял канделябр с девятью зажженными свечами из розового воска.

Несмотря на это освещение, дальние концы комнаты оставались во мраке — так она была обширна.

— Исполните свой долг, — приказал дон Хесус доктору прерывающимся голосом.

Тот повиновался. С минуту он стоял, наклонившись над телом доньи Лусии, потом поднял голову, взял полынную ветвь, обмакнул ее в серебряную чашу со святой водой, набожно осенил себя крестным знаменiem, окропил тело, прошептав короткую молитву, и сказал дону Хесусу:

— Теперь все было бы напрасно: она отдала Богу душу!

Асиендадо с минуту оставался как громом пораженный, без воли, без голоса.

Отец Санчес стоял рядом, устремив на него странный взгляд.

Вдруг дон Хесус поднял голову, дико осмотрелся вокруг и дрожащим, хриплым голосом сказал:

— Выйдите все!

— Сын мой, — кротко возразил священник, — долг велит мне молиться у тела бедной покойницы.

— Выходите, говорю вам, — повторил дон Хесус словно в забытьи, — уведите ребенка, я один хочу провести ночь у изголовья моей умершей жены.

Священник склонил голову, тихо приподнял девочку и увел ее с собой.

Доктор уже вышел.

Оставшись один, дон Хесус бросился к двери и запер ее на задвижку, потом медленно вернулся к кровати.

Он скрестил руки на груди и в течение нескольких минут не отрывал глаз от покойницы.

— Это должно было случиться, — прошептал он, — она умерла, несомненно умерла! Наконец!.. Теперь все кончено!.. Кто может обвинить меня? — вскричал он со страшной усмешкой. — Она умерла — да, умерла! Кто осмелится?.. С ума я сошел, что ли?.. Есть еще одно: этот ящикек... проклятый ящикек, ключ от которого она всегда носила на шее... А если бы она выболтала! Кому же? Она не видела никого в этом отдаленном краю. Надо скорее покончить с этим! Где же он, этот ящикек?.. Может, снять с нее ключ? — пробормотал он, бросив взгляд на мертвое тело. — Но к чему спешить? Ведь она не помешает мне взять его сейчас... Скорее, надо отыскать ящикек!

Тут он с грубым цинизмом, возмутительным в подобную минуту и в подобном месте, стал открывать один за другим шкафы, выдвигать ящики из комодов, рыться в белье, одежде и золотых вещах с жадным упорством гиены, отыскивающей добычу.

Поиски длились долго, не раз асиендадо был вынужден прерывать свое чудовищное дело, лицо его окаменело, пот струился с висков, движения были порывисты, не раз взгляд его невольно устремлялся на бедную покойницу, которая лежала на своем ложе спокойная и прекрасная, и содрогание ужаса пробегало по его телу.

Вдруг он испустил крик радости: он схватил в судорожно сжатые пальцы серебряный с резьбой ящикек.

— Наконец-то! — взревел он, точно тигр.

Он стал поспешно швырять обратно в комоды и шкафы платья, разбросанные им на полу, потом перенес ящикек на стол.

— Теперь все кончено, — сказал он, — не бросить ли его в огонь? Нет, он не скоро сгорит, лучше взять ключ.

Однако он не трогался с места, невольный ужас охватывал его при мысли о таком святотатственном насилии над мертвым телом.

— Ба! — вскричал он вдруг. — Я дурак! Чего мне опасаться?

— Божьего правосудия! — ответил громкий голос.

Асиендадо затрепетал, и глаза его устремились на то место, откуда раздались слова.

— Кто это говорит? — пробормотал он.

Ответом ему было молчание.

Тогда произошло страшное, необъяснимое явление.

Свечи мало-помалу стали меркнуть, и комната наконец погрузилась в совершенный мрак, только луч месяца в окне проливал слабый свет, от которого все предметы представлялись смутно.

Несколько белых фигур медленно выделились из мрака и тихо скользили по паркету, приближаясь к асиендадо без малейшего шума.

Одно из привидений протянуло руку и коснулось его лба.

Как будто почувствовав прикосновение раскаленного железа, дон Хесус со страшным криком упал навзничь.

— Смотри, не убей дочери своей, как убил жену! — произнес глухой и грозный голос. — Господь, тронутый мольбами твоей жертвы, вершит свое правосудие! Кайся, презренный убийца!

Дальнейших слов дон Хесус уже не слышал; с криком, скорее похожим на предсмертную агонию, он лишился чувств.

Когда он пришел в себя, свечи догорали в канделябре, толстые свечи в больших подсвечниках горели по-прежнему, яркий солнечный свет играл на стене, образуя фантастические арабески.

— Мне пригрезилось! — пробормотал он и провел рукой полбу, покрытому холодным потом. — Какой страшный сон!

Вдруг он испустил крик ярости — ящичек исчез со стола! Машинально глаза его обратились на кровать: она была пуста.

Тело доньи Лусии исчезло!

— О, я погиб! — вскричал он.

Кинувшись к двери, он торопливо отпер ее.

— Идите, идите сюда, отец мой! — вскричал асиендадо, бросаясь в объятия капеллана.

Оба вернулись в спальню и заперли за собой дверь.

Около часа после того дон Хесус вышел из комнаты и вскоре вернулся, сам неся гроб.

Слуги на асиенде не могли надивиться на страстную любовь их господина, который не хотел дозволить, чтобы кто-нибудь, кроме него, касался той, утрата которой сразила его таким горем.

Похороны устроили в тот же день.

На следующее утро дон Хесус заперся в спальне жены, где происходили непонятные явления, целых четыре часа он тщательно осматривал стены и ничего не открыл. Не существовало ни малейшего следа потайной двери!

Донья Флора пожелала переселиться в комнату матери, и дон Хесус согласился на это, уступая убеждению отца Санчеса, которому страшная тайна, доверенная асиендадо, почти давала право повелевать в доме, хотя он не пользовался им.

Три года прошло после этих событий, когда на асиенде дель-Райо появились авантюристы, испрашивая у хозяина убежища и встретив самое радушное гостеприимство.

Донье Флоре минуло шестнадцать лет. Красота ее вполне соответствовала тому, что можно было ожидать, но она имела вид холодный и строгий, ее бледное лицо напоминало мраморную статую, между бровями легла маленькая морщинка, задумчивый взгляд иногда устремлялся на отца с неизъяснимым выражением ненависти и гнева.

Асиендадо боготворил или прикидывался, что боготворит ее, он не стеснял ее ни в чем и с почти детской покорностью повиновался малейшим ее прихотям.

Надо сказать, что в страшную ночь, проведенную им в комнате покойницы, волосы его совершенно побелели.

Отец Санчес был, как и прежде, тих и кроток, сострадателен и покорен судьбе.

Вот что мы можем в нескольких словах поведать о доне Хесусе Ордоньесе де Сильва-и-Кастро, владельце асиенды дель-Райо, и о некоторых событиях из его жизни.

ГЛАВА IV

Дон Фернандо влюбляется в донью Флору и снимает дом у дона Хесуса

помощью Мигеля Баска дон Фернандо почти совсем уже оделся, когда раздался первый звонок к ужину.

Тотчас же явился мажордом, предварительно тихо постучав в дверь.

— Ужин подан, ваше сиятельство, — сказал он с глубоким поклоном и повернулся на каблуках.

Молодой человек последовал за ним.

Мажордом повел его в столовую. Это была громадная, довольно низкая зала со сводами, потолок с выступами которой опирался на столбы из цельного черного гранита; множество узких готических окон с тусклыми стеклами едва освещали ее, стены скрывались за дубовыми резными панелями, почерневшими от времени, на которых были развеше-

ны олени и лосиные рога, охотничьи копыта и рожки, кабаньи клыки и тому подобное. В железных подсвечниках, укрепленных вдоль стен, горели факелы, от которых дым поднимался спиралями к потолку и образовывал голубоватое облако над головами присутствующих.

Посреди этой обширной залы, усталой большими белыми плитами, находился громадный стол в форме подковы, средняя часть которого, предназначенная для владельца с его семейством и гостями, была приподнята на три ступени выше обоих его концов.

Два исполинских серебряных судка искусной работы с разного рода специями и соусами как бы пролагали разграничительную черту вправо и влево между господами и слугами, — в эту эпоху в испанских колониях, как и в самой Испании, еще сохранялся патриархальный обычай, согласно которому слуги и господа ели за одним столом.

Громадные медные подсвечники с зажженными восковыми свечами были привинчены к столу на равном расстоянии один от другого.

В верхней части стола, покрытой тонкой камчатной скатертью и сервированной массивным серебром, стояло два зажженных канделябра в семь свечей из розового воска.

Приборы на обоих концах стола были простые, скатерть и вовсе отсутствовала.

На почетном возвышении стояло пять приборов. В середине — для самого хозяина, направо от него — для графа, налево — для доньи Флоры, возле нее — для капеллана, возле доня Фернандо был прибор для молодого и довольно красивого человека с отчаянно закрученными кверху усами и глазами, полными огня.

Мигель Баск и мажордом сидели возле судков, за ними тянулось по ряду слуг, размещенных в соответствии со сроком службы и с возрастом.

Когда граф дон Фернандо вошел в столовую, асиендадо со своим семейством стоял на возвышении, слуги также стояли молча — каждый у своего прибора.

— Мой любезный гость, — любезно обратился к дону Фернандо хозяин, — позвольте мне представить вам моего достойного капеллана отца Санчеса, моего друга доня Пабло де Сандовалья, капитана флота его величества короля испанского, и, наконец, донью Флору, мою дочь... А теперь, отец Санчес, прочтите молитву, чтобы мы могли сесть за стол.

Отец Санчес повиновался, каждый сел на свое место, и приступили к ужину.

Это был настоящий испанский стол из классических народных блюд с добавлением жареной оленины и болотных птиц. Вообще все было приготовлено отлично и подано безукоризненно — дон Хесус имел превосходного повара.

Разговор, который шел вяло в начале ужина, мало-помалу оживился и сделался общим, когда подали десерт, разные сладости, ликеры и легкие вина.

Слуги исчезли, только мажордом и Мигель по милостивому знаку асиендадо остались на своих местах.

Дон Пабло, как узнал дон Фернандо, искал руки доньи Флоры, несколько дней тому назад он вернулся в Панаму после довольно продолжительного крейсерства вдоль берегов Перу. Он командовал двадцатипушечным корветом с экипажем в двести человек; корвет его назывался «Жемчужина» и, по словам блистательного капитана, был хорошо известен и служил грозой *грабителям*, как он величал флибустьеров.

Крейсерство «Жемчужины» складывалось очень удачно: она вернулась в Панаму, ведя за собой два контрабандных судна и с десятков флибустьеров, захваченных в бурю в лодке, едва державшейся на воде.

Капитан рассказал, что эти люди оказали отчаянное сопротивление, прежде чем позволили испанцам овладеть собой, и то они сдались только тогда, когда их лодка стала тонуть. Бедные люди, по-видимому, уже несколько дней ничего не ели и не пили, когда их заметили с «Жемчужины».

— Однако, несмотря на слабость, которую должны были испытывать эти несчастные, они все-таки храбро защищались, — заметила донья Флора.

— Молодецки, сеньорита! — подтвердил капитан, кокетливо подкручивая ус. — Это сущие дьяволы, они убили и ранили у меня человек тридцать.

— А их было всего десять человек? — переспросил дон Фернандо.

— Ни одним больше, честное слово!

— Вы взяли их в плен?

— Их содержат подстрожайшим присмотром в панамской тюрьме.

— Гм! — отозвался асиендадо. — Будь их двадцать, а не десять, вам трудно было бы с ними справиться, любезный капитан.

— О! Не все так неустрашимы; эти составляют исключение.

— Вы так думаете, капитан? — насмешливо спросил дон Фернандо.

— Я давно знаю этих грабителей, не впервые мне приходится иметь с ними дело, — самодовольно ответил капитан.

— Ага! — пробормотал дон Фернандо, закусив губу.

— Как же! Я ведь принадлежу к береговой страже, понимаете?

— Вполне.

— Что же вы сделаете с этими беднягами? — спросила донья Флора с участием.

— Их вздернут на виселице без особых церемоний... Впрочем, они вовеки не обманывают себя пустыми надеждами на счет ожидающей их участи, они догадываются, что им уготовано.

— Не знаете ли вы, когда произойдет эта блистательная казнь?

— Не могу вам сказать наверняка, но думаю, что они будут повешены не раньше чем дней через десять.

— Отчего же такое промедление?

— Это мысль губернатора — и довольно счастливая, надо сознаться. В Панаме к тому времени готовится праздник, и казнь флибустьеров входит в программу увеселений.

— Действительно, это счастливая находка, надо быть испанцем, чтобы тебе в голову приходили такие интересные мысли! — вскричал молодой человек с горечью.

— Бедные люди! — воскликнула донья Флора с глазами, полными слез. — Как они должны страдать!

— Они-то? — произнес капитан, пожав плечами. — Полноте, вы заблуждаетесь, сеньорита, они смеются, поют и пьют целыми днями.

— Вероятно, они стараются забыться?

— Ничуть! С самонадеянностью, которая могла бы заставить нас призадуматься, если бы не уверенность, что это абсолютно невозможно, они утверждают, что не будут повешены и что друзья их спасут.

Дон Фернандо и Мигель Баск обменялись выразительными взглядами.

— Дай Бог! — прошептала девушка.

— Аминь! — заключил отец Санчес.

— Ей-Богу! Я не разделяю этого мнения, — сказал асиендадо, — эти флибустьеры — ни во что не верующие негодяи, которые способны на самые ужасные преступления, дерзость

их неслыханна, они почти сковали действия нашего грозного флота. Мертвая змея не жалит, чем больше убитых, тем меньше останется способных нам вредить. Что вы об этом думаете, капитан?

— Я полагаю, что было бы глупостью помиловать их, когда уже держишь в руках, петля на шею — самый верный расчет.

— Пожалуй, — заметил капеллан, — но к чему быть свирепее их самих? Ведь после сражения они не убивают пленников.

— А Монбар Губитель? — воскликнул капитан.

— Монбар — исключение, вот дон Хесус — живое доказательство моих слов, он был пленником Олоне, если я не ошибаюсь.

— Это правда, но пока я был у него в неволе, он очень дурно со мной обращался.

— Но ведь он вас не убил?

— Я должен с этим согласиться, — сказал смеясь асиендадо.

— Как! Вы были пленником Олоне, одного из самых свирепых предводителей флибустьеров, и вам удалось бежать, сеньор? — воскликнул дон Фернандо с отлично разыгранным участием. — Но это просто чудо!

— Ваша правда, сеньор, и этим чудом я обязан своему святому покровителю.

— Быть может, — прибавил дон Фернандо, — если б мы были милосерднее к этим людям, то смогли бы смягчить их ненависть к нам.

— Ошибаетесь, сеньор, этих людей ничем не укротишь, — возразил капитан, — один вид золота заставляет их бесноваться.

— Увы! Многие походят на них в этом отношении, — прошептал капеллан.

— Ба! С какой стати оказывать жалость подобным негодяям, которые только вид имеют человеческий, а в сущности просто лютые звери? — вскричал асиендадо. — Ваше здоровье, господа, и да здравствует Испания! Очень нам нужно думать о флибустьерах!

— Что бы вы ни говорили, отец, — несколько сухо сказала девушка, — все это люди, пожалуй, виновные, но тем не менее создания Божии, их надо жалеть.

— Как тебе угодно, нинья, я ничего против этого не имею, — посмеиваясь, заметил дон Хесус.

Он налил всем вина.

Разговор перешел на другое.

Капитан Сандоваль, который было вообразил, что может понравиться Флоре, разыгрывая роль истребителя флибустьеров, спохватился, что ошибся и что донья Флора его мнения не разделяет, а посему счел за благоразумие не настаивать на своем, рискуя оказаться без поддержки, так как дон Хесус Ордоньес, по своему обыкновению, всегда принимал сторону дочери.

Что же касалось дона Фернандо, то он, по-видимому, оставался довольно равнодушен к тому, что говорилось вокруг него.

Уже несколько минут он казался погруженным в глубокие размышления и едва слушал любезные речи, которые хозяин считал своим долгом то и дело обращать к нему к месту и не к месту.

Доном Фернандо овладело странное волнение.

Когда он входил в столовую и дон Хесус представлял ему все общество, авантюрист почтительно поклонился девушке, почти не взглянув на нее, после чего сел за стол и, как человек молодой, здоровый, утомленный продолжительным переездом и наделенный хорошим аппетитом, принялся усердно есть с беспечностью путешественника, который, выполняя элементарные требования вежливости, помимо этого обращает мало внимания на обстановку, временно окружающую его, и на лица, с которыми через несколько часов расстанется, чтобы никогда, быть может, не увидеть их вновь.

Когда к концу ужина разговор сделался общим и случайно коснулся предмета, столь близкого ему, — его братьев-буканьеров, — авантюрист, сначала равнодушный к тому, что говорилось, невольно вставил в разговор несколько слов; тогда-то он заметил, не приписывая, однако, этому большого значения, то сочувствие, с которым донья Флора отзывалась о его братьях по оружию, великодушные, с которым она защищала их от нападок.

Он поднял глаза на молодую девушку, взгляды их встретились, и он почувствовал как бы электрический разряд, от которого холод проник ему в сердце, веки его невольно опустились и краска бросилась в лицо.

Этот человек, сто раз холодно глядевший смерти в глаза, никогда еще не поддававшийся какому бы то ни было чувству, нежному или страстному, вдруг содрогнулся, и трепет пробежал по всему его телу.

«Что со мной происходит? — думал он про себя. — Неужели я испытываю страх... или это жгучее ощущение и есть любовь?.. Это я-то пойман? — продолжал он. — Я превращен в дамского кавалера невинной девочкой, почти дикаркой?! Какой вздор! Я, кажется, рехнулся!»

Он гордо поднял голову и, чтобы окончательно удостовериться в победе, которую, как он думал, одержал над собой, принялся рассматривать молодую девушку так пристально, что она в свою очередь опустила глаза.

Донье Флоре минуло шестнадцать лет. Высокая и стройная, она была тонка, но без худобы, гибка без слабости; по странной прихоти природы, придававшей ее красоте особую прелесть, в ней соединялись отличительные черты и северянок, и южанок: белокурые, цвета спелых колосьев, волосы ее, густые и тонкие, развевались при малейшем дуновении ветра и образовывали вокруг ее головы точно сияние, в котором еще резче выделялись ее бархатистые черные глаза и брови; тонкость кожи, свойственная северянкам, сочеталась со смуглотой, присущей представительницам юга; бледное лицо отличалось каким-то прозрачно-нежным оттенком. Маленький, правильно очерченный ротик был пытлив и одновременно задумчив. Ничем нельзя передать выражения этого своеобразного лица, главным образом сосредоточенного в больших черных глазах, невинных и до того блестящих, что, оживляясь, они как будто освещали все вокруг.

Авантюрист невольно поддался обаянию этого очаровательного создания, такого чистого и невинного; победа его над собой если и существовала, то длилась всего лишь мгновение. Молодой человек признал себя побежденным, он склонил голову и сказал про себя с душевным трепетом:

«Я люблю ее!»

Все было кончено! Он отказался от борьбы, сознавая ее бесполезность, и весь отдался увлекающему его течению, не спрашивая себя даже, в какую бездну повергнет его это чувство, так внезапно вкравшееся ему в сердце, тогда как он во что бы то ни стало должен был бы исторгнуть его.

«Ба! Кто знает!» — подумал он.

Кто знает! Это великие слова в любви, они равносильны надежде.

Впрочем, любовь нелогична по самой своей сущности, именно это и дает ей ту грозную силу, с помощью которой она без труда уничтожает все преграды.

— Вы торопитесь в Панаму, граф? — вдруг спросил его асиендадо.

— Почему вы мне задаете этот вопрос, сеньор? — поинтересовался молодой человек, внезапно пробужденный от сладостных мечтаний.

— Если он нескромен, то прошу извинить меня!

— Нескромным он быть не может, сеньор, но все же, пожалуйста, объяснитесь.

— Боже мой! Ничего не может быть проще! Представьте себе, граф, что по некоторым делам и мне надо ехать в Панаму. Я намерен взять с собой дочь, если только она не будет против. Дамы переносят подобное путешествие не так легко, как мы, мужчины, и потому, как вы понимаете, мне необходимо сделать кое-какие распоряжения.

— Я вполне понимаю, — сказал дон Фернандо с улыбкой, взглянув на донью Флору.

— Итак, — продолжал дон Хесус, — я не могу выехать раньше чем через двое суток. Если бы вы могли отсрочить ваш отъезд до того времени, мы отправились бы вместе и путешествие было бы приятным вдвойне для всех нас, — вот что я хотел вам сказать, граф. Прибавлю только, что ваше согласие ошастливило бы меня.

Дон Фернандо бросил украдкой взгляд на молодую девушку, она с живостью разговаривала о чем-то с отцом Санчесом и, по-видимому, ничего не слышала. У авантюриста чуть было не вырвался досадливый жест, но он тут же взял себя в руки и принял решение.

— Ваше предложение заманчиво, сеньор, — ответил он, — мне стоит немалых усилий, чтобы от него отказаться. Однако, к несчастью, дела, требующие моего присутствия в Панаме, настолько важны, что я не имею возможности откладывать их.

— Очень жаль, граф, но если, как я полагаю, ваше пребывание в Панаме продлится некоторое время, то, надеюсь, мы там увидимся.

— Почту за честь быть у вас, сеньор.

Молодая девушка кротко улыбнулась авантюристу.

«Какое странное создание! — подумал он. — Ничего не понимаю в ее причудах».

— Простите, граф, но я хотел у вас спросить: вы знаете Панаму?

— Никогда там не бывал.

— Стало быть, никакого предпочтения не имеете к тому или другому месту?

— Ровно никакого.

— И вы пока не предпринимали никаких мер для вашего устройства в городе?

— Разумеется, нет.

— Тогда я сделаю вам предложение, граф, которое, надеюсь, вам будет приятно.

— Позвольте узнать, сеньор, что это за предложение?

— Во-первых, должен сознаться вам со всем смирением, — самодовольно начал дон Хесус, — что, как вы, вероятно, могли заметить, я очень богат.

— Поздравляю вас, сеньор, — ответил авантюрист с легкой иронией, которой дон Хесус не заметил и продолжал отважно:

— Кроме этого громадного поместья, я являюсь владельцем еще двух домов в Чагресе и трех в Панаме, один из которых находится на площади Пласа-Майор против самого дворца губернатора.

— Но я до сих пор не угадываю вашего предложения, сеньор.

— Сейчас дойду до него, граф. Итак, у меня три дома в Панаме...

— Я уже имел честь слышать это.

— Один из этих домов находится почти у городских ворот, он расположен между двором и садом и имеет выход за черту города посредством подземной галереи под городской стеной и другой выход или вход, как вам угодно будет назвать, на почти пустынную площадь; дом этот стоит одиноко, утопая в густой листве, сквозь которую не может проникнуть нескромный глаз.

— Да это настоящий картезианский монастырь, — смеясь сказал дон Фернандо.

— Просто сокровище, граф, для человека, который любит уединение, там чувствуешь себя вполне дома.

— Это чудесно.

— Не правда ли? Именно этот дом я и собираюсь предложить вам на все время вашего пребывания в Панаме.

— Если ваше описание соответствует действительности, он вполне отвечает моим желаниям, только бы не оказался недостаточно обширным для моей обстановки; не скрою от

вас, сеньор, что намереваюсь иметь дом, приличествующий моему имени и званию.

— Не заботьтесь об этом, сеньор, дом велик, и расположение его очень удобно, комнаты обширны и многочисленны; кроме того, в людских могут помещаться человек десять слуг, а при необходимости — и пятнадцать.

— О! Столько мне и не нужно, я не так богат, как вы, сеньор.

— Быть может, но это к делу не относится... Кроме того, есть конюший двор для лошадей, а на крыше дома — вышка, с которой по одну сторону прекрасно видно все окрестности, по другую — обширное пространство Тихого океана... Что вы скажете о моем предложении?

— Нахожу его восхитительным, и если дом меблирован...

— Меблирован снизу доверху, граф, и не более полугода назад.

— Признаться, — смеясь сказал дон Фернандо, — теперь предложение ваше очень прельщает меня.

— Я был в этом уверен!

— И если цена...

— Какая цена, граф?

— За сьем. Не полагаете же вы, что я соглашусь жить в вашем доме даром?

— Почему же нет, граф? Разве я не говорил вам, что очень богат?

— На что я возразил, что не так богат, как вы; тем не менее, сеньор, замечу вам, что каково бы ни было мое состояние, я выше всего ценю право быть полным хозяином в своем доме.

— Кто же вам мешает?

— Вы, сеньор.

— Не понимаю вас, граф.

— Но все очень просто: чувствовать себя вполне дома где бы то ни было я могу только при двух условиях.

— Каких, граф?

— Если дом мной куплен или снят.

— Но я не собираюсь продавать свой дом.

— Прекрасно, тогда позвольте мне снять его у вас.

— Полноте! Я был бы так счастлив доставить вам удовольствие.

— Вы мне доставите огромное удовольствие, если позволите снять ваш дом.

— Значит, вы не хотите просто принять его от меня на время?

— Нет, сеньор, я не настолько богат, чтобы влезать в долги, — прибавил граф, улыбаясь, — я и так уже ваш должник за оказанное мне гостеприимство, давайте же остановимся на этом.

— Какой вы оригинал, граф!

— Вы находите, сеньор? Быть может, вы и правы, но я вынужден объявить вам свое неизменное решение: или снять ваш прелестный дом, или поселиться в другом — вероятно, во сто раз худшем, но где я буду чувствовать себя как дома.

— И вы не передумаете?

— Ни в коем случае.

— Хорошо, граф, я согласен.

— Вы меня очень обязали этим, остается только определить цену.

— Не заботьтесь об этом, граф.

— Напротив, сеньор, я сильно озабочен.

— Да мы договоримся.

— Во сто раз лучше договориться теперь же, чтобы впоследствии не приходилось жалеть ни мне, ни вам.

— Да вы просто страшный человек!

— Потому, что хочу вести дело, как следует?

— Нет, потому что вам во всем надо уступать.

— Вы заходите чересчур далеко, сеньор, ведь я требую только справедливого, кажется.

— Это правда, граф, и я прошу прощения.

— Простить я готов, но с условием.

— Каким же?

— Назначить мне цену за съём вашего дома.

— Опять вы за свое?

— Разумеется, или скажите мне откровенно, что не хотите сдавать мне его.

— Если вы непременно этого требуете, то платите мне тысячу пиастров в год. Не много это будет?

— Цена умеренная, сеньор, и я согласен.

— Значит, теперь с делами покончено?

— Не совсем.

— Что такое?

— Позвольте минуту.

Дон Фернандо вынул из кармана бумажник с золотым замком, порылся в бумагах и подал одну асиендадо, говоря:

— Известна ли вам в Панаме банкирская фирма Гутьеррес, Эскирос и К°?

— Очень даже известна, граф, это самая значительная банкирская фирма во всем городе.

— Очень рад это слышать. Вот чек на тысячу пиастров за дом, который вы, вероятно, примете; оплата, как видите, по предъявлению.

— О, граф! — вскричал асиендадо, которому одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в подлинности документа. — Я беру его, закрыв глаза, в полном убеждении, что он законный.

— Итак, решено. Потрудитесь дать мне расписку в получении тысячи пиастров и адрес дома, который находится теперь в моем распоряжении. Еще два слова сторожу дома, и с делами покончено.

По знаку хозяина мажордом вышел. Почти тотчас же он вернулся со всеми письменными принадлежностями.

— Как! Тут же, на месте, не переводя духа? — смеясь, вскричал асиендадо.

— Если вы ничего против не имеете, сеньор, я буду вам весьма обязан; я уезжаю завтра на рассвете.

— Справедливо, — согласился дон Хесус.

Он написал расписку и вручил ее молодому человеку; тот положил ее в бумажник после того, как пробежал глазами.

— Что же касается адреса дома, — продолжал асиендадо, — то он называется просто «Цветочный», и ваш проводник-индеец приведет вас к нему с закрытыми глазами.

— Вот и ключи. Я привез их с собой, — сказал мажордом, подавая громадную связку молодому посетителю, который, в свою очередь, передал их Мигелю.

— Благодарю. Позвольте мне теперь принести вам искреннюю признательность, сеньор, за вашу любезность и ваше радушное гостеприимство.

— Будьте уверены, граф, — возразил асиендадо с поклоном, — что я считаю за счастье случай, который мне представился, оказать вам услугу. Вы позволите нанести вам визит?

— Я сам буду иметь честь появиться у вас, как только вы приедете в Панаму.

— Каждый укажет вам мой дом.

— И я, с своей стороны, в вашем распоряжении, если вам угодно будет осмотреть порт, город и даже мой корвет, на котором почту за счастье принимать вас, — сказал капитан.

— С величайшим удовольствием принимаю ваше приглашение, капитан, я воспользуюсь им непременно.

— Так вы решительно отправляетесь в путь?

— Как только займется день, это необходимо; я даже, если позволите, прощусь с вами теперь же, — признаться, я совсем разбит от усталости.

Отец Санчес прочел молитву, и все встали из-за стола.

Дон Фернандо простился с хозяевами и ушел, улыбнувшись донье Флоре на прощание какой-то загадочной улыбкой.

У двери дон Фернандо обернулся, приложив палец к губам. Девушка молча глядела на него.

«По-моему, она хочет что-то сказать мне», — пробормотал он про себя.

Он вышел из залы, предшествуемый мажордомом, который светил ему, в сопровождении самого хозяина и Мигеля.

Дон Хесус настоял на том, чтобы проводить гостя до его спальни и удостовериться, что для него все приготовлено.

Молодому человеку пришлось покориться этой фантазии хозяина, которую он в душе приписывал избытку вежливости.

Мажордом отворил несколько дверей, прошел через несколько зал и наконец ввел посетителей в комнату, но не в ту, где они были сперва.

Эта комната была велика, с потолком в виде купола и коврами обоями; освещалась она тремя готическими окнами; дубовая, потемневшая от времени изящной резьбы мебель напоминала лучшие образцы эпохи Возрождения и, очевидно, была привезена из Европы; кровать, поставленная на возвышении, к которому вели три ступени, была скрыта тяжелыми занавесками.

Рядом с изголовьем была дверь туалетной, где постелили постель для Мигеля.

Чемоданы путешественников стояли на стульях.

На столике возле кровати, у изголовья, горел ночник, и тут же стояла кружка с укрепляющим напитком, который в то время обыкновенно пили, ложась спать, и который поэтому называли вечерним питьем.

Восковые свечи горели в канделябрах, поставленных на тумбах, раскрытая библия лежала на аналое, над которым возвышалось распятие из пожелтевшей слоновой кости.

Асиендадо с видимым удовольствием осмотрелся вокруг.

— Кажется, все в порядке, — сказал он, потирая руки.

— Не знаю, как благодарить вас за такое внимание, — ответил дон Фернандо.

— Я только исполняю долг гостеприимства. Впрочем, — прибавил он со значением, — если вы считаете себя моим должником, мы и этот счет сведем со временем; теперь же, когда я удостоверился, что мои приказания исполнены и вам все подано, позвольте пожелать вам доброй ночи и в особенности благополучного пути, — по всей вероятности, я не буду иметь чести видеть вас перед вашим отъездом.

— Боюсь, что так, поскольку собираюсь отправиться с рассветом.

— Так прощайте — или, вернее, до свидания в городе! Еще раз желаю вам доброй ночи и спокойного сна, чтобы завтра проснуться свежим и бодрым — это едва ли не лучшее, что я могу пожелать вам.

— И чему всего легче исполниться, — с улыбкой ответил молодой человек, — однако искренне благодарю вас.

— Не скажите: иной раз ляжешь в убеждении, что сейчас заснешь — и что же? От бессонницы проворочаешься с боку на бок всю ночь напролет. Для большей верности я бы советовал вам отведать питье, приготовленное на ночном столике, — это чудное средство против бессонницы.

— Не забуду вашего совета; доброй ночи и еще раз благодарю.

Хозяин и гость пожали друг другу руки, и дон Хесус вышел, предшествуемый мажордомом.

— Черт бы его побрал! — вскричал Мигель, запирая дверь на замки и на задвижку. — Я думал, он останется тут до утра. Наконец-то мы от него избавились!

— Признаться, я рад, что он убрался, — ответил дон Фернандо, — он уже начал сильно действовать мне на нервы! Сам не знаю отчего, но мне все время кажется, что любезность его притворная и он скрывает какой-то тайный замысел, которого я не угадываю.

— Говоря по правде, у этого человека физиономия настоящего мошенника.

— Не правда ли?

— Он как две капли воды похож на изображение Иуды Искарота, которое я где-то видел в детстве. Но что за беда! Мы примем меры предосторожности.

— Осторожность никогда не помешает, — заметил дон Фернандо, положив обнаженную шпагу у своего изголовья и пистолеты под подушку.

— Теперь, ваше сиятельство, мы осмотрим комнату.

— Хорошо.

Они взяли в руки по свече и осмотрели всю комнату, приподнимая ковры и простукивая стены.

Ничего подозрительного они не нашли.

— Я думаю, мы можем спать спокойно — сказал молодой человек.

— И я думаю так же... Кстати, ваше сиятельство, знаете ли, наем этого дома — замечательная идея, которую вы осуществили преискусно!

— Да, хитрая лисица этот старик, но коса нашла на камень! Мы не могли найти более удобного убежища.

— Сушая находка... Но неужели мы дадим повесить этим собакам-испанцам наших бедных товарищей?

— Ей-Богу, не дадим, если только можно помешать этому! Ведь они и попались из-за нас, думая оказать нам помощь.

— Правда, но через два дня мы будем в Панаме. И хитры же будут испанцы, если мы не высвободим из их когтей наших братьев!

— Что ты думаешь о капитане, дружище Мигель?

— Премилый господин, — ответил буканьерс усмешкой, — но если, как надеюсь, я когда-нибудь ступлю ногой на его корвет, уж покажу же я ему, на что способны грабители, которых он так презирает!

— Это удовольствие я доставлю тебе очень скоро.

— В самом деле, ваше сиятельство? — вскричал Мигель весело.

— Даю тебе слово... но тс-с! Не говори так громко, а то еще, пожалуй, кто услышит.

— Ну вот еще! Все спят.

— И мы отлично сделаем, если последуем этому примеру. Спокойной ночи, Мигель.

— Спокойной ночи, граф.

— Постой, возьми этот напиток и выпей его, если хочешь.

— А вы разве не желаете?

— Нет, я не чувствую жажды.

— А у меня так постоянная жажда. Доброй ночи, ваше сиятельство, я оставлю дверь в туалетную открытой.

— Разумсется, нельзя знать, что может случиться.

Молодой человек лег. Мигель потушил свечи и вышел из комнаты.

Комната теперь освещалась лишь мерцающим светом ночника.

Еще некоторое время Мигель ворочался в кровати, после чего в туалетной воцарилась тишина. Спустя пятнадцать минут дон Фернандо услышал, что товарищ его храпит, словно труба органа, — буканьер спал мертвым сном.

ГЛАВА V

Какую странную ночь провел дон Фернандо на асиенде дель-Райо

он Фернандо не спал; напротив, никогда он не бывал менее расположен ко сну, чем в настоящее время. Он лежал, закрыв глаза, чтобы, не видя внешних предметов, лучше сосредоточиться. В этом положении он бредил наяву самыми очаровательными сновидениями и убаюкивал себя соблазнительнейшими фантазиями.

В воображении его медленно воссоздавались различные происшествия во время ужина — до того ничтожные, что никто, кроме него, не обратил на них внимания; это взаимное понимание, установившееся между ним и девушкой, немой разговор двух сердец, которые за несколько часов до того обоюдно не знали даже, что существуют, а тут вдруг одним взглядом или улыбкой стали друг друга понимать, эта глубокая любовь, горячая, как электрическая искра, попавшая из глаз в сердце, чтобы воспламенить его тем огнем, что таится в самом сокровенном его уголке, этот союз, так чистосердечно и откровенно заключенный на глазах у всех, — все это, соединяясь в возбужденном мозгу молодого человека, совершенно путало его мысли и рисовало ему, как через призму, картины счастья и невыразимых наслаждений.

Как же все случилось? Он этого не знал, да и не пытался понять. Он довольствовался убеждением, что нельзя быть более уверенным в любви женщины, чем он был уверен относительно доньи Флоры, но если бы он доверил кому-нибудь свою тайну и был спрошен, на чем основывалась эта уверенность, то не только не объяснил бы ее, но и не сумел бы сказать, откуда она взялась.

Он чувствовал, что с любовью растет и обилие его мыслей: цель, которую он себе поставил, показалась ему достойной презрения в сравнении с той, которую открывала ему вспыхнувшая страсть, и перед ним понемногу раскрывалось лучезарное будущее.

Но ночные часы шли, и усталость брала свое, молодой человек чувствовал, что его веки начинают тяжелесть, мысли становятся менее ясными и исчезают, прежде чем он успевал бы логически их связать. Он перешел в такое состояние, которое нельзя назвать бдением, хотя это еще не сон; он уже готов был окончательно уснуть.

Но вдруг среди оцепенения, в котором находился, он внезапно вздрогнул, привстал, открыл глаза и осмотрелся.

Комната была погружена в почти совершенный мрак, ночник потух, а луч месяца, скользивший через стекло, отражался на паркете белой полосой голубоватого оттенка.

Молодому человеку послышался звук, точно где-то сильно щелкнула пружина.

Напрасно он старался проникнуть взглядом в темноту — ничего не было видно; насторожив слух, он слышал одно только храпение своего товарища.

— Я ошибся, — пробормотал он, — однако мне так явно слышалось...

Он протянул руку к изголовью, взял пистолет и, схватив в другую руку шпагу, мгновенно прыгнул на середину комнаты.

Но в ту же секунду, хотя ничего не видел и не слышал, он был мгновенно схвачен за руки и за ноги и после отчаянного сопротивления повален на пол, обезоружен и лишен возможности пошевелиться.

— Измена! — закричал он хриплым голосом. — На помощь, Мигель! Измена, брат!

— К чему звать того, кто не может ответить? — произнес ему на ухо тихий мелодичный голос. — Ваш товарищ не проснется.

— А это мы еще посмотрим! — отвечал он, начав кричать с новой яростью.

— Вам не хотят зла, — возразил голос, невольно заставивший его дрожать, так как он казался ему знакомым, — вы в нашей власти, и ничего не было бы легче, как перерезать вам горло, если бы мы имели это намерение.

— Это правда, — пробормотал он, уступая этим доводам, — будь проклят дьявол, который меня сюда занес!

Звонкий смех был ему ответом.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал он угрюмо, — сила на вашей стороне.

— Признали, наконец!

— Я думаю, черт возьми: ваши пальцы и ногти впиваются мне в тело!

— Гастон, — тихо продолжал голос, — дайте слово дворянина, что не будете стараться узнать, кто мы, и бросите бесполезное сопротивление, тогда вас тотчас же освободят.

— Зачем называете вы меня тем именем, которое я и сам позабыл? — возразил он с гневом.

— Потому что это ваше имя. Так согласны вы на условие, которое от вас требуют?

— Поневоле придется согласиться.

— Дайте слово.

— Клянусь честью дворянина.

— Вставайте, — произнес тихий голос.

Дон Фернандо не заставил повторять приглашения и в один миг уже был на ногах.

Ощупью подошел он к кровати, взял платье, лежавшее на стуле, и оделся.

В комнате по-прежнему царила полная тишина.

— Теперь, когда вы оделись, — продолжал тот же голос, — ложитесь на кровать и не делайте ни малейшего движения — речь идет о вашей жизни.

— Да кто вы?

— Что вам до этого? Повинуйтесь!

— Не раньше чем узнаю, кто вы, черт побери!

— Друзья.

— Гм! Друзья с очень странным обращением.

— Не судите опрометчиво о том, чего не можете знать.

— Ну хорошо! — вскричал он. — Я не прочь в конце концов узнать, что мне думать обо всем этом.

— Вы храбры, это похвально.

— Большое диво, нечего сказать, при моей-то профессии! — пробормотал он сквозь зубы и лег на постель.

В ту же секунду он почувствовал легкое сотрясение, ему показалось, что кровать уходит в паркет.

«Вот тебе и на! — подумал он. — Достойный дон Хесус Ордоньес и так далее едва ли знает более половины своего дома и занимает-то его не один!»

К молодому человеку вернулась вся его обычная веселость, его львиное сердце ни на миг не содрогнулось в груди, страх был ему неизвестен, но зато любопытство его было сильно возбуждено. Кто бы могли быть люди, которые, по видимому, знали его сокровеннейшие тайны? С какой целью разыгрывали они с ним этот фантастический спектакль, способный разве что напугать ребенка? Чего хотели они от него?

Эти мысли мелькали в его голове и вылились все в одном слове.

— Подождем, — сказал он.

Между тем кровать опускалась все ниже медленно и плавно, пока наконец не встала неподвижно, коснувшись пола.

Дон Фернандо сделал движение, чтобы встать. Чья-то рука удержала его за плечо.

— Оставайтесь на своем месте, — произнес грубый голос.

— Ага! У меня, кажется, появился другой собеседник, — ответил дон Фернандо. — Что ж мне прикажете, лежать или сидеть?

— Как хотите.

Молодой человек сел на постели, скрестил руки на груди и приготовился ждать.

Зеленоватый свет озарял фантастическими отблесками то место, где находился дон Фернандо, и позволял различать, хотя смутно и неопределенно, очертания нескольких черных фигур — призраков, людей или демонов — в длинных черных одеяниях, которые покрывали их с головы до ног, оставляя открытыми одни глаза, сверкавшие, как раскаленные угли, сквозь отверстия капюшонов, опущенных на лица.

Наступила минута такого глубокого молчания, что можно было бы расслышать биение сердца в груди этих существ, допустив, что они состоят из плоти и крови.

Дон Фернандо не думал об этом, он ждал, холодный, надменный, с грозным взглядом.

Наконец тихий голос, который он уже слышал у своего уха наверху в спальне, вдруг снова заговорил:

— Гастон, герцог...

— Не произносите другого имени, кроме того, которое этот человек носит теперь, — перебил грубый голос.

— Вот это умная речь, ей-Богу! — весело вскричал молодой человек. — К чему эти имена и титулы?.. Лицо, названное вами, давно умерло от позора, отчаяния и бессильной ярости! — в порыве гнева воскликнул он и прибавил с го-

речью: — Тот, кто находится перед вами, носит имя и титул достаточно известные, как мне кажется, и недругам, и друзьям, если, конечно, они у него еще остались.

— Вы правы, — произнес тихий голос с выражением глубокой грусти, — теперь я буду обращаться только к капитану Лорану, знаменитому буканьеру, соратнику Монбара, Медвежонка, Бартеlemi и всех флибустьерских героев.

— Гм! Вы знаете меня несколько лучше, чем хотелось бы, принимая в соображение мою личную безопасность, тогда как о вас мне известно так немного.

— Все зависит от того, насколько откровенно вы ответите на наши вопросы.

— Посмотрим, что за вопросы. Если они будут относиться только ко мне, я отвечу без всякого затруднения, но как скоро они коснутся других лиц и могут подвергнуть их опасности, я не скажу ни слова, хоть кожу сдерите с живого, хоть на куски меня разрежьте! Теперь вы предупреждены, делайте, что хотите.

— Вопросы будут относиться только к вам и вашим собственным делам.

— Так говорите.

— Месяца два назад, на Ямайке, куда зашел ваш корабль, вы были предупреждены в одной таверне человеком, которому оказали услугу, что английское правительство намерено захватить вас и конфисковать ваш корабль.

— Это правда, но я в тот же самый вечер снялся с якоря и вернулся в Леоган, захватив английскую каравеллу в отместку за измену, жертвой которой я чуть было не сделался.

— Едва вы ступили на пристань в Леогане, как поджидавший тут незнакомый вам человек отвел вас в сторону и, показав условный знак, от которого вы затрепетали, долго говорил с вами.

— Это совершенно справедливо.

— Какой же знак это был?

— Вы должны знать не хуже меня, раз имеете такие подробные сведения.

— Знак заключался в перстне, на котором был изображен череп со скрещенными под ним двумя кинжалами и вырезано английское слово: «Remember! ».

---

¹ Помни! (англ.)

— И это верно.

— Спустя восемь дней главные флибустьерские вожак собрались в Пор-Марго на тайное совещание под председательством Монбара; там вы сделали некое предложение, принятое единогласно, но только после продолжительных прений, во время которых вам удалось убедить в своей правоте ваших товарищей. Что же это было за предложение?

— На это я отвечать не могу, дело касается не одного меня.

— Положим. На следующий день вы отправились к Чагресу и неподалеку от города сели в лодку вместе с одним из флибустьерских капитанов, вашим другом по имени Мигель Баск, и одним краснокожим. Высадившись на берег в пустынном месте, вы потопили лодку, предприняли переправу через перешеек берегом и, наконец, прибыли сюда около двух часов пополудни.

— Ни слова не могу возразить на это! Вы знаете мои дела так, что и я сам лучше не мог бы их знать.

— Не совсем... Нам известна лишь одна причина, побудившая вас к этому опасному предприятию, но другой мы не знаем.

— Не понимаю вас.

— Напротив, вы очень хорошо все понимаете! Ваша главная цель, та, для которой вы разыгрываете свою нынешнюю роль, — это месть.

— Пусть так! — сквозь зубы процедил молодой человек.

— Теперь мы хотим узнать другую вашу цель.

— Если она и существует, то уж от меня-то вы ее не узнаете.

— Вы не откроете ее нам?

— Ни в коем случае! Ведь я обязался отвечать только относительно себя самого и честно сдержал свое слово, большего вы от меня не добьетесь, напрасно было бы настаивать... Впрочем, раз у вас такие искусные шпионы и столь обширные связи, пустите в ход своих агентов и ищите, — быть может, вы и откроете то, что вам так хочется узнать.

Наступило довольно продолжительное молчание. Дон Фернандо напрасно напрягал слух и зрение, стараясь уловить малейший звук и подметить какой-нибудь проблеск света, чтобы найти подтверждение подозрениям, которые возникали в его уме, — все усилия его остались тщетными, он ничего не видел, ничего не слышал.

— О! — пробормотал он про себя. — Будь у меня оружие!

Чья-то рука нежно опустилась на его плечо, и голос тихий, как шепот ветра, произнес ему на ухо:

— Что же вы сделали бы с ним?

— Что бы сделал? Ей-Богу, я распорол бы живот двум-трем негодьям, которые держат меня, словно гусенка на насесте, и сам бы себя убил после этого!

— Убил! — повторил голос с невыразимой грустью. — Разве вы один на земле? Верно, вы никого не любите и... вас никто не любит? — прибавил голос после минутного колебания.

— Я люблю и любим, — ответил молодой человек, не задумываясь.

— Откуда вам это известно? — высокомерно возразил голос.

— Сердце мне подсказало, оно никогда не обманывает.

— Кого же вы любите? — спросил голос с плохо скрытым волнением.

— Я никогда не говорил с ней, два часа назад не знал ее вовсе.

— И она любит вас?

— Я в этом уверен.

Рука, все еще лежавшая на плече авантюриста, слегка задрожала.

— Почему?

— Сердца наши слились в одном взгляде.

— Послушайте, — с живостью продолжал нежный голос, — время уходит, не стоит тратить его на пустые слова. Вот, возьмите этот перстень; когда вам покажут такой же, чтобы ни был тот, у кого он будет в руках, спешите на зов не колеблясь.

— Я исполню это, если не паду мертвый на месте, — ответил молодой человек, крепко сжав в пальцах перстень, чтобы он случайно не выскользнул у него из рук.

— Зачем вспоминать о смерти? — продолжал голос с невыразимой нежностью. — Напротив, говорите о счастье, когда вы любимы... как утверждаете...

— О! — воскликнул молодой человек. — Это вы, Флора, моя возлюбленная Флора! Да, да, я люблю вас!

— Тише, несчастный! — вскричала она с ужасом. — Вы погибли, если вас услышат.

— Никого я не боюсь теперь, когда уверен в вашей любви!

Крошечная ручка мгновенно закрыла ему рот; авантюрист покрыл ее страстными поцелуями.

— Тише! — еще раз шепнул голос ему на ухо, да так близко, что он с упоением почувствовал прикосновение двух пухленьких губок к своему лицу.

Он молчал, теперь ему было все равно, что бы ни случилось. В душе его достало бы блаженства на целый век мучений.

— Вы готовы нас выслушать и отвечать? — медленно спросил авантюриста грустный и строгий голос, которого он еще не слышал.

— Готов на то и другое, говорите, я слушаю.

— Мы поняли и оценили, — продолжал тот же голос, — чувство чести, которое обязывало вас молчать, не отвечая на наши расспросы. Мы не хотим более настаивать и заставлять вас изменить данному слову...

— Что касается этого, — перебил авантюрист с усмешкой, — то вы можете быть спокойны; хотел бы я посмотреть, как вы заставите меня изменить данному мной слову!

— Мы не станем это обсуждать, — возразил голос с оттенком досады. — Итак, бесцельно и, я прибавлю, даже неуместно было бы останавливаться дольше на этом вопросе.

— Хорошо, я молчу.

— Как уже сказано, — продолжал голос, — мы не только с удовольствием, но с живейшей радостью воспримем успех первой из целей, которая привела вас в этот край. Могу прибавить, что, хотя невидимые и неизвестные как вам, так и вашим врагам, которых вы не знаете, но знаем мы, мы будем содействовать вам всей нашей властью во что бы то ни стало.

— Благодарю вас и ваших друзей тем более искренне, милостивый государь, что, судя по тому, в чем я мог убедиться, власть эта должна быть очень велика. Я же, со своей стороны, клянусь во что бы то ни стало, как вы сами изволили выразиться, доказать вам свою благодарность за оказанную помощь.

— Мы примем к сведению ваше обещание и напомним вам его при случае.

— Когда угодно, в любой час и любую минуту, где бы то ни было, я готов заплатить долг, в котором у вас останусь.

— Очень хорошо, теперь все сказано на этот счет. Что же касается тайны, которую вы так упорно не выдаете, мы сами откроем ее.

— Может быть, — посмеиваясь, ответил дон Фернандо.

— Непременно откроем, только помните одно: в этом деле, каким бы оно ни оказалось, мы вас не знаем и будем поступать согласно этому.

— То есть?

— Не жертвуя нашими интересами ради ваших. Мы будем действовать с точки зрения личной выгоды, нисколько не заботясь о том, как вы на это смотрите, хотя бы пришлось для этого разрушить до основания все здание, вами сооруженное, и разбить в прах ваши соображения, как бы искусны они ни были.

— Принимаю эти условия, хотя они и немного тяжелы. Каждый за себя, один Бог за всех — этому роковому закону повинуются все люди.

— Вы хорошо все взвесили?

— Вполне.

— И все же не хотите говорить?

— Менее прежнего!

— О! Подумайте еще.

— Я никогда не меняю принятого решения.

— Пусть будет по-вашему... и да суди нас Бог!

— Все же, надеюсь, мы остаемся друзьями?

— Да, относительно того, что сказано, и в указанных пределах.

— А насчет остального?

— Мы — смертельные враги, — ответил глухим голосом таинственный собеседник.

— Да суди нас Бог! — повторю и я за вами.

В то же мгновение дон Фернандо — или капитан Лоран, как угодно читателю называть его, — почувствовал, что ему положили что-то мокрое на лицо. Он хотел вскрикнуть, но голос его оборвался, и он упал без чувств на кровать...

Сильные удары посыпались с громовым гулом на дверь комнаты, занимаемой путешественниками.

Ничто не шевельнулось.

По прошествии нескольких секунд стук повторился с новой силой, да с таким упорством, что, казалось, еще минут пять — и дверь разлетится вдребезги.

Мигель Баск приоткрыл один глаз и повернулся на постели.

— Похоже, постучали? — проворчал он. — Черт бы побрал докучливого! Так славно спалось. А-ах! — потягиваясь, зевнул он во весь рот.

Стук в дверь возобновился.

— Решительно, это стучат, — продолжал Мигель и, не переставая ворчать, встал с постели, снова богатырски зевнул и потянулся. — Странно, — бормотал он сквозь зубы, —

ведь я спал как убитый часов десять, а — прости Господи! — хочу спать, точно глаз не смыкал всю ночь.

— Эй! — кричали за дверью. — Живы вы там или нет?!

— Иду же, пропасть вас возьми! К чему горячку-то пороть? Мы живы, здоровы и невредимы, смею надеяться.

Шатаясь, как пьяный, и зевая, он отпер задвижку и отворил дверь. Вошел индеец-проводник.

— Ну вот! Что за идиотская спешка, друг?

— Уже шестой час, — возразил Хосе, — нам давно бы следовало быть в дороге.

— Пять часов?! — вскричал Мигель. — Как время-то идет, Боже мой!

— Где дон Фернандо?

— У себя в постели, где же ему прикажете быть?

— И он спит?

— Полагаю.

— Посмотрим.

Они приблизились к кровати.

Действительно, дон Фернандо спал таким крепким сном, будто век не собирался просыпаться.

— Разбудите его, — сказал Хосе.

— Жалко, он спит так крепко!

Однако он потряс молодого человека за руку. Дон Фернандо открыл глаза.

— Как, опять? — грозно вскричал он, живо вскакивая с постели.

— Что опять? — воскликнул озадаченный Мигель. — Что с вами, ваше сиятельство, что вы так окрысились на нас?

Молодой человек провел рукой по лбу.

— Прости меня, — сказал он, улыбаясь, — мне приснился дурной сон.

— О! В таком случае и прощать нечего, — спокойно ответил Мигель.

— Да, тяжелый сон... — повторил дон Фернандо.

Вдруг он случайно увидел перстень с бриллиантовым цветком на своем мизинце.

— Э-э! Ведь это был не сон! Все произошло в действительности, и я наяву присутствовал при этой странной сцене.

Он соскочил с постели.

— С ума сошел! Вот несчастье! — вскричал Мигель.

— А ты хорошо спишь, — обратился к нему дон Фернандо насмешливо.

- Я? Неплохо, кажется.
- Я убедился в этом ночью.
- Вы звали меня?
- Несколько раз.
- И я не отозвался?
- Отозвался... храпом.

Мигель задумался.

— Все это неспроста, — решил он спустя минуту. — Не знаю, чтобы было в том питье, но едва я успел проглотить его, как упал на постель, словно колода, и насилу проснулся теперь благодаря Хосе.

— Это правда, — сказал проводник, — не скоро я достучался.

— Во всем этом есть тайна, которую я открою, — пробормотал дон Фернандо.

— Вот тебе на! Вы спали одетые, — удивился Мигель. — Однако, помнится, я помогал вам раздеться.

Дон Фернандо вздрогнул, он начинал припоминать. Не говоря ни слова, он подошел к двери, запер ее на задвижку, после чего вернулся к двум своим спутникам.

— Помогите мне отодвинуть эту кровать, — сказал он.

— Зачем? — любопытствовал Мигель.

— Делай, что тебе говорят!

Соединенными усилиями они втроем после нескольких напрасных попыток наконец подняли тяжелую кровать и переставили ее на середину комнаты.

— Теперь надо взяться за приступки.

Это не представило большого труда, небольшие ступеньки легко отодвигались по паркету, поскольку не были прикреплены.

— Странно! — пробормотал Хосе. — Что ж тут произошло?

Когда место, занимаемое кроватью, было совсем очищено, дон Фернандо сказал:

— Друзья мои, теперь надо постараться отыскать в паркетe малейшие щели.

— Ага! Понимаю, — пробормотал проводник. — Это действительно возможно. Но что же случилось? — спросил он с участием.

— Неслыханные вещи, — ответил дон Фернандо взволнованным голосом, — но поспешим, я расскажу все после, нас могут застать врасплох.

Все трое стали на колени и припали к полу. Более получаса осматривали они его тщательно, упорно, но безуспешно: паркет казался несомненно цельным и сплошным.

Так ничего и не открыв, они с унынием поднялись на ноги.

— Странно, — прошептал дон Фернандо, — однако мне не приснилось это, ведь доказательство — этот перстень, — прибавил он, страстно целуя его. — Ведь это несомненный признак действительности всего, что произошло... Да где же это я нахожусь? — вскричал он в порыве гнева.

— В проклятом доме. Разве я не предупреждал вас? — глухим голосом сказал проводник.

— Правда, это проклятый дом! Поспешим выйти из него. Кто знает, какие бедствия нас постигнут, если мы останемся тут еще дольше!

— Давайте уедем, я ничего против этого не имею, — вставил свое слово Мигель. — С людьми я готов сразиться, но драться с духами — это не по моей части!

— Но прежде все следует привести в порядок, — посоветовал Хосе.

— Правда, — подтвердил дон Фернандо, — никто не должен подозревать, что мы тут делали.

Приступки и кровать были поставлены на свои места, два авантюриста оделись, взяли свои вещи и сошли во двор вслед за проводником.

Две оседланные лошади стояли на дворе, привязанные к кольцам.

Кое-где бродили пеоны, но хозяин дома не показывался.

Авантюристы уже собирались вскочить в седло, когда вышел отец Санчес и поздоровался с доном Фернандо.

— Вы уезжаете, граф? — спросил капеллан.

— Сейчас еду, святой отец, — сказал дон Фернандо, отвечая на поклон. — Буду ли я иметь честь видеть вас в Панаме?

— Надеюсь, сеньор: если моя духовная дочь, донья Флора, поедет с отцом в город, я буду сопровождать ее.

— Так я не прощаюсь с вами, отец Санчес, а говорю до свидания.

— До свидания, граф; примите и вы, и спутники ваши благословение старика, да хранит вас Господь на вашем пути!

Благоговейно склонив головы, все трое осенили себя крестным знамением, потом простились со священником, который вошел в церковь, и сели на лошадей.

Они выехали из асиенды крупной рысью.

Когда они достигли подножия пригорка, дон Фернандо приостановил лошадь, оглянулся на мрачное здание и протянул к нему руку с угрозой.

— Я уезжаю, — хриплым от бессильной ярости голосом произнес он, — но даю клятву вернуться и открыть страшные тайны этого мрачного жилища, хотя бы пришлось заплатить жизнью за это открытие! В путь, друзья, надо наверстать потерянное время!

Они удалились от асиенды, и на этот раз вскачь.

ГЛАВА VI

Каким образом капитан Лоран, или дон Фернандо, проник в первый раз в Цветочный дом

Когда асиенда скрылась за пригорком, путешественники придержали лошадей и продолжали свой путь умеренным шагом.

Местность, по которой ехали теперь авантюристы, была едва ли не одной из самых живописных во всей Америке. Думаю, не ошибусь, если скажу, что она не походила ни на какую другую.

Все, что природа заключает в себе поразительного, величественного и из ряда вон выходящего, представлялось удивленному взгляду во всей своей красоте и внушающем священный ужас величии.

Направо и налево, на расстоянии, точно определить которое не представлялось возможным, возвышались мохнатые вершины Кордильерского кряжа, этого спинного хребта Нового Света, пики которого, покрытые вечными снегами, достигали страшной высоты, окруженные облаками, как светлым сиянием. Их склоны покрывали громадные и таинственные леса, склоненные над темными озерами, в зеленоватой воде которых они отражались. На пустынных берегах этих озер, как бы оставшихся неприкосновенными с сотворения мира, никогда не раздавалось человеческого голоса, не скользило по ним лодки, не было закинуто рыбацкой сети, и склоны исполинских высот, постепенно понижаясь уступами, наконец сливались с бесконечными равнинами, бесплодными саваннами и страшными пустынями, которые покрывали перешеек по обе стороны горной цепи необъятным океаном зелени.

На протяжении многих миль путь лежит под исполинскими сводами деревьев-великанов, сквозь которые полуденные лучи никогда не проникают или, как бы нехотя, едва светят; потом вдруг лес редееет, и перед глазами расстилается степь, темная, обнаженная, бугристая, где взгляд теряется в безграничной дали, и грусть охватывает сердце, затем снова идут долины попеременно с холмами. То и дело путешественник поднимается в гору и спускается вниз, пробираясь с унынием, порой с ужасом, среди этой наводящей тоску дикой природы. Напрасно ищет он следов дороги или хотя бы протоптанной тропы, и по прошествии нескольких часов одинокого странствования, не видя исхода из этой страшной пустыни, даже самый твердый человек падает духом и страх овладевает им, он отчаивается достигнуть цели своего пути, продолжительный переход, который он сделал, кажется ему напрасным и как будто вовсе не приблизившим его к человеческому жилью.

Потом вдруг, без малейшего перехода, с вершины холма ослепленному взгляду открывается восхитительная картина: громадные вековые леса, прихотливо разбросанные букетами группы роскошных тропических растений, которые грациозно склоняют свои широкие зубчатые листья, когда их нежно ласкает легкий ветерок, реки, словно змейки извивающиеся бесконечными изгибами под сенью водяных растений, которые окаймляют их берега, и нередко, перекинув через журчащий поток воздушный мост из листьев и цветов, образуют зеленые арки, и, наконец, местами, под жесткой травой, коварные трясины или озерки с зеленоватой стоячей водой, убежищем кайманов и игуан¹, лениво греющихся на солнце.

На протяжении около двадцати миль, то есть от Чагреса до Панамы, и миль на сорок или пятьдесят в окрестности разнообразнейшие живописные виды сменяют один другой, но не утрачивают печати величия и дикости, которую наложил Господь на все выдающиеся создания природы.

Часам к одиннадцати путешественники остановились для отдыха на большой поляне в лесу, по которой протекал ручеек.

Они хотели переждать полуденный зной, а заодно дать лошадям передохнуть и накормить их, в чем бедные животные чрезвычайно нуждались.

---

¹ Игуана — крупная ящерица, обитающая в Новом Свете.

Когда лошадям задали корму, путешественники подумали о себе.

Хосе взялся приготовить обед и дело это исполнил с ловкостью и проворством, которые снискали ему похвалу товарищей, с давних пор привыкших к кочевой жизни и потому прекрасно разбиравшихся в подобном деле.

После обеда, который был прикончен митом, путешественники, как обычно, раскурили трубки и принялись беседовать.

Разговор завязал Мигель Баск, богатырски хватив себя по колену кулаком, так что в пору было свалиться быку.

— Что с тобой? — спросил Лоран, смеясь.

— Что со мной? Пропасть их возьми! — вскричал Мигель с блеском гнева в глазах. — Да то, что со мной поступили, как с желторотым птенцом, и если когда-нибудь эти мерзавцы попадутся мне под лапу, — прибавил он, протянув с угрозой огромную ручищу, словно баранью лопатку, — они узнают на собственном опыте, из какого теста я создан.

— На что же тебе жаловаться? — шутливо возразил товарищ.

— Как на что?! — рассвирепел буканьер. — Вот это мне нравится! Замечание бесподобно! Вы не понимаете, на что я негодую?!

— Я жду, чтобы ты объяснился более спокойно, если можешь.

— Постараюсь, но ручаться не стану.

— Попробуй все-таки.

— Для меня дело ясное: мнимое питье — просто наркотическое зелье. Этот изменник дон Хесус, как он назвался, хотел убить нас во время сна; по счастью, я запер дверь на задвижку.

— Ты абсолютно ошибаешься, брат, асиендадо к этому непричастен.

— Не может быть!

— Очень даже может. Более того, скажу даже, что он первый перепугался бы, если б только знал, что в эту ночь происходило в его доме.

— Вздор какой! А усыпляющее зелье, которое я выпил?

— Приготовлено было не им. Этот достойный муж не подозревает и о четверти того, что у него творится в доме. Асиенда, полагаю, двойная, если не тройная, и построена во вкусе старых богемских и венгерских замков, со множеством потайных ходов, опускающих дверей в стенах, тайников и под-

земелий, которые переименовываются во всех направлениях. У меня есть доказательство, что нынешний владелец не имеет понятия обо всем этом.

— Как хотите, граф, — возразил буканьер, пожав плечами, — а я все-таки был усыплен, иначе не мог бы не слышать, что вы зовете меня на помощь.

— Это правда.

— И я, ваш преданный товарищ, почти брат, дал бы убить вас возле себя, не защитив!

— Чем же ты был бы виноват, раз спал?

— Эту-то дьявольскую шутку я и не прощу тем, кто проделал ее со мной.

— Мне не хотели причинить зла, напротив, со мной прекрасно обращались.

— Возможно, но могло быть иначе, и тогда я, Мигель Баск, остался бы опозоренным в глазах товарищей, которые не поверили бы ни единому моему слову из этой нелепой истории.

— Полно, утешься, старый товарищ! Разве ты не знаешь, как я люблю тебя?

— Знаю ли? Именно потому и бешусь!

— Итак, — сказал проводник, который внимательно вслушивался в разговор двух флибустьеров, — это правда, что в доме водится нечистая сила, как утверждают?

— Да, водится, но это существа из такой же плоти и крови, как и мы, которые вынашивают какие-то мрачные замыслы.

— Вы не думаете, сеньор, что это призраки потустороннего мира?

— Повторяю тебе, что это люди — решительные и грозные, правда, — но вовсе не привидения. Они обладают громадными возможностями наводить ужас и, вероятно, действуют под началом некоего умного и неустрашимого предводителя, но в том, что они исполняют, нет ничего сверхъестественного, хотя способ и результаты их действий превышают человеческое понимание.

— Тем они опаснее!

— Разумеется! Поэтому я и принял твердое решение открыть, кто это.

— Нас будет двое в этих розысках, — заметил Мигель.

— Нет, трое, — медленно сказал краснокожий, — у меня также есть важный повод стараться узнать, кто эти люди.

Капитан Лоран украдкой взглянул на проводника, но лицо индейца было спокойно и взгляд исполнен такого досто-

инства, что подозрения молодого человека, если таковые у него и возникли, мгновенно рассеялись.

— Хорошо, — сказал он, — принимаю твою помощь, мы будем действовать сообща.

— Я запомню ваше обещание, сеньор, — произнес проводник.

— Кажется, об этом предмете теперь сказано достаточно, — сказал Лоран, — да и говорить, вроде, больше нечего... Сколько миль осталось еще до Панамы?

— Около восьми, если ехать по окольной дороге, напрямик же не более пяти.

— Можно ли рассчитывать быть в городе до заката солнца, если ехать окольной дорогой?

— Это трудно, даже невозможно.

— А напрямик?

— Очень легко, но предупреждаю вас, дорога утомительная.

— Эка невидаль для нас! — вскричал Мигель.

— Что же вы решили, сеньор?

— Мы поедем напрямик.

— Очень хорошо. Тогда надвинуться в путь через час.

— Во сколько, примерно, мы будем в городе?

— Самое позднее — в четыре.

— Прекрасно, этого-то я и хочу... Ты хорошо знаешь Панаму?

— Так же, как и эту пустыню.

— Дон Хесус сдал мне внаймы свой дом, куда я напрямик и намерен отправиться.

— Который из домов? У дона Хесуса их в городе три.

— Тот, что называется Цветочным домом.

— Дон Хесус отдал вам внаймы Цветочный дом? — воскликнул в изумлении проводник.

— Да, а что же ты находишь в этом удивительного?

— Ничего... и вместе с тем очень много.

— Не понимаю.

— Человек этот, должно быть, сошел с ума, если согласился уступить вам этот дом... или кто-нибудь подсказал ему это.

— С какой целью?

— Не знаю, но совет, во всяком случае, исходит не иначе как от друга, вам же остается только радоваться такой удаче.

— Почему?

— Ни один из домов в Панаме не мог быть более удобным для вас по своему устройству как снаружи, так и внутри. Вообще, он имеет очень много общего с домом на асиенде.

— Ах, черт возьми! Ты пугаешь меня, любезный Хосе!

— Чем же, сеньор?

— Если я буду постоянно проваливаться в разные люки и тайники, мне придется плохо в моем жилище; меня окружают невидимыми шпионами, которые будут следить за каждым моим движением, подслушивать каждое мое слово, ловить все, что я захочу скрыть, — словом, я буду связан по рукам и по ногам и, подозревая измену, не посмею ни шевельнуться, ни сказать слова.

— Успокойтесь, ничего подобного не будет. Только два человека знали все тайны этого дома: один из них — тот, кто его строил, но он умер.

— А другой кто?

— Другой — я.

— Эге! Славная штука! — вскричал Мигель.

— Ты? — переспросил дон Фернандо или, вернее, капитан Лоран.

— Именно я, сеньор.

— Я ничего не понимаю, Хосе.

— Объяснение мое будет коротко и ясно, сеньор, слушайте.

— Я слушаю.

— По причинам, о которых вам знать теперь нет ни малейшей надобности, я попал в Панаму ребенком, едва достигнув десяти лет, но я был высок и силен для своего возраста, смотрел бойко и понравился капитану испанского торгового судна. Этот добрый человек купил меня, оставил при себе, мало-помалу привязался ко мне и — поскольку я с полной откровенностью рассказал ему свою историю, ничего не утаив, — был тронут моей несчастной судьбой и дал мне свободу, когда я достиг пятнадцати лет. Свободой своей я, однако, не воспользовался и остался при своем благодетеле. Я поклялся не расставаться с ним до его смерти. Капитан Гутьеррес Агуире, как звали моего хозяина, главным образом занимался контрабандой жемчуга. Он нажил неплохое состояние, занимаясь этим промыслом, но рисковал головой — испанское правительство не шутило с контрабандистами. Капитан был очень богат, но ежеминутно опасался обыска в своем доме, поскольку находился на подозрении. Однажды он сообщил мне о своих опасениях и попросил привести к

нему индейца, который под его руководством построил бы такой дом, какой он желает. Во время поездки в Кальяо за несколько месяцев до этого капитан заказал испанцу-архитектору план дома, который показал мне. На мое замечание, что архитектор может случайно заглянуть в Панаму, капитан ответил мне со странной улыбкой, что предотвратить подобную случайность в его власти.

— Достойный контрабандист, видимо, придушил архитектора, — вставил свое словечко Мигель.

— Этого я не знаю, но верно то, что этот человек внезапно исчез и никто о нем больше не слышал.

— Я поклялся бы, что так! — опять вскричал неисправимый буканьер.

— Молчи, Мигель!.. Что ты сделал, Хосе, после того как капитан доверился тебе?

— Я посоветовал ему взять мирных индейцев из другой местности, чтобы они выстроили этот дом под его руководством. Мысль капитану понравилась, и он поручил мне нанять этих людей. Поручение я исполнил со всей тщательностью и спустя две недели вернулся в Панаму с двадцатью работниками, взятыми из дальней индейской деревни или, вернее, дальнего индейского племени. В мое отсутствие капитан не зевал: он выбрал и купил место и завез необходимые материалы. Через пять месяцев дом был закончен, а работники щедро вознаграждены и отпущены. В течение всего времени, пока длилось строительство, мы с капитаном Гутьерресом наблюдали за ними так внимательно, что они ни с кем не могли общаться; впрочем, они и сами не понимали как следует, что именно они сооружают.

— Это весьма вероятно, — заметил Лоран, — но как правительство не встревожилось такой продолжительной постройкой? Ведь в этом краю и дворец воздвигается менее чем за месяц.

— Вам известна небрежность, нерадение и в особенности жадность членов колониального управления... У капитана Гутьерреса были друзья везде, он всем сумел залепить глаза и заткнуть уши. Впрочем, он вел свое дело с величайшей осторожностью, место для дома было им выбрано искусно, в отдаленной части города, где жили одни индейцы. Из всего этого вышло, что никто ничего не видел и видеть не хотел, что, в сущности, для капитана Гутьерреса было одно и то же. Прошло несколько лет, капитан сильно постарел, и его тя-

нуло вернуться в Европу. Наконец он не мог более сопротивляться такому сильному желанию, снарядил корабль, на который перевез все свои богатства, обнял и поцеловал меня на пристани, куда я проводил его, сел в шлюпку, которая ждала его, и уехал. Поднимаясь по трапу на корабль, который стоял уже готовый сняться с якоря, он оступился, упал в воду и утонул, несмотря на все усилия спасти его.

— Это архитектор его за ногу дернул! — со смехом пояснил Мигель.

— А дом кому достался?

— У дона Гутьерреса не было наследников, все состояние его захватило правительство.

— Какая пожива для собак-испанцев!

— Куда же ты тогда девался, Хосе?

— Меня ничто больше не удерживало в Панаме, и я вернулся в прерии. Целых пятнадцать лет после того я близко не подходил к городам белых.

— А по возвращении в Панаму ты ничего не слышал об этом доме?

— Немного, сеньор, он меня не интересовал. Случайно до моих ушей дошло, что он был перепродан несколько раз, но окончательно куплен с год назад доном Хесусом Ордоньесом. Вот и все.

— Не подозреваешь ли ты причины, по которой дон Хесус приобрел его?

— Я солгал бы, сеньор, если бы стал утверждать противное.

— Какая же это причина, по твоему мнению?

— В Панаме все занимаются контрабандой, от губернатора до последнего пеона.

— Ай-яй-яй! — вскричал Мигель.

— Разумеется, — продолжал индеец, — все соблюдают величайшую осторожность, и те, кто имеют наибольшие прибыли от этого беспощинного торга, то есть губернатор и другие члены правительства, неумолимы к мелким контрабандистам и преследуют их сожесточением за вред, который те наносят их интересам.

— Итак?..

— Мелкие контрабандисты, которым все это известно как нельзя лучше, пускают в ход все возможные способы, чтобы укрыться от гонений на них, отсюда следует постоянная борьба хитрости против хитрости.

— Прекрасно, но какое отношение к этому имеет дон Хесус?

— Вместе с доном Пабло Сандовалем и некоторыми другими людьми он — один из самых смелых и хитрых контрабандистов в Панаме.

— Как?! — перебил проводника Мигель. — Дон Пабло Сандоваль, капитан корвета «Жемчужина», — контрабандист?

— Собственной персоной! Они ведут дело с большим размахом и не отступают ни перед чем. Компаньонам понадобился дом, где они в случае надобности могли бы сложить свои товары. Цветочный дом, с выходом в поле, пришлось им как раз на руку, вот дон Хесус и приобрел его.

— Это действительно вполне возможно... И ты уверен, что дон Хесус не знает всех тайников своего дома?

— Уверен в этом. Кто бы мог ему указать их?

— Случай мог бы помочь им в этом.

— Это невозможно, сеньор, вы скоро сами удостоверитесь в этом!.. Впрочем, с тех пор как дом был продан в первый раз и осмотрен от чердака до подвала, подобное открытие давно уже стало бы известно в городе. Для меня же несомненным доказательством полного неведения дона Хесуса на этот счет служит то, что он так легко согласился сдать вам этот дом внайма и назначил такую умеренную цену.

— Я допускаю это, но чему ты приписываешь внезапную мысль сдать мне его?

— Как знать? Может быть, за ним стали зорко следить, и этим способом он хочет отвратить от себя подозрения. Прехитрая лисица этот сеньор Ордоньес!

— И я того же мнения, Хосе; не знаю почему, но человек этот, который, в сущности, был крайне любезен со мной, внушил мне непреодолимое отвращение.

— Такое впечатление он производит на всех с первого взгляда.

— Выгодное впечатление, нечего сказать! — пробормотал Мигель.

— Мы будем наблюдать за ним, Хосе.

— Положитесь в этом на меня, сеньор.

Вдруг проводник остановился. С минуту он с беспокойством втягивал в себя воздух, потом лег на землю и прислушался к отдаленному шуму, который был доступен лишь его слуху.

Два авантюриста переглянулись с изумлением, ничего не понимая.

Вдруг проводник вскочил на ноги.

— Скорее спрячьте лошадей в кустах, пока я скрою всякий след нашей стоянки.

Слова эти были произнесены так серьезно, что авантюристы молча повиновались, подозревая, что им грозит серьезная опасность.

Проводник торопливо разбросал золу от костра и поднял примятую траву.

Он крепко перевязал ноздри лошадям, чтобы они не заржали, и после этой последней меры предосторожности шепнул:

— Слушайте!

— Что там такое? — спросил Лоран с беспокойством.

— Какой-нибудь дикий зверь забежал? — вполголоса предположил Мигель.

— Если бы так, — пожал плечами проводник. — Слушайте, говорю вам.

Вскоре явственно послышался глухой, непрерывный шум, похожий на отдаленные раскаты грома; он приближался с необычайной быстротой.

— Что это значит? — спросил опять Лоран.

— Топот двух лошадей, пущенных во весь опор! Не говорите ни слова и смотрите; если не ошибаюсь, мы узнаем кое-что любопытное.

Все молча стали смотреть в направлении, откуда слышался топот, раздававшийся все ближе и ближе.

Прошло несколько минут, потом затрещали и раздвинулись ветви кустарника, и два всадника вихрем промчались мимо притаившихся авантюристов, скрывшись опять в чаще леса.

— Видели? — спросил проводник.

— Разумеется.

— И узнали?

— Еще бы! Это дон Хесус Ордоньес и дон Пабло Сандоваль.

— Действительно, это они и были, вы не ошиблись.

— Что им понадобилось в Панаме сегодня и почему они так спешат?

— Это мы узнаем сегодня же вечером.

— Но ведь они хотели выехать только завтра!

— Вероятно, дон Хесус ночью вернется на асиенду, у него лучшие лошади во всей колонии — арабской породы, способные на одном дыхании проскакать двадцать миль и даже не вспотеть.

— Странно! — пробормотал Лоран.

— Не правда ли?

— Как бы нам узнать причину?

— Это уж мое дело, — перебил проводник, — мы будем в Панаме за два часа до них.

— Ты в этом уверен?

— Ручаюсь головой! Хорошие ли вы ездоки?

— За себя я отвечаю.

— А ваш товарищ?

— И тот не оплошает.

— Так дело в шляпе! Скорей на лошадей!

— Но ты-то как же?..

— А вот как! — ответил проводник, одним прыжком очутившись за спиной Лорана, который передал ему поводья. — Теперь держитесь, сеньоры, вы попробуете езду, какой век не испытывали, и вдобавок по дорогам, где любое падение — смертельно! Ведь вы хотите быть в Панаме во что бы то ни стало?

— Во что бы то ни стало!.. Но как же лошади?

— Сами увидите, на что они способны. Вы готовы?

— Готовы, — ответили в один голос авантюристы.

Проводник тихо свистнул, лошади вздрогнули, точно их пронизал электрический разряд, пригнули уши и разом понеслись с такой стремительностью, что всадники, низко наклонившись вперед, порой задыхались, а временами точно дышали огнем.

Описать эту бешеную скачку нет возможности, дать о ней понятие нельзя никакими словами. Несмотря на преграды, на каждом шагу возникавшие под их ногами, лошади, точно демоны, неслись то через опрокинутые деревья и через рвы, то по крутизне и вдоль оврагов, где едва хватало места, куда им ступить.

Время от времени проводник тихо щелкал языком. При этом знаке благородные животные удваивали свои усилия, и сверхъестественный и стремительный их бег принимал размеры страшного наваждения.

Всадники больше ничего не видели и не слышали; без мыслей, почти без дыхания они все мчались и мчались вперед, как бы увлекаемые вихрем, и деревья, овраги, горы мелькали мимо них с головокружительной быстротой.

Лошади летели, пыша огнем из раздувавшихся ноздрей, великолепные в своей дикой красоте, с развевающимися

хвостами и взъерошенной гривой, по временам выпуская ржание, никогда не спотыкаясь, не замедляя своего фантастического бега и не выказывая ни малейшего признака усталости.

Сколько длилась эта дьявольская скачка, во время которой всадники сто раз рисковали слететь в овраг или разбиться на дне разверзнутых у их ног пропастей, не мог бы сказать ни один из них; они с трудом давали себе отчет в своем собственном существовании и пассивно, без всякого сознания подчинялись увлекающему их урагану.

Вдруг проводник тихо свистнул.

Лошади остановились как вкопанные.

Остановка произошла так мгновенно и неожиданно, что Мигель перелетел через голову лошади и грохнулся оземь.

— Премного благодарен! — вскричал он, встав на ноги и потирая бок.

— Приехали, — сказал проводник голосом спокойным и ровным, как ни в чем не бывало.

— Уже?! — воскликнул Лоран, осматриваясь вокруг и видя одни столетние деревья окружающего их густого леса.

— Я не жалею об этом, — заметил Мигель, — долго мне не забыть этой маленькой прогулки! Вот черти-то, пропасть их возьми! Дерут со всех ног!

— Теперь вы знаете моих лошадей. Что скажете о них?

— Благородные животные! — вскричал Лоран. — И тени усталости не заметно!

— Они могли бы бежать таким образом еще часа три, если бы понадобилось.

— А дон Хесус со своим спутником?

— Далеко позади нас. Разве вы можете предположить, чтобы их лошади могли сравниться с моими?

— Действительно, всякое сравнение невозможно... Но зачем же нам останавливаться в этом лесу?

— Наше прибытие в Панаму пока должно оставаться тайной, завтра утром мы чинно въедем в город, как подобает честным путешественникам, сегодня же мы изберем другой путь.

— Ты прав; какой же?

— Вот этот.

И проводник разобрал хворост, за которым скрывался вход в пещеру.

— Дон Хесус, — продолжал он, — знает один из потайных ходов, ведущих в его дом, мне же известно много других.

Входите, я введу лошадей и скрою следы нашего прохода: никто не должен подозревать, что существует это подземелье, со временем оно пригодится нам.

— Справедливо, — сказал Лоран и вошел в пещеру, а вслед за ним — Мигель.

Подземелье, должно быть, освещалось искусно сделанными скважинами — в него попадало столько света, что можно было легко продвигаться вперед без малейших опасений.

Проводник ввел лошадей одну за другой, потом тщательно замел все следы на земле и, как и прежде, заложил вход грудой хвороста.

Тропинка в подземелье, усыпанная песком, постепенно вела вниз и была достаточно широкой, чтобы двое могли идти по ней рядом. После двадцати минут ходьбы авантюристы наткнулись на скалу, которой, по-видимому, заканчивалось подземелье.

— Вот, посмотрите, — указал проводник на пружину, искусно скрытую в трещине каменной глыбы.

Он надавил на пружину, и глыба тихо повернулась на своих невидимых шарнирах, потом, когда все прошли, проводник надавил на другую пружину, и скала приняла свое прежнее положение.

Еще две подобные гранитные глыбы встретили они на своем пути.

— Скоро ли мы будем у цели? — спросил Лоран.

— Через четверть часа.

Опять нажав пальцем на некое место в стене, проводник отворил скрытую дверь в конюшню, где совершенно свободно мог поместиться десяток лошадей.

Проводник поставил туда своих лошадей, снял с них сбрую и, засыпав им корму, оставил там.

— Таких конюшен здесь целых пять, — сказал Хосе, — не считая той, которая при доме.

— Эге! Это не вредно знать! — заметил Лоран.

— Со временем я покажу их вам, а теперь пойдемте скорее.

Он затворил за собой дверь, и все пошли дальше.

— Теперь мы в вашем саду, — сказал проводник спустя некоторое время.

— Так мы, значит, уже в Панаме? — с любопытством спросил Мигель.

— С добрых четверть часа.

— Превесело расхаживать таким образом инкогнито.

— Ба! Вы еще ничего не видели.

Покатость подземного хода мало-помалу становилась ощутимее. Пройдя еще минут двадцать пять, они очутились перед стеной, которая отворилась перед ними, как отодвигались до этого глыбы гранита.

За стеной начиналась узкая лестница, которая шла спиралью.

— Вот мы и дома, — сказал Хосе, запирая за собой проход. — Эта лестница охватывает весь дом, она ведет во все комнаты, от самых маленьких до самых больших, а также выходит в тайники, которых всего девять, — все они большие и с хорошей вентиляцией, из них можно слышать все, что происходит в открытых комнатах дома, и, кроме того, есть еще ход к службам с таким же точно устройством.

— Какое странное здание! — вскричал Мигель. — Напрасно дон Хесус давал нам ключи, не много же пользы они нам принесли!

— Правда, — сказал проводник, — но они нам послужат, когда мы пожелаем войти в настоящий дом, где мы находимся, — это только его двойник. Пойдемте.

Авантюристы последовали за индейцем, и он ввел их в довольно большую комнату, обставленную хорошей мебелью.

— Расположимся здесь на первое время. Кабинет дона Хесуса рядом, отсюда мы увидим и услышим двух наших приятелей, когда они приедут.

— А нам как быть? — спросил Лоран.

— Мы услышим их, но они нас не услышат.

— Это весьма приятно, — заметил Мигель. — А знаете ли, — вскричал он вдруг, — ведь домовладелец-то оставил вторые ключи у себя!

— Вероятно.

— Будьте спокойны, я потребую их у него, — сказал Лоран.

— Он не станет доводить дело до этого и сам отдаст ключи, — возразил проводник. — И оставил-то он их у себя только потому, что имел намерение приехать сюда сегодня, я полагаю.

— Что же нам теперь делать?

— Ждать и, чтобы скоротать время, поесть. Вероятно, вы проголодались?

— Признаться, от этой дьявольской скачки я совсем отошел, — улыбаясь, согласился Лоран.

— У меня также живот подвело, — подхватил Мигель.

— Через минуту я доставлю вам все, что нужно. Тут в шкафу лежит белье, есть и посуда; накройте пока что стол.

С этими словами он вышел.

— Что ты скажешь обо всем этом, Мигель? — спросил капитан Лоран у своего спутника, как только они остались наедине.

— Скажу, что все это презабавно, лишь бы дольше продоллось.

— Но продлится ли?

— Вы хотите знать слишком много, любезный Лоран, вам должно быть известно мое правило: пусть все идет своим ходом; подождем и посмотрим, как советует проводник. Впрочем, теперь жаловаться нечего, все удастся нам как нельзя лучше, если не ошибаюсь.

— Даже что-то уж чересчур хорошо.

— Вечно у вас все заботы! Забота убьет даже кошку.

— Правда, давай накрывать на стол.

— Это самое лучшее, что можно сделать.

Управившись, они сели к столу и принялись ждать.

Через четверть часа проводник вернулся со всеми припасами для превосходной и обильной трапезы; он не забыл даже напитков.

Возвращение его авантюристы приветствовали радостными возгласами.

ГЛАВА VII

Где доказывается, что иногда полезно подслушивать беседу некоторых особ

оложение капитана Лорана было довольно странно в эту минуту: он снял дом и внес плату за целый год вперед, следовательно, по праву был хозяином Цветочного дома. Между тем он тайком прокрался в него через подземный ход и потайные двери с пружинами, тогда как, напротив, владелец, который не должен был уже входить в дом без разрешения того, кому уступил его, вскоре на виду у всех войдет в него через парадный ход и отопрет внутренние двери оставленными им у себя против всякого законного права вторыми ключами.

Как это часто бывает в жизни, случай все устроил по своей прихоти, и два этих человека невольно поменялись ролями.

Не руководил ли перст Божий всеми событиями, с первого взгляда такими нелогичными?

Как бы то ни было, авантюристы, совершенно не заботясь о будущем, жили только настоящим, усердно отдавая должное добытым Хосе запасам.

В течение всего времени пути индеец был верен, предан и находчив. Буканьеры невольно поддавались чувству, которое влекло их к нему, и, сами того не подозревая, мало-помалу начинали испытывать к нему искреннюю дружбу.

Хосе, однако, со своей стороны, оставался неизменен, он не выходил из своей роли подчиненного, но без раболепства и без заискивания, готовый на все, чтобы услужить, он, тем не менее, не делал никаких попыток более тесно сойтись с флибустьерами и, зная, что нужен, даже необходим, с редким тактом, которым был наделен в высшей степени, составлял добродушием, простой и заразительной веселостью прощать себе это досадное с точки зрения гордых и шепетильных людей положение зависимости.

На этот раз трапеза длилась долго и сопровождалась забавными рассказами. Авантюристам нечего было торопиться, они убивали время, осушая стакан за стаканом и разговаривая обо всем, что приходило в голову.

Однако к концу ужина разговор принял более серьезный оттенок — в сущности, буканьеры играли в опасную игру и в случае проигрыша могли поплатиться головой; тут было над чем призадуматься.

— Вот мы и в Панаме, благодарение Богу, целые и невредимые! — сказал наконец капитан Лоран.

— Пока нас не повесят, — прибавил Мигель Баск, прихлебывая вино из громадного стакана.

— Ну тебя к черту с такими разговорами! Подумаем лучше о наших делах. Хосе, друг мой, десять человек из наших захвачены в плен этой зеленой рожей — доном Пабло Сандовалем.

— Хотел бы я в отместку захватить его корвет, — заметил Мигель.

— Терпение, брат, дойдет и до этого очередь.

— Надеюсь.

— Ты слышал, что наши товарищи попались в руки испанцев, друг Хосе?

— Слышал, капитан, — ответил проводник. — Здесь никто нас не услышит, и я могу называть вас таким образом.

— Называй как хочешь, любезный друг, лишь бы ты общал нам приятные вести, — вмешался Мигель, — и я ведь капитан, черт возьми!

— Знаю; ваша слава настолько велика, что не знать вас нельзя.

— Благодарю. Итак, ты говорил капитану Лорану...

— Что слышал о ваших товарищах, захваченных в плен, и это опечалило меня.

— Надо спасти их! — вскричали в один голос оба авантюриста.

— Об этом-то я и думаю... Здесь все делается за деньги, но дело не шуточное, даже очень опасное, ведь речь идет о Береговых братьях.

— Возможно ли спасти их? — спросил Лоран взволнованно.

— Все возможно, — со значением ответил проводник.

— Так мы сделаем это!

— Но обойдется не дешево.

— Велика беда, был бы успех!

— У вас есть деньги?

Капитан Лоран усмехнулся с пренебрежением.

— Деньги? — повторил он. — Мы с товарищем имеем векселя на первых банкиров в городе на сумму свыше двух миллионов пиастров.

— О-о! Так много!

— Даже больше. Умеешь ты читать?

— Умею, — улыбаясь, ответил проводник. — Вас удивляет, что индеец обучен грамоте?

— Ничто в тебе не удивит меня, любезный друг. Смотри.

Капитан достал из кармана бумажник, раскрыл его и разложил перед краснокожим все находившиеся в нем бумаги.

Тот стал рассматривать их с величайшим вниманием.

— Все эти векселя действительны, — сказал он наконец.

— Еще бы!

— Ваши товарищи будут спасены.

— Ты мне ручаешься?

— Ручаюсь.

— Тогда я спокоен! Во сколько нам это обойдется?

— В пятьдесят тысяч пиастров, по меньшей мере.

— Это пустяки. Вот вексель на сто тысяч на фирму Олибарьета.

— Первую и, следовательно, богатейшую в Панаме.

— Завтра же получи деньги и приступай к действиям.

— Не замедлю.
— Какова будет наша роль во всем этом?
— Сам еще не знаю, смотря по обстоятельствам.
— Очень хорошо; итак, это дело решенное.
— Вполне.
— Где мы спрячем их?
— Здесь же.
— Правильно, таким образом они будут у нас под рукой, когда настанет минута действовать.

— Нам нельзя терять времени, — заметил Мигель. — Задача наша не шуточная; двадцать восьмого марта должен быть дан сигнал эскадре, месяц на подготовку наших батарей — этого маловато.

— Но достаточно, если подходить к делу с умом и храбростью, — сказал Лоран.

— Ни в том, ни в другом у вас недостатка не окажется, капитан, — заметил Хосе.

— Но кто же даст сигнал эскадре?

— Я, если хотите, — ответил Хосе.

— Посмотрим, — продолжал Лоран. — Прежде всего надо овладеть асиендой дель-Райо — это сильная позиция.

— И хорошо укрепленная; она неприступна, — прибавил Мигель.

— Есть у тебя там связи, Хосе?

— Очень мало, капитан, ведь я бедный индеец и ничего больше.

— Ну, мне так ты кажешься королем, — весело сказал Мигель, — разумеется, королем без владений.

Индеец улыбнулся, но ничего не ответил.

— Я собираюсь во что бы то ни стало завладеть асиендой, — сказал Лоран, — она будет в моей власти, хотя бы пришлось брать ее приступом.

— Мы примем меры, дружище, когда настанет время; с тех пор как мы попали в эти края, с нами случилось столько удивительных вещей, и в особенности таких полезных для наших целей, что я спрашиваю себя, не откроет ли нам добрая фея двери асиенды, когда мы захотим завладеть ею.

Теперь была очередь капитана Лорана улыбаться, хотя он не считал нужным возражать.

— Что касается меня, — заключил Мигель, — то больше всего я жажду захватить корвет.

— И он будет твоим!

— Вы обещаете?

— Честное слово, до истечения недели.

— Благодарю, — ответил Мигель искренне.

Эти два льва никогда не сомневались друг в друге, обещанное одним было в глазах другого все равно что сделано.

— Скажи, пожалуйста, Хосе, поскольку тебе известен край, не можешь ли ты разыскать некоего Педро Серано? — спросил Лоран.

— Чем он занимается и кто он, капитан?

— Кто? Самый натуральный мошенник, а что делает — право, не знаю. Одно я знаю достоверно — он должен жить в Панаме или в окрестностях.

— Как давно?

— Лет тринадцать или четырнадцать.

— И вам необходимо отыскать его?

— Больше всего на свете. Для него одного я предпринял эту свою отчаянную экспедицию.

— Хорошо, капитан, я отыщу его, хоть бы он скрывался в недрах земли.

— Запомни хорошенько, друг Хосе, что в тот день, когда ты отыщешь мне этого человека... ведь ты знаешь меня, не правда ли?

— Знаю, капитан, очень люблю вас и удивляюсь вам.

— Ну, Хосе, в тот день обратись ко мне с любой, даже самой невозможной просьбой, и — клянусь честью дворянина и Берегового брата! — она будет исполнена.

— Вы не шутите, капитан? — вскричал проводник, и в глазах его сверкнула молния.

— Никогда в жизни не говорил вернее! Вот моя рука, Хосе.

— Решено, капитан, я найду этого человека.

— Сдержи свое слово, а я сдержу свое.

— Вот тебе и моя рука, Хосе, — вмешался Мигель, — раз капитан Лоран берет на себя обязательство, я также беру его. Хотя я понятия не имею, о ком он говорит, это имя для меня ровно ничего не значит, отыщи этого мерзавца и полагайся на меня.

— Благодарю, капитан Мигель, — ответил проводник с волнением, странным для человека, который всегда владел собой.

— Однако как долго не едут наши молодцы, — заметил Лоран, набивая трубку.

— Сейчас шесть часов, капитан, не пройдет и получаса, как они будут здесь. Но позвольте, здесь курить нельзя, запах табака может нас выдать.

— Это правда, ей-Богу! А ведь мне и в голову не пришло. С этими словами Лоран положил трубку на стол.

— Как же мы увидим их? — прибавил он.

Проводник выдвинул и убрал во внутренние пазы две-три тоненькие дощечки.

— Отсюда видна вся комната, где они будут находиться. Щели, которые я открыл, находятся в украшениях потолка и совершенно незаметны снаружи, поглядите.

Капитан наклонился к отверстиям, которые находились почти наравне с его плечом, и стал всматриваться.

Отверстия достаточной величины просверлены были так, чтобы одним взглядом можно было легко охватить всю комнату.

Комната эта, просторная и хорошо, даже роскошно меблированная, была скорее гостиной, чем кабинетом.

Несколько небольших свертков лежало на столе.

— Что это за свертки? — спросил капитан.

— Жемчуг.

— Гм! Должно быть, на громадную сумму!

— Из-за этих-то свертков дон Хесус Ордоньес сюда и скачет.

— Возможно, — с приливом надменности ответил Лоран. — Между тем, стоило ему только потребовать, и я счел бы за долг немедленно возвратить их.

— И вместе с тем вы узнали бы, что дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро занимается контрабандой, чего именно он и хотел избежать.

— Это правдоподобно, но, думаю, здесь кроется еще что-то.

— Об этом мы скоро узнаем, надеюсь.

— Терпение!

— Самое главное сделано, капитан... Э! А вот и наши друзья! Слышите? Минут через десять они будут здесь.

Действительно, со двора донесся сильный шум, слышался звук отпираемых и затворяемых дверей, шаги стали раздаваться все ближе, наконец дверь кабинета растворилась и в нее вошли дон Хесус и дон Пабло в сопровождении третьего лица.

— Так я и знал! Тут кроется что-то еще, — прошептал проводник. — По местам, сеньоры, и ни слова!

Все трое приникли к отверстиям.

У дона Хесуса и дона Пабло одежда была в беспорядке и вся в пыли, как бывает после дальнего переезда верхом.

Сопровождал их высокий старик невзрачного вида, с хитрым лицом и блестящими маленькими бегающими серыми глазками. Он был с ног до головы одет в черное, в шляпе того смешного фасона, который веком позднее, после представления Фигаро, прозвали «доном Базилио».

— Сеньоры, — произнесла эта мрачная личность, — я имел честь получить ваше извещение всего полчаса назад и поспешил явиться на зов. Вероятно, речь идет о чем-то важном.

— И даже очень, сеньор коррехидор¹, — ответил капитан Сандоваль. — Прошу садиться, сеньор дон Кристоаль Брибон-и-Москито, нам надо переговорить о серьезном деле.

— Весь к вашим услугам, любезные сеньоры, — ответил, садясь, коррехидор дон Кристоаль Брибон-и-Москито, фамилия которого метко² обрисовывала его, если душа соответствовала внешности.

— Что нового у нас здесь, сеньор дон Кристоаль? — спросил дон Хесус.

— Да немного, сеньор.

— Хорошего?..

— Ровно ничего.

— А дурного?

— Много.

— Черт возьми, как видно, дело дрянь! — вскричал дон Пабло.

Судья благоговейно перекрестился.

— Не поминайте проклятого, любезный капитан, прошу вас, — заметил он с притворным лицемерием, — это приносит несчастье.

— К черту ваши гримасы! — возразил запальчиво капитан. — Я просто выхожу из себя, когда вижу такого старого плута, как вы, вечно бормочущего молитвы.

— Дела делами, капитан, — возразил судья тоном оскорбленного достоинства, — но они не должны мешать мне спасти мою душу!

---

¹ К о р р е х и д о р — администратор, судья в городах и провинциях Испании и ее колоний.

² Испанцы всех комаров называли *москитами* (от испанского слова *moscas* — муха).

— Спасать вашу душу! Да будет вам вздор-то молоть, поговорим о деле. Ей-Богу! Мы здесь не для того, чтобы терять время на ваше смешное жеманство, ведь вы даже хуже нас.

— Сохрани меня от этого Господь! — вскричал судья, осенив себя два-три раза крестным знамением и круто переменяв тон. — Ведь контрабанда — не преступление!

— Нет, но воровство — грех, да еще величайший из смертных грехов, — грубо перебил его капитан. — Вам, как судье, должно быть хорошо известно — преступление ли кража или нет, — посмеиваясь, заключил он.

— Капитан! — воскликнул с гневом коррехидор. — Да простит мне Бог, что я не в силах дольше владеть собой, но подобные оскорбления...

Ссора была неминуема между грубым моряком и лицемерным чиновником, дон Хосе понял это и вмешался, чтобы положить ей конец.

— Полноте, сеньоры! — вскричал он повелительно. — Что это за речи между друзьями и товарищами? Мы здесь для того, чтобы заниматься нашим делом, и ни для чего другого.

— Правда, дон Хесус, — ответил капитан. — Сеньор коррехидор, я погорячился и прошу у вас извинения.

— Все оскорбительное я слагаю к ногам моего Господа, — ответил злопамятный судья.

— Итак, вы говорили, дон Кристобаль, — продолжал дон Хесус, — что из новостей имеются только дурные.

— И не мелочь — увы, сеньор, не мелочь!

— В каком смысле?

— Нас подозревают! Наше товарищество было выдано правительству.

— Кто изменник?

— Не знаю, но разыщу его. Губернатор призвал меня к себе четыре дня тому назад.

— Ага! Дон Рамон де Ла Крус против нас?

— Самой ожесточенный наш противник.

— Он, видно, не может простить нам барышей последней сделки, которые он считал в своих руках, а мы так искусно увели у него из-под носа, — заметил капитан, посмеиваясь.

— Именно так, он не может перенести своего поражения.

— Я это понимаю, сто тысяч пиастров у собаки под хвостом не валяются, как говорят простолюдины.

Все трое рассмеялись.

— Что же сказал вам губернатор? — продолжал дон Хесус спустя некоторое время.

— Вот его собственные слова: «Сеньор дон Кристоаль Брибон-и-Москито, вы — главный коррахидор в городе; при этом звании долг велит вам не только печься о безопасности жителей, но и соблюдать выгоды казны. Вы же постыдно пренебрегаете своими обязанностями: контрабанда принимает чудовищные размеры. Я подозреваю несколько весьма высокопоставленных лиц в городе; берегитесь, чтобы я не напал на доказательства вашего сообщничества с ними и не потребовал вашего отстранения от должности!» С этими словами он отпустил меня.

— Положение стало опасным. Что же вы сделали, сеньор? Обычно вы изворотливы.

— Увы! — ответил судья своим протяжным и льстивым голосом. — Я понял, что все пропало, если не прибегнуть к решительным мерам. Я велел схватить первых попавшихся презренных индейцев, по моему приказанию им сунули на пятнадцать тысяч пиастров жемчуга в пояс, и таким образом я сам привел их к губернатору.

— Ага! Что же он сделал? Пятнадцать тысяч пиастров — большая сумма.

— Надо было покориться неизбежному, любезный сеньор, я записал их на общий расход общества.

— Гм! Что же дальше?

— Как я ожидал, сеньор, так и случилось: губернатор взял жемчуг и отослал меня, осыпав похвалами и рассыпаясь в извинениях. Таким образом я удостоверился, что подозрения его основаны лишь на одних неопределенных доносах и ни одного имени ему не известно.

— Так значит, на первый случай мы спасены?

— Надеюсь.

— А что же случилось с индейцами, которых вы захватили?

— К моему глубокому сожалению, я должен был велеть повесить их вчера, но, разумеется, умываю руки в этом деле — приказание исходило от дона Рамона де Ла Круса, а не от меня, я только повиновался его воле.

— Мы и не ставим вам этого в укор.

— Потом я дал три пиастра настоятелю францисканского монастыря, чтобы он помолился за их души.

— О! Я узнаю в этом вашу бережливость, которая так благородно согласуется с вашей просвещенной верой! — не мог удержаться от насмешки капитан.

Дон Хесус опять поспешил вмешаться, чтобы предотвратить новую ссору, которую могла вызвать насмешливая выходка моряка.

— Каково же ваше мнение, дон Кристобаль, обо всем случившемся?

— Да, да, послушаем-ка ваше мнение, я не прочь был бы узнать его; один раз не закон, да и вам для разнообразия неплохо бы разок высказаться откровенно.

Дон Кристобаль Брибон-и-Москито бросил на своего оппонента взгляд, исполненный надменности и презрения.

— Я думаю, — сказал он, — что подозрения на наш счет скорее временно усыплены, чем уничтожены вовсе, и пробудятся при первом же случае с удвоенной силой.

— И я так думаю, дон Кристобаль, но что вы подразумеваете под этим первым случаем?

— То, что подозрения с новой силой возникнут в уме губернатора, как скоро он проиграет полученные от нас хитростью пятнадцать тысяч пиастров — будьте уверены, что он все отлично понимает и ничуть не проведен нами.

— Разумеется, нет, — подтвердил неисправимый капитан, — это он нас провел.

— Вполне разделяю ваше мнение. И вы заключаете из этого, любезный сеньор коррехидор...

— Я заключаю, дон Хесус, что положение наше опасно, очень опасно, даже может привести к катастрофе.

— И я это полагаю, но мне приятно было бы услышать, как, по вашему мнению, нам следует поступить теперь.

— Я вижу один только выход из западни.

— А именно?

— На время, по крайней мере, совсем прекратить нашу деятельность и ловко направить подозрения на других лиц, которые таким образом поплатятся за все вместо нас. В сущности, это устроить не трудно.

— Но и не так легко, как вы думаете.

— Почему же, дон Хесус?

— Господи! Да по той простой причине, что все так или иначе занимаются запрещенным торгом в Панаме, ведь ни для кого это не тайна, и дон Рамон де Ла Крус знает об этом не хуже кого-либо, вот потому-то я и думаю, что, обратив-

шись к нам, он имел особую на то причину, и кто знает, не лучше ли дон Рамон снабжен сведениями на наш счет, чем заблагорассудил выказать вам?

— К тому же, — прибавил капитан, — ваша выдумка с индейцами, которую вы считаете такой искусной и хитрой, просто глупость и страшная ошибка.

— Капитан!

— Да, сеньор, повторяю, глупость и страшная ошибка! Дон Рамон де Ла Крус далеко не олух, он сунул себе в карман наши пятнадцать тысяч пиастров, но разгадал проделку, как Бог свят! С помощью этой вашей гениальной выдумки он узнал все, что ему было нужно, и будьте уверены — он не преминет воспользоваться этими сведениями. Благодаря вашей трусости его подозрения, если они прежде существовали, превратились в уверенность, и скоро вы увидите последствия ваших гениальных соображений.

— Если только мы не пресечем зла в самом корне и немедленно!

— Я был бы рад этому, сеньор, и чем скорее, тем лучше.

— Выслушайте меня внимательно, дон Кристобаль, ни одного слова не пропустите мимо ушей, дело чрезвычайно важно.

— Слушаю во все уши.

— Послезавтра около полудня я прибуду в Панаму со своей дочерью Флорой, капитаном Сандовалем и несколькими слугами.

— Как прибудете в Панаму?

— В эту же ночь я вернусь на асиенду, понимаете?

— Ровным счетом ничего, но все-таки продолжайте.

— Я остановлюсь в своем доме на Пласа-Майор, где все будет готово для моего приезда.

— Не лучше ли вам было бы остановиться здесь?

— Ну, видно, что вы меня вовсе не понимаете; постараюсь говорить яснее, если возможно.

— Очень был бы признателен вам за это, весьма важно, чтобы я понял вас хорошо, иначе не смогу удачно содействовать.

— Втолковать будет трудно, — побурчал капитан, посмеиваясь по своему обыкновению.

— Вчера после землетрясения, — продолжал дон Хесус, — которое, вероятно, почувствовали и здесь...

— Действительно, сеньор, несколько ударов были ощутимы, но благодаря милосердному заступничеству Пресвятой

Девы Марии нам не приходится оплакивать ни одного несчастья.

— Тем лучше... Итак, после землетрясения ко мне на асиенду прибыл путешественник со слугой и проводником-индейцем и попросил приюта. Разумеется, я принял гостя с полным радушием.

— До сих пор я не вижу...

— Этот путешественник — один из знатнейших вельмож при испанском дворе; он едет сюда и должен быть в городе завтра, так как уехал из асиенды сегодня утром на рассвете.

— Ага!

— О его прибытии давно уже оповещен губернатор.

— Как же зовут этого путешественника?

— Дон Фернандо Гарсиласо, граф де Кабель-Морено. Он племянник вице-короля Новой Испании и даже, если не ошибаюсь, немного сродни губернатору Кампече.

— Этого вельможу действительно ждут с нетерпением, сеньор! Два дня назад в гавань вошла каравелла, доверху груженная одними его вещами.

Слушатели со значением переглянулись.

— Но я не вижу еще, какое отношение... — начал было судья.

— Подождите, сейчас дойду и до этого. Графу понадобилось снять дом, и я сдал ему свой.

— Который?

— Вот этот самый.

— Как! Этот дом, который так удобен для нас?

— Именно потому и сдал. Разве не решено, что мы, по крайней мере на время, должны прекратить нашу деятельность? Присутствие здесь графа де Кабель-Морено уничтожит все возможные подозрения относительно этого дома, которые могли возникнуть вследствие его уединенного положения. Кроме того, граф имеет большой вес, влияние его громадно; я поступил с ним так, что должен был внушить к себе доверие, он считает себя моим должником за оказанную ему услугу, знакомство с ним я буду поддерживать усердно, постараюсь втереться к нему в доверие, и это не будет трудно, так как он молод, кажется добр, благороден и совершенно неопытен. Разумеется, он станет нам покровительствовать, в случае нападения защитит нас, и нам нечего будет опасаться, держась его. Понимаете теперь?

— Отлично понимаю, сеньор, вы прекрасно умеете устраивать дела!

— К тому же, граф беден, — продолжал асиендадо, — он сам мне признался в этом. Кто знает, если искусно подойти к делу, не сумеем ли мы сделать из него не только друга, но и сообщника?

— Вот мастерская шутка была бы, ей-Богу! — вскричал судья в порыве восторга, но тотчас же, опомнившись, осенил себя крестным знамением и пробормотал благоговейно: — Да простит мне Господь, что я произнес Его святое имя всуе!

— Для достижения этой цели, которую я вовсе не считаю невозможной, — продолжал дон Хесус, — нужны осторожность и ловкость.

— Главное, надо впутать его как-нибудь в дело, остальное придет само собой.

— Совершенно справедливо, любезный дон Кристобаль, это я беру на себя и преуспею в том, клянусь вам.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Здесь у нас остается еще некоторое количество товара, который следует сейчас же скрыть. Можете вы взять его к себе?

— Это крайне затруднительно. Разве здесь, в доме, нет какого-нибудь чердака или подвала, или, наконец, потайного угла, где можно было бы спрятать товар без опасения, что его отыщут?

— Увы, любезный коррехидор, дом этот, как вам известно, нечто вроде беседки или охотничьего павильона, в нем нет ни подвалов, ни тайников.

— Это весьма неприятно.

— Утешьтесь; товар, о котором я говорю, не займет много места: всего-то несколько пачек жемчуга и два-три тюка расплющенной серебряной посуды. Как только стемнеет, мы сможем перенести их к вам так, что никто и не заметит, и легко сделаем это в один прием.

— Если это необходимо, — согласился коррехидор в полном отчаянии.

— Не пугайтесь из-за ерунды, дон Кристобаль, послезавтра я все заберу у вас обратно, только заранее навьючьте на мула, когда по своем прибытии в город я проеду мимо вашего дома; мул с навьюченным на него товаром смешается с моими мулами, и никто ничего не заметит.

— Так-то лучше, я весь к вашим услугам.

— Разумеется, с условием иметь большие барыши и ничем не рисковать, — заметил презрительно капитан.

— Что ж прикажете? — наивно возразил судья. — Ведь я главный коррехидор, одно из первых лиц в городском управлении, мое звание ставит меня на вид, прежде всего мне надо охранять свое доброе имя и стараться не потерять уважение публики.

— Как же, как же! — вскричал капитан с насмешливым хохотом. — И счастлив же город, черт возьми, где такая администрация! Если правосудие наблюдается и не всегда, действует оно, по крайней мере, быстро; пример тому — бедняги-индейцы, которых вы так проворно вздернули на виселицу.

Судья встал, весь позеленев от злости. Но дон Хесус опять вмешался.

— Полноте! Полноте! — вскричал он. — Что вы это, сеньоры? Нам пора приниматься за дело — надо скорее все убрать с глаз долой.

Дон Кристобаль прикусил свои тонкие губы и бросил ядовитый взгляд на моряка, а тот презрительно пожал плечами и замолчал.

Все трое взяли за пачки с жемчугом, которые лежали на столе, и вышли из кабинета.

Еще некоторое время слышно было, как они ходили взад и вперед по дому, но по прошествии четверти часа все окончательно смолкло.

Ночь была темная, хоть глаз выколи.

— Что вы обо всем этом скажете? — обратился индеец к Лорану, зажигая свечу.

— Скажу, что это каналы, каких свет не видывал, а судья со своим набожным видом и приторной кротостью — самый отвратительный из всех.

— Мне капитан по душе, — заметил Мигель.

— Впрочем, я узнал многое, что для нас очень важно, — продолжал Лоран, — прибытие каравеллы, виды на меня достойного дона Хесуса, из которых я надеюсь извлечь свои выгоды, и плюс уверенность, что никто не знает тайников этого дома.

— Поскольку мы теперь здесь хозяева и нам нечего бояться посторонних глаз, не желаете ли вы, капитан, чтобы я ознакомил вас с подробным устройством этих тайников?

— Разумеется, желаю, Хосе, и немедленно: пока нам нечего делать, следует воспользоваться свободным временем.

Путешественники немедленно приступили к осмотру, который и произвели тщательно, со всеми подробностями, в продолжение нескольких часов. Было около полуночи, когда он наконец был кончен и три путешественника могли насладиться отдыхом.

ГЛАВА VIII

Как граф де Кабель-Морено водворился в своем новом жилище

а рассвете следующего дня они уже выходили из дома, а на исходе восьмого часа дон Фернандо открыто въезжал в Панаму со своим слугой и краснокожим проводником. Чтобы весть о его прибытии разнеслась возможно скорее, молодой человек счел нужным въехать в ворота, противоположные той части города, где находился Цветочный дом.

И цель его была достигнута — в особенности благодаря тому, что подученный Хосе ловко пробалтывался и с величайшей любезностью отвечал на расспросы, с которыми осаждали его любопытные на каждом шагу.

В гавани дон Фернандо остановился у таможни и велел вызвать служителя, назвавшись всеми своими именами и титулами.

Служитель таможни, толстяк с одутловатым лицом, тотчас выбежал впопыхах, рассыпаясь в раболепных извинениях, что заставил ждать его сиятельство.

Мнимый граф положил конец этому словоизвержению, попросив служителя доставить ему в тот же день тюки, присланные для него на каравелле «Святая Троица» и сложенные в таможне. Само собой разумеется, что толстяк свято обязался исполнить желание его сиятельства и не переставал извиняться неизвестно в чем, пока дон Фернандо не простился с ним и не уехал.

Миновав площадь Пласа-Майор и оставив за спиной улицы Маркадер и Платерос, путешественники свернули на улицу Сан-Франсиско, в конце которой находился Цветочный дом.

Коррехидор и два альгвазила стояли неподвижно у входа.

Увидев графа, коррехидор с почтительным поклоном доложил, что в соответствии с законом явился лично присутствовать при отпирании дверей дома, снятого его сиятельством, и его водворении в нем. Он прибавил, что утром к нему прискакал пеон из асиенды дель-Райо. Гонец привез запасные ключи и передал, что дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро второпях забыл вручить их своему благородному жильцу.

Все сказанное было ложью от первого до последнего слова, дон Фернандо знал это как нельзя лучше, но не подавал вида. Он любезно поблагодарил коррехидора за хлопоты, принял от него ключи и пригласил его войти вместе с ним.

Коррехидор с радостью согласился.

Двери отперли, и путешественники в сопровождении коррехидора и двух альгвазилов вошли внутрь.

Дом был действительно великолепен и, в особенности, прекрасно расположен.

Архитектор дона Гутьерреса Агуире был человеком гениальным, план его вполне мог назваться образцовым.

Комнаты, отлично спланированные, были просторны, светлы, прохладны, удобны и меблированы не только роскошно, но и с тем глубоким пониманием комфорта, о котором тогда почти не имели понятия.

Службы, размещенные не слишком близко, но и не слишком далеко от дома, состояли из конюшенного двора с сараями прекрасного устройства.

От обилия больших деревьев и клумб с громадными тропическими растениями, поднимающимися на пятнадцать—двадцать метров в высоту, сад, обширный и со вкусом разбитый, был исполнен прохладной тени и таинственной тишины; по нему протекала речка, в струях которой весело играли на солнце целые стаи рыбок.

Казалось, граф был в полном восторге от всего увиденного.

— Известен вам этот дом, сеньор коррехидор? — между делом спросил он судью, следовавшего за ним по пятам.

— Почти что нет, ваше сиятельство, — не смущаясь, ответил дон Кристобаль, — я был в нем только раз, и то давно, в то время, когда первый его владелец погиб при таких несчастных обстоятельствах.

— Он утонул, кажется? — небрежно спросил граф.

— Утонул, ваше сиятельство, а человек был предостойный, которого Господь наверняка принял в обитель блаженных.

— Аминь! — заключил граф. — Надеюсь, сеньор коррехидор, что вы окажете мне честь и будете навещать меня.

— Помилуйте, ваше сиятельство, это будет честью для вашего покорного слуги!

В эту минуту к графу подошел Хосе и доложил, что привезены его вещи, которые смотритель таможни поспешил доставить, и слуги графа, прибывшие на каравелле «Святая Троица», явились в сопровождении самого капитана.

— Извините, что я вынужден оставить вас, любезный сеньор, — обратился граф к дону Кристобальюс величайшей любезностью. — Как видите, я не волен теперь располагать собой.

— Помилуйте, ваше сиятельство, я пришел бы в отчаяние, если бы стеснил вас чем бы то ни было.

— Впрочем, — заметил молодой человек, — надеюсь еще сегодня увидеться с вами.

— Каким же это образом, ваше сиятельство?

— Я намерен сегодня же явиться к его превосходительству дону Рамону де Ла Круссу, вашему губернатору, к которому имею рекомендательное письмо, — заявил дон Фернандо с улыбкой.

— Не разрешите ли вы мне оповестить дона Рамона де Ла Круса о вашем скором посещении, ваше сиятельство?

— Сделайте одолжение, буду очень рад.

Они расстались, и дон Кристобаль ретировался в полном восхищении.

«Дон Хесус прав, — думал он про себя, направляясь к своему дому, — этот молодой человек премилый, мы наверняка будем иметь успех».

Когда дон Фернандо возвратился из сада в дом, тюки уже были внесены, а пеоны отпущены Мигелем Баском.

Человек двенадцать слуг, рослых, дюжих, с резкими, выразительными лицами и в богатых ливреях, уже распаковывали тюки и вынимали вещи.

Тюки эти не вскрывались на таможне, так как были отмечены гербом и вензелем графа де Кабель-Морено; осмотреть их — значило бы грубо оскорбить благородного графа, племянника вице-короля Новой Испании. Служитель таможни отлично знал свои обязанности и, разумеется, не мог совершить подобного преступления против вежливости относительно такой высокопоставленной особы.

Это соблюдение этикета было счастливым для авантюристов. Дон Кристобаль Брибон-и-Москито, честный и богобо-

язненный коррехидор, известный читателю, скорчил бы престранную физиономию, если бы мог видеть различные предметы, поочередно извлекаемые из таинственных тюков.

Во-первых, в них заключалось шестьдесят отлично упакованных и разобранных на части буканьерских ружей, замечательных по дальнобойности и меткости выстрела; ружья эти изготовлялись исключительно в Нанте и Дьепе у оружейников Желена и Бражи.

Потом на свет были извлечены сабли, кинжалы, кортики, порох, пули и Бог весть что еще.

Надо было обладать смелостью этих отважных авантюристов, чтобы отправить подобные предметы в испанский порт, хотя бы и под прикрытием одного из знатнейших имен в Испании. Пустая случайность могла привести к тому, чтобы все открылось, но буканьеры не задумывались ни на секунду.

Впрочем, они рассчитывали на гордость испанской знати и низкое раболепство правительственных чиновников. Расчет их оказался верен.

Следует сказать теперь же, чтобы больше к этому не возвращаться, что весь экипаж на каравелле и все без исключения слуги мнимого графа де Кастель-Морено были буканьерами, отобранными с величайшей тщательностью из числа самых храбрых Береговых братьев на Тортуге, в Леогане, в Пор-де-Пе и Пор-Марго.

По мере того как упомянутые нами странные предметы вынимались из тюков, их переносили в потайную комнату.

Всего тюков было штук двадцать, но только два из них с бельем, гардеробом и драгоценностями дона Фернандо.

Понаблюдав с минуту за работой Мигеля Баска и его товарищей и пожав каждому из них руку, молодой человек прошел в свой кабинет, где его ожидал капитан каравеллы.

— Здравствуй, Тихий Ветерок! — Здравствуй, Лоран! — вскричали оба в один голос и бросились друг другу в объятия.

— Вот мы и опять вместе! — сказал Лоран с чувством.

— Как же я рад этому! — воскликнул Тихий Ветерок.

— Выкурим по трубочке, выпьем по стакану и потолкуем о делах.

— Хорошо, отличная мысль! Эти черти-испанцы — чтоб им пусто было! — все едят с приправой из перца, так что в их проклятой стране вечно хочется пить.

— Так ли уж это плохо? — засмеялся Лоран.

— Да я, собственно, не жалуюсь.

Приятели раскурили трубки и разлили вино по стаканам.

— Теперь побеседуем, — сказал Лоран. — Твое здоровье!

— Спасибо, твоё здоровье! Побеседуем, я готов.

— Кстати, ты знаешь, что десять человек из наших сидят здесь в тюрьме, и дело идет к тому, что их повесят?

— Знаю ли? Это мне нравится! — вскричал Тихий Ветерок, захохотав во все горло. — Да ведь я же эту штуку и подстроил!

— Ты?

— Самолично.

— Почему? С какой целью? Разве взбунтовался экипаж?

— На судне, где командует Тихий Ветерок? Полно, брат, ты, верно, шутишь!

— Да ведь это непостижимо...

— Разумеется, и если не объяснить тебе всего, ты ни за что в жизни не догадаешься.

— В таком случае, объясни мне все.

— Это самое лучшее. Твое здоровье!

— Твое! Ну, рассказывай.

— Постой, брат, дай начать с самого начала. Представь себе, что я был уже недалеко от берега, когда внезапно мне пришла в голову мысль, что для торгового судна у меня экипаж слишком многочисленный и может возбудить подозрения: не считая твоих слуг, нас на судне было двадцать пять человек.

— Многовато.

— Не правда ли? Легко можно было заподозрить неладное. Вот я и поделился этой заботой со своим лейтенантом.

— Твоим лейтенантом ведь был Бартелеми?

— Был.

— Как был? Разве он умер?

— Да слушай же, пропасть тебя возьми!

— Ты прав; твоё здоровье!

— Твое! Бартелеми нашел, что я прав.

«Надо поправить дело, брат», — сказал он мне.

«Но каким образом? — возразил я. — Не побросать же мне своих людей в море».

Ты знаешь Бартелеми, он только рассмеялся.

«В крайне случае, и это средство хорошо, — продолжал он, — но, кажется, я нашел лучшее: я возьму десять человек и вместе с ними отправлюсь в лодке к берегу. Само собой, испанцы схватят нас, отправят в Панаму...» — «...И повесят

всех до одного, — перебил я. — Прекрасное средство, нечего сказать!» — «Полно, брат! — расхохотался он. — А ты-то где же будешь? Неужели Лоран и Мигель Баск, не говоря уже об остальных товарищах, не спасут нас?»

— Храбрец!

— Конечно, да и мы были поблизости и могли спасти их. Я не противился более и сказал ему: «Поступай как знаешь».

Тут он свистком вызвал экипаж на палубу и, когда все собрались, рассказал о предстоящем деле, — ты знаешь, как он умеет говорить, когда захочет. В результате я чуть ли не один остался на каравелле, прах их возьми! Но Бартелеми — хитрая бестия, он знает толк в деле; он предложил бросить жребий, кому ехать. Люди согласились, случай решил выбор, и Бартелеми с девятью матросами отчалил от каравеллы в маленькой лодочке. С песнями они направились прямо к берегу, а я, пожелав им успеха, распустил паруса и лавировал до четырех часов вечера, потом вошел в гавань и стал на рейде при заходе солнца... Ну, брат, что скажешь? Доволен мной?

— Еще бы!

— Но теперь их нужно выручить.

— Я думаю! Не воображаешь ли ты, что я ждал твоего приглашения?

— Нет, Лоран, я знаю тебя, знаю, что ты истый Береговой брат.

— Спасибо, твое здоровье!

— Твое!.. Кстати, тебе нужен паж — все вельможи, сколько-нибудь важные, имеют пажей.

— Ну и дальше что?

— Я привез тебе пажа.

— Кого?

— Шелковинку.

— Да ты что?!

— Честное слово!

— Ты ничем не мог порадовать меня сильнее!

— Эй! Шелковинка, причаливай живо! — крикнул Тихий Ветерок громовым голосом.

Дверь отворилась, и юноша лет пятнадцати-шестнадцати, тонкий, стройный, ловкий и бойкий, в прелестном костюме пажа, появился на пороге.

— Теперь ты поступаешь в распоряжение его сиятельства графа, — сказал ему Тихий Ветерок с достоинством. — Смотри в оба, малый, не плошай!

— Я знаю капитана Лорана, и он знает меня, — ответил паж с тонкой улыбкой.

— Знаю и люблю, дитя; я рад, что ты будешь при мне.

— Не больше того, как я рад находиться при вас, капитан Лоран, — с чувством ответил юноша.

— Этот мальчуган иногда выдает такие слова, что пропасть меня возьми, если я знаю, где он их берет! — вскричал Тихий Ветерок.

— Не далеко, капитан, в сердце.

— Каков! Не моя будет вина, если я не сделаю из него настоящего матроса!

— Дитя мое, вели принести несколько бутылок вина и позови наших товарищей, они, должно быть, уже закончили свое дело.

— Ты прав, брат, надо поговорить с ребятами; их огорчает, что они должны быть лакеями, и я вполне понимаю их, да и ты тоже.

Лоран улыбнулся.

— Разумеется, понимаю, — сказал он, — но будь спокоен, сейчас они взглянут на это дело иначе.

Дверь отворилась, и вошли все флибустьеры. Шелковинка принес и поставил возле стола большую корзину с бутылками вина и водки.

Лоран встал, взял шляпу и любезно раскланялся с вошедшими.

Капитан Лоран, при своей необыкновенной красоте, был высок, строен, прекрасно сложен и наделен природной грацией и необычайным величием. Во всем его облике проглядывало нечто неуловимое, мягкое до женственности и в высшей степени располагающее к себе; храбрый как лев, с железной волей и стальными мышцами, он покориł себе всех этих людей, грубых и неотесанных, но, в сущности, добрых, сделался их кумиром и получил от них прозвище Прекрасный Лоран.

То, что рассказывали об этом грозном авантюристе, выходило далеко за пределы возможного; хотя еще и очень молодой, он совершал подвиги такой безумной отваги, что даже товарищам его они казались необычайными. Впрочем, экспедиция, предпринятая им теперь, была чуть ли не одной из самых безумных, какие могут прийти на ум, — читатель вскоре сам сможет судить об этом.

— Добро пожаловать, братья, — сказал он, — я счастлив, что вы со мной, что я могу полагаться на ваши храбрые

сердца. Сегодня начинается борьба, которая неминуемо должна окончиться поражением наших противников; только помните наш девиз: один за всех и все за одного. Как скоро вы забудете его, мы погибли. У каждого своя роль в этом грозном представлении; исполняйте ее, как я исполню свою, без колебания, без уныния, и я ручаюсь вам за успех. Верите вы мне?

— Еще бы, брат! — ответил Данник, великан с бесстрастным лицом, но решительным взглядом. — Если мы здесь, то, значит, полагаемся на тебя.

— Хорошо сказано, мой храбрый исполин! Пью за ваше здоровье, братья, и пусть каждый принимается за свое дело! Кто мой камердинер?

— Я, надо полагать! Хотел бы я посмотреть, кто отнимет у меня мою должность! — со смехом ответил Мигель.

— Это правда. Приготовь мне выходной наряд. Когда Хосе приведет лошадей, оседлай шесть: одну — для меня, другую — для себя и четыре лошади для четверых слуг. Шелковинка должен ехать со мной.

— Тогда надо оседлать семь лошадей.

— Действительно. Идите, братья, и не забывайте, что успех экспедиции зависит в большей степени от вас, чем от меня.

Буканьеры осушили свои стаканы и вышли, поочередно пожав руку капитану Лорану.

— Что ты теперь скажешь? — обратился он после их ухода к Тихому Ветерку.

— Скажу, что ты сущий черт, после твоих слов все они дадут искрошить себя на куски за тебя.

— И я так думаю... Ты здесь уже целых три дня?

— Да, три дня.

— Так говори, что ты видел.

— Гм! Признаться, брат, немного утешительного.

— Ну вот! Все-таки рассказывай.

— Ты все шутишь, Лоран, а ведь напрасно.

— Нисколько не шучу, а пытаюсь выудить из тебя сведения, и все тут.

— Очень хорошо... Население города, не говоря об окрестных деревнях, доходит до шестидесяти тысяч душ.

— Не удивляюсь этому, торговля тут идет бойко. Дальше!

— Город обнесен стенами и большим глубоким рвом.

— Знаю, видел.

— А видел ли также двести орудий на валах?

— Видел пушки, но не считал их.

— А я считал.
— Верю тебе на слово, продолжай.
— Вход на рейд защищен четырьмя хорошо укрепленными фортами.
— Какое нам дело!
— Ничем пренебрегать не следует.
— Дальше что? Ты не упомянул еще о гарнизоне, ведь должен же он быть?
— И есть, брат.
— Я был уверен; а во сколько тысяч человек — пятнадцать или двадцать, надо думать?

Товарищ взглянул на него с таким наивным изумлением, что он засмеялся.

— Ну, двадцать пять тысяч?
— Нет, брат, — возразил Тихий Ветерок, — он в двенадцать тысяч, но и этого, по-моему, довольно.
— Плевое дело! Это же испанцы!
— Испанцы испанцами, однако они воевали во Фландрии под предводительством Фуэнтеса; это храбрые, обстрелянные воины, которые будут драться, как черти.
— Тем больше чести для нас, когда мы победим.
— Ты никогда не сомневаешься в успехе!
— А ты вечно во всем сомневаешься.
— Напрасно ты так говоришь, Лоран, я — матрос Монбара! Мигель Баск и я, мы не отходили от него ни на шаг, и он знает нам цену.

— Знаю и я, черт побери! Разве одно твое присутствие здесь не опровергает моих слов? Прости меня, старый дружище, я виноват.

— Ну вот, Лоран, какая вина!
— Нет, меня в детстве дурно воспитали, и потому я заносчив, нередко позволяю себе оскорблять людей во сто раз достойнее меня, но ты знаешь, как я тебя люблю, брат, и потому простишь меня, не правда ли?

— Можешь ли ты сомневаться в этом?
Они крепко пожали друг другу руки.
— Что там делалось, когда ты уехал? — спросил Лоран.
— Готовились в экспедицию, но ничего еще не было определено. Я заставил выбрать адмирала.

— Ага! Кого же выбрали?
— Вообрази, хотели поставить во главе Моргана, но я ненавижу англичан, а ты?

— Я тоже: они холодны, жестоки, вороваты и эгоистичны.

— Всеми силами я воспротивился этому назначению, я сказал, что первая мысль экспедиции принадлежит француз-у, ведь ты француз, Лоран?

— Я Береговой брат, что за дело до остального?

— Справедливо, национальность ничего не значит в нашей среде, отвага — вот главное, — согласился Тихий Ветерок, не замечая, что сам себе противоречит. — Итак, я настаивал, что эскадра должна быть под командой француз-а, что трехцветный флаг — единственный, под которым мы хотим идти, и что второстепенные предводители, англичане ли, кто другие, должны довольствоваться брейд-вымпелом на фок-мачте, тогда как на гафеле должен быть поднят один только флибустьерский флаг. Прав ли я был?

— Тысячу раз прав, брат, флибустьерский флаг — национальный флаг всех нас, Береговых братьев.

— Д'Ожерон был того же мнения, он горячо поддержал меня.

— Узнаю великую и прекрасную душу д'Ожерона! Кого же наконец выбрали в адмиралы?

— Монбара, а капитаном на его корабле — Медвежонка Железная Голова.

— Монбар и Медвежонок! Вот, ей-Богу, счастье-то! С этими двумя людьми можно овладеть всей Америкой, была бы охота!

— Эге, брат, как разошелся!

— Кого выбрали в вице-адмиралы?

— Моргана.

— И прекрасно: Морган храбр, умен, знает свое дело, особенно он бесценен для разработки деталей операции и с этой стороны окажет нам величайшие услуги.

— Так ты доволен?

— Просто в восторге.

— Да! Я и забыл сказать тебе.

— Что такое?

— Ты знаешь, что флотилия галионов со всего Тихого океана собирается здесь, в Панаме.

— Ну что ж из этого?

— Она будет здесь недели через две, самое позднее.

— Как, негодник! — вскричал Лоран, вскочив со стула. — И ты молчал?

— Признаться, совсем из головы вылетело.

— Да ведь это лучшая весть, какую ты мог сообщить мне!

— Почему?

— Пойми же, что когда братья узнают о присутствии галионов, ничто не устоит против них, они пройдут сквозь огонь и воду, чтобы овладеть ими.

— И впрямь, черт побери! Мне это в голову не пришло.

В дверях появился Мигель.

— Вам надо одеваться, — сказал он.

— Лошади здесь?

— Приведены.

— Хорошо, сейчас.

— Я уйду, — с этими словами Тихий Ветерок встал.

— Ты со мной обедаешь?

— А это возможно?

— Я представил бы тебе кое-кого.

— Кого же?

— Моего краснокожего проводника, неоценимого человека.

— Как хочешь. До свидания, в таком случае.

— До свидания.

— Не забудь о Бартелеми.

— Будь спокоен.

Три буканьера пожали друг другу руки, и Тихий Ветерок вышел.

Капитан Лоран весь день провел в официальных посещениях; везде он был принят с изысканной почтительностью, имя и титул, которые он присвоил себе, а более всего его вполне естественное аристократическое обращение открывали ему все двери настежь. По встреченному им приему он убедился, что положение его превосходно и он может отважиться на все.

Особенно предупредителен был дон Рамон де Ла Крус, он даже настоял на том, чтобы представить ему жену и дочь, прелестного пятнадцатилетнего ребенка, наделенного той своеобразной красотой, которая свойственна одним только испанским креолкам; взгляды девушки пронизывали насквозь, словно огненные стрелы.

Дон Рамон де Ла Крус не отпустил графа де Кастель-Морено, пока тот не дал честного слова быть у него на другой день на парадном обеде.

По возвращении домой, часам к шести, Лоран застал там ожидавшего его капитана Тихого Ветерка.

Согласно своему обещанию, он представил ему Хосе, к которому флибустьер проникся с первого взгляда и с первого взгляда полюбил.

Лоран, Тихий Ветерок, Мигель и Хосе обедали вместе, и остальные флибустьеры прислуживали им за столом с глубокой почтительностью и должным приличием.

Храбрые Береговые братья вошли в свои роли не на шутку и добросовестно исполняли их.

К концу обеда Лоран наклонился к Хосе.

— Ты не забыл о наших товарищах? — спросил он.

— Уже веду переговоры и рассчитываю на скорый успех.

— Когда состоится суд над ними?

— Дней через пять.

— Времени остается мало.

— Я прошу у вас всего двое суток. Ведь это немного.

— Немного, если ты спасешь их.

— Разве я не обещал?

— Правда, спасибо тебе.

Почти тотчас вслед за тем Хосе вышел.

Три авантюриста принялись за трубки и вино, между тем обсуждая свою экспедицию. Беседа длилась так долго, что Тихий Ветерок и Мигель Баск наконец скатились на пол, мертвецки пьяные.

Капитан Лоран облокотился на стол, подпер голову руками и погрузился в глубокую задумчивость.

Он думал о донье Флоре.

ГЛАВА IX

В этой главе читатели найдут старых знакомых

Корник, хозяин «Коронованного Лосося», лучшей и наиболее посещаемой гостиницы во всем Порде-Пе, нежился, уютно лежа на широкой кровати с балдахинном в сообществе своей целомудренной супруги, толстухи тридцати пяти без малого лет, с прелестями внушительного размера, веселым лицом и живыми глазами, которая два года тому назад пересекла океан, чтобы отдать свою руку вышеупомянутому трактирщику, уроженцу, подобно ей, деревни Бас и ее нареченному уже целых двадцать лет.

Корник попал на берега Санто-Доминго подобно вещи, выкинутой волнами на сушу; несчастный и умирающий с голоду, он перепробовал все способы к существованию, был даже едва не повешен испанцами и после этой невежливости питал к ним сильную ненависть бретонца, которая прекращается лишь со смертью.

Бретонцы весьма хитры, а главное — рассудительны, данный же их представитель был не промах ни в том, ни в другом, он тотчас же понял, что если заниматься добычей золота с помощью меча, грабя испанские галионы, то риск слишком велик в этом, правда, прибыльном, но очень опасном ремесле.

Словом, бретонец весьма радел о целостности своей шкуры. Он рассудил, что золото, добываемое буканьерами молодецким образом, убывает у них, как вода из решета, и что для них нет большого удовольствия, чем спускать его в чудовищных оргиях.

Свой план он составил немедленно. Вместо того чтобы рисковать заработать увечье или умереть, забирая непосредственно у неприятелей-испанцев то золото, которого он жаждал, он решил получать его из вторых рук, то есть из флибустьерских карманов, дырявых как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Это было спокойнее, не сопряжено нис с какой опасностью и лучше во всех отношениях.

Вследствие этого соображения, не лишённого сметливости, и основал наш бретонец гостиницу «Коронованный Лосось».

В первое время плохо обустроенная и еще хуже снабженная, эта несчастная лавчонка, однако, и в тогдашнем ее положении, как единственная в городе, оказала действенные услуги Береговому Братству и была избрана флибустьерами местом схода и общего сбора.

Итак, гостиница процветала, ее хозяин набил себе карманы и сделался вскоре богатейшим гражданином города; он приобрел вес и обзавелся сонмом льстецов и дармоедов. Счастье его было полным — впрочем, не совсем. Ему недоставало Ивоны. Разбогатева, Корник вспомнил о своей землячке, которая в течение двадцати лет ждала его в ландах¹ Бретани с той твердой верой, которую девы этого края придают обе-

---

¹ Л а н д ы — песчаные равнины.

щаниям своих женихов. Корник выписал Ивону и женился на ней.

Этот достойный человек был вознагражден за свой хороший поступок выгодным приобретением. Ивона была женой-хозяйкой, которая умела своей твердой рукой так крепко держать нелегкое кормило управления домом, что хотя в Пор-де-Пе и было основано еще несколько гостиниц, — счастливая мысль всегда находит подражателей, — «Коронованный Лосось» по-прежнему был наиболее популярен, и благосостояние его, вместо того чтобы падать, увеличивалось в почтенных размерах.

В таком-то положении, лелея радужные мечты, и нежил-ся наш трактирщик подле своей добродетельной супруги, как вдруг сильный стук в дверь заставил его внезапно проснуться и вытаращить мутные глаза.

— Это что еще значит? — воскликнул он, озираясь.

Начинало светать, от зари чуть посветлело за окнами, но в комнате стояла почти кромешная тьма, так как не было еще четырех часов утра.

— Что значит?! — вскричала Ивона. — Известно что, кто-то стучится.

— Я сам слышу, что стучат, и порядком даже стучат! Вот это кулаки!

— Без сомнения, хотят поскорее войти.

— Ладно! Пусть ждут, куда наступит день! Могут стучать, сколько угодно: и дверь, и стены прочны.

— Вставай-ка лучше да отвори.

— Отворить в такое время! Да ты что, Ивона? Посмотри, ведь еще ночь!

— Прекрасно вижу, но если ты не встанешь, то встану я сама. Чтобы производить такой гвалт у дверей, надобно, чтобы люди эти чувствовали себя на это вправе и чтобы их карманы были туго набиты испанскими унциями и дублонами.

— Ты права! — воскликнул трактирщик, вскочив с постели и проворно начав одеваться.

— Ну, слава Богу! Поторопись узнать, что им от тебя нужно. А я тем временем тоже встану и разбуджу прислугу.

— Дело, жена! — подтвердил трактирщик, громко засмеявшись.

Он поцеловал жену в обе щеки и бегом спустился по лестнице.

Стук в дверь не умолкал.

Корник поспешно отпер ее, даже не опросив стучавших; он знал своих посетителей.

Вошли четыре или пять человек.

Трактирщик снял колпак и почтительно поклонился, изображая на лице любезнейшую из своих улыбок, которая была на самом деле страшной гримасой.

«Что за умница эта Ивона! — подумал он про себя. — Она угадала!»

Посетители расселись у стола.

— Водку, табак и трубки, чтобы запастись терпением в ожидании завтрака, который ты нам подашь в Синей комнате, — приказал один из них.

— Отчего же не здесь, любезный Монбар? — спросил другой.

— Оттого, господин д'Ожерон, — отвечал знаменитый флибустьер, — что нам нужно переговорить о важных делах, а через пару часов эта зала будет полна народа.

— Вы правы, капитан.

— Так хороший завтрак на пять человек, слышишь, Корник? Давай что хочешь, но смотри, чтобы все было честь по чести.

— Ивона сама будет готовить завтрак, — ответил трактирщик.

— Ну, раз Ивона, — возразил, смеясь, Монбар, — то я спокоен.

В это время на улице послышался шум.

— А вот и шестой явился — я про него совсем позабыл. Принеси сперва что я требовал, а потом завтрак на шестерых, слышишь?

— Я прошу у вас час времени, капитан, чтобы приготовить его.

— Хорошо, ступай.

Новый товарищ, упомянутый Монбаром, явился почти тотчас. Это был еще молодой человек с мужественными и выразительными чертами лица, красивого и симпатичного; длинная черная борода чуть не до пояса падала веером на его широкую грудь; роста он был высокого и хорошо сложен, а мускулы, выдававшиеся, точно канаты, обнаруживали недюжинную силу.

Он был великолепно одет; шпага его висела сбоку на широком поясе, вышитом золотом, жемчугом и драгоценными

камнями, на шляпе развевалось перо, а в левой руке он держал желеновское ружье.

Его обычная свита — две собаки и два кабана — следовала за ним, идя, когда он шел, и останавливаясь, когда он останавливался; звери не спускали с него глаз.

— Здравствуй, Медвежонок, старый товарищ! — воскликнули буканьеры в один голос.

К нему немедленно протянулось пять рук.

— Здравствуйте, братья, — отвечал он со своей очаровательной улыбкой, протягивая обе руки, — здравствуйте, господин д'Ожерон, здравствуй, Монбар, здравствуй, Польтэ, здравствуй, Питриан, здравствуй, Пьер Легран!

— Добро пожаловать, капитан, — сказал д'Ожерон.

— Не опоздал ли я, братья?

— Мы только что пришли.

— Тем лучше! Представьте себе, что я шел и немного замечтался на берегу.

— Думая о жене, — смеясь, договорил Монбар.

— Не стану отрицать, что без памяти люблю это кроткое небесное создание. Тебе это кажется странным, Монбар?

— Напротив, любезный друг, вполне естественным, так как и сам без ума от своей собственной жены.

— Я рад слышать это, потому что боялся насмешек — признаться, они очень огорчили бы меня.

Тотчас послышались дружные возражения.

— Да вы нисколько и не опоздали, — заметил д'Ожерон. — Мы пришли не далее как пять минут назад.

Между тем Медвежонок подсел к друзьям, а кабаны и собаки улеглись у его ног.

— Ваше здоровье! — сказал он, налив в стакан воды.

При появлении Медвежонка трактирщик тотчас подал графин с водой, так как было известно, что этот капитан много напитка не употреблял.

Буканьеры весело чокнулись с добрым товарищем, но их стаканы до краев были наполнены ромом.

Тем временем в комнату проник луч солнца, словно золотая стрела.

В то же мгновение раздались звуки труб и барабанный бой, сливавшиеся с топотом большой толпы народа, которая смеялась, кричала и пела.

— Ваши приказания исполняются, Монбар, — сказал, улыбаясь, губернатор.

— Не только здесь, но и в Пор-Марго, в Леогане, на Тортуге — словом, везде, не так ли, Медвежонок?

— Чтобы избежать недоразумений, я сам передал твои приказания во все места.

— Сколько народу! — вскричал Пьер Легран, выглянув на улицу.

— Нам понадобится много людей, — заметил Медвежонок, кивнув головой.

— Да, дело будет жаркое.

— Но мы нанесем смертельный удар испанской торговле!

— Она не оправится за несколько лет!

— Не слышно ли чего о Прекрасном Лоране? — спросил губернатор.

— Ровно ничего.

— Гм!

— В этом нет ничего удивительного, — заметил Монбар. — Чтобы попытаться высадиться на перешейке, Лорану следовало сперва подняться до широты мыса Горна, где крейсировал Тихий Ветерок, увидеться с ним и объяснить ему наш план, а потом уже вернуться назад. Путь неблизкий. Заметьте, что он снялся с якоря второго января в Пор-де-Пе — правда, в тех морях это летняя пора, — а сейчас уже десятое марта.

— Положим, но...

— Лоран вполне предвидел задержки и трудности предстоящего ему плавания, когда назначал десятое марта датой вербовки, если мы не получим от него предварительно известий, а вам известно, господин губернатор, что отсутствие вестей — уже прекрасная весть для нас. Если бы Лоран потерпел неудачу, он уже давно вернулся бы сюда.

— Мне тоже так кажется, — подтвердил Медвежонок, — я вполне убежден, что Лорану удался его план, он человек необыкновенный, его самые безумные, казалось бы, предприятия, в сущности, обдуманы с величайшей тщательностью, он никогда ничего не упускает из виду и почти не оставляет места случайностям.

— Знаю, все это знаю, но знаю также и то, что из всех предпринятых вами экспедиций эта — самая безумная, просто можно сказать сумасшедшая! Такая отчаянная смелость наводит на меня ужас, хотя испугать меня, сознайтесь, господа, совсем не легко.

— Мы ценим вашу храбрость по достоинству, — ответил Польтэ, — новы забываете, что мы Береговые братья, то есть

люди, для которых невозможного не существует; опасность для нас — приманка, а экспедиция тем привлекательнее, чем менее одолимы кажутся трудности, которые надо преодолеть.

— Согласен; я умолкаю, ведь я сам разрешил вам эту смелую попытку, не брать же теперь свое согласие назад.

— И поздно было бы, — вмешался Питриан, — вам должно быть известно, что я три дня назад вернулся с Ямайки.

— Нет, не знал. Что же, успешно вы съездили?

— Вполне! При мне обязательство, подписанное Морганом, в силу которого он соглашается участвовать в экспедиции на равных правах в дележе добычи, принимает звание вице-адмирала под непосредственной командой Монбара и изъявляет готовность подписать договор, как скоро станет на рейде со своей эскадрой в Пор-де-Пе.

— Сколько у него будет судов?

— Семь: пять корветов, один фрегат и посыльное судно, а на них девятьсот человек экипажа, за каждого из которых он ручается, как за самого себя.

— Видите, господин губернатор, — сказал Медвежонок, — наши силы уже обозначаются красивыми цифрами.

— Не спорю, и все же на каждого из нас приходится добрый десяток противников.

— Плюгавых испанцев? Велика беда! — презрительно возразил Польшэ.

— К тому же, — прибавил Питриан, — поскольку я не знал, какие решения могли принять на совете после меня, то предупредил Моргана, что флот¹, вероятно, разделится на три эскадры, и потребуется два вице-адмирала.

— Хорошо сделал, брат! — весело вскричал Монбар. — И что же он сказал на это?

— Ровно ничего; нашел это вполне естественным.

— Славно распорядился, малый! Ты далеко пойдешь.

— Если меня не повесят, — возразил Питриан, смеясь, — мать мне предсказывала это смолоду. Спасибо, Монбар, на добром слове.

Авантюристы засмеялись над этой выходкой Питриана, но так как набралось уже много посетителей разного сорта,

---

¹ Флотом в описываемые времена именовались крупные соединения кораблей.

они сочли благоразумным переменить разговор и завести речь о посторонних предметах.

В этот утренний час обыватели, слуги, ремесленники и всякого рода люд, перед тем как открыть свои лавочки или приняться за дневной труд, приходили один за другим выпить рюмочку, поболтать о делах колонии или посплетничать о соседях, и каждый, проходя мимо стола, у которого сидели известные всем шестеро авантюристов, снимал шляпу и кланялся с оттенком уважения и дружелюбия, которые свидетельствовали о том, как высоко ценили этих скромных героев. Впрочем, им по большей части и были обязаны колонисты своим благоденствием.

Авантюристы и сам д'Ожерон отвечали на поклонь несколькими дружескими словами, улыбкой или рукопожатием.

Вскоре явился трактирщик с докладом, что завтрак подан, и повел их в одну из комнат верхнего этажа, где у отворенной на балкон двери с видом на море стоял накрытый стол, весь уставленный вкусными кушаньями и разнообразными бутылками.

— Сядем, господа, — весело сказал д'Ожерон, — сегодня, с вашего позволения, я хозяин. Надеюсь, вы окажете честь предлагаемому мной скромному завтраку.

— С удовольствием и признательностью, господин д'Ожерон, — ответил Монбар от имени всех.

Все уселись за стол и проворно принялись за завтрак, как обычно удовлетворяют свои физические потребности люди деятельные.

Звенели стаканы, и бутылки опорожнялись с такой быстротой, что весело было смотреть.

Только Медвежонок, по своему обыкновению, пил одну воду, что не мешало ему быть веселым и со своими четвероногими друзьями, скромно улегшимися у его ног, делиться по-братски всеми угощениями, которые поочередно перебивали на его тарелке.

Авантюристы до того привыкли видеть Медвежонка неразлучным с его собаками и кабанами, что предоставили ему полную свободу, совершенно не обращая на него внимания. С его стороны все это казалось им очень естественным, тем более что его вообще любили и уважали — известно было, сколько он выстрадал и с каким мужеством вынес горькие испытания — и, разумеется, остереглись бы чем-нибудь нанести ему неприятность. Причуды знаменитого авантюри-

ста уважались не только всеми присутствующими, но и всеми Береговыми братьями.

Сидя за столом, флибустьеры могли наблюдать восхитительный вид: прямо напротив окна был порт, вдали раскинулось море, сливаясь на горизонте с небосклоном, направо черной точкой виднелся Акулий Утес, знаменитый в истории флибустьерства, налево тянулись гористые, поросшие лесом берега Черепашьего острова, колыбели грозного Берегового Братства.

Утренний ветерок вызывал легкую рябь на поверхности моря, и каждая струйка, отражая в себе солнечные лучи, горела, как алмазный убор.

На судах всех видов и размеров, стоявших на якоре в гавани и пришвартованных к пристани, сушили паруса или возились около снастей, словом, исполняли все ежедневные обязанности моряков по боцманскому свистку или под грустное монотонное пение матросов.

Воздух был пропитан тем острым и едким запахом, который бывает только в гаванях и по которому тоскуют моряки, когда подолгу живут в городах в глубине материка и не могут вдохнуть его полной грудью.

Был великолепный день, всюду солнце, жизнь и движение. Гости д'Ожерона расположены были видеть все в розовом цвете, поддаваясь этому благотворному влиянию, вдобавок усиленному превосходным и обильным завтраком, одобренным изысканными винами.

Когда подали ликеры и кофе, — заметим мимоходом, что кофе, тогда почти неизвестный во Франции, давно уже был в широком употреблении в Вест-Индии, — и закурили трубки, разговор, до тех пор довольно вялый, принял вдруг в высшей степени серьезный характер.

Губернатор первый придал ему этот оборот.

— Господа, — сказал он, откинувшись на спинку кресла, — теперь, если вы согласны, мы немного потолкуем о делах, но, по-моему, самая лучшая приправа к хорошей беседе или важному обсуждению — ароматный кофе, старыйликерда трубка.

— С вашего позволения, господин губернатор, у вас губа не дура, но я предпочитаю одно — хорошую резню с собаками-испанцами! — Сказав это, Питриан провел языком по губам с выражением чувственной неги.

— Эх ты, лакомка! — засмеялся Польтэ.

— Да уж каков есть, прошу не гневаться.

— Окинем взглядом наши дела, любезный Монбар, — продолжал губернатор, — что вы сделали и что намерены делать?

— Я ничего не скрою от вас, — ответил флибустьер, — и сочту за счастье воспользоваться вашим добрым советом, если совершил какой-нибудь промах, что вероятно.

— Этого я, со своей стороны, допустить не могу, любезный капитан, — вежливо возразил губернатор, — но все равно, расскажите-ка, а мы послушаем.

— Вы справедливо сказали, господин д'Ожерон, что экспедиция, к которой мы готовимся в настоящее время, самая безумная из всех предпринимаемых нами до сих пор; гренадская, даже маракайбская — были просто детской игрой в сравнении с этой.

— Черт возьми!

— Как видите, я не настаиваю на выражениях и даю вам полную свободу пользоваться этим преимуществом.

— Однако маракайбская экспедиция — славное и доблестное дело!

— В успех которого вы также не хотели верить, — сказал Монбар с легким оттенком насмешливости, — однако...

— Вы вышли победителем, и я признал свою ошибку со всем смирением.

— Так будет и теперь, господин д'Ожерон!

— Надеюсь... Впрочем, Монбар, знаете ли, бросим лучше этот разговор, я предпочитаю теперь же признать себя побежденным, потому что с таким противником, как вы, борьба мне не под силу.

— Bravo! — вскричали буканьеры, смеясь.

— А что вы хотите, господа, — добродушно продолжал д'Ожерон, — долгие годы я изучал жизнь; казалось бы, я отлично знаю, сколько энергии, мужества, упрямства и терпения может заключать человеческое сердце, даже самое необыкновенное, а с вами... провалился я сквозь землю, если все мои расчеты не разлетаются в прах! Вот уже ровно двенадцать лет как его величество Людовик Четырнадцатый назначил меня вашим губернатором.

— И, поставив вас во главе нашей колонии, король сделал нам великолепный подарок, за который мы искренне ему признательны.

— Во главе! Гм! Положим, что так, благодарю за комплимент. Но вот что, господа: хотите, я вам чистосердечно сознаюсь в том, что особенно обидно для моей прозорливости и моей опытности?

— Мы слушаем, господин д'Ожерон.

— Положа руку на сердце, клянусь вам честью, что знаю вас не больше, чем в первый день нашего знакомства! На каждом шагу вы поражаете меня неожиданностями, от которых у меня голова идет кругом, вы какие-то особенные, непостижимые существа, и если в один прекрасный день вам вздумается отправиться завоевать луну — провалиться мне на этом месте, если я не уверен, что вы добьетесь своей цели!

При этой неожиданной фразе, которые губернатор произнес с добродушием, составлявшим отличительную черту его тонкого и наблюдательного ума, флибустьеры разразились неудержимым хохотом.

— Смейтесь, смейтесь, господа, я своих слов назад не беру и стою на своем, я считаю вас способными на все, как в хорошем, так и в дурном, люблю вас, как собственных детей, удивляюсь вашим великим и благородным сердцам и умываю руки: делайте, как знаете, мне остается только жалеть испанцев.

Хохот поднялся пуще прежнего и долго не умолкал.

— Можете продолжать, любезный Монбар, — сказал губернатор, когда наконец воцарилась тишина, — я облегчил свою совесть и теперь спокоен.

— Вот я что сделал, господин д'Ожерон, — ответил с улыбкой знаменитый флибустьер, — во-первых, я собрал все суда, способные выйти в море, как малые, так и большие; их оказалось шестьдесят пять.

— Хорошая цифра!

— Не правда ли? Эти шестьдесят пять судов, имеющие в среднем по двадцать пушек на каждом — что меньше действительного числа, — представят собой в наличности...

— Тысячу триста орудий, — перебил губернатор. — Это не шутка!

— К тому же, — продолжал Монбар, продолжая улыбаться, — заметьте, что я не считаю семи судов нашего союзника Моргана, на которых должно быть примерно около ста пятидесяти пушек.

— Я начинаю думать, что ошибочно взглянул на вопрос — точь-в-точь как и прежде.

— Позвольте далее, — вежливо остановил его Монбар. — У нас теперь, как вам известно, самое лучшее время года, то есть самое благоприятное для плавания: вот уже с полгода как не предпринималось ни одной экспедиции; стало быть, все Береговые братья на суше.

— И прямо-таки совершенно на мели, между прочим, — вмешался Питриан, смеясь, — они почти умирают с голоду и в случае нужды будут драться как черти.

— Именно об этом я и говорю, — согласился Монбар. — Сегодня по моему приказанию во всех портах и селениях Берегового Братства объявлена вербовка, сегодня же начнут записываться добровольцы, и народу у нас наберется даже больше, чем понадобится.

— Ну уж это...

— Вот увидите, господин д'Ожерон, мы будем вынуждены выбирать из числа желающих. Итак, шестьдесят пять судов с одной стороны да семь с другой, итого семьдесят два судна с экипажем, предположим, средним числом в девяносто человек, что также ниже действительной численности, и мы получаем цифру в шесть тысяч четыреста восемьдесят матросов — скажем, для ровного счета, семь тысяч, если включить экипажи на судах Тихого Ветерка и Лорана, которые мы не брали в расчет.

— Положим, семь тысяч — цифра, разумеется, великолепная, но...

— Я предвижу ваше возражение: из семи тысяч только половина может быть высажена на сушу, поскольку остальные должны оставаться на судах, чтобы охранять их.

— Именно! Далее: сперва вам надо будет взять порт, где вы высадитесь на берег, чтобы заручиться хорошим местом якорной стоянки и возможностью отступления на случай неудачи, да и в случае успеха тоже; после этого вам предстоит сделать миль двадцать по суше по неизвестному краю, где каждый шаг придется делать с боем... Сколько же, полагаете вы, останется людей, когда вы подступите к тому месту, которым хотите овладеть?

— Тысячи две с половиной. Потери убитыми, ранеными и отставшими я оцениваю в тысячу человек; достаточно ли этого, по-вашему?

— Я считаю цифру даже преувеличенной, но несколькими сотнями больше или меньше — ничего не значит. Имеете ли вы сведения о городе?

— Никаких, признаться, но Лоран нам их доставит.

— Сперва доставлю я.

— Вы?

— И очень подробные сведения, которые для вас, собственно, я и велел собрать.

— Как мы вам благодарны!

— Полноте, мне самому доставит удовольствие, если я окажу пользу вам и вашим товарищам.

— Я слушаю, господин д'Ожерон, — вернее, мы слушаем.

— Начнем с Чагреса.

— Как угодно.

— Чагрес хорошо укреплен, дорога, ведущая к нему, узка, город построен у устья реки, защищен прочной и надежной крепостью Сан-Лоренсо-де-Чагрес с гарнизоном в две тысячи человек, который при необходимости может дать хороший отпор.

— Только исполнит свой долг, — равнодушно заметил Монбар.

— Справедливо; перейдем к другому. Панама, наряду с перуанским портом Кальяо, является местом хранения богатств испанского правительства в Южном море — вам ведь это известно?

— Потому-то мы и хотим овладеть ей.

— Очень хорошо, я не буду возвращаться к вопросу, который между нами уже решен.

Монбар поклоном выразил согласие.

— Город защищен и с моря, и с суши; он обнесен большой стеной с бастионами и рвом, и два форта с моря могут встретить неприятеля перекрестным огнем, а в случае необходимости и сжечь город, над которым возвышаются.

— Это для нас не имеет никакого значения.

— Может быть, но важнейшее значение должно иметь для вас то, что в Панаме до шестидесяти тысяч жителей!

— О! Число преувеличено, будьте уверены! Испанцы такие хвастуны!

— Вы полагаете? Я допускаю и это, положим, сорок тысяч жителей, если вы хотите.

— Пусть сорок.

— И так довольно внушительное число, как мне кажется.

— Да, но ведь из него надо выкинуть женщин, детей, стариков, священников, монахов и Бог весть кого еще! Верных три четверти населения.

— И это я допускаю, останется десять тысяч человек, что все еще составляет весьма и весьма порядочную цифру.

— Разумеется, если бы они дрались все! Но ведь по большей части горожане — трусы и крикуны, которые трясутся за свое имущество, за дома, за жен и детей, да мало ли за что еще, которые при первом же выстреле кинутся со всех ног по своим норам, словно крысы, или укроются в монастырях и церквях! Положим, в крайнем случае, — и это предположение совершенно произвольное, — что найдется тысячи две-три людей настолько храбрых, чтобы взяться за оружие, — это будет только несчастьем для них самих и их друзей.

— Почему?

— Потому что эти достойные мещане, не имея никакого понятия о войне, даже не умея владеть оружием, ослепленные дымом и потеряв голову, окажутся ни на что не способны; их усердие даже повредит маневрам регулярных войск, затруднит его действия и посеет в них смятение, вот увидите... Виноват! Вы не увидите, но увидим мы и расскажем вам по возвращении. Единственный противник, с которыми нам предстоит борьба, — это войско, то есть гарнизон.

— Очень хорошо. А знаете ли вы численность этого гарнизона?

— Признаться, нет.

— Двенадцать тысяч человек!

— Только-то? Я полагал, он сильнее! Согласитесь, большая неосторожность со стороны испанцев держать такой незначительный гарнизон в таком важном пункте.

Монбар говорил так спокойно и уверенно, что д'Ожерон, хоть и привыкший ничему не удивляться с подобными людьми, был совершенно озадачен.

— Наконец, знаете ли вы, — продолжал губернатор после минутной паузы, — что это за люди, из которых состоит гарнизон?

— Солдаты, полагаю.

— Само собой разумеется, но это остатки старых испанских войск, прославившихся во Фландрии как лучшая пехота во всей Европе! Эти не бросятся бежать; надобует убить их всех до последнего, чтобы выйти победителем.

— И убьем, будьте спокойны! Ей-Богу! Я искренне вам признателен, последнее сведение — самое лучшее. Мы встретим достойного противника, это приводит меня в восторг; еще раз спасибо вам, господин д'Ожерон.

В это мгновение, как бы для того, чтобы придать больше выразительности странной речи флибустьера, грянул залп из нескольких орудий, словно громовой удар, и за ним последовало несколько других.

— Что это? — вскричал губернатор с изумлением.

Авантюристы бросились на балкон и стали смотреть.

Несколько судов, и первое из них с поднятым на гот-брам-стенге брейд-вымпелом, входили в порт и салютовали городу на пути к месту якорной стоянки под защитой форта, который отвечал на их салют залпом из всех орудий.

— Это Морган! — вскричали флибустьеры в порыве восторга.

ГЛАВА X

Флибустьерский флот снимается с якоря

ействительно, это был Морган.

Верный слову, данному Питриану, он спешил присоединиться к флибустьерскому флоту.

Семь его отлично вооруженных судов входили в эту минуту в Пор-де-Пе.

Поразительное зрелище представляла собой эта маленькая эскадра, которая с завидной четкостью и точностью производила необходимые маневры, направляясь к якорной стоянке под прикрытием форта.

В Пор-де-Пе ликовали. Все население высыпало на берег и приветствовало вновь прибывших радостными криками и рукоплесканиями.

Как только английские суда бросили якорь и взяли на гитовы паруса, от адмиральского судна отчалила шлюпка и направилась к берегу.

В шлюпке находились Морган и главные лица его штаба.

Когда шлюпка причалила к пристани, Морган и его товарищи были встречены Монбаром и другими предводителями флибустьеров. Дружески поздоровавшись, флибустьеры все вместе направились к дому губернатора, окруженные толпой, которая провожала их восторженными криками.

Моргану в это время было тридцать восемь лет; роста он был высокого и хорошо сложен, весь его облик дышал решимостью, а привычка командовать придавала его лицу отпечаток холодной, суровой, неумолимой надменности.

Сын бедного крестьянина из Валлийской Англии, он почти ребенком бежал из родительского дома и попал на Барбадос, где тотчас же ступил на поприще корсара, с которого уже более не сходил. Смелость, упорство, сметливость и везение во всех предприятиях сделали его знаменитым.

Слава его почти равнялась громкой славе Монбара, Прекрасного Лорана и двух-трех других известных флибустьерских капитанов.

Список смелых нападений Моргана на испанцев был длинен, имя англичанина наводило на них несказанный ужас: его жестокость и алчность вошли в поговорку.

Это был настоящий живодер и грабитель. Впрочем, он нисколько этого и не скрывал, он хвастал своими злодейскими поступками с несчастными безоружными жертвами. Ему безразличны были и пол, и возраст. Под благородной внешностью мнимого дворянина он скрывал кровожадное, безжалостное сердце.

Гранада, Санта-Каталина, Пуэрто-дель-Принсипе, Маракайбо, Картахена, Пуэрто-Бельо поочередно были взяты, сожжены и разграблены им, он даже пытался врасплох захватить Панаму, но атака была отражена с громадными потерями.

Надежда на блистательную отплату побудила его с радостью принять предложение Монбара, несмотря на отведенную ему второстепенную роль и необходимость повиноваться, вместо того чтобы командовать экспедицией.

Но злопамятный англичанин замышлял овладеть когда-нибудь, собственно для себя, городом, громадные богатства которого пробуждали в нем сильнейшую жажду к наживе.

Замысел этот он привел в исполнение спустя два года, то есть в 1670 году; теперь же он соглашался стать под команду Монбара просто потому, что намерен был во время экспедиции собрать сведения, которые будут ему полезны, когда он вернется в одиночку повторить это дерзкое нападение.

Впрочем, что бы ни замышлял в будущем знаменитый авантюрист, он не мог бы оказаться на Санто-Доминго при более благоприятных обстоятельствах.

Ровно в двенадцать часов началась вербовка, и флот, по всей вероятности, должен был сняться с якоря спустя несколько дней.

Было десять, когда Береговые братья вошли в губернаторский дом.

Д'Ожерон принял их со свойственным ему добродушным гостеприимством; он распорядился, чтобы подали закуску с обычным приложением трубок и табака, и после обмена первыми любезными приветствиями сейчас же приступили к обсуждению главного вопроса.

Чтобы не повторять всего сказанного, я изложу в нескольких словах решения, окончательно принятые и утвержденные на этом собрании, которое, строго говоря, было не чем иным, как военным советом.

Флот, состоявший из семидесяти двух судов, был разделен на три эскадры, по двадцать четыре судна каждая.

Во главе первой был поставлен избранный в вице-адмиралы Медвежонок Железная Голова вместе с капитаном Питрианом, который был назначен его помощником; во главе второй — вице-адмирал Генри Морган с Дрейком, и во главе третьей — Пьер Легран с Филиппом д'Ожероном в качестве помощника.

Выбрали еще шесть контр-адмиралов, по два на каждую эскадру.

Для первой — Польшэ и Давида, для второй — Льюиса Шотландца и Рока Бразильца, и на третью эскадру — Пьера Прямого и Александра Железная Рука.

Монбар, как командир экспедиции, выбрал себе в адъютанты Прекрасного Лорана, Олоне, Бартелеми, Тихого Ветерка и Мигеля Баска, которые находились тогда в отсутствии, но должны были примкнуть к товарищам, как только произойдет высадка на берег.

Все французские суда будут идти под флибустьерским трехцветным флагом: голубым, белым и красным.

Морган, разумеется, поднимет английский флаг. Цвета вымпелов назначались: красный для главнокомандующего, белый для вице-адмиралов и голубой для контр-адмиралов.

Высший совет, под председательством главнокомандующего, на время экспедиции состоял из вице- и контр-адмиралов и адъютантов главнокомандующего, каждый из которых сам являлся командующим экспедицией и потому считался по своему положению равным вице-адмиралам.

Все решения высшего совета должны были исполняться беспрекословно, под страхом смертной казни, кем бы ни был ослушник и какое бы звание ни имел.

Таковы были решения, единодушно принятые на военном совете, который состоялся в доме у губернатора д'Ожерона.

Этот немного необычный договор, заключенный между предводителями не менее необычной экспедиции, был составлен Оливье Эксмелином¹, секретарем губернатора, который впоследствии сделался историком авантюристов с Тортуги.

После прочтения этого акта все присутствующие подписались за себя и за тех, кто отсутствовал по какой-либо причине. После этого к документу приложили губернаторскую печать, он был приобщен к правительственному архиву, а копию вручили Монбару.

Было около полудня, когда заседание совета кончилось и члены его немедленно отправились в гостиницу «Коронованный Лосось», куда были созваны Береговые братья для вербовки.

Из вышесказанного видно, что никогда флибустьерская экспедиция не соединяла более громких имен. В ней участвовали самые знаменитые Береговые братья.

В глубине большой залы гостиницы были установлены широкие подмостки. На этом возвышении, покрытом ковром, стояли кресла для губернатора и главных предводителей экспедиции. По обе стороны от подмостков стояли два стола, за которыми сидели секретари и вели запись добровольцев.

Двери и окна гостиницы были отворены, так что толпа, которая теснилась вокруг дома и, разумеется, не могла попасть внутрь, тем не менее видела все, что происходит.

Монбар, д'Ожерон, Морган и прочие флибустьеры поместились на возвышении.

Пробило двенадцать.

---

¹ В 1678 г. в Амстердаме была выпущена книга «Пираты Америки», написанная неким А. О. Эксквемелингом. Это произведение переведено практически на все европейские языки. В 1686 г. увидел свет французский перевод «Пиратов». Переводчик назвал автора на французский лад Александром Оливье Эксмелином. Книга «Пираты Америки» и поныне служит источником поистине бесценных сведений о пиратах, промышлявших в XVII в. в Карибском море. Практически все авторы многочисленных романов о флибустьерах так или иначе обращались к этому интереснейшему труду.

Секретари громко стукнули два раза рукояткой кинжала о стол.

Вдруг огромная толпа народа, которая беспорядочно двигалась во всех направлениях с ревом и стоном и волновалась со странным глухим ропотом, замерла в неподвижности, точно волны разъяренного моря, в одно мгновение скованные всеильным словом разгневанного Нептуна.

Воцарилась мертвая тишина.

Монбар встал, любезно раскланялся и произнес длинную речь.

Повторять ее здесь нет необходимости, заметим только, что она затронула самые живые интересы авантюристов и сильно воодушевила их.

Потом были зачитаны общий договор и решение военного совета относительно выбора предводителей.

— Нет ли у кого-нибудь возражений против общего договора? — спросил Монбар.

— Нет, нет! — загудела толпа.

— Вы согласны подписать его?

— Согласны, согласны! — вскричали в один голос флибустьеры.

— Клянётесь вы подчиняться ему?

— Клянёмся! Да здравствует Монбар! Да здравствует Морган!

— Хорошо! Одобряете ли вы назначения военного совета?

— Одобряем!

— Признаете вы командирами тех, кого избрал совет?

— Признаем!

— Клянётесь повиноваться им во всем, что они прикажут, исходя из интересов экспедиции?

— Клянёмся, клянёмся!

— Извините, адмирал, — почтительно обратился к Монбару один из флибустьеров, выступив вперед, — могу ли я задать вам вопрос?

— Говори, брат, ты имеешь полное право спрашивать меня: пока договор тобой еще не подписан, мы с тобой равны.

— Вы не открыли нам цели экспедиции.

— Цель эта не может и не должна быть открыта здесь: испанцы подсылают к нам такое множество шпионов, что выдать наши намерения означало бы предупредить их заблаговременно.

— Понимаю, — сказал флибустьер, утвердительно кивнув головой.

— Одно только я могу вам открыть, братья, — продолжал Монбар, — после победы беднейший из вас будет чуть ли не миллионером! Довольно вам этого, братья?

— Вполне! Да здравствует Монбар! — грянула толпа.

— А ты, брат, желаешь еще сказать что-нибудь?

— Желаю извиниться, адмирал, что осмелился задать вам глупый вопрос, и поблагодарить за то, что вы удостоили меня ответом.

Флибустьер почтительно поклонился и отступил назад.

— Не желает ли кто заявить еще что-нибудь? — спросил Монбар.

Все молчали.

— Желаящие могут начинать записываться, — заключил Монбар, и толпа вереницей потянулась к столам.

Целых три дня являлись желающие участвовать в экспедиции.

Монбар не ошибся, сказав д'Ожерону, что людей будет больше чем достаточно.

Когда через пять дней после начала вербовки в Пор-де-Пе доставили списки добровольцев, оказалось, что даже при самом тщательном отборе лишних остается около полутора тысяч человек, поскольку не было абсолютно никакого повода отказать им.

Когда эти списки были представлены д'Ожерону, он не мог поверить: восемь тысяч человек, завербованных за пять дней, то есть треть населения — это казалось ему просто фантастикой, а между тем это даже не было вербовкой в строгом смысле этого слова, так как все желающие явились добровольно, по собственному побуждению, и если бы уполномоченные, которым были даны очень строгие инструкции, не отбирали людей с особой тщательностью, число их легко дошло бы до огромной цифры в двенадцать тысяч, а все отстраненные были в прекрасной форме, знакомы с военным делом и отлично подходили к службе.

— Что вы теперь скажете? — спросил у губернатора Монбар со своей приятной улыбкой, всегда, однако, немного насмешливой.

— Что тут говорить! — ответил губернатор, совсем оторопев от такого неожиданного результата. — Просто не верится! Пусть мне скажут после этого, — прибавил он,

улыбнувшись, — что мои колонисты — преимущественно земледельцы, как бы не так! Ей-Богу, я сумею ответить на такие речи! Вот и доказательство налицо. Согласитесь, Монбар, что престранная у нас земледельческая колония.

— Кто знает! Дайте испариться лишнему жару и, быть может, лет через двадцать мы так же будем ненавидеть войну, как любим ее теперь.

— Увы, любезный Монбар, — возразил губернатор с комическим отчаянием, — я жду этого отрадного явления больше всего на свете, но надеяться не дерзаю — во всяком случае, мы с вами его вряд ли застанем.

— Говоря по совести, любезный господин д'Ожерон, я со своей стороны вовсе не жажду этого.

— Понятно, — сказал губернатор со вздохом, от которого пошла бы в ход ветряная мельница, — вы рубака, тогда как я...

Монбар захохотал. На этом разговор и закончился.

Эти два человека, оба одаренные светлым умом, уважали и любили друг друга, но шли по дороге в диаметрально противоположных направлениях, в определенных вопросах им было невозможно прийти к согласию, и они открыто отказались от попыток переубедить один другого.

Тем временем Пор-де-Пе быстро пополнялся судами. Из Леогана и Пор-Марго один за другим приходили корабли, так что прошла едва неделя после начала вербовки, а весь флибустьерский флот уже соединился в Пор-де-Пе.

Рейд представлял собой поразительное и живописное зрелище.

В городе царило небывалое оживление.

На корабли перевозили провизию, пресную воду и боеприпасы, многочисленные лодки и баркасы то и дело сновали по рейду вдоль и поперек.

Монбар поспевал везде, все видел и за всем наблюдал.

Когда флот оказался в полной готовности, Монбар устроил ему смотр.

Командиры заранее отправились на свои суда, и все экипажи находились в полном составе.

Войско состояло из восьми тысяч пятисот человек, вместо семи тысяч, на которые рассчитывали. Таким образом, десантное войско было на тысячу пятьсот человек больше, чем предполагалось, потому что число людей, изначально определенное Монбаром для охраны кораблей, осталось неизменным.

Каждый доброволец был обязан иметь свое оружие, два фунта пороха и пули и, кроме того, съестных припасов на целую неделю.

Таково было постановление на всех флибустьерских судах.

Выгода его заключалась в том, что это значительно уменьшало расходы, что было особенно важно в такой экспедиции, какая предпринималась теперь.

Понятно, что Монбара интересовала в основном готовность оружия и наличие боеприпасов и провизии, что же касается самих судов, то он давно знал их превосходные ходовые качества, прочность и прекрасную оснащенность.

Смотр состоялся. Он был произведен тщательно, придирчиво и в высшей степени строго, тем не менее Монбар вернулся на берег исполненный радости: он не имел повода сделать ни одного упрека, ни одного замечания.

Если он знал флибустьеров, то и они знали его, им было известно, как он строга даже относительно мелких, на первый взгляд, подробностей, от которых, однако, нередко зависит успех экспедиции. Разумеется, они приняли меры к тому, чтобы он остался доволен во всех отношениях.

В губернаторском доме опять был созван военный совет по предписанию главнокомандующего.

Пора было выступать в поход, терять время на рейде не следовало, особенно с людьми, которые, имея перед глазами родную землю, ежеминутно против воли испытывали приступы непокорности, и было ясно, что они полностью подчинятся дисциплине только после нескольких дней плавания в открытом море.

Командующий экспедицией намеревался также представить свой план действий и всесторонне обсудить его со своими помощниками, прежде чем окончательно приступить к его исполнению.

Ровно в полдень двадцать один пушечный выстрел из форта возвестил об открытии заседания совета.

Флот ответил залпом из всех орудий.

Ничем нельзя описать тот оглушительный гром, что был произведен тысячью пятьюстами орудиями, грянувшими одновременно.

---

¹ Ф у н т равен примерно 454 г.

Грохот этот, подхваченный эхом, разносился все дальше и дальше и наконец замер в ущельях Черной горы, где долго еще гудел грозными раскатами.

От каждого адмиральского судна отделилась шлюпка и на веслах пошла к пристани. Из этих шлюпок высадились на берег все высшее флибустьерское начальство.

Отряд войска ожидал их на пристани для почетного караула.

У дверей губернаторского дома флибустьеры были встречены Монбаром, д'Ожероном и его племянником Филиппом.

Губернатор по своему обыкновению принимал гостей роскошно и на широкую ногу; однако закусили скорее для виду — время было дорого — и вскоре прошли в залу совета.

Береговые братья, такие беспечные относительно будущего, чья жизнь на суше, когда они оставались не у дел, была рядом чудовищных оргий, невероятных прихотей и сумасбродств, которых не опишешь никаким пером, едва только им западала в голову мысль об экспедиции против испанцев и план этот необходимо было осуществить, моментально перерождались; в них происходило превращение самое полное и коренное. Пьянство, разгул, праздность — словом, все пороки, которые оспаривали первенство в этих странных натурах, вдруг сменялись умеренностью, покорностью, лихорадочной деятельностью и всеми качествами, которые в данное время создают если не великих людей, то, по крайней мере, героев.

Едва ли не в этом и крылась тайна их бесчисленных и блистательных успехов во всем, за что бы они ни брались.

Все в великолепных мундирах, расшитых золотом и драгоценными камнями, с толстыми шнурками на шляпах, высшие флибустьерские предводители оставляли далеко позади себя самых щеголеватых вельмож при дворе Людовика XIV, роскошь которых всегда немного отдавала расчетом, так что любой посторонний, случайно столкнувшийся с ними и не будучи в курсе дела, непременно принял бы их за принцев крови.

Простые Береговые братья, грязные, растрепанные, едва прикрытые жалкими дырявыми лохмотьями, все в жиру и дегте, любили видеть своих предводителей в блистательном наряде; пренебрегая роскошью для себя, они ставили ее, так сказать, в неперемнную обязанность своим командирам, которым повиновались с тем большим рвением, преданностью и уважением, чем больше они гордились ими. Сами коман-

диры знали это и, разумеется, не упускали из виду свой долг удовлетворять этому требованию.

Тем не менее разница в костюме составляла одно лишь мнимое различие между командиром и матросом; на берегу они шли рука об руку в самые грязные кабаки напиваться вместе или играть, чтобы просаживать или выигрывать баснословные суммы.

На берегу между ними не существовало никакого различия, дисциплина соблюдалась только на море, но там она властвовала всесильно, жестоко и неумолимо: слово, взгляд, движение подхватывались на лету и исполнялись с беспрекословной покорностью, неизмеримое расстояние отделяло командира от простого матроса, с которым за час до того, быть может, он кутил по-товарищески; матрос, со своей стороны, знал это и ничуть не оскорблялся, а напротив, находил вполне естественным, чтобы такая дистанция отделяла его от командира. Кроме того, весьма частыми бывали случаи, когда сегодняшний матрос завтра принимал начальство над тем самым командиром, которому в настоящее время повиновался с такой почтительной готовностью.

Флибустьеры сели вокруг большого стола, покрытого зеленым сукном, и заседание началось.

Монбар ясно и четко изложил свой план.

Этот план был образцовым произведением военного искусства, смелости и воображения. Его выслушали с глубоким вниманием от начала до конца.

Когда Монбар кончил, все наклонили голову в знак одобрения.

— Не последует ли каких-либо возражений с вашей стороны, господа? — спросил главнокомандующий.

— Ни малейших, адмирал.

— Стало быть, если все согласны, приступим к исполнению этого плана — я говорю теперь только о маневрах, которые позволят нам достигнуть твердой земли. Наша экспедиция делится на две совершенно отдельные части: первая — исключительно морская, вторая, напротив, преимущественно сухопутная, когда мы должны превратиться в солдат, преодолеть большие пространства и совершенно забыть о том, что мы являемся моряками, вспоминая об этом разве только в стремительных нападениях и во время быстрых переходов по лесам в погоне за теми, кого собираемся захватить врасплох.

— Это правда, — заметил Морган.

— Здесь мы будем обсуждать только первую часть нашей экспедиции, — продолжал Монбар. — Это единственное, о чем теперь может идти речь. Наш флот велик. Испанцы находятся настороже, видя наши усиленные приготовления; уведомленные шпионами, они зорко следят за нами, тем более что не знают, в какую точку мы устремим наши силы и какая именно из их колоний подвергнется нападению. В этом полезном неведении их необходимо держать как можно дольше и даже усилить их опасения, придав им ложное направление. Для этого, я полагаю, хорошо было бы сделать вот что...

Все придвинулись ближе и затаили дыхание.

Помолчав с минуту, Монбар продолжал:

— Мы выйдем в море все вместе милях в десяти отсюда. По знаку, поднятому на адмиральском корабле, флот разделится на три части следующим образом: адмирал Морган, однажды уже взявший Пуэрто-Бельо, направится прямо к этому городу, овладеет им и, прочно укрепившись, займется приготовлением всего необходимого для высадки. Адмирал Пьер Легран займет Санта-Каталину. Этот остров богат, обильно снабжен съестными и боевыми припасами и служит в одно и то же время складом и арсеналом испанскому флоту. Пьер Легран заготовит с возможной быстротой все необходимое для снабжения флота припасами; на Санта-Каталине он оставит порядочный гарнизон и шесть судов для наблюдения за теми местами на острове, где легко пристать, так как туда мы будем свозить наших больных и раненых, там же назначается общий сборный пункт по возвращении из экспедиции. После этого эскадра со съестными припасами, которые адмиралу удастся собрать, примкнет к остальному флоту в порту Бургас, но предварительно адмирал с помощью легкого посыльного судна известит Моргана, чтобы тот спешил соединиться с ним. Медвежонок Железная Голова с третьей частью флота поднимется прямо по ветру и бросит якорь в нескольких милях от Чагреса, в устье реки Сан-Хуан — именно там произойдет общая высадка. Действуя таким образом, я полагаю, нам удастся провести испанцев и сбить их с толку: пока они будут зорко следить за Морганом и Пьером Леграном, стараясь не допустить их высадки на Санта-Каталину и в Пуэрто-Бельо, эскадра Медвежонка незаметно подойдет к тому месту, где мы хотим высадиться, и спокойно станет на якорь, не встретив отпора; к тому же, если мы сумеем прочно укрепиться в Пуэрто-

Бельо и Санта-Каталине, то уже тем самым мы захватываем владычество над морем и перешейком и, следовательно, вольны действовать против Панамы, не опасаясь, что сильные отряды из внутренних колоний подоспеют на помощь местному гарнизону. Вот, господа, какой план я составил для исполнения первой части нашей кампании. Прошу вас взвесить все, сказанное мной, после чего сделать мне честь и представить ваши возражения; я с должным уважением отнесусь к мнению таких знатоков военного дела, как вы.

Услышав это ясное и точное изложение плана, составленного главнокомандующим, флибустьеры не могли удержаться от изъявления восторга — но не удивления; в самом деле, все было предвидено и рассчитано с редким искусством. То, что задумал Монбар, не требовало решительно никаких изменений, чего можно было бы ожидать в подобном случае. Монбар разом разрешил все затруднения, даже сам недоверчивый д'Ожерон почти что уверовал в возможный успех экспедиции и открыто завил об этом, поздравив Монбара с таким превосходным планом.

— Адмирал, — с пленительной улыбкой обратился к нему Морган от имени всех. — Мы понимаем, что вы из одной только вежливости созвали этот совет и нисколько в нем не нуждаетесь; нам остается только повиноваться вашим приказаниям.

— Стало быть, мой план, господа, кажется вам не только возможным, но и легко исполнимым?

— Нельзя придумать лучше, адмирал! Все мы искренне принимаем его без малейшей тени страха.

— Благодарю, господа. Итак, исполним же его! С вашей помощью я рассчитываю на успех.

— С таким командиром, как вы, адмирал, — продолжал Морган, — всегда можно с уверенностью рассчитывать на успех даже самого отчаянно смелого предприятия. Мы постараемся показать себя достойными вас!

Все поочередно пожали руку Монбару, с жаром уверяя его в своей безусловной преданности.

— Когда вы отправляетесь, адмирал? — спросил д'Ожерон.

— Сегодня же, с вашего разрешения, — ответил Монбар и прибавил, обращаясь к флибустьерам: — Теперь двадцатое марта, господа, на общий сборный пункт в устье реки Сан-Хуан я назначаю вам прибыть десятого апреля.

— Будем! — вскричали в один голос все присутствующие.

Спустя два часа флибустьерский флот снимался с якоря при неистовых криках толпы, теснившейся на берегу.

Никогда еще испанским владениям на суше не угрожало большей опасности!

С редким искусством и точностью маневров флот уходил в открытое море. Вскоре суда при свежем ветре стали удаляться одно за другим и не замедлили скрыться в голубоватой дымке горизонта.

Экспедиция началась.

Д'Ожерон, который желал лично присутствовать при отплытии флота и до последней минуты стоял один на краю пристани, наконец повернулся и направился к своему дому, погруженный в глубокую задумчивость.

ГЛАВА XI

Как капитан Сандоваль пригласил дона Фернандо позавтракать на корвете «Жемчужина»

днажды утром, часов в десять, граф де Кафель-Морено только было собрался с духом, чтобы встать с мягкого ложа, на котором нежился, и надеть халат и туфли, когда дверь его спальни осторожно приотворилась и его доверенный камердинер, Мигель Баск, вошел в спальню доложить хозяину, что дон Пабло Сандоваль, капитан корвета «Жемчужина», просит позволения немедленно увидаться с графом по важному делу, которое не терпит отлагательства.

Хозяин и слуга улыбнулись друг другу со странным выражением, и по знаку графа капитан был тотчас к нему введен.

После обычных приветствий и усиленных извинений дон Пабло Сандоваль за свой визит в столь ранний час Лоран, которому надоедало все это пустословие, решил положить ему конец; он подвинул кресло капитану, сам сел в другое и с пленительнейшей улыбкой сказал:

— Готов извинить вас, любезный дон Пабло, но с одним-единственным условием.

— Каким же, граф?

— Что вы не откажетесь позавтракать со мной.

— Не вижу причины этому противиться, граф.

— Прекрасно! Значит, договорились.

— Я этого не говорил.

— Позвольте, что же тогда вы, собственно, хотели сказать?

— Разве камердинер не доложил вам, что я приехал по важному делу?

— Определенно доложил, но я не думаю, чтобы это важное дело состояло, например, в том, чтобы заплатить мне сто пятьдесят унций золота, которые вы проиграли на слово на балу у губернатора?

— Не совсем, хотя и это входит в мои расчеты, игорные долги следует выплачивать в двадцать четыре часа, — прибавил он, отсчитывая и кладя на стол означенную сумму.

— Очень нужно было вам подниматься в такую рань для подобной мелочи!

— У меня были на то другие причины.

— Справедливо, я упустил это из виду.

— Любезный граф, я явился к вам в качестве посланника.

— Каково бы ни было поручение, трудно было найти посланника более приятного для меня.

— Покорно благодарю, граф. Вот мое поручение в двух словах.

— Я весь превратился в слух.

— Кстати! — неожиданно прервал капитан нить своей речи. — Вы слышали новость?

— Когда? Ведь я едва протер глаза.

— Действительно, ведь воры дали тягу этой ночью, вот оно что!

— Какие воры? Извините, я что-то не соображу.

— Вы помните, я рассказывал вам как-то, что мне удалось захватить с десятков французских флибустьеров?

— Позвольте, как же это было? На лодке, кажется, в открытом море?

— Да, да, именно так!

— Теперь вспомнил... И что же?

— Они дали тягу.

— Как дали тягу?

— Да так, как обыкновенно задают стрекача, черт возьми! Представьте, что они содержались в тюрьме в ожидании казни, их должны были повесить, но молодчики, видно, не питали особенного пристрастия к такого рода смерти и улизнули.

— Я понимаю.

— Да и я тоже.

— Так они совсем исчезли?

— Наиположительнейшим образом; втихомолку удрали ночью, слегка придушив тюремщиков.

— Что ж, в таком случае — туда им и дорога!

— Видно, граф, что вы прямо из Испании и не знаете этих негодяев. Это же сущие демоны!

— Прекрасно, но не могут же десять человек наводить на вас страх, будь они даже Самсонами, истребителями филистимлян, или Геркулесами, сыновьями Юпитера и победителями Лернейской гидры.

— Ошибаетесь, граф, эти разбойники очень опасны.

— Разве вы боитесь, что они возьмут город? — спросил молодой человек с легкой усмешкой.

— Этого я не говорил, хотя считаю их способными на все.

— Даже овладеть вдесятером Панамой? — расхохотался граф.

— Нет, но все же наделять нам много хлопот, если мы не сумеем изловить их. Губернатор в бешенстве — он рвет и мечет, даже напал на своих приближенных, подозревая измену. Признаться, и я того же мнения: просто-таки физически невозможно было этим мерзавцам сбежать, если бы снаружи им не помогли некие ссучастники или, по крайней мере, люди подкупленные.

— Так у флибустьеров, значит, было золото?

— Ни единого реала! Это-то меня с толку и сбивает... Словом, дон Рамон де Ла Крус выслал за ними погоню по всем направлениям.

— О! Тогда можно не волноваться, на их след скоро нападут.

— Самое странное, что они и следов за собой никаких не оставили — ни малейшего признака, который мог был служить указанием для поисков, как будто они улетели по воздуху, прости Господи, или земля поглотила их! Ни одна живая душа не видела их и не слышала. Городские ворота оставались заперты, цепи натянуты у входа в порт; где же они могли пройти?

— Скажите, пожалуйста, как странно! И ничего они после себя не оставили?

— Напротив, я совсем забыл упомянуть!

— Вот видите!

— Судите сами, насколько это поможет нам в розысках: они написали метровыми буквами на стене своей камеры: *До скорого свидания, плюгавые испанцы!*

— Шутка, признаться, не очень милая.

— Губернатор находит ее возмутительной и видит в ней угрозу.

— Скорее хвастовство, черт возьми! Этим десятерым ускользнуть бы от преследователей!

— Им трудно придется, я с вами согласен... Но оставим их и вернемся к тому, что я собирался сообщить вам.

— Разумеется! Эти негодяи меня нисколько не интересуют.

— Вчера на балу несколько дам договорились прибыть сегодня ко мне на корвет с некоторыми родственниками и друзьями, конечно ими же приглашенными. В числе этих дам я назову вам, среди прочих, донью Линду, дочь губернатора дона Рамона де Ла Круса, и донью Флору, дочь дона Хесуса. Меня предупредили об этом только полчаса назад. Распорядившись относительно завтрака, я поспешил явиться к вам, любезный граф, с покорнейшей просьбой помочь мне принять дам на моем корвете.

— Предложение ваше очень любезно, капитан, и я принимаю его с большим удовольствием.

— Вот и отлично! Как видите, я не находил со своей стороны никаких препятствий завтракать с вами. Достигнув теперь цели своих дипломатических переговоров, я бегу опрометью — прием назначен на половину двенадцатого. До скорого свидания, как написали эти мошенники!

Молодые люди засмеялись, пожали еще раз друг другу руки, и капитан вышел.

Немедленно вошел Мигель.

— Ну, видно, дело устроили мастерски, — сказал Лоран.

— Неплохо, — согласился буканьер с усмешкой. — Кажется, вы имеете кое-какие вести?

— И самые свежие. Пословам сеньора дона Пабло, губернатор просто взбешен, что с ним сыграли такую шутку. Он разослал во все стороны отряды в погоню за нашими бедными товарищами.

— Что ж, скатертью дорога! Моцион полезен, хотя беглецов им не догнать.

— Где они? Здесь?

— Разумеется, как и было условлено.

— Только пусть уж притаятся как мыши.

— Ничуть не бывало! Хосе с самого утра занят их гримировкой и переодеванием. Они теперь сами не узнали бы себя в зеркале. Этот краснокожий черт — мастер на подобные превращения, просто глазам своим не веришь.

— Все равно необходима осторожность.

— Хосе утверждает, что лучшее средство скрыться — это смело показываться на людях.

— В этом парадоксе есть доля правды, но только не следует заходить слишком далеко.

— Число ваших слуг никому не известно, там и здесь добавить по лишнему — в доме, в саду и в конюшне, — и никто этого не заметит. Вот посмотрите, какой подбор самых разнообразных слуг вам готовят, ваше сиятельство! Бартелеми, между прочим, ваш дворецкий, превратился в великолепнейшего идадьго, какого можно себе вообразить. Умора просто! Честное слово, мы боимся взглянуть друг на друга!

— Сумасброды! Все же я повторяю, будьте осторожны.

— Да ведь Хосе отвечает за все!

— У тебя с некоторых пор Хосе с языка не сходит. Что это ты так восхищаешься им?

— Он вовсе не то, чем кажется.

— Стало быть, и он также переодет?

— Еще бы! И мы все — это прелесть что такое!

— Странную мы разыгрываем комедию...

— Которая вскоре превратится в трагедию!.. Впрочем, я нисколько не скрываю своего пристрастия к Хосе, а вам известно, ваше сиятельство, что я с бухты-барахты никем восхищаться не стану.

— Тебе надо отдать должное.

— Этого же человека, доложу вам, я просто полюбил от души; он храбр, честен, предан, я готов за него ручаться.

— Монбар знаток в людях и очень хвалил мне его.

— Стало быть, мы можем не волноваться.

Разговаривая таким образом, Лоран с помощью Мигеля надел богатый костюм, на груди его красовался орден Золотого Руна, который в то время давали кому-либо чрезвычайного редко и за одни только величайшие заслуги.

Мигель улыбнулся, заметив, как Лоран небрежно прикалывал его.

— Чего зубы-то скалишь? — спросил мнимый граф. — Разве я не имею права носить этот орден?

— Да сохранит меня Бог сомневаться в этом, ваше сиятельство! — с живостью возразил буканьер. — Бесспорно, вы более всякого другого имеете на него право, только мне смешно видеть орден Золотого Руна на груди одного из глав-

ных предводителей Береговых братьев, ожесточенных врагов Испании.

— Правда, для нас с тобой это противоречие очень забавно. Положил ты мне золота в карманы?

— Положил, ваше сиятельство.

— Подай теперь мои бриллианты.

— Я поеду с вами?

— Нет, черт возьми! Я еду на корвет «Жемчужина», а ты так горячовозлюбил это очаровательное судно, что способен наделать там гвалта. Всдь я знаю тебя, друг сердечный, как облупленного, и мне приходится принимать свои меры... Серьезно, Мигель, чем ближе развязка, тем хитрее и осторожнее должны мы поступать.

— Вы же обещали мне «Жемчужину»!

— И получишь ее, жадный человек, но потерпи еще немного.

— Хорошо, — проворчал Мигель, словно собака, у которой отняли кость, — подождем, но ведь один же вы туда не поедете?

— Я возьму с собой Шелковинку.

— Вот счастливчик! Только ему такая удача на роду и написана!

— Не приревновал ли ты, чего доброго? — засмеялся Лоран. — Лошади готовы?

— Ждут у дверей.

— Тогда я немедленно отправляюсь; не жди меня скоро, я пробуду на корвете несколько часов, сам еще не знаю сколько.

— Ладно.

Они вышли.

На дворе Шелковинка — или, вернее, Юлиан, так как это было его настоящее имя, — предвидя, что поедет с хозяином, уже вскочил в седло, надев богатый костюм пажа.

Граф также сел на лошадь, махнул Мигелю рукой на прощание и отъехал от дома в сопровождении Юлиана и ливрейного слуги, который должен был привести назад лошадей.

Испано-американцы не знают иного способа передвижения помимо поездки верхом.

Редко можно встретить их пеших: как для самого кратчайшего переезда, так и для самого продолжительного они садятся на лошадь и, так сказать, всю жизнь проводят в седле.

Возбуждая всеобщее оживление, граф неторопливым шагом проехал часть города и наконец достиг гавани. Он сошел

с лошади и сделал знак своему пажу также спешиться. Ливрейный слуга взял в поводья лошадей и тотчас повернул назад, а Лоран тем временем подозвал одного из множества лодочников, лодки которых лепились вдоль пристани, и велел отвезти себя на корвет капитана Сандовалья.

«Жемчужина» была великолепным судном, изящным, стройным, с низкой кормой и высокими, слегка наклоненными назад мачтами, которое содержалось в величайшем порядке. На корвете было двадцать четыре пушки. Построенный на верфи Фьероля, он славился как одно из надежнейших судов по прочности постройки во всем испанском флоте, который в то время оспаривал у голландского право называться лучшим в мире.

Капитан дон Пабло Сандоваль, несмотря на свою хвастливость, коей славятся уроженцы Андалусии, был действительно превосходным моряком безупречной храбрости; он любил свой корвет, как дорогую возлюбленную, и то и дело придумывал для него новые изящные украшения.

Лодка подъехала к корвету с правого борта; дон Пабло ждал графа у спущенного парадного трапа. Увидев на графе орден Золотого Руна, дон Пабло не мог удержать восклицания восторга.

Дон Фернандо улыбнулся, заметив это невольное волнение.

— Я хотел оказать вам внимание, — обратился он к дону Пабло, протягивая ему руку.

Графа встретили на корвете с почестями, приличествующими его званию.

— Не заставил ли я себя ждать, любезный капитан? — спросил граф.

— Нисколько, ваше сиятельство, пока что еще никто не прибыл.

— Любезный дон Пабло, сделайте мне одно удовольствие.

— Весь к услугам вашего сиятельства.

— Раз и навсегда бросьте все эти сиятельства и титулы, мы достаточно знакомы и подобный этикет совершенно излишен.

— Но как же прикажете называть вас, сеньор граф?

— Опять! Честное слово, вы неисправимы! — засмеялся гость.

— Но я, право, не знаю, как мне быть.

— Называйте меня просто доном Фернандо, как я вас — доном Пабло, вот и все!

— Если вы требуете этого...

— Я не имею никакого права требовать, капитан; я могу только просить, что и делаю.

— Пусть будет по-вашему, я повинуюсь.

— Благодарю, дон Пабло, вы меня искренне обрадовали, вы не можете вообразить, как мне в тягость все эти формальности! Я люблю простоту.

— Вижу, сеньор, и рад этому.

— Вот так-то лучше, любезный дон Пабло, вы привыкнете, я вижу.

— Желаете закусить?

— Мне пока не хочется, благодарю. Не воспользоваться ли нам свободной минутой, чтобы осмотреть ваш прелестный корвет?

Ничто не могло так сильно польстить самолюбию капитана, как подобное предложение; разумеется, он охотно согласился.

Граф и капитан приступили к осмотру судна, оставив Юлиана на верхней палубе, где он тотчас познакомился с экипажем.

Внутреннее устройство корвета вполне соответствовало его наружному виду, везде царили роскошь и редкая чистота. Капитан потратил громадную сумму на меблировку и отделку не только своего помещения, но и кают офицеров; корма его судна превратилась в прелестнейшее убежище, какое можно вообразить.

Граф прикидывался довольно несведущим в морском деле, но осмотрел корвет с большим вниманием, не упуская из вида ни одной детали, имеющей маломальское значение. Хоть и равнодушно, однако он так подробно расспрашивал капитана, что непременно возбудил бы в нем удивление, если бы дон Пабло, потеряв голову от радости, что принимает такого высокого посетителя, не был целиком поглощен упоительнейшим делом: выставлять напоказ превосходные качества своей «Жемчужины».

Экипаж был очень многочислен для такого легкого судна, а несколько дней назад его еще усилили и довели до ста семидесяти человек отличных и храбрых матросов, приученных к дисциплине, очень строгой на «Жемчужине», вопреки тому, как было поставлено дело на всех других испанских кораблях.

Четыре офицера, опытных моряка, боготворили своего командира.

Кроме того, граф узнал, что «Жемчужина», превосходная на ходу, управлялась с большой легкостью в любую погоду; впрочем, он и сам мог бы увидеть это, исходя из внешнего вида корвета и расположения его мачт.

В кают-компании стол, богато сервированный серебром и заставленный разнообразными холодными закусками, ожидал гостей капитана Сандовалья. Однако по необычайной деятельности на баке можно было понять, что эти закуски, когда гости сядут к столу, составят лишь незначительную часть предстоящего пира.

Все осмотрев и всем налюбовавшись, граф вернулся на верхнюю палубу вместе со своим любезным провожатым.

«Хорошо же я сделал, — думал просебя флибустьер, усердно улыбаясь капитану, — ей-Богу, очень хорошо, что не взял с собой сорвиголову Мигеля: при виде этой великолепной «Жемчужины» и такой кучи драгоценностей он способен был бы обезуметь, и еще неизвестно тогда, чем бы все кончилось».

В это время вдали показались лодки, направляющиеся в сторону корвета.

На ближайшей из них развевался испанский флаг.

Это была шлюпка губернатора.

В ней сидели четверо — двое мужчин и две дамы. Эти четверо были: сам губернатор дон Рамон де Ла Крус при полном параде, весь в золоте и шитье, дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро — в более скромном, хотя и богатом наряде изысканного вкуса, донья Линда де Ла Крус, дочь губернатора, очаровательная девушка почти одних лет с дочерью дона Хесуса и ее близкая подруга, и, наконец, донья Флора Ордоньес, уже давно известная читателю, а потому и распространяться насчет ее красоты и привлекательности было бы совершенно излишне.

Три лодки, следующие за первой, как бы нарочно держались на порядочном расстоянии позади, чтобы тем самым, вероятно, засвидетельствовать почтительное уважение сидящих в них к особе губернатора.

Как только с корвета завидели губернаторскую шлюпку, по безмолвному знаку капитана была поднята тревога.

Этот маневр, кажущийся, по-видимому, таким простым для людей непосвященных, в сущности, один из самых трудных и сложных.

Он должен быть исполнен в пять минут и в одно мгновение нарушает весь обычный ход жизни моряка.

За пять минут все внутренние перегородки корвета были сняты, огни в камбузе потушены, люки открыты, оружие вынесено наверх и роздано экипажу, пушки приготовлены к бою, баки залиты водой, фитили зажжены; для раненных был устроен спуск на среднюю палубу, где на столе были разложены инструменты и где хирург, при помощи фельдшеров, мог их принять в свое ведение в случае необходимости; бегучий такелаж был укреплен, реи упрочены подпорками, матросы выстроены в полном боевом порядке, констапели¹ у орудий, марсовые — на своих местах, пожарные трубы и абордажные крюки приведены в готовность, сети натянуты, а для подноски пороха оставлен проход; словом, все находилось на своем месте и каждый — на своем посту, от командира до последнего юнги, который носит пушечные заряды, не говоря об оружейных мастерах, конопатчиках, плотниках и рулевых, каждый из которых, согласно своей специальности, заботится о безопасности корабля. Не станем мы также перечислять множество важных подробностей, которые остались бы непонятными для большинства читателей, скажем только, что все эти сложные и вместе с тем согласованные действия, направленные на достижение одной цели, должны быть кончены в пять минут, так что не успеешь перекреститься.

Разумеется, экипажи на военных судах постоянно упражняются по целым месяцам, добиваясь, чтобы этот маневр удавался им мало-мальски сносно.

Граф стоял, облокотившись о борт, и следил украдкой за тем, что происходило вокруг него, не подавая вида, какое значение это имело для его тайных планов.

Он остался поражен быстротой и четкостью в исполнении маневра экипажем корвета «Жемчужина». Не прошло и четырех минут, как каждый был на своем посту и готов к бою.

«Гм! — рассуждал про себя дон Фернандо, кусая усы. — Вот это противники! Наделают они нам хлопот, если мы не остережемся! Молодцы! Жаль, что тут нет Мигеля, это заставило бы его призадуматься, полагаю».

Между тем губернаторский катер быстро приближался. Вскоре он уже находился у борта.

Капитан и граф встретили дона Рамона де Ла Круса на нижней ступени трапа, дон Пабло предложил руку донье

---

¹ К о н с т а п е л ь — первый офицерский чин в морской артиллерии.

Линде, дон Фернандо завладел рукой доньи Флоры, и все вместе поднялись на палубу.

Едва губернатор ступил на нее, как его приветствовал залп из одиннадцати орудий, кверху взвился испанский флаг, а выстроенное для его встречи войско с барабанным боем отдало ему честь.

Эти почести были преувеличены; на самом деле дон Рамон де Ла Крус, в качестве бригадира и губернатора, имел право на салют всего из семи орудий, без тревоги и барабанного боя, а тем более без поднятия национального флага на грот-мачте. Но дон Пабло Сандоваль любил все делать на славу и хотел польстить гордости губернатора, имея важный повод сохранять с ним наилучшие отношения. Своей цели он достиг полностью.

Дон Рамон де Ла Крус, властью короля испанского являющийся губернатором Панамы, буквально пришел в восторг от таких необычайных почестей и не знал, чем выразить свое удовольствие командиру корвета, который с напускной скромностью извинялся, что не сумел принять его лучше.

ГЛАВА XII

Почему дон Фернандо согласился на приглашение капитана Сандовалья

ри другие лодки, о которых мы упоминали, оставались позади, чтобы предоставить губернатору честь первому взойти на корвет, но вскоре также причалили, и все гости капитана собрались на палубе.

Они принадлежали к самым знатным и богатым семействам в городе.

Каждый кавалер подал руку даме, и все направились вслед за губернатором, изъявившим желание осмотреть судно, пока экипаж еще оставался на местах и он мог в одно и то же время видеть и корвет, и людей.

Дон Фернандо и донья Флора не интересовались этим зрелищем — он, вероятно, будучи сам моряком, не находил в нем ничего нового, она, быть может из женской робости, не чувствовала стремления к развлечениям подобного рода; а возможно, оба по особой, им одним известной причине оставались к нему равнодушны. Незаметно пропустив вперед всех других гостей, молодые люди сами понемногу отста-

ли и, пользуясь этим уединением в толпе, все внимание которой было приковано к занимательным по своей новизне предметам, завели вполголоса разговор, судя по выражению их лиц и блеску глаз, не только оживленный, но и чрезвычайно увлекательный.

Уже несколько раз дон Фернандо имел случай встречаться таким образом с доньей Флорой наедине, — мы говорим «наедине», потому что влюбленные, величайшие эгоисты на свете, все относят к себе, видят одних себя и ничего не замечают, кроме того, что относится непосредственно к их любви.

Донья Флора, глаза которой при первой встрече с доном Фернандо так явственно выдали ему, что происходило в ее сердце, не сочла нужным взять назад свое безмолвное согласие, когда он признался ей в любви со свойственным влюбленным лицемерием, очень похожим на бесчестность, так как объясняются они только тогда, когда в глубине сердца уверены, что объяснение их будет выслушано без гнева.

— А вы, донья Флора, любите ли вы меня? — заключил свое объяснение дон Фернандо.

Вся вспыхнув и дрожа от волнения, молодая девушка устремила на него свой ясный и невинный взгляд и, тихо опустив свою руку в его, ответила одним словом:

— Люблю.

Казалось бы, короткое, избитое слово, но как же сходил с ума дон Фернандо от радости, от счастья, когда услышал его!

С этой минуты при каждом удобном случае молодые люди вели нескончаемые разговоры на ту же полную очарования тему, никогда не истощающуюся и не утрачивавшую своей прелести со времени появления на земле мужчины и женщины, суть которой заключается в трех словах: любить, быть любимым.

Величайшее наслаждение влюбленных — нескончаемо рассказывать друг другу историю их любви: как она началась, что они испытали, впервые увидев предмет своей страсти, как электрическая искра в одно мгновение пронзила их сердца, заставила затрепетать все их существо, открыла им, что они наконец нашли того или ту, для кого впредь только жить и будут, — весь этот милый вздор, подсказываемый страстью, имеет, однако, неодолимую привлекательность, мысли утопают в океане несказанных и неведомых до того времени наслаждений, слово, взгляд, пожатие руки украдкой заставляют пережить век блаженства в один миг.

Но влюбленные ненасытны; чем больше они получают, тем больше требуют; разлука для них величайшее зло; видятся, говорить друг с другом для них верх счастья; глагол «любить» такой приятный, что во всех уголках земного шара и на всех наречиях его спрягают без умолку и тем не менее только в одном виде: я люблю! Эта нежная болезнь сердца есть ясное, простое и вместе с тем сложное выражение божественного луча, вложенного Творцом в души всех Его созданий.

Дон Фернандо и донья Флора любили друг друга всеми силами души, они знали это, говорили один другому сотни раз и не уставали повторять все с тем же радостным трепетом, тем же содроганием блаженства.

Дон Фернандо видел донью Флору у ее отца, в обществе, так как часто получал приглашения, у обедни, на прогулке — словом, везде, однако ему казалось, что этого недостаточно. Не станем утверждать, что Флора не разделяла такого мнения; молодая девушка любила со всей нежностью сердца, полностью отдавшегося предмету своей страсти, и с наивным чистосердечием гордой и девственной души.

Расхаживая по корвету и бросая вокруг себя рассеянные взгляды, не замечавшие ничего кроме доньи Флоры, молодой человек жаловался на тяжелые оковы, которые вынужден был налагать на свою любовь.

Донья Флора надула губки; дон Фернандо был раздосадован и не знал, чему приписать то, что он считал ее капризом.

И два сердца, которые так хорошо понимали друг друга, эти избранные натуры, связанные таким искренним чувством, чуть не поссорились во время однообразной и скучной прогулки по корвету.

— Однако, сеньорита, — вдруг вскричал молодой человек с тайной досадой, — что же все-таки является причиной такого непостижимого упорства?

— Но это вовсе не упорство, дон Фернандо, — кротко возразила девушка.

— Что же тогда? Вы мне только одно и твердите, что это невозможно.

— Потому что, к несчастью, это действительно невозможно.

— Обсудим дело вместе, согласны?

— Согласна, почему же нет?

— Вы меня любите, донья Флора?

— А вы сомневаетесь?

— Сохрани Бог! Верю, глубоко верю!

— Так что же?

— Да то, что моя любовь может и должна, кажется, идти открытым путем, когда она честна и благородна!.. Отчего вы не хотите разрешить мне просить вашей руки у дона Хесуса?

Девушка грустно улыбнулась.

— Еще не время, — сказала она.

— Не время! Чего же вы боитесь? Разве вы предполагаете, что мое предложение будет отвергнуто?

— И не думаю.

— Быть может, вы думаете, что ваш отец, насколько мне известно, связан своим словом с доном Пабло Сандовалем...

— Я не люблю капитана, ведь вы же знаете это, дон Фернандо, да и отец до сих пор лишь очень смутно намекал на такой союз.

— Однако дон Хесус может вынудить вас согласиться на этот брак.

— Когда я скажу отцу, что не люблю того, за кого он хочет выдать меня замуж, он наверняка возьмет свое слово назад и заставлял меня не станет.

— Насколько я могу понять из ваших слов, препятствие заключается именно во мне?

— Может быть, — покачала она головой.

— Ваш отец, вероятно, находит меня не слишком хорошего рода и недостаточно богатым, чтобы удостоить вашей крошечной ручки, моя дорогая донья Флора, — сказал он с оттенком досады.

— Опять ошибаетесь, дон Фернандо, мой отец пришел бы в восторг, если бы подозревал, что вы ухаживаете за мной и просите моей руки.

— Тогда я отказываюсь понять что-либо! Откуда же берутся эти препятствия для моего счастья?

— От вас самих, от одного только вас, дон Фернандо, — ответила она с грустью.

— Меня?! О! Вы будто нарочно терзаете мое сердце, донья Флора!

— О, дон Фернандо!

— Простите, донья Флора, простите, я сам не знаю, что говорю! Сжальтесь надо мной, я с ума схожу, одно слово, одно-единственное, умоляю вас, чтобы я знал, чего мне бояться, на что надеяться.

— Увы, дон Фернандо! Это слово жжет мне сердце, оно срывается у меня с губ, но...

— Что же?

— Я не могу произнести его.

— Опять!..

— Увы!

— О Господи! Что же делать?

— Я говорила вам, мой друг: ждать!

— Еще ждать!

— Так надо.

— Разве я могу?!

— Неужели мне, женщине, надо подавать вам пример мужества, дон Фернандо?

— Но я нуждаюсь не в мужестве! — вскричал молодой человек с невольным взрывом нетерпения.

— Нет, в вере! — прошептала она с грустью.

Это слово заставило его опомниться.

— Ах, Флора, моя возлюбленная Флора! — сказал он тоном нежной укоризны. — Что же я сделал, чтобы вы говорили мне подобные вещи?

— Я страдаю, Фернандо, меня терзает ваша неблагодарность, ваше ослепление, а вы словно удовольствие находите в том, чтобы я страдала еще сильнее.

— Вы страдаете, Флора!

— Оставим это, друг мой, еще не время открыть вам глубокую рану сердца — увы, целиком принадлежащего вам!

— Разве я не могу требовать своей доли в ваших страданиях?

— Нет! Есть глубины, в которые вам проникать еще нельзя, тайны, которые принадлежат не мне одной.

— Кажется, я понимаю...

— Друг мой, — с живостью перебила она, — поверьте, вы ничего не понимаете.

Наступила минута молчания.

Общество, все еще с губернатором и капитаном во главе, который вел под руку донью Линду, возвращалось теперь на верхнюю палубу судна, после подробного осмотра его внутреннего устройства.

— Послушайте, Фернандо, — вдруг заговорила донья Флора с волнением, от которого слегка задрожал ее голос, — нам остается всего несколько минут разговора наедине. Я воспользуюсь ими, чтобы обратиться к вам с просьбой.

— Ваша просьба для меня приказ, сеньорита.

— Правда?

— Клянусь честью!

— Я полагаюсь на ваше слово.

— Прекрасно, говорите же теперь.

- Фернандо, я прошу у вас три дня.
- Три дня?
- Да, разве это много?
- Три дня на что, Флора?
- Чтобы открыть вам все.
- И вы обещаете?
- Клянусь, Фернандо!
- Благодарю, Флора, вы меня воскрешаете!
- Так вы согласны на условие?
- О! С радостью.
- Вот вам моя рука.

Дон Фернандо с наслаждением поцеловал крошечную ручку и долго продержал ее в своих руках, но девушка не противилась этому.

— Теперь ни слова более, мы уже не одни, — прибавила она с очаровательной улыбкой.

— Но как же мне вас увидеть?

— Не беспокойтесь, я дам вам знать.

В эту минуту к ним подошла донья Линда, и разговор был поневоле прерван.

В любви или ненависти женщины одарены каким-то ясно-видением и с удивительным тактом угадывают час и минуту, когда необходимо подоспеть на помощь приятельнице или нанести сопернице решительный удар.

Поглощенные своей любовью, уединившись от окружающих их людей и сосредоточенные на самих себе, молодые люди продолжали разговор, чрезвычайно для них занимательный, отрывки которого мы привели выше, вовсе не замечая, что внимание всех этих посторонних людей, продолжительное время поглощенное занимательными предметами, которые командир корвета не без гордости выставлял им напоказ, теперь ничем не занятое, не замедлит от бездействия обратиться на них. К счастью, донья Линда издали охраняла свою подругу. Она бросила капитана Сандовала, даже не извинившись, что так быстро обращается в бегство, и со смехом встала между влюбленными.

— Просто прелесть! — вскричала она своим серебристым голосом. — Этот корвет содержится на славу! Что вы скажете, граф?

— То же самое, сеньорита, — бессовестно солгал дон Фернандо, почтительно кланяясь, — я имел честь слышать сейчас от доньи Флоры.

— Вот это да! — громко рассмеялась девушка. — Это правда, дорогая?

— Правда, — ответила донья Флора, слегка пожимая ей руку.

— Теперь я, разумеется, знаю, что мне думать! — вскричала озорница, не переставая смеяться. — Впрочем, я глядела на вас издали, и вы оба казались очень заинтересованы разговором.

— Злюка! — прошептала донья Флора, вспыхнув.

— Клянусь, сеньорита...

— К чему клятвы между нами, граф! — перебила донья Линда с живостью. — Поберегите их для лучшего случая. Вашего первого уверения для меня достаточно.

— Вы ангел! — ответил он с легким поклоном.

— Не ошибаетесь ли вы? Кто знает, быть может, я демон?

— Скорее, и то и другое, сеньорита.

— Как вы объясните это?

— Очень легко, сеньорита: очевидно, вы ангел по сердцу и красоте.

— Прекрасно... а демон я по чему?

— По уму.

— Вот ловкое объяснение, за которое я вам очень благодарна, сеньор дон Фернандо, и свою признательность скоро докажу на деле.

— Сеньорита!

— Почему же нет? Я принимаю живое участие во влюбленных, — продолжала она, понизив голос, — в них всегда есть что-то наивное, трогающее мое сердце. Я взяла вас обоих под свое покровительство.

— Не знаю, как выразить, насколько ваша доброта...

— Не отпирайтесь напрасно, граф, Флора мне все сказала, у нее нет тайн от меня.

— А вы откровенны с ней?

— Да ведь мне нечего и сообщать, дон Фернандо! Единственная тайна женщины — это любовь, я же никого не люблю.

— Никого не любите?

— Кроме вас, быть может, — отчетливо произнесла она с великолепным пренебрежением, — кого же иначе прикажете мне любить здесь? Вы любите мою подругу и потому, конечно, — засмеялась она, — должны иметь для меня заманчивость запрещенного плода. Но я не завистлива и не

любопытна; если бы вместо нашей прародительницы в раю оказалась я, клянусь вам, я не съела бы яблока!

— И для всего человечества это было бы величайшим несчастьем.

— Почему же?

— Мы не знали бы любви!

— Опять хороший ответ... но любовь — благо ли это?

— И благо, и бедствие, но, в общем, страсть благородная, великодушная, которая открывает в сердце все могущество вложенных в него жизненных сил и делает его под влиянием страсти способным на великие и геройские подвиги.

— Или ужаснейшие злодеяния, — возразила донья Линда, насмешливо, — не так ли, сеньор?

— Вы позволите мне, сеньорита, после вашего признания с минуту назад, не приступать к дальнейшим прениям по этому поводу? Иначе мы никогда не договоримся.

— Я тоже так думаю, не сердитесь на меня, граф... А вот и благородный вельможа, отец которого был мясником в Пуэрто-Санта-Мария, сеньор дон Пабло Сандоваль, решается наконец пройти в столовую. Пожалуйста, будьте нашим кавалером, в награду за такую любезность мы посадим вас за столом между нами. Когда вам наскучит правая соседка, обратитесь к левой, со стороны сердца, чтобы легче было выносить скуку.

— Как бы я любила тебя, злая, если бы ты не дразнила меня так безжалостно! — улыбаясь, вскричала донья Флора.

— Уж не жалуешься ли ты, чего доброго? Я добровольно вызываюсь в покровительницы, охраняю, а на меня изволят гневаться! Да ты просто неблагодарная! — И девушка разразилась хохотом.

Завершив осмотр корвета, губернатор в нескольких словах похвалил экипаж, но особенно он порадовал людей, передав боцману крупную сумму для раздачи ее всем поровну.

Щедрость эта вызвала оглушительные крики: «Да здравствует губернатор!» — крики, приятно зашекотавшие ухо достойного сановника.

Капитан подал знак, и на корвете не осталось и следов тревоги, все опять приняло свой нормальный вид.

Вскоре дон Пабло Сандоваль пригласил своих гостей пройти в столовую, где их ждал завтрак.

Радужное приглашение вызвало общую радость: было за полдень, и все чувствовали голод.

Девушки действовали так ловко, что сумели, согласно обещанию доньи Линды, посадить дона Фернандо между собой, к тайному неудовольствию дона Пабло, который собирался посадить губернатора по правую руку от себя, а графа — по левую; но тут женская воля взяла верх, и капитану пришлось довольствоваться, при большом сожалении, соседством дона Хесуса Ордоньеса.

Ни малейшей тени ревности не примешивалось к тайному неудовольствию дона Пабло. Ему даже в голову не приходило, что граф может быть его соперником — правда, надо сказать, что любовь его к очаровательной невесте отличалась крайней умеренностью, женитьба была для него просто выгодным делом: его будущий тесть имел большое состояние и давал за дочерью великолепное приданое, — больше капитану нечего было и желать. Кроме того, девушка славилась своей красотой, что очень льстило самолюбию капитана, но будь она дурна как смертный грех, это нисколько не изменило бы его намерения жениться на ней.

Сначала больше молчали и только усердно ели, однако когда первый голод был утолен, все понемногу заговорили, и вскоре беседа сделалась всеобщей.

— Сеньор губернатор, — начал толстяк с одутловатым лицом багрово-синего цвета, который обливался потом и ел, как слон. — Позвольте спросить: что слышно о галионах?

— Собравшись в Кальяо, флотилия должна была сняться с якоря дней десять тому назад, любезный дон Леандр, — ответил губернатор. — Она состоит из чилийских, мексиканских и многих других судов. Говорят, она просто великолепна!

— Это хорошие вести, сеньор губернатор, — отозвался толстяк дон Леандр.

— Правда, и если Богу будет угодно, как говорят моряки, флотилия бросит якорь на рейде перед нашими глазами также дней через десять.

— Да хранит ее Господь! — гнусаво произнес дон Кристоаль Брибон-и-Москито, уткнувшись носом в тарелку.

— А нет ли каких вестей о флибустьерах? — спросил кто-то.

— Слава Богу, нет! С некоторых пор они не дают пищи для толков, — ответил губернатор.

— Правда ли, что флибустьеры еретики? — спросила пожилая дама, старательно изображавшая из себя простодушную невинность.

— Еретики до мозга костей, любезная донья Лусинда, — ответил дон Пабло, любезно улыбаясь.

— Так они не верят ни в Бога, ни в дьявола?

— В Бога не верят, но в дьявола — разумеется.

— Господи Иисусе, помилуй нас! — воскликнул дон Кристобаль.

— Аминь! — вставил дон Фернандо. — Кстати о флибустьерах, дон Рамон, — прибавил он. — Действительно ли убежали, как я слышал, те, которых вы здесь содержали в тюрьме?

— К несчастью, ничего не может быть действительно, граф.

— Их, вероятно, опять изловят.

— Это очень сомнительно.

— Вы удивляете меня.

— После бегства этих разбойников, совершенно непостижимого, я поднял на ноги всю городскую полицию, велел даже окрестности города изъездить вдоль и поперек многочисленным отрядам.

— И что же?

— Я должен с прискорбием вам признаться, так как в качестве губернатора огорчен этим более, чем кто-либо, что полиция и солдаты из сил выбились, а между тем не нашли ни малейшего следа беглецов на пять миль в округе.

— Вот странно! — вскричал граф.

— Они буквально исчезли, — сказал дон Рамон.

— Их покровитель, нечистый дух, верно, похитил их, — намекнул дон Кристобаль.

— Это, право, очень страшно! — жеманно произнесла донья Лусинда.

— Говорят, разбойники эти очень дерзки с дамами.

— Берегитесь! Беда вам, если они вас захватят! — посмеиваясь, сказал толстяк Леандр.

— Молчите, гадкий слон! — сердито вскричала пожилая дама.

Это замечание вызвало единодушный смех.

— Мне очень жаль это слышать, — опять обратился к губернатору дон Фернандо.

— Почему же?

— Да потому, что я жду прибытия в Чагрес шхуны с ценными вещами из Веракруса и опасаясь, как бы при переходе через перешеек мои вещи не попали в руки очень нехотати удравших флибустьеров.

— Об этом не беспокойтесь, граф, — величественно сказал губернатор, — я снабжу вас конвоем, даже целым пятидесятком, если пожелаете.

— Не скрою, любезный дон Рамон, что ваше предложение меня очень радует, я непременно приму его.

— Обязательно примите, граф; я, со своей стороны, буду счастлив оказать вам услугу в данном случае, как и во всяком другом, какой только может представиться.

— Не знаю, как и благодарить вас!

— Когда должна прийти шхуна, граф? — спросил дон Хесус.

— С минуты на минуту, любезный сеньор, она даже могла уже прийти.

— Так, наверно, она вскоре будет, — догадался проницательный дон Леандр.

— Вероятно, — согласился дон Фернандо со смехом.

Настало время бесчисленных частных разговоров, которые перекрещиваются с общим; уже каждый начинал думать только о себе, как бывает после доброго пира, и дон Фернандо мог продолжать свой тихий разговор с прелестными соседками, не пропуская, однако, мимо ушей ни одного слова из того, что говорилось вокруг.

Две важные причины привели графа на корвет: любовь к донье Флоре и замышляемое им дерзкое нападение на город. Вероятно, могла у него быть и третья причина, но она оставалась тайной для всех — так, по крайней мере, думал он; к тому же, он имел случай осмотреть корвет, что было для него немаловажно.

Утро выдалось для дон Фернандо преудачное: он долго разговаривал с возлюбленной, кроме того, ему удалось собрать немало драгоценных сведений. Разумеется, он был в блистательном расположении духа, что его соседки имели возможность оценить в полной мере, поскольку пир продолжался долго.

Было четыре часа пополудни, когда, сытые и довольные, гости встали наконец из-за стола и собрались в обратный путь.

Прощаясь с Флорой, дон Фернандо не упустил случая напомнить ей о данном слове.

Морские титаны

ГЛАВА I

Уже забытый, вероятно, читателями Каскабель появляется вновь

Когда стали разъезжаться с корвета, где капитан Сандоваль так обильно угощал своих гостей, дон Рамон де Ла Крус упросил дона Фернандо сесть к нему в шлюпку. Дон Фернандо дал уговорить себя тем охотнее, что в губернаторской шлюпке он мог пробыть несколькими минутами дольше с доньей Флорой, обменяться с ней словом-другим, упиваться ее взглядами.

К несчастью, переправа была делом нескольких минут.

Сойдя на берег, дон Фернандо раскланялся с дамами, пожал руку дону Хесусу и простился с губернатором, который опять повторил, что всегда к его услугам.

У таможи молодого человека ожидал слуга с лошадьми. Он вскочил в седло и не торопясь поехал домой, перебирая в уме все, что с ним случилось приятного в это радостное утро, которому он с эгоизмом влюбленного не желал бы видеть конца.

В нескольких шагах от дома он был внезапно остановлен толпой пеонов, индейцев, солдат — словом, всех празднующихся, которыми полны большие города.

Это сборище людей запрудило улицу во всю ее ширину, немного не доходя до решетки перед Цветочным домом.

Дону Фернандо поневоле пришлось остановиться.

Он привстал в стременах поглядеть, что происходит. Благодаря тому, что с лошади все было прекрасно видно, он понял причину скопления народа, который прибывал с каждой минутой. Всеобщий интерес вызывал индеец-метис с

зеленоватыми пятнами по всему телу, которые своим видом изображали тигровую шкуру.

Внезапное воспоминание огненной стрелой мелькнуло в сознании дона Фернандо.

Ему показалось, что он видит этого странного человека не в первый раз, он уже где-то встречался ему, но где, при каких обстоятельствах — этого он припомнить не мог.

Знаком он подозвал к себе Юлиана.

Тот поспешно подошел.

— Ты знаешь этого человека? — спросил дон Фернандо.

— Какого, ваше сиятельство? — почтительно спросил паж.

— Того, кто разглагольствует среди толпы народа, безобразного индейца, размалеванного, словно дикий зверь.

— О, ваше сиятельство! Он хорошо известен. Это Каскабель!

— Что это за имя?

— Так зовут или, вернее, прозвали этого человека.

— Каскабель ведь, кажется, значит «гремучая змея»?

— Так точно, ваше сиятельство.

— Почему же он получил такое прозвище?

— Он заклинатель змей и имеет дело преимущественно с гремучими змеями, потому...

— И назван по имени своего самого грозного актера?

— Именно.

— Понимаю. Слушай, когда мы доберемся до дома, ты позовешь этого факира во двор. Он искусен?

— Чудеса делает — страшно глядеть!

— Тем лучше, я не прочь лично удостовериться в его искусстве. Ты понял меня?

— Так точно, ваше сиятельство.

Не без ропота толпа расступилась перед лошадьми; граф и его провожатые проехали осторожно, чтобы никого не задеть, и дон Фернандо попал наконец к себе домой.

Он сошел с лошади и приказал Мигелю, который выбежал к нему навстречу, поставить стулья на веранде, потом быстро направился в свои комнаты и переменял великолепный костюм на менее пышный, но изящного покроя и отличного вкуса.

Он еще не успел переодеться, как вошел Юлиан и доложил, что приказание его сиятельства исполнено и Каскабель ждет во дворе его распоряжений.

Вскоре дон Фернандо появился на веранде и сел, окруженный своими слугами.

В течение двух-трех минут глаза молодого человека внимательно изучали индейца, который, скрестив руки на груди и опустив лицо с бегающими глазами, стоял в десяти шагах от веранды возле своего худого и ободранного мула, навьюченного разнообразными корзинами необычной формы.

Вероятно, дону Фернандо пришла в голову какая-то мысль, потому что он внезапно улыбнулся и знаком поздравил к себе индейца.

Безобразный заклинатель змей подошел и неловко поклонился, вертя в грязных руках служивший ему головным убором уродливый обрывок чего-то, что некогда могло быть шляпой.

— Кто ты, негодяй? — спросил граф.

— С вашего позволения, сиятельный граф, я — бедный индеец.

— Я не о том спрашиваю, это и так видно.

— Я честный человек, ваше сиятельство, и хорошо известен...

— В Сеуте и других подобных местах?.. — резко перебил его граф.

— Ваше сиятельство, — заискивающе возразил индеец, — свет так зол! У кого из нас нет врагов? Можно попасть на галеры его католического величества короля Филиппа Четвертого и все-таки не быть ни вором, ни убийцей.

Дон Фернандо не имел понятия об истории этого человека. Он упомянул о Сеуте наугад, по одному его виду висельника. При неожиданной удаче, которой совершенно не ожидал, он невольно заинтересовался и принял решение продолжать этот странный допрос.

— Кроме воровства и убийства есть проступки, заслуживающие примерного наказания.

— Раб не волен в своих действиях, ваше сиятельство, он обязан повиноваться господину.

— Только в известных пределах, — строго сказал граф, — и господин, не опозорив себя, не может доводить своей власти до того, чтобы приказывать...

— Похищение! Да, вот моя вина! Но что мог сделать я — ничтожный, презренный раб? Сам господин мой был орудием человека, власть которого не знала границ... Девушка была похищена, это правда...

— Вместе с матерью, — глухим голосом перебил дон Фернандо.

Индеец в ужасе поднял голову.

— А! Вы все знаете, ваше сиятельство! — вскричал он задыхающимся голосом.

— И еще многое другое. Что случилось с этими двумя женщинами?

Индеец опустил голову и ничего не ответил.

— Будешь ты говорить, презренный?

— Я не знаю, — нерешительно сказал Каскабель. — Тотчас после похищения я был арестован и перевезен в Сеуту...

— Откуда ты сбежал!

— Нет, ваше сиятельство; некий пожелавший остаться неизвестным доброжелатель снабдил меня средствами, чтобы я мог перебраться в Америку, когда после двух лет мук и страданий губернатор Сеуты велел однажды привести меня к себе и объявил, что я волен дать себя повесить, где хочу.

— И ты не знаешь имени великодушного человека, который выручил тебя?

— Я всегда думал, что это мой прежний господин; быть может, он женился на девушке, которую я помог ему похитить, и потому, больше не опасаясь, что я кому-то что-либо открою, наконец сжалился надо мной.

— Это возможно, хотя и не очень вероятно. Как звали твоего господина?

— Имени его я никогда не знал, ваше сиятельство... впрочем, вам оно наверняка хорошо известно.

— Я хочу удостовериться, что ты не лжешь.

— Ваше сиятельство, с тех пор прошло уже двадцать лет, своим примерным поведением я старался загладить ошибки молодости и забыть о них; память у меня плохая, ум слабеет, я ничего не помню, напрасный труд расспрашивать меня дальше.

Слова эти были сказаны тоном низкого раболепства и коварной иронии, заставившим молодого человека призадуматься, однако он счел за лучшее промолчать.

— А имя свое ты знаешь? — спросил он.

— Прозвище, по крайней мере, знаю, ваше сиятельство, — меня здесь все называют Каскабелем.

— Что ты умеешь делать?

— Желаете взглянуть на мое искусство, сиятельный граф?

— Да, мне наговорили о тебе столько чудес, что я сам хочу судить о них, раз уж случай привел тебя сюда.

— Каждый живет своим ремеслом, сиятельный граф.

— Что ты хочешь сказать?

— О! Ваше сиятельство так щедры, что я даже и настаивать не буду.

— Я понял. Вот, возьми! — И он бросил унцию, которую индеец подхватил на лету и сунул в карман с довольной улыбкой орангутанга.

— Останетесь довольны мной, ваше сиятельство, — сказал индеец с почтительным поклоном.

Он снял корзины с мула и поставил их на землю, сделав рукой знак, чтобы любопытные, собравшиеся кучкой вокруг него, расступились.

— Отодвиньтесь, сеньоры, — велел он, — освободите мне свободное место, через минуту каждому, кто находится рядом со мной, будет грозить смерть!

Предостережение произвело желаемое действие, особенно благодаря насмешливому тону, свойственному этому странному человеку: обступавшие его люди разом отпрянули на почтительную дистанцию.

Безобразное лицо индейца скривилось в злобной усмешке при виде этой поспешности.

Он нагнулся, снял крышку с одной из корзины достал оттуда барабан из обожженной формовой земли, с виду напоминающий котел, с отверстием, обтянутым кожей мустанга, длинную дудку из бамбука, имеющую всего три отверстия, и, наконец, большой круглый ящик с железными обручами, просвечивающий насквозь из-за просверленных в нем дыр.

После этих приготовлений индеец опять обратился к присутствующим.

— Сеньоры, — сказал он, но на этот раз серьезным тоном, свидетельствовавшим о важности, которую он приписывал своему предостережению, — именем вашей собственной жизни и веры в благодать Божию умоляю вас, дабы не случилось ужасного несчастья, в течение всего моего представления молчать и не шевелиться. Одно слово, малейшее невольное движение — и вас ждет гибель!

— Полно, болтун, — усмехаясь, остановил его дон Фернандо, — не беспокойся, желание твое будет исполнено.

— О! Вы, вельможи, вечно над всем смеетесь, — с горечью произнес индеец.

— Будешь ты начинать или нет?!

— Сейчас, ваше сиятельство... Теперь прошу всех молчать, если не для вас, то для меня — ведь самой большой опасности подвергаюсь я.

Воцарилось полное молчание.

Каскабель вынул из рта жвачку из коки, которую туземцы постоянно держат за щекой, и тщательно засунул ее за пояс.

Кока — лиана, произрастающая в Южной Америке. Ее листья обрывают и сушат; если же необходимо приготовить их к употреблению, то берут небольшое количество негашеной извести и кусочек пемзы, все вместе скатывают в виде шарика и кладут за щеку. Индейцы уверяют, что кока заставляет их забывать о сне, голоде, жажде, усталости; три, четыре, даже пять дней они могут не пить, не есть, не спать и при этом даже не испытывать утомления.

Во время своего пребывания в Перу, желая удостовериться в истинности такого фантастического, как мне казалось, действия этого растения, я, не колеблясь, на себе несколько раз испытал эти чудотворные свойства коки.

Опыт привел меня к заключению, которое я, впрочем, уже предвидел, что кока, подобно бетелю¹ и табаку, который жуют наши матросы и солдаты, является лишь средством для временного облегчения, полезным, даже необходимым отвлечением при долгом тяжелом труде или продолжительном ожидании, но все его действие ограничивается тем, что машинальный процесс постоянного жевания освежает рот и заставляет выделяться слюну. Жуя коку, бетель или табак, человек может целый день оставаться без пищи и питья, даже сна, но по прошествии определенного количества времени даже богатырь не выдержит дольше.

Есть ученые или, вернее, мнимые ученые, которые направо и налево разглагольствуют о том, что им известно только понаслышке; они-то и приписывают коке чудотворные свойства, основываясь на уверениях краснокожих. Этим достойным мужам, чересчур легковверным, следовало бы предложить сперва испробовать средство на себе и только потом уже всенародно сообщать о результате.

---

¹ Бетель — смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести. Используется как жвачка, возбуждает нервную систему.

Все это является повторением той старой истории о рыбе, которую можно было впустить в лохань, до краев наполненную водой, и при этом не пролить ни капли. Академия, которой этот странный факт был представлен на обсуждение, целую неделю вела прения об удивительном свойстве рыб не увеличивать собой объема воды, в которую они попадают, а, напротив, уменьшать его поглощением.

Господь знает, сколько месяцев еще длились бы эти занимательные рассуждения, если бы один шутник не вздумал пустить рыбу в вышеназванную лохань в присутствии ото-ропевших академиков: вода великолепно полилась через края, ученые мужи убедились, что их подняли на смех, и разошлись пристыженные; тем и делу конец.

Это вполне применимо и к коке.

Однако вернемся все-таки к Каскабелю. Он сел на землю шагах в десяти позади ящика, о котором мы говорили, поджал под себя ноги и, приложив к губам дудку, извлек парую другую чрезвычайно нежных звуков.

При этом первом призыве крышка ящика слегка зашевелилась и опять застыла в неподвижности. Каскабель повторил звуки, но резче и громче, однако результат оказался тем же самым.

Индеец поставил перед собой барабан, схватил трость и в то время, как снова извлек две ноты из дудки, сильно ударил по барабану. Тотчас же крышка отлетела далеко в сторону, точно движимая пружиной, и из ящика взвилась громадная змея.

Отвратительное пресмыкающееся, желтое с коричневыми пятнами, откинувшись телом назад и выгнув шею дугой, словно лебедь, раскачивалось в направлении индейца, который подходил, то протягивая к нему руку, вооруженную тростью, то отводя ее назад, а змея, как уже было сказано, мерным и тихим движением качала своей плоской треугольной головой, весьма напоминающей острие копья.

Чудовище это, как мы уже сказали, ¹ имело голову треугольной формы и достигало семи футов в длину; туловище его посередине было толщиной с руку человека рослого и плотно сложенного. Подобные гадины, заметим мимоходом, опасны не менее, чем гремучие змеи.

---

¹ Ф у т равен приблизительно 30,5 см.

В течение нескольких минут краснокожий заставлял колебаться у самого своего лица плоскую голову пресмыкающегося, которое вытянулось почти во всю длину, стоя на нижней части туловища.

При всей своей отваге присутствующие не нуждались теперь в предостережении не двигаться и не говорить: вид этого ужасного зрелища заставил их оцепенеть и сковал им язык.

Внезапно Каскабель опустил руку с тростью, и змея мгновенно упала в ящик, свернувшись кольцом, посреди которого возвышалась ее чудовищная голова с желтыми глазами, устремленными на хозяина.

Индеец достал из кармана горсть сухих листьев и рассыпал их по земле перед собой, после чего сильно ударил по барабану.

— Хосе, подлый раб, — крикнул он, — сейчас же очисти это место!

Змея немедленно потянулась из ящика, стала разворачивать свои могучие кольца и поползла к тому месту, где лежали листья. Опять свернувшись в клубок, она быстрым движением хвоста разметала листву направо и налево, так что и следа не осталось.

— Ты добрый малый, Хосе, и слуга превосходный, я доволен тобой, — продолжал краснокожий, — иди, поцелуй хозяина, мой верный товарищ.

Он протянул к пресмыкающемуся совершенно обнаженную правую руку, змея поднялась по ней, издала тихий с переливами свист и медленно обвилась вокруг шеи индейца, потом приподняла свою плоскую голову и раздвоенным языком стала касаться его лица.

Эта кошмарная ласка длилась добрых две-три минуты, к неописуемому ужасу зрителей, которых эта странная сцена просто леденила. Наконец индеец осторожно взял змею за голову, медленно развил бесчисленные кольца, которыми она обвилась вокруг его шеи, и заставил лечь у своих ног, где она оставалась неподвижна, вероятно измученная всем, что ей пришлось проделывать.

Тут Каскабель взял пресмыкающееся за шею, с трудом приподнял и едва дотащил, между тем как хвост волочился по земле, до ящика, куда тщательно уложил его, свернув кольцами, после чего наглухо закрыл крышку.

Краснокожий подошел к дону Фернандо и остановился против него на расстоянии двух футов; распахнув рубашку,

он достал мешочек, висящий у него на шее на крепкой кожаной плетенке.

— С вашего позволения, сиятельный граф, — сказал он, — я покажу вам маленькое животное, довольно любопытное.

— Какое?

— Коралловую змею.

— Ага, и эта змея опасна? — осведомился молодой человек с притворным равнодушием.

— Еще бы, — посмеиваясь, ответил краснокожий, — укусы коралловой змеи приводят к смерти менее чем за два часа.

— Но против ее яда есть какое-нибудь средство?

— Наверное, существует, ваше сиятельство, но пока что еще не открыто.

— Так ты, должно быть, вырвал у нее все ядовитые зубы, чтобы она была безвредна?

— Сейчас сами увидите, если желаете, сиятельный граф.

— Почему же нет; уж не хочешь ли ты, чего доброго, напугать меня своими рассказами, негодяй?

— Вы не должны предполагать подобной дерзости с моей стороны.

— Так показывай своего гада без дальнейших разглагольствований, вот тебе еще унция.

С этими словами он бросил монету. Краснокожий подхватил ее так же ловко, как и первую, и в следующий миг она уже исчезла в его кармане.

— Да благословит вас Бог, сиятельный граф, — вскричал он, — вот моя змейка, только не подходите ко мне близко!

Раскрыв мешочек, он запустил в него руку и извлек оттуда за кончик хвоста змею. Она была дюймов¹ в пятнадцать длиной, бледно-розового цвета с фиолетовыми полосками. Едва она очутилась на свету, как взвилась с бешеным шипением и откинула голову назад, точно хотела броситься на державшего ее индейца.

Тот, ничуть не испуганный таким грозным поведением змеи, как-то по-особому засвистел, поднес ее к своему лицу, черты которого мгновенно приняли напряженное, страшное выражение, и вперил взгляд в глаза пресмыкающегося.

Безмолвная борьба между животным и человеком длилась целую минуту, но в конце концов змея оказалась побежден-

---

¹ Д ю й м равен приблизительно 2,5 см.

ной; под влиянием горящего, пристального взгляда она при-
смирела, стала медленно опускаться, свертываясь кольцами,
и наконец спрятала голову.

Каскабель усмехнулся с видом торжества, медленно под-
нес змею к губам, продолжая держать за хвост, и вдруг
вложил ее к себе в рот.

Целую минуту она оставалась во рту индейца, когда же тот
вынул ее, она повисла, точно мертвая, в руках своего хозяина.

— Сейчас вы удостоверитесь, ваше сиятельство, — сказал
Каскабель со своей вечной злой усмешкой, которая в эту
минуту казалась особенно зловещей, — так ли безвредна эта
змея, как вы полагали, и может ли каждый справиться с ней
так же легко и безнаказанно, как я. Извольте взглянуть,
ваше сиятельство, зрелище стоит того, клянусь вам!

Он дал змее три или четыре щелчка по шее, та вдруг
взвилась, раскрыла пасть, челюсти ее широко раскрылись и
обнажили два ядовитых зуба, торчащие, точно два угрожа-
ющих острия. Зубы эти, полые внутри, сообщаются с ядовы-
делительными железами и поднимаются перпендикулярно
деснам при сокращении жевательного мускула, когда змея
раскрывает пасть, чтобы укусить.

— Чтоскажете об этом, ваше сиятельство? — осведомился
Каскабель. — Вы все еще находите это премилое животное
таким безвредным, каким полагали его сперва?

— О нет! Я сознаю свою ошибку!.. Но каким же способом
ты укрощаешь змей?

— Это моя тайна, ваше сиятельство. Напрасно было бы
настаивать на расспросах, я не могу удовлетворить вашего
любопытства в этом отношении.

Индеец опять положил коралловую змею в мешочек, ко-
торый спрятал под рубаху на груди.

— Эта штука, — продолжал он с чуть заметной насмеш-
кой, — одна из самых удачных, больше мне показывать
нечего, сиятельный граф; довольны ли вы?

— Так доволен, — ответил дон Фернандо со значением, —
что я, может быть, пожелаю увидеть тебя опять. Если мне
придет такая прихоть, где можно тебя найти?

— Везде, ваше сиятельство.

— Это значит — нигде! Смеешься ты надо мной, что ли,
негодяй?

— Ничуть, сиятельный граф, то и дело я брожу по городу и окрестностям, всякий знает меня; я не имею никакого повода скрываться!

— Положим... Пожалуй, я вызову тебя опять.

— Смиренно буду ждать приказаний вашего сиятельства.

Каскабель опять навьючил на мула свои корзины, расклялся с видом насмешливого торжества и медленно вышел на улицу.

— Надо зорко следить за этим молодцом, — сказал дон Фернандо на ухо Мигелю, — у него шпионская рожа, которая мне совсем не по душе.

— За ним будут следить, не беспокойтесь, ваше сиятельство, — ответил буканьер, сопровождая свои слова выразительным жестом.

— Я не хочу, чтобы его убивали! — с живостью воскликнул дон Фернандо. — Он мне еще понадобится!

— Значит, надо только поставить его перед невозможностью вредить.

— Вот именно.

Однако Каскабель, утверждавший, что его можно встретить повсюду, бесследно исчез и, несмотря на самые тщательные поиски, нигде не показывался.

Неудача взбесила Мигеля, дон Фернандо же она заставила призадуматься не на шутку.

ГЛАВА II

Как Пьер Легран взялся за дело, чтобы овладеть островом Санта-Каталина

озвратимся теперь к флибустьерскому флоту, который мы оставили после того, как он торжественно снялся с якоря в Пор-де-Пе, медленно вышел в открытое море и исчез из вида на горизонте.

Часам к пяти пополудни земля окончательно скрылась из глаз флибустьеров, однако до заката солнца все суда держались вместе.

Две испанские каравеллы, посланные, по всей вероятности, наблюдать за передвижениями Береговых братьев, неосторожно подошли слишком близко и были захвачены в плен.

Это были маленькие береговые суда с четырьмя камнеметными мортирами и экипажем в десять человек каждое.

Два небольших отряда Береговых братьев перешли на каравеллы, которые должны были следовать за флотом.

Эти легкие суда имели неглубокую осадку и потому были неоценимы для разведки вблизи вражеских берегов.

Испанцев перевели на адмиральский корабль, и по знаку Монбара они были мигом вздернуты на реях — к великой радости буканьеров, но, разумеется, далеко не к радости бедняг, которым суждено было играть главную роль в этом роковом представлении.

Таким образом вели между собой войну испанцы и флибустьеры, действия были одинаковы с обеих сторон; «взят — значит, повешен» — эта грозная поговорка осуществлялась во всей своей силе.

Недаром Монбар был прозван Губителем: он питал к испанцам такую ожесточенную и глубокую ненависть, что тот из них, кого несчастная звезда приводила к нему в руки, неминуемо оказывался вздернутым на рее. Никогда еще он не помиловал ни одного пленника. Каждый раз, когда он возвращался с крейсерства в Пор-Марго или Пор-де-Пе, корабли его были увешаны, точно гирляндами, мертвыми телами врагов, раскачивающимися над палубой.

Незадолго до заката солнца на адмиральском корабле был поднят сигнальный флаг; по этому знаку флот немедленно распался на части, и каждая эскадра пошла к месту своего назначения.

Адмирал продолжал двигаться к Сан-Хуану.

Морган со второй эскадрой повернул к Пуэрто-Белью.

Наконец, третья эскадра под командой Пьера Леграна, придерживаясь ветра, направилась к острову Санта-Каталина, которым ей приказано было овладеть.

Мы последуем за этой эскадрой, поручение которой было если не самым опасным, то, во всяком случае, самым важным.

Остров Санта-Каталина, который не следует путать с тем, что находится у берегов Бразилии, по-видимому, совсем не известен нашим ученым географам; по крайней мере, о нем не упоминает ни один из них. Этот остров находится у берегов Коста-Рики, приблизительно в тридцати милях от реки Чагрес на 12 градусах 30 минутах северной широты.

Монбар выбрал его местом снабжения флота съестными припасами из-за близости к пункту, который он хотел занять; лучше выбора нельзя было сделать ни в каком отношении.

Казалось только, что овладеть им будет весьма трудно.

В то время, к которому относится наш рассказ, остров Санта-Каталина защищался четырьмя хорошо укрепленными каменными фортами и несколькими усиленными батареями.

Возле Санта-Каталины находился остров поменьше и соединялся с ним мостом, который легко было разрушить. Островок этот, следовательно, образовывал, так сказать, пятый форт — тем грознее, что с него можно было обстреливать рейд и город. Нечего было также думать взять Санта-Каталину голодом: островок в изобилии снабжал город всеми жизненно необходимыми припасами.

Отлично зная, насколько важен для торговли и безопасности колоний в Центральной Америке остров Санта-Каталина, испанцы сильно укрепили его; они разместили там храбрый гарнизон и сделали остров общим складом, местом снабжения припасами всего их флота. Кроме того, там они устроили колонию, куда свозились все преступники, осужденные в заморских владениях Испании.

Этих осужденных заставляли строить укрепления, нагружать и разгружать суда, чинить дороги; в случае нападения им раздавали оружие для усиления обороны.

Вот каков был остров, которым Пьеру Леграну предстояло овладеть.

Одни только флибустьеры могли отдавать подобные приказы и отваживаться исполнять их, используя лишь те слабые средства, которыми располагали.

Ни сам Пьер Легран, ни кто-либо из Береговых братьев, находящихся под его командой, ни на одно мгновение не усомнился в успехе их предприятия.

Впрочем, что бы их ни ждало впереди, как только флибустьеры выступали в экспедицию, они забывали обо всем на свете и ничто уже не могло остановить их.

После десяти дней полного различными событиями плавания флибустьеры заметили на горизонте нечто похожее на серые облачка, что на самом деле, однако, оказалось твердой землей. Эскадра приближалась к цели — острову Санта-Каталина.

Было около половины седьмого вечера. Пьер Легран командовал убрать паруса и лечь в дрейф. Он приказал спустить на воду шлюпку для рекогносцировки и потребовал к себе на корабль своих помощников.

Спустя полчаса в кают-компании вокруг большого стола, уставленного бутылками рома и водки, с табаком и трубками

сидели Пьер Легран, Филипп д'Ожерон, капитан адмиральского корабля, и помощники вице-адмирала, контр-адмиралы Пьер Прямой и Александр Железная Рука.

— Братья! — открыл заседание Пьер Легран. — Вот мы и подошли к острову Санта-Каталина, которым необходимо завладеть. Я не стану обсуждать, возможно ли это, — разумеется, мы должны это сделать!

— Еще бы, черт возьми! — вскричали флибустьеры в один голос. — Да тут не может быть и тени сомнения.

— Стало быть, остается только обсудить, каким образом можем мы разом прибрать к рукам остров и скрутить проклятых испанцев.

— Есть ли у вас какой-нибудь план, адмирал? — спросил Александр Железная Рука.

— Быть может, и есть, но ум хорошо, а два лучше. Я призвал вас, братья, чтобы услышать ваше мнение.

Два контр-адмирала только наклонили головы.

— Вам, Филипп, говорить первому, как младшему по годам и званию.

— Остров доступен только в трех пунктах, — ответил молодой человек. — Я разделил бы эскадру на четыре части, одновременно напал бы на все три пункта и в то же время на всех парусах вошел бы в гавань.

— Теперь вам слово, Пьер Прямой, — сказал председатель совета.

— Я признаю, что план нашего друга и брата Филиппа д'Ожерона весьма смел и, пожалуй, мог бы привести к успеху, — начал Пьер Прямой, — однако нахожу его слишком уж рискованным. Разделить наши силы — значит ослабить их и подвергнуться опасности быть разбитыми по частям. Укрепления островка, господствуя над фортами и батареями большого острова, ограждают их своим огнем. Сперва я занял бы островок, а потом потребовал бы сдачи большого острова, который в этом случае просто не мог бы не сдаться, чтобы спастись от окончательного разрушения.

— Слово за вами, Александр, — хладнокровно сказал председатель.

— Я, адмирал, — отчеканил Александр Железная Рука, — не стал бы выбирать окольных путей, а вошел бы прямо в гавань со всей эскадрой, стал бы на пистолетный выстрел от набережной и с зажженными фитилями потребовал сдачи

острова, а в случае отказа губернатора приступил бы к бомбардировке города, вот и все.

Наступила минута молчания.

Пьер Легран наполнил поочередно стаканы своих товарищей, чокнулся с ними, потом медленно осушил свой стакан и поставил его назад на стол, крикнув от удовольствия.

— Братья, — заговорил он наконец, — во всех ваших планах много хорошего, но по отдельности они не годятся — по моему мнению, по крайней мере. Мы не должны терять времени и давать испанцам возможность опомниться и выяснить, сколько нас; мы должны налететь на них, словно стая коршунов. Мой план совмещает в себе все ваши; сейчас увидите. Прежде всего надо вспомнить, что мы имеем дело с испанцами, то есть с людьми, беспечность которых хорошо известна, чья леность вошла в поговорку, чье нерадение не знает пределов. Испанцы не подозревают о нашей экспедиции — стало быть, они не ожидают нас. Форты их, как они ни прочны и грозны, однако не вооружены или, по крайней мере, вооружены очень плохо, солдаты, составляющие гарнизон, рассеяны по всему городу и окрестностям, пушки, быть может, даже не на лафетах, а боевые снаряды наверняка сложены в глубоких магазинах. Будьте уверены, болсе всего в деле обороны острова испанцы рассчитывают на слухи, которые они сами же и распустили о нем, будто он неприступен. Завтра этот вопрос будет нами решен. Вот как я намерен поступить: этой ночью мы будем лавировать перед островом; месяца нет, нас не заметят. На рассвете мы войдем в гавань, станем на шпринг¹ и откроем адский огонь. Под его прикрытием на берег высадятся восемьсот человек, а тем временем Пьер Прямой с двумя сотнями людей незамтно подберется к островку и захватит его врасплох перед самым восходом солнца. Никаких требований сдачи не надо, просто ядра — и делу конец. Мы должны взять внезапно, с какой стати давать испанцам время приготовиться к обороне? Это было бы нелепо с нашей стороны. Ядра, пули и сабельные удары — нет вернее средства быстро покончить с этим делом. Если все удастся, то мы наверняка возьмем

---

¹ Постановку на шпринг выполняют при помощи особого якорного устройства того же наименования, когда необходимо удержать судно в определенном положении по отношению к ветру или течению.

город и прочно засядем на острове. Вот мой план, братья; что вы скажете о нем?

— Он просто-таки библейски прост, — ответил Филипп, улыбаясь.

— Так вы одобряете его?

— Целиком и полностью! — разом заговорили все, кивая головами в знак согласия.

— Значит, решено: возвращайтесь на ваши корабли, братья, и готовьтесь к атаке. Надо действовать смело и дружно, я ручаюсь за успех!

— И мы ручаемся.

— Прекрасно. Итак, до завтра.

Флибустьеры в последний раз чокнулись стаканами, контр-адмиралы отправились обратно на свои суда, и вскоре эскадра двинулась в путь.

Незадолго перед тем лодка, посланная для рекогносцировки, причалила к адмиральскому кораблю. Она захватила рыбака.

По приказанию адмирала, который тотчас же пожелал допросить его, пленника провели в кают-компанию.

То, что предвидел Пьер Легран, оказалось справедливым до мельчайших подробностей. Рыбак, не запираясь, отвечал на искусные расспросы адмирала с тем большей готовностью, что с давних пор знал флибустьеров как людей, до безумия щедро вознаграждающих за оказанную им услугу и в то же время неумолимо жестоких к тем, кто заведомо их обманывал. К тому же этот человек был освобожденным каторжником, для него не существовало таких понятий, как честь, любовь к отечеству, особенно когда речь шла о золоте, которое флибустьер держал перед его глазами, — здесь он готов был продать самого себя.

Как и предполагал Пьер Легран, испанцы находились в полном неведении, они даже не подозревали о флибустьерской экспедиции. Все на острове находилось в страшном хаосе: форты не вооружены, гарнизон наполовину распущен и службы совсем не нес. Магазины, правда, были битком набиты провиантом и всякого рода боеприпасами, но они располагались за чертой города — для ограждения от случайных пожаров — и тем самым в подобном случае, где дорога каждая минута, становились совершенно бесполезны вследствие длительности и затруднений подвоза.

Впрочем, испанцы со свойственной им гордостью и самоуверенностью были убеждены, что флибустьеры никогда не осмелятся напасть на их сильные укрепления.

Итак, флибустьерский адмирал не ошибся ни в чем относительно плана, который изложил на совете.

Казалось бы, подобная нерадивость была невероятна и превосходила все, что говорилось о быстром падении несчастного испанского народа, достойного, однако, во многих отношениях не только жалости, но и сочувствия людей мыслящих, тем не менее история говорит положительно, она не рассуждает, а утверждает, приходится преклоняться перед безапелляционным решением, когда излагаешь факт, к несчастью, как нельзя более достоверный. Изложенное нами здесь происходило точь-в-точь так, как мы передаем это, мы не только не преувеличиваем, но, напротив, стараемся сгладить, так грустно влияет на нас самих мрачная картина, которую мы волей-неволей должны разворачивать перед читателем, дабы показать ему мишурное величие монархии, заставившей одно время дрожать весь мир, однако благодаря шатким основаниям теперь повергнутой в прах из-за невежества, фанатизма и гордости.

Этот бедный, злополучный народ, и способный, и храбрый, доведен до такого низкого умственного и нравственного уровня монахами, деспотизмом и налогами, то есть жадой поживы и золота, что ужаснейший переворот, который даже предвидеть страшно, и тот едва ли выдвинет его на одну высоту с прочими нациями. В испанцах сознательно притупляли все хорошие чувства и старались заменить их одними постыдными страстями, чтобы управлять ими посредством этих страстей и держать их под игом, которое они, подобно сраженному титану, тщетно селятся свергнуть.

Что бы ни говорили, а падение Испании имело началом неумолимый деспотизм звероподобного тирана, чудовища в человеческом образе, известного под именем Филиппа II.

Этот трусливый король, ханжа, гордец, кровопийца и обманщик, имел все дурные наклонности животного и ни одного из малейших добрых качеств человека: положенное им начало распада так и не останавливалось с тех пор в своем развитии. Испания утратила две трети своего населения, оставшая же треть, за исключением некоторых избранных людей, наделенных выдающимися способностями, коснеет в невежестве и самом унижительном варварстве. Неужели

этой прекрасной и плодоносной стране, предоставленной монахам и растлевающему обскурантизму, суждено в силу божественного права превратиться в пустыню?

Это тайна Провидения.

После продолжительного допроса адмирал, оставшись доволен откровенными ответами рыбака, дал ему пятнадцать унций, что составляло целое состояние для такого бедняка, и передал его в руки Филиппу д'Ожерону с предписанием бдительно караулить и не возвращать ему свободы, пока остров не окажется во власти Береговых братьев.

Рыбак, однако, и не думал бежать, напротив, он предпочитал сойти на берег только когда все уже свершится, не без основания опасаясь, что продолжительная его отлучка и внезапное возвращение могут привести к разным нежелательным предположениям. Не заставляя просить себя дважды, он лег, где ему указали, тщательно спрятав в пояс полученное золото, и заснул сном праведника.

Разве золото не лучшее целебное средство для трусливой совести?

Всю ночь эскадра лавировала неподалеку от острова, постепенно, однако, приближаясь к нему при каждом повороте, и за час до восхода солнца Береговые братья находились на расстоянии чуть не в половину пушечного выстрела от большого и прекрасного рейда Санта-Каталины, куда намеревались войти с такой неслыханной дерзостью.

Исполнив этот маневр, матросы получили десять минут на завтрак. Стояла крошечная тьма; шел четвертый час утра.

Были сделаны последние приготовления к атаке: шлюпки спустили на воду, и в них разместился десант. Постепенно каждая из них зашла за корму того судна, к которому принадлежала и которое должно было привести ее на буксире на рейд.

Две легкие лодки отделились от адмиральского судна и тихо направились ко входу в порт, чтобы удостовериться, натянута ли цепь для преграждения доступа кораблей.

В то же мгновение десять лодок с уключинами, обернутыми ветошью, битком набитые людьми, отделились от судов, находящихся в подчинении Пьера Прямого, и пошли на веслах в сторону маленького островка.

В лодках находились двести человек, а направлялись они захватить врасплох тысячу шестьсот!

Если бы то, о чем мы намерены рассказать, не было подтверждено самым положительным образом всеми историками, быть может, мы не решились бы описать этот подвиг безумной отваги, настолько он кажется невероятен, смел и необычен и изобилует такими странными случайностями, ясно показывающими, до какой степени может доходить беспечность некоторых правителей.

Лодки достигли узкого пролива, которым замыкался рейд. Ночь стояла темная, лодки шли очень осторожно. Караула нигде не оказывалось; флибустьеры преспокойно пристали к берегу, одни — справа, другие — слева от входа в гавань, взошли на набережную, где были закреплены концы цепи, отцепили их одновременно с той и другой стороны и, надвизав кабельтовым¹, без малейшего шума опустили в море.

Но тут Береговых братьев осенила внезапная мысль. Случайно они заметили, что небольшие двери внизу фортов, защищающих пролив, даже не затворены. Лодки поспешили назад к адмиральскому судну, отчитались в выполнении возложенного на них поручения и сообщили о своем открытии.

Пьер Легран тотчас решил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы мигом захватить форты.

Десять хорошо вооруженных лодок под начальством Филиппа д'Ожерона и самого Пьера Леграна направились к проливу и разделились на две части, каждая в сто человек, которые одновременно подошли к обоим фортам.

Смелое нападение вышло удачнее, чем могли надеяться сами флибустьеры: испанцы были абсолютно уверены, что бояться им нечего, а потому форты оказались чуть ли не пустыми, в них едва набралось по сотне человек гарнизона, который был застигнут спящим и потому побежден в мгновение ока. Остальная часть гарнизона находилась вне крепостных стен. Форты взяли без единого выстрела.

Всех захваченных в плен испанцев повесили, так как пленники связали бы флибустьеров по рукам и ногам. Кроме того, решившись на отчаянную попытку, Береговые братья хотели жесткими мерами с самого начала приступа внушить неприятелю сильный страх.

В каждом из фортов был оставлен гарнизон, пушки обращены на город, тела несчастных испанцев вывешены рядами

---

¹ Кабельтов — здесь: трос, канат.

на всеобщее обозрение снаружи стены, после чего адмирал с командиром корабля вернулись на свое судно.

Из четырех фортов, защищавших большой остров, два уже находились во власти флибустьеров, форт на островке также, по всей вероятности, не замедлит сдаться отряду, посланному Пьером Прямым; следовательно, оставалось овладеть всего двумя фортами и городом, а это действительно было пустяковым делом для людей, которых не страшила никакая опасность, не могла остановить никакая преграда.

Начало экспедиции предвещало удачу, только не следовало терять ни минуты: опаловые полосы уже пролегли на небосклоне и понемногу загорались багряным отливом, небо светлело с каждой минутой, ночные звезды меркли одна за другой, и вскоре солнце должно было рассеять мрак.

Адмирал дал сигнал к атаке.

Эскадра разом вошла в рейд и заняла его весь, суда вытянулись в одну линию и стали на шпринг.

Между тем лодки обрубали канаты, которыми были прикреплены к судам, и на веслах пошли к городу. На лодках находилось до тысячи двухсот человек.

В ту самую минуту, когда солнце величественно поднималось из-за горизонта, громовой залп с продолжительными раскатами грянул над городом, и на него дождем посыпались ядра.

Отчаянные крики тысячи двухсот человек зловещим отголоском отзывались на грохот орудий, и флибустьеры ринулись на город разом со всех сторон, небольшими отрядами в сорок-пятьдесят человек.

Два форта у входа на рейд почти одновременно с фортом на маленьком островке присоединились к общей бомбардировке и накрыли Санта-Каталину градом ядер.

Сражение вмиг приняло ужасающие размеры.

Никакими словами нельзя передать испуга и оцепенения испанцев, когда при внезапном пробуждении они увидели, что окружены значительными силами и уже почти находятся во власти своих грозных и неумолимых врагов — флибустьеров.

Наступило страшное смятение, сущий хаос, над которым преобладала неудержимая паника; все бежали, сами не зная зачем и куда.

Флибустьеры являлись повсюду, поджигали дома и безжалостно убивали несчастных жителей, которые спросонья, полуодетые, спасались бегством из своих пылающих жи-

лиц. Женщины, дети, старцы — никто не был пощажен слепой яростью Береговых братьев.

Однако вскоре население, доведенное до отчаяния, устроило отпор неприятелю.

Несколько храбрецов смело бросились вперед и принялись защищаться, предпочитая скорее дать убить себя в сражении, чем быть постыдно изрубленными, не оказав никакого отпора.

Губернатор дон Себастьян Коронель, старый воин безупречной храбрости, с помощью нескольких преданных офицеров собрал гарнизон, который пребывал в состоянии паники, присоединил к нему волонтеров из городских жителей и с этим небольшим войском, поместив посреди него женщин, детей, священников и монахинь, словом всех, кто был не в состоянии защищаться, начал медленное упорядоченное отступление под огнем флибустьеров, которые невольно испытывали благоговейное удивление при виде этого зрелища.

Ценой громадных жертв, оставляя за собой на каждом шагу груды тел, но не давая флибустьерам врезаться в свои ряды, так что их ярость бессильно разбивалась о холодный и героический отпор испанцев, дону Себастьяну удалось после двух часов страшной борьбы ввести целым и невредимым в два форта, еще не занятых неприятелем, большую часть населения города и самому запереться в них со своим небольшим отрядом, признавая невозможным бой на открытом месте, но твердо решившись защищаться до последней капли крови и сдаться только на почетных условиях.

Отдельно взятые испанцы все одинаковы: они храбры до безумства, умны и энергичны. Плохи в Испании только учреждения; измените их — и страна спасена, в людях недостатка не будет, это доказывает история.

Флибустьеры, знатоки по части геройства, даровали губернатору больше, чем то, на что он смел надеяться.

Ему было позволено перебраться на материк со своим отрядом и теми из жителей, которые пожелают следовать за ним; остальным даровали жизнь и даже пощадили их имущество, разумеется, ценой громадной военной контрибуции.

Береговые братья были вне себя от восторга: успех превзошел все их ожидания, они завоевали практически без борьбы несметные богатства. Атака была произведена так быстро и дружно, что флибустьеры потеряли не более тридцати человек, и то во время героического отступления дона Себастьяна Коронеля.

В тот же вечер губернатор с испанскими солдатами сели на старые суда и направились к материку, а жители вернулись в свои полуразрушенные жилища и в городе наконец водворилась тишина.

Не теряя ни минуты, Пьер Легран принялся за вторую часть своего поручения: он осмотрел арсеналы и магазины, нашел их полными и приступил к приготовлениям для снабжения флота всем необходимым.

По прошествии двух-трех дней вид города совершенно изменился: флибустьеры, которые, впрочем, жили в довольно добром согласии с городскими жителями, привнесли лихорадочную деятельность в этот уголок земли, который под их неодолимым влиянием как будто внезапно пробудился от долгого и тяжелого сна.

ГЛАВА III

Дон Хесус Ордоньес и дон Пабло Сандоваль воображают, что заключили выгодную сделку

ока флибустьерский флот такими смелыми действиями открывал свою великую экспедицию против самого, пожалуй, важного для испанцев города в Америке, в Панаме происходило несколько событий, о которых мы обязаны поведать читателю.

Граф дон Фернандо де Кастель-Морено, которому мы во избежание недоразумений вернем его имя в среде Береговых братьев, заканчивал свой завтрак вместе с Тихим Ветерком, Мигелем Баском, Бартелеми и еще несколькими флибустьерами. Усердно наполняя стаканы, собеседники скоро развеселились и уже принялись говорить все разом, не слушая друг друга, когда дверь столовой отворилась и вошел Шелковинка.

Паж приблизился к Прекрасному Лорану и что-то сказал ему на ухо. Тотчас же лицо молодого человека совершенно изменилось, он встал и обратился к приятелям:

— Пейте и курите, сколько душе угодно, друзья, но не шумите; мне сейчас доложили о важном посещении, я ухожу.

— Будь спокоен, — ответил Тихий Ветерок за всех, — если твои гости не подойдут слишком близко к этой зале, никто не заподозрит нашего присутствия здесь, ручаюсь тебе головой.

— Очень хорошо.

С этими словами Лоран вышел из столовой и направился к парадной гостиной.

Там его ждали двое.

Это были дон Хесус Ордоньес и капитан Сандоваль.

— Чего-нибудь освежительного! — приказал Лоран своему пажу и любезно раскланялся с гостями.

Юлиан, или Шелковинка, почти мгновенно вернулся со слугой, который нес за ним поднос со всякого рода угощениями. Поставив его на стол, слуга вместе с пажом по знаку хозяина удалились.

— Сеньоры, — с величайшей вежливостью обратился молодой человек к посетителям, — перед вами на столе табак, сигары, листы бумаги и маиса, огонь в жаровне, в бутылках старый ром и водка, в вазах шербет и мороженое; прошу оказать честь.

— Вы нас смущаете, граф... — начал было дон Хесус.

— И слушать ничего не хочу! — с живостью перебил Прекрасный Лоран. — Прошу вас выбирать по вкусу.

— Вы осыпаете нас милостями, — заметил капитан.

— Разве это не наш старый кастильский обычай, господа? Я со своей стороны нахожу его замечательным в том отношении, что каждый чувствует себя свободным и таким образом исчезает всякая принужденность. Стоит вместе выпить и покурить, и холодный этикет сменится полным доверием, а разговор будет вестись откровеннее.

Два гостя поклонились, как бы признавая справедливость приведенного хозяином довода, и без дальних околичностей взяли каждый по мороженому и закурили по настоящей гаванской сигаре. Прекрасный Лоран последовал их примеру и спустя минуту продолжал:

— А теперь, господа, если вам угодно будет сообщить мне, чему я обязан вашим любезным посещением, то я готов слушать.

— Кхм! — прочистил горло дон Хесус и улыбнулся. — Хотя причина действительно очень важная, граф, ее, признаться, чрезвычайно трудно сообщить.

— Полноте! — засмеялся молодой человек. — Испанский язык, благодарение Богу, один из самых богатых в числе многих языков нашей старой Европы; если владеть им как следует, можно сказать все, что хочешь.

— Вы полагаете?

— Убежден в этом.

— Во-первых, граф, — начал капитан, — не позволите ли вы мне задать вам вопрос?

— Хоть десять, если желаете, черт возьми!

— Нет, всего один, но с условием, что вы ответите откровенно.

— Это мой обычай, сеньор, окольные пути ненавистны мне во всем.

— Тогда все отлично. Какого вы мнения, граф, о контрабанде?

— Вы ведь желаете, чтобы я говорил откровенно?

— Разумеется.

— Мы будем очень рады слышать мнение о таком важном предмете человека столь просвещенного, как вы, граф, — прибавил дон Хесус.

— Да, вопрос важный, господа. Если бы мы не были испанцами и находились во Франции, Германии или Англии, где бы то ни было, только не здесь, я ответил бы вам, что нахожу контрабанду преступлением, как кражу у государства без пользы для частных лиц, воображающих, что дешево получают хороший товар, а между тем, по большей части, платят гораздо дороже настоящей стоимости за товар плохой и даже бракованный.

— Да, граф, — возразил дон Хесус, — так вы ответили бы нам во Франции, в Англии или в Голландии, но я замечу вам, что мы испанцы и находимся в Америке.

— В этом случае ответ мой будет совсем не такой, — улыбаясь, сказал хозяин.

— Ага! Посмотрим, каков он! — с живостью вскричали посетители в один голос и придвинулись ближе.

— Испанская Америка, — продолжал молодой человек, — заключает в себе несметные богатства. К несчастью, правительство захватило в свои руки всю торговлю колоний и под страхом строжайшего наказания отстраняет все чужие страны. Это неполитичное запрещение, которое убивает торговлю, так как существует она только свободным обменом товаров между народами, неполитичное запрещение это, повторяю, вызывает в колониях болезненный застой, который по прошествии известного срока повергнет их в нищету, а там уже ничто не будет в состоянии заставить их подняться.

— Это очевидно, — вставил слово капитан Сандоваль.

— Торговля, — продолжал Лоран, — распространяется и процветает только при наличии конкуренции, без нее она

гибнет, колонии вынуждены сбывать свои товары одной Испании, которая берет с них несоразмерные налоги и одна пользуется богатствами, приобретенными ею, так сказать, задаром трудами населения, которое она безжалостно разоряет, тяготея над ним всей своей скупостью и жадностью.

— Все это очень справедливо, — опять заметил капитан.

— Торговец, у которого один-единственный покупатель, и то обязательный, должен принимать его условия, какими бы они ни были, чтобы товар не сгнил у него в руках и дабы не подвергнуться разорению. Это, к несчастью, также факт неоспоримый.

— Увы! — откликнулся дон Хесус.

— Все это истинная правда, — прибавил капитан, — но каково же ваше заключение из всего этого, граф?

— Боже мой, господа, заключение очень просто. Вывод из фактов сделать легко: с одной стороны — разорение вследствие несоразмерных налогов и обязательства продавать только в пользу правительства, с другой — контрабанда, поставленная роковым образом в исключительные условия, становится уже не преступлением, но благодеянием, так как, проводимая с большим размахом, она восстанавливает равновесие в торговле, облегчает участь притесненного населения, создает конкуренцию и в известной степени превращает нищету в довольство, отчасти избавляя колонии от страшных поборов правительства.

— Значит, вы не осуждаете контрабанду? — спросил дон Хесус.

— Кажется, я высказался ясно?

— Конечно, граф, — подтвердил капитан, — вы выразились как нельзя яснее.

— Я ответил откровенно, как вы просили.

— И мы от души благодарим вас, граф.

— Боже мой! — вскричал молодой человек с подкупающей искренностью, улыбаясь самым любезным образом. — Кто знает, не защищал ли я свое собственное дело?

— О-о! — с любопытством воскликнул асиендадо. — Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, любезный дон Хесус, считайте, что я ничего не говорил.

— Однако...

— Ничего, говорю вам, я сболтнул то, чего говорить не следовало.

Посетители со значением переглянулись.

Лоран наблюдал за ними исподтишка, прихлебывая из стакана отличный ром.

— Ей-Богу, граф! — вдруг вскричал дон Хесус, прикидываясь откровенным. — Случай так заманчив, что нельзя им не воспользоваться!.. Угодно вам вести дело начистоту?

— Позвольте вам заметить, господа, — возразил Лоран обиженным тоном, — что я никогда иначе и не действую... впрочем, я вас не совсем понимаю.

— Извините, — с живостью перебил дон Хесус, — с такой особой, как вы, граф, таиться нельзя, лучше говорить прямо, как вы сами только что подали тому пример.

— Что именно это значит?

— То, — объявил капитан, — что, говоря без обиняков, мой приятель дон Хесус Ордоньес и я, мы занимаемся контрабандой.

— И вы воображаете, что это для меня новость? — осведомился Лоран с улыбкой.

— Как?! Вы знали? — вскричал асиендадо, оторопев.

— Нет, но угадал.

— Угадали?

— Мне кажется, тут есть некоторая разница. Помимо всего прочего, одно устройство этого дома могло открыть мне глаза.

— Кхм! — прочистил горло дон Хесус, у которого стало сухо во рту. — Что же вы думаете по этому поводу?

— Думаю, черт побери, что и прежде думал, мой уважаемый гость, — ответил с величайшей любезностью Лоран. — Кто же в этом благословенном краю не занимается контрабандой?

— Да те, казалось бы, кто воздерживается от нее, — наивно возразил дон Хесус.

— Назовите мне троих таких в Панаме, и я готов согласиться с вами.

— Во-первых, вы сами, граф.

— Позвольте! Я не в счет.

— Отчего так?

— Оттого, черт побери, что я не здешний житель, нахожусь в Панаме случайно, и наконец...

— Наконец что?

— Что? Да делаю то же, что и вы!

— Вы занимаетесь контрабандой?

— А позвольте узнать, чем еще можно заниматься в этом проклятом краю? Сам губернатор занимается этим делом, если я не ошибаюсь.

- Правда?
- Не говорил ли я вам, что почти беден?
- Действительно.
- Ну, вот я и стараюсь восстанавливать справедливость, только имею над вами громадное преимущество.
- Ага! Какое, позвольте узнать?
- Как племянник вице-короля Мексики, я ничего не боюсь. Предположив даже, что меня могут захватить с поличным, я все равно выйду сухим из воды. Моя каравелла перевезла Бог весть сколько контрабанды — все иностранные товары, которыми теперь наполнен город, были доставлены ею; судно, которое я поджидаю в Чагесе, нагружено контрабандой снизу доверху, потому-то я так и забочусь о нем и требовал конвоя.
- Сообщение, которым вы нас удостоили, граф, совершенно меняет дело, — заметил дон Хесус.
- В каком смысле?
- В том смысле, что мы хотим сделать вам предложение.
- Посмотрим, что за предложение, любезный дон Хесус; если есть малейшая возможность, я приму его с радостью.
- Вступите в союз с нами.
- Нет, я всегда веду дела в одиночку.
- А!
- Я могу сделать только одно...
- Что же?
- Помогать вам.
- Прекрасно!
- Но с условием.
- Гм!
- Не слишком обременительным. Вы дадите мне шесть процентов от стоимости вашего товара, все равно, будет ли он выгружен мной или нагружен.
- Как видно, граф, вы знаете дело, черт возьми!
- Все надо знать понемногу... Устраивают вас мои условия?
- Как нельзя более, но...
- Пожалуйста, без «но». Просто: да или нет.
- Тогда пусть будет «да».
- Значит, вы принимаете условия?
- Бесспорно.
- И платить будете по сдаче товара?
- Это решено.
- Моя каравелла должна сняться с якоря дней через семь или восемь. Есть у вас товар?

- И даже чрезвычайно ценный.
- Тем лучше, поскольку получу с него больше, — заметил Лоран, смеясь. — Что это за товар?
- Во сколько тонн водоизмещением ваша каравелла?
- В двести пятьдесят.
- Могу я зафрахтовать ее всю?
- Можете. Какой же будет груз?
- Жемчуг, золото слитками и сплюснутая серебряная посуда, все в Лондон.
- Отлично. Позвольте минуту.
- Он позвонил, вошел паж.
- Позвать сюда капитана дона Мельхиора, — приказал Лоран.
- Паж вышел.
- Дон Мельхиор — капитан моей каравеллы, — объяснил Прекрасный Лоран.
- А! Очень хорошо.
- Явился Тихий Ветерок.
- Сеньоры, имею честь представить вам капитана дона Мельхиора; капитан дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, дон Пабло Сандоваль, командир корвета «Жемчужина». Садитесь, любезный капитан, прошу вас, возьмите стакан рому, закуривайте сигару.
- Покорно благодарю, ваше сиятельство, — ответил Тихий Ветерок, садясь.
- Скажите, капитан, ваше судно, кажется, водоизмещением в двести пятьдесят тонн?
- Так точно, ваше сиятельство, но при необходимости оно вынесет тонн пятьдесят или шестьдесят сверх этого — все зависит от нагрузки.
- Очень хорошо. Каков вес товара, принятого вами по моему приказу вчера и сегодня?
- Около семнадцати тонн, ваше сиятельство, я даже специально хотел поговорить с вами на этот счет.
- В чем же дело?
- Вы понимаете, ваше сиятельство, что семнадцать тонн товара для меня все равно, что ничего: прибыль не покроет затрат, я не могу идти с таким фрахтом.
- Вы правы, любезный дон Мельхиор... К счастью, я могу пополнить ваш фрахт.
- Да благословит Бог ваше сиятельство! Где же товар? Могу я сегодня же приступить к погрузке?

— Как вы торопитесь, капитан!

— Простите, граф, но вы не моряк и не знаете требований нашего ремесла.

— Не отрицаю этого.

— Я должен обогнуть мыс Горн, чтобы выйти в Атлантический океан, так как идти придется либо в Англию, либо в Голландию.

— Дальше что?

— Дальше? Кажется, сегодня у нас вторник?

— Ну да.

— Мне надо сняться с якоря самое позднее в субботу.

Лоран обратился к дону Хесусу и его приятелю.

— Что вы скажете на это? — спросил он.

— Это невозможно, — ответили они в один голос.

— Товары сложены на асиенде дель-Райо, — прибавил дон Хесус, — нужен по крайней мере день на переезд туда и три дня на обратный путь, что составляет четверо суток, не считая непредвиденных задержек в пути.

— Кроме того, мне надо быть в Чагресе, что также является еще одной причиной промедления, капитан; выходит, вам нельзя уйти раньше чем через неделю.

— Гм! Это слишком уж долго, ваше сиятельство.

— Это самый минимальный срок, какой требуется.

— Я ручаюсь вам за верных двести пятьдесят тонн, — с живостью вскричал дон Хесус.

— А я обязуюсь конвоировать вас до островов Чилоэ, — прибавил капитан.

— О, тогда делодругое, — ответил Тихий Ветерок с видом ягненка, — признаться, я страшно боюсь хищников-флибустьеров, особенно когда у меня ценный груз.

— Этот груз будет чрезвычайно ценен, — заметил дон Хесус.

— Тем лучше для вас и для меня, сеньор; и я, и вы — мы порядком поживимся! Даете ли вы мне слово конвоировать меня до островов Чилоэ, капитан?

— Клянусь честью дворянина!

— Решено. Вот вам моя рука, сеньор.

Тихий Ветерок пресерьезно протянул дону Хесусу свою похожую на баранью лопатку руку. Асиендадо не побрезговал пожать ее.

— Однако куда же я зафрахтован? — осведомился Тихий Ветерок.

— В Англию и Голландию, капитан. Впрочем, я снабжу вас письмами к лицам, которым посылается товар.

— Прекрасно... но видите ли, сеньоры, дела надо вести как следует. Пока не дан задаток, условия не оговариваются.

— Вижу, что вы истый контрабандист! — весело сказал дон Хесус. — И дело свое знаете.

— Стараюсь, сеньор, надо же жить чем-нибудь.

Дон Хесус вынул из кармана внушительный кошелек, высыпал из него на руку небольшое количество золотых унций и разложил их кучками на столе.

— Вот пятьдесят унций задатка, пересчитайте, любезный капитан, — сказал он.

Тихий Ветерок, не торопясь, пересчитал унции.

— Верно, — объявил он.

— Вы довольны?

— Доволен, сеньор.

— Стало быть, наш уговор состоялся?

— Несомненно, и отступить никому нельзя; только распорядитесь, чтобы все было погружено в понедельник вечером, иначе договор расторгается и вы теряете ваш задаток.

— Я признаю это справедливым, но куда же мне сложить мои товары?

— Это дело ваше, сеньор, мое дело взять их там, где вы укажете.

— Ничего проще быть не может, — сказал Прекрасный Лоран, — все будет сложено здесь, сюда никто не посмеет сунуть нос.

— Ей-Богу, граф, вы не делаете дела наполовину!

— Разве я не обещал вам помощь? Что может быть естественнее?

— Тысячу раз благодарю вас; не сумею выразить моей признательности.

— Полноте, сеньор, подождите конца, чтобы благодарить, — возразил Лоран со странной улыбкой.

— Не правда ли, сеньоры, — начал Тихий Ветерок, — что в понедельник мне будет передан весь товар и вручены письма заказчикам?

— Непременно.

— Очень хорошо; стало быть, мы, сеньор капитан, снимемся с якоря во вторник утром?

— То есть сниметесь с якоря вы, капитан, — уточнил дон Пабло, — мне же надо соблюсти некоторую осторожность: я

выйду в море только в два часа пополудни, нам нельзя вместе выходить из порта.

— Лучше бы вам сняться с якоря в понедельник, капитан, это устранит всякое подозрение.

— Вы правы; действительно, это будет еще благоразумнее, я выйду из гавани в понедельник при заходе солнца.

Тихий Ветерок встал.

— Не будет ли еще каких-нибудь распоряжений, ваше сиятельство? — спросил он.

— Нет, любезный капитан.

— Тогда позвольте мне откланяться, я должен вернуться на каравеллу.

— Как хотите, не стесняйтесь, дон Мельхиор.

— Мое почтение, сеньоры, к вашим услугам.

Гости ответили на его поклон.

Тихий Ветерок вышел.

— Этот молодец, по-видимому, знает свое дело, — заметил дон Хесус.

— Это настоящий моряк, — ответил Лоран с улыбкой, — он счастлив только на своем корабле.

— Я понимаю это, — сказал дон Пабло.

— Однако теперь надо условиться нам, — начал Лоран.

— Действительно, времени остается немного, — согласился дон Хесус.

— Когда мы можем отправляться?

— Завтра, если угодно.

— Положим, завтра, но в котором часу?

— В девять утра — не рано?

— Нет, вовсе не рано.

— Я зайду за вами.

— Буду готов. А вы с нами, капитан?

— Нет, граф, мне необходимо остаться в Панаме.

— Значит, мы будем путешествовать вдвоем?

— Моя дочь поедет с нами, граф.

— Донья Флора! — вскричал молодой человек, невольно вздрогнув.

— Да, ей наскучил город, она хочет вернуться на асиенду; но вы не бойтесь, граф, она отличная наездница и не задержит нас в пути, наш переезд совершится вовремя.

— Мне очень приятно, сеньор, путешествовать с доньей Флорой.

— Поручаю вашим попечениям мою невесту, — смеясь, сказал капитан, — но предупреждаю вас, что она очень капризна.

— Полно, капитан, — в свою очередь рассмеялся Лоран, — как можно жаловаться на то, что является не недостатком, но достоинством в женщине?

— Особенно в таком избалованном ребенке, как моя Флора, — прибавил дон Хесус с добродушным смехом.

Два испанца встали и простились с хозяином, который проводил их до двора.

Посмотрев своим посетителям вслед, пока они не вышли из ворот, Лоран опять направился в столовую.

Береговые братья все еще находились там.

— Ну что? — спросил Тихий Ветерок, как только он показался. — Как, по-твоему, я сыграл свою роль?

— Великолепно! Я был просто поражен, — ответил Лоран, смеясь, — ты не мог отвечать лучше!

— А все по моей милости! — с громким хохотом воскликнул Мигель Баск.

— Как так?

— Видишь ли, разговор ваш что-то слишком уж затянулся, и я решил подслушать.

— Вот блестящая мысль! Признаться, я не знал, как выйти из затруднения, в которое сам себя поставил, я так и дрожал при мысли, что Тихий Ветерок ответит невпопад.

— А я, не будь глуп, предупредил его.

— А что, разве дело и в самом деле состоится? — спросил Тихий Ветерок.

— Великолепное дело, золотое, в четыреста тысяч пиастров с лишним!

— О, какой он достойный человек! — воскликнул Тихий Ветерок с восхищением.

— Да, — крикнул Мигель, — он не прогадает, связавшись с нами, надо сознаться. Все равно, клянусь честью, это дело мастерское, только бы довести его до конца!

— Я сам как на шпильках, — признался Лоран, — давно бы нам следовало иметь известия.

— Успокойся, — возразил Тихий Ветерок, — времени прошло еще немного, тем более что дел у них по горло.

— Положим, но я все-таки очень встревожен.

— Разве ты никого не посылал за известиями?

— Четыре дня назад отправил Хосе в Чагрес.

— Так будьте спокойны, граф, — сказал Мигель Баск. — Если Хосе жив, он скоро вернется, это человек верный и неустрашимый.

В эту самую минуту дверь отворилась и на пороге показался Хосе.

— Благодарю вас, Мигель, — произнес он.

— Ах, мой честный Хосе! — вскричал Лоран. — Наконец-то ты вернулся! Добро пожаловать.

Он подвинул к индейцу стул, на который тот скорее упал, чем сел, так был изнурен.

— Позвольте две минуты, чтобы перевести дух, — сказал он с грустной улыбкой, — и я дам отчет в возложенном на меня поручении.

Все окружили индейца. Береговые братья полюбили его, столько в нем было врожденного величия и простоты, да и со времени их прибытия в Панаму он оказал им неоценимые услуги.

ГЛАВА IV

*Здесь начинает вырисовываться личность
краснокожего проводника Хосе*

олубессознательное состояние от истощения сил, в которое был повергнут проводник, очень встреможило Лорана.

Не раз он мог оценить всю энергию и самоотверженность великодушной натуры вождя. На его глазах индеец совершал подвиги, требующие такой силы и неустрашимости, что Лоран в глубине души не мог допустить, будто одна лишь усталость могла настолько подкосить его силы; вероятно, страшное, раздирающее сердце горе было причиной такого отчаянного состояния духа этого человека.

Облик Хосе не утратил своего обаяния, глаза его были так же ясны и блестящи, лоб гладок, но было видно, сколько он вынес жестоких мук, сколько раз задыхался в борьбе с отчаянием; ошибиться в признаках Лоран не мог.

Движением руки он удалил флибустьеров.

Те немедленно вышли.

В столовой остались только неразлучные с Лораном Тихий Ветерок, Мигель Баск и Бартелеми, от них он тайн не имел.

Вследствие отдыха или укрепляющих средств, которые ему были даны, краснокожий начал понемногу приходить в

себя: он поднял голову, взгляд его перестал быть холодно неподвижным и в нем появился проблеск сознания.

Хосе точно приходил в себя после глубокого сна или длительного обморока, если можно так назвать то состояние, когда мозг человека полностью отключается, в то время как тело его продолжает механически действовать.

— Вы должны презирать меня, сеньоры, — с горечью сказал краснокожий.

— За что? — с участием спросил Лоран.

— Вы считали меня сильным, а я оказался слаб, как женщина.

— Мы жалеем тебя, друг, ведь только жестокое горе могло сломить такую могучую натуру, как твоя.

— Почему вы так думаете, сеньор?

— Я вижу это, друг мой, я чувствую сердцем. Все мы любим тебя и разделяем твоё страдание, но пусть твои тайны остаются неприкосновенными, никто из нас не имеет права стараться проникнуть в них.

— Плох тот друг, кто силой втирается в доверие, — заметил Бартелеми.

Хосе опустил голову на грудь и тяжело вздохнул.

Но почти тотчас он снова выпрямился, и в глазах его сверкнула молния.

— Сеньоры, — сказал он твердым голосом, — настала минута, когда я должен открыть вам все.

— Нелучше ли, мой честный Хосе, — перебил его Лоран, — отложить это до другого раза? Ты еще очень слаб.

— Ошибаетесь, сеньор; напротив, я силен, я поборол свое горе и уже не веду себя как тряпка! Время не терпит, я должен просить вас об услуге.

— Говори, Хосе, мы тебя слушаем.

— Только не здесь, а в вашем тайном кабинете.

— Так пойдем, друг, считай свою просьбу уже исполненной.

— Благодарю вас, капитан. Пойдемте, господа.

Лоран надавил на пружину в стене, потайная дверь отворилась и мгновенно захлопнулась за флибустьерами.

Они очутились в довольно большой комнате с удобной мебелью, как и повсюду в доме.

Все сели.

— Теперь, друг Хосе, говори, мы тебя слушаем, — сказал Лоран.

— Позвольте, капитан, сперва о ваших делах, а о моих после. Я принес вам вести.

— Важные вести? — вскричали в один голос флибустьеры.

— Вы сами увидите, господа. Знайте только, что я все бросил, все забыл, чтобы поскорее сообщить их вам. Сегодня в полночь я отправился из Чагреса и, преодолев сильнейшие затруднения, прошел перешеек за десять часов. Самый быстрый курьер не прибыл бы сюда раньше вечера, если бы вообще прибыл, — заключил он со странной улыбкой.

— О, приятель, ты сильно возбуждаешь мое любопытство, — заметил Тихий Ветерок.

— Говори же скорее, мы все превратились в слух! — с живостью вскричали остальные.

— Слушайте же, сеньоры. Город Пуэрто-Бельо был осажден три дня тому назад флибустьерской эскадрой из двадцати четырех кораблей, город и форты были захвачены врасплох и, несмотря на упорное сопротивление, взяты за четыре часа.

— Это правда, Хосе? — спросил Лоран в порыве восторга.

— Я сам видел, — просто ответил индеец.

— Тогда нечего и сомневаться, — заключил Тихий Ветерок.

— Кто командует эскадрой? — осведомился Бартелеми.

— Морган.

— Морган! — радостно воскликнули флибустьеры.

— Он самый. После взятия города я явился к нему. Морган знает меня, он принял меня отлично, да к тому же у меня были хорошие рекомендации. Отпустив меня, он передал мне два письма к вам, капитан Лоран.

— Два письма?

— Да, одно от Монбара, другое от него.

— И где эти письма?

— Вот они, — сказал Хосе, снимая через голову кожаную сумку, висевшую у него на груди, и передавая ее капитану.

Лоран вынул из сумки два письма.

— Прочтите, — сказал индеец.

— Постой, — возразил капитан, — одну минуту! Каково бы ни было содержание этих писем, я обязуюсь от своего имени и от имени своих друзей — присутствующих и отсутствующих, — что бы ты ни потребовал в награду, исполнить немедленно, не задумываясь, без обиняков и проволочек, и клянусь, Хосе, слово свое я сдержу во что бы то ни стало.

— И мы клянемся! — вскричали флибустьеры.

— Благодарю вас, сеньоры, — сказал индеец с просиявшим лицом, — я запомню ваши слова.

— Теперь слушайте, братья, — продолжал Лоран.
Он развернул одно из писем и стал читать:

Любезный и дорогой Лоран! Я уже почти что отчаялся в возможности дать вам о себе известие, хотя это было необходимо, когда случай или, вернее, счастливая звезда помогла мне встретить нашего друга Хосе, которому мы можем полностью довериться; впрочем, чтобы выразиться точнее, не я встретился с ним, а он отыскал меня. В двух словах сообщаю вам следующий факт: Пуэрто-Бельо в наших руках, я стараюсь укрепиться в нем как можно надежнее, чтобы нам было где укрыться на случай неудачи нашего главного предприятия и, следовательно, отступления. Необходимо иметь наготове убежище для наших кораблей и место для склада запасов. Будьте же настороже, чтобы не ударить в грязь лицом, когда настанет ваша очередь действовать. Теперь я прошу только об одном, но это вопрос первостепенной важности: необходимо во что бы то ни стало суметь перехватить гонцов, которых испанцы наверняка отправят в Панаму с известием об их поражении и с требованием о помощи.

Как вы понимаете, любезный Лоран, необходимо, чтобы наше успешное нападение оставалось в тайне. Я набрасываю эти строки второпях, Хосе страшно торопит нас, справедливо утверждая, что каждая потерянная минута может обернуться страшным бедствием. Более подробные сведения вы найдете в письме Монбара, которое Хосе передаст вам вместе с моим.

Теперь можно надеяться на лучшее, любезный Лоран, испанцы, кажется, не на шутку попались в расставленные нами сети. Дружески пожмите от меня руку нашим друзьям Тихому Ветерку, Бартелеми, Мигелю Баскуи всем другим. Итак, пляска началась, за музыку заплатят испанцы. Простите, что несу вздор, — от радости я совсем обезумел.

Всегда ваш

Морган

Пуэрто-Бельо, апрель 1668 г.

— О-о! Вот так новость! — вскричал Тихий Ветерок.

— Молодец Морган! — сказал Мигель Баск.

— Однако он прав, — заметил Бартелеми, — надо наблюдать за гонцами.

— Но как? — возразил Лоран.

— Не беспокойтесь на этот счет, сеньоры, — вмешался Хосе с тонкой улыбкой, — я принял меры: ни один гонец не проскользнет незамеченным. Что могли бы вы сделать одни в незнакомом вам краю? А мне это было легко, и я все устроил.

— Как же?

— Не беспокойтесь, повторяю вам, сеньоры, — на первый случай довольствуйтесь моим словом, вскоре вы сами все узнаете.

— Пусть так, Хосе.

— Теперь читайте скорее письмо Монбара.

— И то правда. Слушайте же, братья.

Лоран развернул письмо Монбара и тотчас приступил к чтению.

Письмо было следующего содержания:

Дорогой мой брат!

Когда ты получишь это письмо, Пуэрто-Бельо будет в нашей власти.

Морган сообщит тебе все подробности о взятии города, мне же надо потолковать с тобой о другом предмете, не менее важном, — о плане, который мы задумали привести в исполнение. Вот он...

Тут Монбар излагал в самых мельчайших подробностях план, который обсуждали и окончательно утвердили в Порде-Пе. Он давал Лорану отчет о числе судов, составляющих флот, о том, как они были распределены, сколько человек назначалось к высадке, какие действия предписывались каждой эскадре, наконец, где назначался общий сборный пункт. Продолжал он следующим образом:

Когда все эти различные предписания будут исполнены, Пуэрто-Бельо и Санта-Каталина взяты, Чагрес блокирован, а флот собран у Сан-Хуана, тогда наступит твоя очередь, брат, тут-то твой краснокожий проводник Хосе сделается для тебя неоценимым — не только благодаря своему острому уму и безграничной преданности нам, но еще и из-за влияния на своих соотечественников. Это влияние огромно. Если он еще ничего не говорил тебе, я от-

крою тайну, известную мне одному, — настал час сорвать с нее покров...

Лоран остановился и взглянул на Хосе.

— Продолжать, друг, — спросил капитан, — или пропустить строки, очевидно касающиеся одного тебя?

— То, о чем вам пишет Монбар, капитан, — ответил Хосе с улыбкой, — я только что был намерен рассказать сам. Читайте же, это сэкономит нам драгоценное время и избавит меня от длинного рассказа.

— Раз ты желаешь этого, то я продолжаю.

Капитан Лоран снова принялся за чтение:

Я знаю Хосе лет пятнадцать, при первой нашей встрече он спас мне жизнь. Тогда Хосе носил имя Туш-и-Дур-Амг. Он был сыном могущественного вождя многочисленного и грозного племени индейцев валла-ваоз, которое никогда не покорялось испанцам и чуть ли не единственное из всех племен Центральной Америки сумело сохранить свою независимость. Туш-и-Дур-Амг был метисом по матери, испанской креолке, похищенной ребенком в одном из набегов, возвращенной в племя и со временем сделавшейся женой его отца.

Пробыв около года у индейцев валла-ваоз, которые обращались со мной прекрасно, я наконец нашел возможность возвратиться на Тортугу. Расставаясь с моим другом Туш-и-Дур-Амгом, мы обменялись с ним клятвой в вечной дружбе. Прошло пятнадцать лет. Я не имел никаких известий о своем друге и мог только предполагать, что он вполне счастлив. Месяцев пять тому назад мы возвратились из экспедиции в Леоган и стали на якорь. Первым человеком, которого я встретил по прибытии, был он. Я узнал его с первого взгляда, увел к себе и старался отплатить ему в Леогане за гостеприимство, оказанное мне его племенем...

— У Монбара сердце великое, как мир, — перебил индеец с чувством, — он ничего не забывает!

— Мы его братья, — ответил Лоран. — То, что обещает он, исполним и мы. Друг Монбара — наш друг и брат.

— Знаю и благодарю еще раз, но прошу вас читать, время дорого.

Лоран продолжал:

...Много разных событий произошло за пятнадцать лет нашей разлуки. Оказалось, что мой друг был несчастлив и нуждался теперь в моей помощи: отец его умер, враг Туш-и-Дур-Амга из ревности восстановил против него всех негодяев племени и сумел не только помешать его избранию в главные вожди племени под предлогом, что он метис и в жилах его течет испанская кровь, но еще и добился того, что его приговорили к изгнанию с женой и дочерью, прелестной, кроткой девушкой, которую я видел мельком, однако сохранил о ней неизгладимые воспоминания. Хотя и в изгнании, Туш-и-Дур-Амг сохранил дружеские связи со своим племени, и с моей помощью, как он сказал, ему легко будет прогнать того, кто завладел его местом, и занять положение, которое принадлежит ему по праву: индейцы валла-ваоэ только и ждут случая, чтобы перейти на его сторону и восстать.

Что я мог сделать? Я был в бешенстве от своего бессилия и, желая во что бы то ни стало помочь другу, пожалуй, совершил бы непоправимую глупость, как вдруг ты, словно сама судьба, внезапно предоставил мне средство, которого я напрасно искал, предложив нашу пресловутую экспедицию в Панаму, так удачно начатую теперь. Остальное тебе известно. Настало время решительных действий. Надо договориться с Хосе, чтобы племя валла-ваоэ восстало одновременно с нашими действиями, индейцы будут для нас неоценимыми союзниками благодаря своей храбрости и прекрасному знанию местности, где нам предстоит действовать.

Я вполне полагаюсь на тебя и на Хосе относительно мер, которые следует предпринять. То, что вы сделаете, наверняка будет хорошо. Единственно, необходимо наладить между тобой и моей штаб-квартирой постоянную связь, чтобы обоюднo извещать друг друга о каждом шаге и действовать согласованно. Это главное условие успеха.

Даю тебе полномочия поступать так, как считаешь нужным; все, что ты сделаешь, я одобряю заранее. Итак, вперед, и без колебаний!

Кстати, я встретил и забрал с собой Олоне с твоим кораблем и узнал от него о твоей благополучной высадке. До сих пор все идет прекрасно, и в будущем можно рассчитывать на полный успех.

Поручаю твоим попечениям наших старых друзей Мигеля, Бартелеми и других, в особенности нашего друга-индейца.

Всегда любящий тебя брат

Монбар

В море, на адмиральском корабле

Март 1668 г.

Лоран положил письмо и обратился к индейцу:

— Теперь ваша очередь говорить, Туш-и-Дур-Амг, — сказал он улыбаясь, — мы готовы выслушать вас и помогать вам изо всех сил.

— Продолжайте называть меня Хосе: под этим именем вы узнали меня, капитан, и потому оно мне мило.

— Пожалуй, — сказал Лоран, пожав ему руку. — Что ты со своей стороны прибавишь к этому письму? Как оно ни обстоятельно, однако некоторые факты остаются во мраке; чрезвычайно важно, чтобы ты сообщил их нам.

— Вы правы, капитан, я прямо сейчас и приступлю к этому. Враг, который стремился причинить мне вред и — увы! — принес столько зла, известен.

— Мне?

— Это презренный Каскабель, заклинатель змей.

— О! Этот человек просто отвратителен, на его лице лежит печать гнусных свойств души.

— Не всегда он был таким: после моего изгнания из племени его прогнал вождь, которого избрали на мое место, тут он исчез на целых четыре года, и никто не знал, куда он делся или что делал в это время; по возвращении же его нельзя было узнать — так он изуродовал себя по причине, ему одному известной и, надо полагать, связанной с каким-нибудь страшным преступлением. Вернулся он в этот край почти одновременно с доном Хесусом Ордоньесом, в особенности же меня поразила эта странная случайность, когда я вскоре убедился, что эти двое знают друг друга давно. Однажды Каскабель исчез опять, на этот раз его отсутствие длилось еще дольше, но наконец он вернулся, став заклинателем змей.

— И очень даже ловким. Он показывал нам страшные образчики своего искусства.

— Да, я видел.

— Как же ты-то узнал его?

— Провести можно всех, капитан, только не врага. Чтобы узнать его, мне было достаточно одного взгляда, так я и сказал ему.

— Напрасно, этим ты заставил его быть настороже.

— И сам теперь вижу, — со вздохом согласился Хосе, — но поздно, как всегда.

— А ты не знаешь, видится ли он с доном Хесусом по возвращении?

— Часто, они постоянно общаются.

— Странно! Какая связь может существовать между этими двумя людьми?

— Кто знает, не преступление ли?

— Это возможно. Продолжай.

— Что же мне сказать вам еще, капитан? У меня сердце разбито, меня постигло ужаснейшее несчастье.

— Тебя?! — вскричал с участием Лоран.

— Увы! Моя милая дочь, моя Аврора!..

— Что с ней? Договаривай, друг?

— Два дня тому назад я вошел в свою хижину и нашел лишь изувеченные тела троих слуг, моя дочь исчезла.

Индеец закрыл руками лицо и зарыдал.

— Похищена! Кто же презренный похититель?

— Каскабель.

— Он!..

— Я уверен, что он: целых пять часов я шел по его следам, двести человек моих единоплеменников бросились за ним в погоню. Увы! Вернут ли они мне моего ребенка?

— Надейся, брат! Бог за тебя. Но надо торопиться, нельзя терять ни минуты. Ей-Богу, мы спасем бедняжку во что бы то ни стало. Говори, что нам делать?

— Полно, Хосе, — ласково сказал Мигель, — теперь не плакать надо, оставь слезы женщинам и будь мужчиной; мы все станем грудью за тебя, если понадобится.

— Да, вы правы! — вскричал индеец, вскакивая. — Благодарю, что вы заставили меня опомниться. Я отомщу! Капитан, можете вы выделить мне пятнадцать человек?

— Всех, кто со мной здесь, если желаешь!

— Нет, пятнадцати довольно, да и в этом случае я верну вам половину через двое суток: скоро вам самим понадобятся все ваши люди.

— Знаете, ведь завтра я еду на асиенду дель-Райо вместе с доном Хесусом.

— Понятия не имел, но путешествие это совпадает с моими замыслами, это перст Божий! Надежда опять пробуждается в моем сердце. Осуществляя свои планы, вы содействуете и моему делу.

— Каким образом?

— Валла-ваоэ ждут только моего прибытия к ним, чтобы признать меня своим вождем. Тот, кого избрали на мое место, принял его лишь с той целью, чтобы облегчить мне возможность вернуться, это мой родственник, он любит меня...

— Не опрометчиво ли ты доверился ему? — перебил Лоран.

— Нет, — с живостью возразил индеец, — я уверен в нем, мы не бледнолицые, чтобы изменять друг другу без важной причины. Нынешний вождь сам расположил сердца и умы воинов валла-ваоэ в мою пользу и проложил мне путь к возвращению, когда же он убедился, что успех несомненен, то лично сделал первый шаг, обратившись ко мне с предложением. Долго я колебался, но в конце концов ему все-таки удалось побороть мое несогласие и заставить меня вновь принять власть.

— Вот странная политика!

— Не правда ли? Тут я открыл вождю — разумеется, с величайшей осторожностью, — что Монбар затевает экспедицию против испанцев. Я намекнул при этом, что не худо бы, пользуясь случаем, который может никогда не повториться, отомстить испанцам за старое и навек упрочить за нами независимость, которой они грозят. Вождь представил мое предложение на суд Большого совета.

— И что же?

— Союз заключен, я взял на себя обсудить и принять условия, акт подписан, вот он.

С этими словами он достал из-за пазухи кусок очищенной от шерсти оленьей кожи, покрытой странными иероглифами вроде кабалистических знаков, которые служат индейцам письменами. Понять их очень легко, когда имеешь к ним ключ.

Хосе подал кожу Лорану, который тотчас подписался на ней и дал подписаться товарищам.

— Что вы делаете? — спросил индеец.

— Как видите, подписываюсь, вот и готово.

Он отдал акт.

— А условия?

— Раз их принял ты, принимаем и мы. Впрочем, ты сообщишь нам эти условия.

— Вот они, я полагаю их выгодными.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Валла-ваоэ готовы в случае войны выставить тысячу пятьсот воинов, пока же вы можете располагать тысячей воинов союзного войска. По моему распоряжению после взятия Пуэрто-Бельо пятьсот человек валла-ваоэ рассыпалось по всему перешейку, чтобы перехватывать испанских курьеров и не позволить им пробраться в Панаму. Можете быть уверены, ни один не проскользнет.

— Отлично, вот славное распоряжение!

— Еще тридцать разведчиков, число которых, однако, может быть увеличено по мере необходимости, составят эстафетную цепь между пунктом, который вы займете, и Сан-Хуаном, где расположится штаб-квартира Монбара. Вы убедитесь на деле, как быстро будут доставляться известия.

— Очень хорошо, дальше.

— Остальные воины останутся под моей командой и будут наготове исполнить ваши приказания... Довольны ли вы, капитан?

— Ваши распоряжения превосходны, менять ничего не нужно.

— Тем лучше! А теперь о требованиях моего племени.

— Говорите.

— Две тысячи ружей с двадцатью зарядами пороха и пуля на каждое, две тысячи сабель и две тысячи кинжалов.

— Согласен! Требование вполне обоснованное. Вооруженные таким образом, ваши единоплеменники могут не опасаться испанцев.

— Правда, их прежнее оружие вовсе не страшно белым, железо они ковать не имеют, испанцы же остерегутся снабдить их хорошим оружием или наставлением, как им воспользоваться.

— Понятно; это все?

— Нет, они желают, чтобы вы прислали на несколько дней кого-нибудь из ваших собратьев выучить их обращаться с огнестрельным оружием.

— И это условие я принимаю, находя естественным и справедливым, любезный друг, нет ли еще чего?

— Есть, но они боятся, что вы откажетесь это исполнить.

— Все-таки скажите, мы увидим.

— Они говорят, видите ли, что не всегда же вы будете снабжать их порохом и пулями, а когда их запас истощится, ружья не могут им служить.

— Само собой разумеется, но стоит им захотеть, и это затруднение будет устранено.

— Каким образом?

— Пусть сами готовят порох и льют пули, черт возьми!

— Как! Вы согласились бы, капитан?..

— Открыть им секрет? С превеликой охотой! — с живостью перебил Прекрасный Лоран. — Разве они не будут пользоваться этими средствами обороны против наших общих врагов — испанцев? Напротив, нам это на руку, — засмеялся капитан. — К тому же порох делать легко, в здешнем краю есть все, что для этого требуется, то есть сера, селитра и уголь, вам только надо научиться смешивать эти три вещества, это будет несложно, достаточно увидеть раз или два. А свинец, чтобы лить пули, вы будете брать у испанцев, вот и все. Желаете вы еще что-нибудь?

— Нет, капитан, мне остается только от души вас поблагодарить.

— Полноте, сперва еще нужно все исполнить. Когда вы отправляетесь?

— Сейчас, если возможно. Чем быстрее я окажусь в дороге, тем скорее отыщу дочь.

— И то правда. Бартелеми, отбери четырнадцать из самых смысленных твоих товарищей, и все пятнадцать отправляйтесь к Хосе.

— Сейчас отобрать?

— Конечно, наш друг ждет.

— Мигом будет сделано.

Бартелеми вышел.

— Ты уверен, что никто вас не подкараулит?

— Ручаюсь, мы пройдем большим подземельем.

— О! Тогда я спокоен. Лошади у вас есть?

— Я поставил шестнадцать в тайных конюшнях.

— Можете ли вы взять с собой мулов, не рискуя привлечь внимание?

— Конечно, можем.

— В таком случае вы возьмете с собой два ящика с ружьями, саблями и кинжалами, словом, человек на сто оружия, а кроме того, два ящика с порохом и пулями. Ты ведь знаешь, где все это?

— Знаю, капитан, вы поступаете великодушно.

— Просто исполняю свой долг и более ничего.

Он сел, написал письмо и запечатал его.

— Вот два слова к Монбару, повидайся с ним при первой возможности, дай ему подробный отчет о том, что мы сделали и что сделал ты сам, он выдаст тебе все оружие и боеприпасы, которые означены в договоре. Через неделю твои воины должны быть в состоянии принять деятельное участие в экспедиции.

— Положитесь на меня.

Спустя полчаса Хосе простился со своими друзьями и уехал в обществе Бартелеми и четырнадцати хорошо вооруженных буканьеров.

События начинали следовать одно за другим со страшной быстротой, чтобы в конце концов привести к чудовищной катастрофе.

Испанцы же продолжали пребывать в полнейшей беззаботности.

ГЛАВА V

Как Лоран вступил в перестрелку, когда вовсе этого не ожидал

 о прибытии в Панаму Лоран как следует обосновался в своем доме и зажил на широкую ногу. Молодой человек слишком хорошо знал высокомерный нрав испанцев, чтобы допустить ошибку и избрать скромный образ жизни или же напускной простотой во вкусах заставить смотреть на себя косо.

В Испании — и еще больше в испанских колониях — внешний вид, наружность значат все.

Даже дом губернатора, хоть и славился во всей провинции своей роскошью, не мог состязаться в великолепии с Цветочным домом.

Высокое положение в обществе налагает известные обязанности. Графде Кастель-Морено, племянник вице-короля Новой Испании, должен был с честью нести имя своих благородных предков. Двадцать лошадей стояло у него в конюшне, тридцать слуг, лакеев, ездовых, привратников, поваров, садовников, конюхов и Бог весть кого еще, в ливреех с галунами по всем швам, наполняли дом.

Прислуга эта, поставленная вначале Тихим Ветерком в числе всего двадцати человек, впоследствии, при побеге из

тюрьмы пленников, захваченных доном Пабло, увеличилась на треть и целиком состояла из флибустьеров, смелых молодцов, присутствие которых было рассчитано на случай, если потребуются их содействие.

После отъезда Бартелеми и его товарищей число прислуги в графском доме сократилось до двадцати человек.

Уезжая из дома, Лоран брал с собой десять человек с Мигелем Баском во главе, остальные десять под командой Данника должны были сторожить в отсутствие капитана дом, в который, конечно, возбранялось входить всем посетителям, кроме тех, кому был известен некий определенный знак. Разумеется, это условие не распространялось на Тихо-го Ветерка и его экипаж; эти люди вольны были входить и выходить когда им угодно.

Данник был удачно выбран для точного соблюдения этого строгого предписания: достойный исполин принадлежал к той породе верных бульдогов, которых не возьмешь ни угрозой, ни лаской, а полученное ими приказание они исполняют в что бы то ни стало, буквально, без рассуждений.

На другое утро все было готово к отъезду. Оседланных лошадей держали под уздцы на дворе, они то и дело ржали от нетерпения. Десять слуг в блестящих ливреях, вооруженных с ног до головы, ожидали только приказа господина, чтобы вскочить в седло.

Изысканный завтрак был подан в гостиную, обставленную зеленью.

Часам к восьми утра пеон дона Хесуса Ордоньеса прибежал объявить о скором прибытии своего господина.

Мигель Баск, уже получивший инструкции, тотчас вскочил на лошадь и поскакал навстречу асиендадо.

Мигелю было поручено пригласить его с дочерью слегка перекусить перед дорогой, так как ехать придется весь день и до позднего вечера.

Дон Хесус, на великолепной лошади, с четырьмя слугами, также верхами и хорошо вооруженными, и с четырьмя пешими пеонами, с достоинством представлял креольскую аристократию. Немного позади на мулах-иноходцах, буквально погруженные в волны кисеи, ехали донья Флора и прелестная дочь губернатора дона Рамона де Ла Круса, которая непременно хотела ехать с подругой. За ними также на мулах ехали три-четыре камеристки — метиски, находившиеся исключительно при молодых девушках.

Вся эта процессия имела чрезвычайно величественный вид.

Мигель Баск исполнил свое поручение с глубочайшей почтительностью.

Дон Хесус замялся было для вида, но тотчас принял приглашение по просьбе девушек, которым очень хотелось взглянуть изнутри на дом, прославившийся своей царской роскошью.

Вся процессия въехала во двор Цветочного дома.

Лоран в богатом костюме любезно вышел навстречу дамам и подал им руку, чтобы помочь сойти с мулов. Лошади, мулы и слуги асиендадо поступили в ведение Данника, а капитан повел своих гостей в гостиную, где была приготовлена закуска.

Молодой человек был приятно изумлен при виде доньи Линды. Он знал, что может свободно говорить при ней с доньей Флорой, поверенной которой она была, и надеялся, что ее присутствие даст ему возможность чаще беседовать во время пути со своей возлюбленной.

В восторге от любезного внимания графа девушки выразили ему свою благодарность с откровенностью креолок, которые с первой же минуты вводят приятную короткость между людьми одного с ними круга.

Закуска была подана по всем правилам строжайшего этикета. Донья Флора и ее подруга с удовольствием отведали всего понемногу, увлеченные радостями настоящей минуты. Они совсем забыли о путешествии и болтали наперебой, не думая о времени, которое летело очень быстро. Капитан разговаривал и смеялся с такой же беззаботностью, как и его хорошенькие гости, и просто упивался присутствием доньи Флоры, глаза которой говорили ему нежные речи, каких губы не решались произносить вслух.

Пленительная беседа, по всей вероятности, продлилась бы весь день, и время летело бы незаметно для этих молодых сердец, если бы не асиендадо, который, к счастью или к несчастью, смотря с какой точки зрения читателю будет угодно взглянуть на это, вовсе не был влюблен; напротив, как человек практичный, он никогда не поддавался сентиментальному вздору и думал лишь о насущных, а потому чрезвычайно важных делах. Поэтому без малейшей пощады к радости девушек он резко напомнил, что давно следовало бы быть в дороге и что необходимо отправляться в путь не теряя ни минуты, если они хотят вечером быть на асиенде дель-Райо, а не провести ночь под открытым небом.

Было около десяти часов утра и потеряно целых два часа — но потеряно ли? Бесспорно, ни донья Флора, ни Лоран, ни даже сама донья Линда в глубине души этого не думали, хотя мнения своего вслух не высказывали и тотчас покорились требованию дон Хесуса.

Лоран свистнул в золотой свисток, и на пороге появился Мигель.

— Чтобы через десять минут все было готово к отъезду, — приказал капитан.

Мигель молча поклонился и вышел.

— У вас отлично вышколена прислуга, дон Фернандо, — с улыбкой заметил асиендадо.

— Все старые слуги нашего рода, — небрежно ответил молодой человек, — весьма усердны.

— Черт возьми! Трудно найти лучших!

— Полагаю, — с оттенком легкой иронии сказал Лоран.

— И все они, ей-Богу, имеют какой-то воинственный вид. Весело смотреть на них.

— Почти все они прежде были солдатами. Они кротки, как агнцы, но в случае необходимости могут стать страшнее львов.

— Гм! Не мешает принять это к сведению. Вы, вероятно, берете нескольких слуг с собой?

— Человек десять, не более. Сначала я хотел было, узнав, что донья Флора удостоит нас своим обществом, просить конвой у его высокопревосходительства господина губернатора, но, обдумав все хорошенько, нашел, что справлюсь со всем сам.

— Отец был бы очень рад оказать вам услугу, граф, — с улыбкой сказала донья Линда.

— Я уверен, сеньорита, но отряд войска, что не говори, всегда стесняет, поэтому я предпочел не докучать дону Рамону такой мелочью.

— Отлично сделали, дон Фернандо, — заметил асиендадо. — Что же касается меня, то я нисколько не боюсь нападения бежавших недавно воров-флибустьеров, которые, вероятно, бродят по окрестностям.

— Пока вы и ваша прелестная дочь будете находиться под моей охраной, вам некого бояться, сеньор дон Хесус.

— Я убежден в этом и благодарю вас, граф.

— Стало быть, опасности подвергаюсь одна я! — весело вскричала донья Линда. — Боже мой! Что будет со мной, —

воскликнула она трагикомическим тоном, — если на нас нападут разбойники?

— Вы и донья Флора, сеньорита, — любезно ответил граф, — в моих мыслях составляете одно нераздельное лицо.

— Это немного успокаивает меня, однако предупреждаю вас, граф, что для большей безопасности в течение всего времени пути вы почти неотлучно должны находиться при наших особах. Никогда нельзя знать заранее, что может случиться!.. Что ты думаешь об этом, Флора?

— Нахожу очень разумным, — тотчас ответила подруга.

— Итак, граф, извольте с этим считаться, если не хотите получить выговора.

— Я покорюсь вашей воле, как велит мне долг, сеньорита.

— Очень вам сочувствую, дон Фернандо! — вскричал асиендадо, расхохотавшись во все горло. — Я-то знаю этих чертенят: что они решат, того обязательно добьются!

— Мне придется смириться с моей долей, дон Хесус.

Вошел Мигель.

— Все готово, ваше сиятельство, — сказал он.

— Скорее в путь! — вскричал асиендадо.

Все встали из-за стола и вышли из гостиной.

Слуги дона Хесуса и Лорана уже сели на лошадей в ожидании господ.

Лоран помог дамам сесть и сам вскочил в седло.

Спустя четверть часа блистательная процессия оставила город далеко за спиной и находилась в открытом поле.

Впереди на расстоянии пистолетного выстрела ехали двое слуг графа, потом еще двое слуг графа и четверо слуг дона Хесуса, все под командой Мигеля Баска.

Непосредственно за ними следовали две девушки, так плотно завернувшиеся для защиты от солнца в кисею, что на виду оставались одни глаза. Возле них были: справа, рядом с доньей Флорой, — Лоран, а слева — дон Хесус.

Затем шествовали камеристки и пеоны, по обыкновению трусившие пешком.

Замыкали группу шестеро слуг графа, ехавшие шагах в двадцати позади.

Все всадники имели при себе ружья и пистолеты в седельных сумках.

Один Лоран и дон Хесус не были вооружены, их ружья вез, перекинув перед собой поперек седла, Юлиан, который ехал в двух шагах позади своего господина.

Все ружья эти, правда, были испанской работы, но тем не менее отличались отменным качеством.

Лошади шли своим обычным аллюром, то есть галопом; испано-американские лошади никогда не идут рысью, и рысь их чрезвычайно тряска.

Длинный кортеж быстро двигался вперед, мулы следовали иноходью и не проявляли ни малейших признаков усталости.

— Извините, дон Фернандо, — вдруг нарушил установившееся было молчание асиендадо, — мне кажется, я не вижу проводника-индейца, который находился с вами, когда вы посетили меня на асиенде дель-Райо при вашем прибытии в этот край.

— Правда, сеньор дон Хесус, этого человека со мной теперь нет, я нанял его довести меня до Панамы, где и отпустил. С тех пор я его не видел... А разве он вам известен?

— Мне?

— Да.

— О! Почти нет, хотя мне довольно часто доводилось иметь дело с подобными субъектами. Этот Хосе... ведь так его зовут, если не ошибаюсь?..

— Да, вы правы.

— ...слывет порядочным негодяем, я никогда не хотел принимать услуг этого краснокожего, несмотря на его усиленные просьбы.

— У него в самом деле дурная слава?

— Ничего определенного я про него сказать не могу, но вообще слухи о нем ходят очень невыгодные, и в том, что говорят, полагаю, должна крыться доля истины.

— Так бывает не всегда, сеньор дон Хесус.

— Пожалуй, дон Фернандо, но человек благоразумный от сомнительных дел старается воздерживаться...

— И вы воздерживались от того, чтобы дать работу этому бедняге?

— Признаться, да.

— Вы удивляете меня, так как в Чагресе мне всячески хвалили его.

— Скажите пожалуйста! Впрочем, кто знает? Может быть, он исправился, чего от души ему желаю, хотя позволю себе усомниться.

— Почему же, дон Хесус?

— Да как бы вам сказать... Знаете пословицу, правда, немного пошлую: каков в колыбельке, таким и в могилку?

— Что вы под этим подразумеваете?

— Что хорошие остаются хорошими, а дурные — дурными.

— Полноте, дон Хесус, вы что-то уж слишком строги к этому несчастному.

— И у вас не появилось повода быть недовольным им за все время, пока он находился в вашем распоряжении?

— Ни малейшего, напротив, не мог нахвалиться.

— Значит, все хорошо.

Тут разговор перешел на другие темы, сделался общим между четверьмя путешественниками и вскоре принял характер веселой беседы.

Время шло, было часов шести пополудни, и солнце уже клонилось к горизонту, когда дон Хесус весело объявил, что асиенды дель-Райо они достигнут самое позднее через час, то есть к семи, прежде чем совсем стемнеет: ехали очень быстро и по дороге самой прямой и удобной.

Наши путешественники все скакали, смеясь и разговаривая, когда вдруг один из передовых дал шпоры лошади и помчался вихрем.

— Что это? — вскричал Лоран. — Что там происходит?

Асиендадо побледнел.

— Не знаю, — пробормотал он, — не мешало бы осведомиться.

— Сейчас я сделаю это. Юлиан, подай ружье; Мигель, становись во главе, собери всех в кружок околодам и сеньора дона Хесуса и жди тут с пистолетами наготове. Ты ответишь мне головой за тех, кого я поручаю твоей охране.

Эти слова были произнесены резким и повелительным тоном, не допускающим возражения.

Несмотря на естественный испуг, девушки не могли налюбоваться воинственным выражением лица молодого человека, который точно преобразился.

— Будьте спокойны, ваше сиятельство, — хладнокровно ответил Мигель.

— Ради Бога, не бросайте нас, дон Фернандо! — вскричала донья Флора.

— Так надо, — возразил он глухо и, не слушая больше ни слова, помчался во весь опор и в свою очередь мгновенно скрылся из глаз.

Оставшись один и видя, что нечего ждать помощи от асиендадо, который стоял бледный, как смерть, дрожа всем телом, Мигель Баск с трудом поборол улыбку презрения и

решился принять командование, которое поручил ему Лоран.

Он собрал весь поезд посреди дороги, поместил дам, дона Хесуса и камеристок в центре группы, своих людей и слуг асиендадо расставил вокруг, а сам отважно стал шагах в четырех или пяти впереди.

— Держать ухо востро! — приказал он.

Он решил храбро встретить лицом опасность, какого бы рода она не была.

Между тем Лоран неся во весь дух, и за ним, не отставая ни на пядь, следовал Шелковинка, который ни за что не хотел бросать его одного. Вскоре Лоран увидел своего передового, который отбивался от четырех беглых негров, окруживших его со всех сторон.

Дон Фернандо был один с Юлианом, другому передовому он велел примкнуть к основному отряду, оставшемуся позади, тем не менее бесстрашный капитан ринулся очертя голову к кучке сражавшихся, крикнув громовым голосом Береговому брату, чтобы он держался.

Однако, подскочив ближе к месту действия, он ясно увидел, в чем дело.

Оказалось, беглых негров было не четверо, как ему смутно представлялось издали, а по меньшей мере пятнадцать, и они наседали на флибустьера и троих индейцев, храбро им сопротивлявшихся. Два негра и один краснокожий уже лежали мертвые на земле.

Шайкой разбойников командовал Каскабель, у его ног лежала распростертая в обмороке женщина.

Лоран сразу понял, что это Аврора, похищенная презренным метисом, а храбро сражавшиеся индейцы, судя по всему, это валла-ваоз, которые настигли похитителей и старались отбить дочь своего вождя.

— Вперед, Шелковинка, черт побери! Покажем этим негодяям! — вскричал Лоран, вонзив шпоры в бока лошади.

Шелковинка мог при случае заменить взрослого мужчину. Итак, они вдвоем ринулись к сражающимся.

Пора было подоспеть помощи так храбро оборонявшимся флибустьеру и краснокожим.

Лоран и Шелковинка выстрелили в самую гущу противников сперва из ружей, потом из пистолетов и наконец стали наносить удары направо и налево саблями.

Негры, плохо вооруженные, огнестрельного оружия не имели вовсе, им и так приходилось несладко в борьбе, где они брали числом; при внезапном нападении новых противников они решили, что погибли, дрогнули, отступили и старались пробраться ближе к своим лошадям.

— Ей-Богу! Вовремя вы подоспели, капитан, — со смехом воскликнул флибустьер. — Слишком уж много их оказалось у нас в руках.

— Будь спокоен, Гуляка, — ответил Лоран, заряжая ружье и пистолеты, — только дай лошадям перевести дух, и мы покажем этим негодям.

В эту минуту, как бы по обоюдному согласию, в схватке наступил перерыв: силы и с той, и с другой стороны истощались; но противники отдыхали не долго.

На непонятном для флибустьеров языке Каскабель сказал несколько слов своим товарищам, и те мгновенно, все разом, снова бросились в бой.

Их ждал энергичный отпор. Несмотря на все свои усилия, негры были вынуждены отступать шаг за шагом — правда, тесно сплотившись и лицом к врагу.

Лоран тотчас понял причину этой новой тактики, когда увидал, что Каскабель нагнул, чтобы взять на руки Аврору, которая продолжала лежать без чувств.

Метис хотел воспользоваться последним отчаянным натиском и в суматохе скрыться со своей добычей. Он поднял девушку, передал ее одному из своих соучастников, вскочил на лошадь и уже наклонился, чтобы подхватить пленницу, которую подавал ему на вытянутых руках негр.

Вдруг одновременно раздались два выстрела: Лоран и Шелковинка прицелились каждый в свою жертву и промаха не дали.

Каскабель испустил яростный рев от боли и умчался во весь опор. Пуля Юлиана раздробила ему правую руку у плеча.

Негр же свалился как сноп, пуля Лорана разможила ему череп. Падая, убитый увлек за собой и девушку, которая не приходила в себя.

Схватка к этому моменту превратилась в настоящую резню, похитители, загнанные словно дикие звери, отчаянно защищались, но вскоре их осталось не более пяти-шести, по большей части раненных. Брошенные предводителем, и они бросились враспынную.

Лоран пренебрег погоней за ними. К чему? Разве девушка не была спасена, цела и невредима.

Он предоставил Шелковинке и Гуляке гнаться сколько душе угодно за лошадьми беглецов, которые бросались во все стороны, а сам соскочил наземь и приблизился к Авроре.

Индейцы уже оказали первую помощь девушке, которая лишилась чувств только от испуга.

— Слава Богу! — прошептал он. — Больше мне делать здесь нечего, дочь моего друга спасена.

— Кто ты? — спросил, поднявшись, один из индейцев, человек лет пятидесяти, черты лица которого были отмечены печатью невыразимого благородства и величия.

— Уж не принимаешь ли ты меня за врага? — спросил Лоран с добродушной улыбкой.

— Нет, ты сделал для нас то, на что не решился бы даже преданный друг. Тебе мы обязаны жизнью, честь и свободой дочери нашего любимого вождя. Скажи мне свое имя, чтобы мы могли восхвалять его как имя благодетеля.

— Мое имя ничего тебе не скажет, ты его не знаешь, но я друг валла-ваоэ и брат их вождя Туш-и-Дур-Амга, я тот белый воин, который заключил союз с твоим племенем.

— Я знаю тебя, брат; валла-ваоэ благодарны, ты скоро увидишь, на что они способны, когда защищают тех, кого любят.

— Сейчас я видел их в деле, ты и твои воины — большие храбрецы.

Индеец гордо улыбнулся.

— Благодарю! — сказал он.

— Девушка приходит в себя, скоро она сможет сидеть на лошади. — продолжал Лоран. — Что ты намерен делать? Хочешь ехать со мной или же собираешься отвезти ее к отцу?

— Туш-и-Дур-Амг оплакивает возлюбленную дочь, он призывает ее с рыданиями. Шон-Энг-И повезет ее к нему.

— Разве вождь близко отсюда?

— В двух часах ходьбы.

— И ты не боишься, что вернется неприятель?

— Нет, — возразил индеец с улыбкой, — теперь у нас будут лошади, а негры пешком... Да они и не вернутся, они бегут в страхе.

— Да, ты прав, лучше всего вернуть девушку отцу.

Лоран снял при этих словах перстень с руки и подал его индейцу.

— Пусть Шон-Энг-И отдаст этот перстень вождю, Туш-и-Дур-Амг узнает его, — прибавил он.

— Все будет исполнено. Не хочет ли сказать бледнолицый воин доброе слово молодой девушке нашего племени?

— Нет, — возразил Лоран, — первая улыбка ребенка принадлежит отцу; мы еще увидимся с ней... А вот и лошади, выбери, каких пожелаешь.

Возвращавшиеся флибустьеры действительно гнали перед собой полтора десятка лошадей.

Шон-Энг-И сделал знак одному из своих товарищей.

Тот отделил пять лошадей.

— Теперь, — продолжал Прекрасный Лоран, — вам больше нечего здесь делать. Посадите девушку на лошадь и уезжайте. Мой отряд, который остался в миле позади нас, будет для тебя надежным, хотя и невидимым прикрытием до асиенды дель-Райо, где я останавливаюсь. Но поторопись, не хочу, чтобы едущие со мной знали, что тут происходило.

— Брат мой говорил хорошо, — ответил краснокожий воин, — я повинуюсь ему.

Он и его спутники тотчас вскочили в седла.

Лоран бережно поднял на руки и посадил на седло перед индейцем девушку, которая все еще не очнулась от обморока.

— До скорого свидания! — сказал он индейцам.

— До свидания! — ответил вождь.

Обменявшись последним поклоном с капитаном, трое индейцев пустили лошадей во весь дух и почти мгновенно скрылись за поворотом дороги.

— Ни слова обо всем случившемся, — сказал Лоран.

— Хорошо, капитан.

— А с лошадьми-то что делать? — поинтересовался Гуляка. — Они такие красивые.

— Увести их, черт побери! — вскричал Лоран. — Продай их, Гуляка, дон Хесус наверняка не устоит перед покупкой, а деньги ты разделишь поровну с товарищами.

— Благодарим, капитан, с вами приятно иметь дело: хоть и приходится драться, зато всегда добыча перепадет.

— Надо спешить назад; наши спутники, я думаю, встревожены, что нас так долго нет.

Они помчались во весь опор.

*Как дон Хесус признался Лорану, что
боится его, сам не зная почему*

отя Мигель Баск и кипятился в душе и отчаянно кусал усы, он в точности исполнил данное ему поручение и оставался неподвижен, как каменная глыба, посреди дороги, зорко осматриваясь по сторонам, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Следуя его примеру, остальные девять флибустьеров, гордо подняв голову, с грозным блеском во взоре, держа ружья наготове, не сводили с него глаз, чтобы повиноваться его малейшему знаку.

Своей гордой и воинственной осанкой, спокойствием и строгой дисциплиной эти десять человек представляли собой поразительную противоположность с теми, кого они должны были охранять. Бедняги-пеоны дрожали всем телом и дико озирались вокруг, готовые дать стрекача при первом же признаке переполоха; дон Хесус Ордоньес, бледный как мертвец, дрожал сильнее всех, беспрестанно ударяя себя в грудь, и бормотал молитвы, сам не понимая, что делает.

Женщины оказались гораздо храбрее. Немного опомнившись от первого испуга, они принялись с любопытством осматриваться и невольно сравнивали жалкий вид своих пеонов с выражением беспечной отваги графских слуг; они понимали, что в случае нападения могли рассчитывать только на их защиту.

Треск доносившейся до них ружейной пальбы еще больше усилил страх и смятение пеонов; некоторые из них в душе уже были готовы дать тягу, но Мигель, который встrepенулcя, заcлышав перестрелку, cловно благородный конь, почувствовавший шпоры, повернулся к трусам, взвел курок пистолета и с выражением во взоре, в значении которого ошибиться было нельзя, грозно вскричал:

— Первому, кто тронется с места, я всажу пулю в лоб!

Предостережение возымело действие, пеоны не заставили повторять его, и все пришло в надлежащий порядок.

Спустя немного времени шесть или восемь окровавленных негров в страхе пробежали на некотором расстоянии от дороги. Увидев, что они бегут в ужасе, трусы вдруг превратились в храбрецов и хотели было по ним стрелять.

— Победенных не бьют, — опять сказал Мигель Баск.

И великодушный флибустьер презрительно пожал плечами.

— Однако, друг мой, — обратилась к нему донья Флора, — зачем же нам оставаться здесь дольше? Быть может, ваш господин подвергается опасности! Лучше бы поспешить к нему на помощь.

— И в самом деле, — прибавила донья Линда. — Бедный граф! Нельзя же оставить его таким образом одного. Ради Бога, отправимся за ним вслед!

— Прелестнейшие сеньориты, — возразил Мигель Баск с поклоном и сладкой улыбкой, — если его сиятельство и находится в опасности, то, как бы велика она ни была, это его дело, он выпутается, как сумеет. Мне же он приказал оставаться здесь и охранять вас, что я и исполню, хоть бы целый легион чертей налетел сюда невзначай и попытался переломать нам ребра.

— А что если он убит?! — вскричала донья Флора в ужасе.

— Убит? Он-то? — пожал плечами флибустьер. — Видно, что вы не знаете его, сеньорита! Не настолько он неловок.

— Все же его могли ранить, — прибавила донья Линда.

— Ранить? Его? Это невозможно. Во-первых, сражение — это его стихия, он счастлив только там.

— Но а все же? — настаивали девушки.

— Ну, что я вам говорил? — бесцеремонно перебил их Мигель. — Вот он возвращается — такой же веселый и бодрый, как будто ездил на прогулку. Вы его видите?

— Да, да, это правда! — с живостью сказала донья Флора, бледное лицо которой вдруг вспыхнуло.

— Действительно, это он, — прибавила донья Линда вполголоса. — Странно, — докончила она про себя, — он совершенно преобразился, какая гордая осанка! Я совсем не знала его до сих пор!

Она вздохнула и отвернулась.

— Прости Господи! — весело вскричал Мигель Баск. — Его сиятельство граф захватил еще и добычу — десять превосходных лошадей! Только он способен на такие штуки.

Действительно, Прекрасный Лоран возвращался мерным галопом, такой спокойный, как будто ровно ничего не случилось. За ним Шелковинка и Гуляка гнали захваченных ими лошадей.

Когда опасность миновала, к дону Хесусу Ордоньесу вернулись его обычное хладнокровие и достоинство.

Он проехал несколько шагов навстречу молодому человеку.

— Что там происходило? — спросил он с живостью.

— Почти то, что вы предполагали, сеньор дон Хесус, — равнодушно ответил Лоран, раскланиваясь в то же время с дамами. — В путь, Мигель, надо спешить и наверстать, если возможно, потерянное время.

Группа всадников опять двинулась в дорогу.

Лоран по-прежнему ехал возле доньи Флоры.

Шелковинка и Гуляка, сдав пеонам лошадей, также вернулись на свои места.

— Как, граф, — вскричал асиендадо, — это были флибустьеры?

— Да, — ответил Лоран. — С помощью пятнадцати беглых негров они подготовили нам премиленькую встречу, и если бы один из моих передовых случайно не заметил их, мы провели бы очень неприятный часок, полагаю.

— О-о! И вы совершенно уверены граф, что эти черти убрались?

— Как нельзя более, дон Хесус, будьте спокойны. Правда, осталось еще несколько...

— Что вы говорите? — в испуге перебил асиендадо.

— Но так как они мертвые, — продолжал граф, — то не очень страшны...

— Это другое дело!

— Сколько их было, граф? — спросила донья Линда дрожащим голосом.

— Признаться, сеньорита, — засмеялся Лоран, — мне некогда было считать, быть может, человек двадцать, а пожалуй, и больше, в точности определить не могу.

— Здесь пробежало человек десять, — заметила донья Флора.

— А! Они бежали в эту сторону?

— Да, там, поодаль от дороги.

— Сейчас за поворотом вы увидите почти такое же число убитых; следовательно, я не ошибался, их было человек двадцать.

— А вас всего двое да еще ребенок? — с удивлением произнесла донья Линда.

— Извините, сеньорита, этот ребенок — мужчина, когда надо защищать меня; он храбро сражался. Стало быть, нас было трое.

— Трое против двадцати! — вскричала донья Флора восторженно.

— Нас оказалось вполне достаточно, чтобы обратить их в бегство.

— Просто фантастика! — вскричал дон Хесус чуть ли не с благоговением. — О-о! — прибавил он с чувством. — Мы, испанцы, просто львы!

— Подчас, — договорил молодой человек, улыбаясь.

— Но вы ранены! — вдруг вскричала донья Флора в ужасе.

— Ошибаетесь, сеньорита, я не ранен.

— Но ведь вся ваша одежда в крови!

— Простите, сеньорита, мне совестно за то, что так получилось. Благодарю вас за участие, которым вы удостоиваете меня, но не тревожьтесь, эта кровь не моя.

— Вы уверены в этом, сеньор дон Фернандо?

— Как нельзя более, сеньорита, — засмеялся Лоран, — меня забрызгал, падая, какой-то олух, черт бы побрал этого неуча!

— Он достаточно поплатился за свою неловкость, — с невольной улыбкой сказала девушка, — зачем же бранить его в придачу? Великодушному врагу этого делать не следует.

— Правда, сеньорита, но он получил по заслугам.

Донья Линда ничего не говорила, она углубилась в свои мысли.

Девушка испытывала странное волнение, сердце ее сжималось, глаза были полны слез, она не понимала, что с ней происходит и какое неведомое чувство наполняет ей душу. Жадно вслушивалась она в каждое слово Лорана и по временам украдкой бросала на него загадочные взгляды.

Вскоре путники достигли того места, где произошла схватка. Трупов двенадцать с искаженными до неузнаваемости лицами были разбросаны как попало в лужах крови.

— Вот где было сражение, — прошептала донья Линда.

— О, сеньорита, это была просто мелкая стычка.

— Какое побоище! — вскричал дон Хесус с удивлением. — Ей-Богу, граф, вы просто герой!

— Вы слишком снисходительны, — скромно возразил молодой человек.

— Мы обязаны вам жизнью!

— Полноте, сеньор дон Хесус, вы ничем не обязаны мне за то, что я проучил негодяев. Напротив, это для меня было счастьем оказать вам такую незначительную услугу.

— Незначительную услугу!

— Кстати, — внезапно сказал Лоран, желая переменить тему разговора, который все вертелся вокруг одного и уже начинал ему надоедать, — знаете ли, сеньор дон Хесус, кого я увидел в числе этих разбойников?

— Откуда же мне знать, граф, если никого из них я и в лицо не видывал.

— Ошибаетесь, сеньор дон Хесус, одного, по крайней мере, вы видели.

— Я? Вы, верно, шутите?

— Ничуть, напротив говорю очень серьезно, клянусь вам.

— И вы утверждаете, что я знаю одного из этих презренных воров?

— Отлично знаете.

— Мне это нравится!

— И тем не менее это так.

— Впрочем, я столько знаю!

— Хотите я назову его?

— Сделайте милость, граф.

— Это индеец, заклинатель змей, некто...

— Каскабель! — вскричал асиендадо, бледнея.

— Вы сами назвали его, сеньор дон Хесус! Стало быть, вы его знаете.

— Совсем мало, — возразил асиендадо в очевидном смущении.

— Что вы говорите, отец, — наивно остановила его донья Флора, — вы очень хорошо знаете этого гадкого человека, недели не проходит, чтобы он не приходил раза два или три на асиенду.

— Возможно, — пробормотал асиендадо, растерявшись от такого неожиданного разоблачения и потому сам не зная, что говорить, — но что же это доказывает?

— Ровно ничего, — вмешался Лоран, который узнал то, что хотел выведать.

— Он убит? — спросил дон Хесус.

— К несчастью, нет.

— Но, верно, тяжело ранен?

— Да. Юлиан, мой паж, раздробил ему ружейным выстрелом руку у самого плеча.

— Скажите, какой молодец! — покровительственным тоном заметил асиендадо. — Признаться, если бы он и убил его, то потеря для света была бы не особо велика.

— И я так думаю. Но не пеняйте слишком на моего паж, сеньор дон Хесус, — продолжал он, улыбаясь, — мальчик сделал, что мог, и если не убил его, то в недостатке усердия винить его нельзя.

— Мне?! Пенять на прелестного ребенка, так горячо преданного своему господину?! — вскричал с живостью дон Хесус. — Вы не должны говорить так, граф, и в доказательство, — прибавил асиендадо, сняв с себя великолепную бриллиантовую булавку, — я прошу его принять эту безделицу на память от меня и в награду за храбрость, проявленную им сегодня.

Паж, колеблясь, взглянул на своего господина.

— Можешь принять подарок, Юлиан, — сказал ему тот, — отказом ты оскорбишь сеньора дона Хесуса.

Шелковинка взял булавку и горячо поблагодарил асиендадо.

— Да, да, — продолжал между тем дон Хесус, — слуг я вознаградить могу, но их господина — нечем.

— Их господин, — ответил флибустьер с серьезным видом, — знатного рода, сеньор дон Хесус, так что и речи быть не может о каком-либо вознаграждении, тем более что он только исполнил свой долг дворянина.

— Боже мой, граф! — наивно вскричал асиендадо. — Я так недавно имею честь знать вас, а между тем не перечту всего, чем вам обязан.

— Тише, сеньор дон Хесус, — остановил Лоран, бросив на него значительный взгляд, — не говорите этого, сперва надо ближе узнать друг друга, а потом уж выносить окончательное суждение.

— О! Вас-то, граф, благодарение Богу, я знаю хорошо!

— Может, вы ошибаетесь на мой счет и со временем перемените свое мнение!

— Это невозможно.

— Кто знает?

— Вы странный человек, любезный граф, — сказал асиендадо, немного помолчав.

— Я не понимаю вас, сеньор дон Хесус, — возразил Лоран с легким оттенком надменности.

— Видите ли, то что я хочу сказать, довольно трудно выразить.

— Вы сильно возбуждаете мое любопытство этими вашими вступительными оговорками, сеньор дон Хесус.

— Вы меня простите, если я буду вполне откровенен с вами?

— Все прощаю вам заранее, сеньор. Итак, говорите смело.

— Вот что, граф... Сам не знаю, отчего, но порой мною овладевает престранное чувство в вашем присутствии: разумеется, я питаю к вам живейшее сочувствие, я стольким вам обязан...

— Дальше, дальше.

— Однако иногда в разговоре с вами, вот как сейчас, например, я совсем теряюсь, такое грозное выражение мгновенно принимает ваше лицо, так сверкает молнией ваш взгляд!

— Неужели я так страшен?

— Для меня — очень.

— Благодарю, сеньор.

— Как прикажете, граф, это не в моей власти! И, наконец, даже ваша речь...

— Ну вот, и разговор мой страшен?

— Да как бы вам сказать... у вас тон такой, что придает особенное значение каждому слову, насмешливая улыбка то и дело мелькает у вас на губах; когда вы говорите мне любезность, она звучит в моих ушах, точно угроза; если вы оказываете услугу, мне, наперекор очевидности, так и сдается, что услуга ваша превратится для меня в смертельную обиду. В эти минуты...

— Что же в эти минуты?

— Вы наводите на меня такой страх, что кровь стынет в жилах.

— Уж не предчувствие ли это, сеньор дон Хесус? — ответил Лоран, даже не моргнув. — А ведь предчувствия посылаются Богом, ими пренебрегать нельзя.

— Вот вы опять насмехаетесь надо мной, страшный вы человек!

— Насмехаюсь? Нисколько. Я вовсе не шучу.

— Вот то-то меня и огорчает, граф, что я никогда не знаю, враг вы мне или друг.

— Зачем же мне быть вашим врагом, сеньор дон Хесус? — возразил Лоран, взглянув на него так пристально, что тот вздрогнул и невольно опустил глаза.

— Этот вопрос я и задаю себе: мы познакомились только несколько дней назад, никогда прежде мы не встречались. Случай свел нас, когда мы оба вовсе этого не ожидали.

— Случай иногда так удачно сводит.

— Я и не жалуясь на него, наши отношения с самого начала были самыми дружескими.

— Согласен, но что же вы заключаете из этого стечения обстоятельств, сеньор дон Хесус

— Ничего не заключаю, напротив, доискиваюсь.

— Можно дать вам один совет?

— Любезный граф, совет от вас мне всегда приятен.

— Вы очень любезны... Не ищите, поверьте, это будет напрасно.

— Но почему?

— Боже мой! Все очень просто: доискиваются только того, что существует, вы же хотите отыскать то, то создано одним вашим воспаленным воображением.

— Ваши слова доставляют мне величайшую отраду и сваливают тяжелое бремя...

— С вашей совести, — подсказал Лоран, улыбаясь.

— Вовсе нет! — вскричал асиендадо. — Моя совесть совершенно спокойна.

— Разумеется, когда за свою жизнь не сделал никому вреда, — насмешливо согласился капитан.

Асиендадо покосился на него, потом, охваченный внезапным порывом гнева, хлестнул лошадь так, что та помчалась со всех ног.

— Что это с моим отцом, дон Фернандо? — с беспокойством спросила донья Флора.

— Не знаю, сеньорита, это с ним произошло внезапно. Если бы дело было не под вечер, я приписал бы это действию солнца.

Но дон Хесус уже успел побороть свой гнев и вернулся на прежнее место возле молодого человека.

— Простите, дон Фернандо, — сказал он, — моя лошадь споткнулась, и я вообразил, что она понесла.

— Я видел, — вежливо поддакнул флибустьер.

— Итак, вы говорили?..

— Ничего я не говорил, сеньор, смею вас уверить, — по крайней мере, я ничего не помню.

— А! Значит, мне показалось.

— Скоро мы доедем до асиенды?

— Вы устали?

— Признаться, да. Я не привык к большим переездам, а путь этот, не во гнев будь сказано, довольно длинен; я не такой железный, как вы, дон Хесус, дорога меня утомляет.

— Это с непривычки, когда всегда пользуешься удобствами жизни...

— Именно, сеньор, я очень избалован удобствами.

— Так утешьтесь, дон Фернандо, мы близко к цели. Когда мы обогнем этот густой кустарник, что виднеется слева в ста шагах впереди, до асиенды останется всего четверть мили. Она окажется у нас прямо перед глазами.

— Во всем своем великолепии, — напыщенно произнес Лоран.

— Ни минуты без насмешки!

— Что прикажете? Такая натура! Я смеюсь над всем — над грустным и над смешным. Следует принимать меня таким, каков я есть... Однако благодарю вас за это известие, сеньор дон Хесус; откровенно говоря, я не прочь поскорее добраться до места — совсем разбит.

— Гм! Я считал вас бодрее.

— И обманулись! Как видите, воля у меня есть, а сил не хватает. Кроме того, подумайте, что я еще далеко не у цели!

— Как?

— Да ведь я еду в Чагрес.

— Знаю, но не сегодня же, надеюсь?

— Нет, разумеется, хоть бы судьба всего моего состояния зависела от этого.

— Ну вот, завтра вы отдохнете и будете в порядке, вот увидите.

— Дай-то Бог!

Разговаривая таким образом без особенной последовательности, они быстро приближались к асиенде дель-Райо.

Стало темнеть, и человек пятьдесят пеонов с факелами в руках бегом спускались с горы и приветствовали возвращение господина громкими криками.

Люди эти, которые бежали в темноте, размахивая зажженными факелами, придавали окружающей картине не-реальный, фантастический характер.

Спустя двадцать минут путешественники уже въезжали во двор асиенды.

Капеллан и мажордом ждали у больших ворот; они поздравили прибывших с благополучным приездом.

Путешественники спешили.

Хотя Лоран и жаловался на усталость, однако он проворно соскочил наземь и подбежал к дамам, чтобы помочь им сойти.

— Поручаю тебе слуг его сиятельства графа дона Фернандо де Кастель-Морено, — обратился асиендадо к мажордому, — смотри, чтобы им было хорошо.

Мажордом почтительно поклонился.

Дон Хесус Ордоньес вошел в дом, за ним — две девушки, граф и отец Санчес, который, завидев Лорана, по своему обыкновению тотчас опустил капюшон на лоб.

Все разошлись по своим комнатам, чтобы в ожидании ужина привести в порядок свой туалет, очень нуждавшийся в этом после продолжительного переезда.

Графу отвели ту же комнату, где он был в предыдущий раз. Мигель Баск и паж уже ждали его там.

Лоран переоделся: платье на нем было в крови и во многих местах разорвано.

— Схватка была не на шутку, ваше сиятельство? — спросил Мигель, помогая капитану одеваться.

— Пустяковая, — ответил молодой человек на басконском наречии, которое приводит ученых в отчаяние. — Шайка негров с безобразным Каскабелем во главе похитила дочь нашего друга Хосе.

— Ага!

— Несколько индейцев бросились вслед за ними. Будучи в явном меньшинстве по сравнению с неграми, они отважно ринулись на них и погибли бы все, не подоспей мы, на их счастье, как раз вовремя. Девушку мы вызволили, а мерзавцев перебили. Юлиан выстрелом раздробил руку Каскабелю, и тот с ревом ударился в бегство; за ним разбежались и остальные ночные птицы. Вот и вся история.

— Бедный Хосе! Я рад за него, что все так хорошо закончилось.

— Я тоже. Разумеется, я не заикнулся обо всем этом дону Хесусу. Я сочинил целую историю о засаде свирепых флибустьеров, бежавших из Панамы, прибавил к своему рассказу ожесточенный бой и угодил в его мнению прямо в герои. Он меня боится теперь, как черта, что мне на руку; надо поддерживать его в этом полезном настроении.

— Это будет не трудно, — с гримасой пренебрежения ответил Мигель, — редко мне приходилось видеть такого подлого труса. Все время вашего отсутствия он бил себя в грудь и бормотал молитвы, дрожа как осиновый лист.

— Да, я не считаю его храбрым.

— Вы можете назвать его презренным трусом, ваше сиятельство, и все-таки не смягчите истину.

— А что девушки?

— О! Те ничего не боялись, просто молодцы! Представьте себе, они собирались отправиться к вам на помощь, как только слышали перестрелку. Какого труда стоило мне удержать их! И то, если бы вы не вернулись, право, мне пришлось бы уступить их настоящему требованию ехать вперед.

— Добрые души! — прошептал молодой человек с чувством.

— Да, добрые, капитан, и преданные вам души, уверяю вас.

Лоран вздохнул, поник головой и задумался.

— Спасет ли ангел демона? — пробормотал он про себя. — Увы, это в руках Божьих! Я только орудие роковой судьбы...

В эту минуту появился мажордом и доложил, что ужин подан.

Лоран тотчас направился в столовую.

Все были в сборе, и капеллан ждал только его, чтобы прочесть молитву.

ГЛАВА VII

Прекрасный Лоран готов верить в колдовство

амы, утомленные путешествием, едва притронулись к ужину и, встав из-за стола, сейчас же ушли к себе.

После ухода доньи Флоры и ее подруги капитана, конечно, также ничего не удерживало. Несмотря на убеждение асиендадо провести с ним еще несколько минут, он сослался на страшную усталость. Глаза его, вполне естественно, так и смыкались, он с величайшим трудом подавлял зевоту; разумеется, хозяин не мог удерживать его долее.

Предоставившейся ему свободой молодой человек воспользовался с восторгом и немедленно вышел из столовой в сопровождении своего пажа и камердинера.

— Ах, любезный отец Санчес! — вскричал асиендадо, когда за Лораном затворилась дверь. — Какой замечательный человек этот граф де Кабель-Морено!

— Вы находите, сеньор дон Хесус? — равнодушно спросил монах.

— Разве вы не разделяете моего мнения?

— Я очень мало знаю графа, сеньор, ведь мы не перекинулись с ним и парой слов.

— Действительно, он так недолго пробыл здесь в свой первый приезд.

— Разве на этот раз он пробудет дольше?

— Не смею надеяться, отец Санчес, хотя и сильно желаю этого. У него неотложные дела в Чагресе.

— А!

— Но по возвращении, надеюсь, он опять остановится здесь.

— По-видимому, вы очень интересуетесь этим молодым человеком, — сказал монах, подняв голову и пристально поглядев на асиендадо.

— Действительно, очень: я потерял счет услугам, которые он оказал мне. Не далее как сегодня, часа два назад, не будь его, мы все были бы безжалостно умерщвлены разбойниками, засевшими в засаде и поджидавшими нашего проезда.

— В самом деле?

— Несмотря на мои просьбы, даже, можно сказать, требования, он один бросился на разбойников и перебил их всех. Что за человек! Какая храбрость! Вы также восхищались бы, отец Санчес, если бы, как я, видели его в пылу сражения.

— Боже мой! Разве дело было такое жаркое?

— Вы даже не можете себе представить: нас окружили более сорока человек разбойников-флибустьеров, бежавших из Панамы, где они содержались в ожидании приговора.

— Я полагал, что этих разбойников, как вы их называете, было не более десятка...

— Действительно, это так, — сказал асиендадо, прикусив губу, — но они собрали вокруг себя индейцев и беглых негров, которых немало в этих местах.

— Увы! Хозяева к ним безжалостны; у бедняг нет иного выхода кроме бегства.

— Вы жалеете этих злодеев, отец Санчес?!

— Я жалею всех страждущих, сеньор... Итак, они были вынуждены отступить?

— После упорного сопротивления.

— Слава Богу, что вы спаслись от такой опасности, теперь вы в неоплатном долгу у графа.

— Который, боюсь, никогда не буду в состоянии возвратить, отец мой: граф не такой человек, как все.

— Положим, однако, поблагодарить его вам бы следовало, — возразил монах слегка насмешливым тоном.

— О! Что до этого, то я, конечно, не премину.

— И хорошо сделаете, сеньор. Кстати, не ранен ли граф?

— Нет, а к чему этот вопрос, отец Санчес?

— Просто к тому, что он показался мне очень бледным, даже слабым; он явно нуждался в отдыхе.

— Я и сам не могу понять этого. В том, что он не ранен, можете быть уверены, но меня крайне удивляет, что молодой человек, рослый и превосходно сложенный, который еще сегодня доказал невообразимую энергию и громадную силу, тотчас после сражения стал вдруг жаловаться на усталость, на жар, Бог знает на что еще, и вдруг сделался слаб, как женщина. Вы сами видели его минуту назад. Что можно думать о таком странном поведении?

Отец Санчес пристально поглядел на асиендадо, как будто хотел проникнуть в глубину его души, потом встал и, поклонившись, сказал со значением:

— Это доказывает, что не следует полагаться на внешний вид, почти всегда обманчивый. Доброй ночи, сеньор дон Хесус, да бодрствует над вашим изголовьем ангел-хранитель и навеивает вам сладкие сны!

С этими словами он медленно вышел из залы.

— Что хотел сказать этот старый монах? — пробормотал про себя асиендадо, оставшись один. — Вечно он говорит такими загадками, что ничего не поймешь! Ах, если бы я мог избавиться раз и навсегда от его присутствия!.. Но терпение... — прибавил он, нахмутив брови, — быть может...

Он помолчал, потом опять заговорил вполголоса:

— К чему ломать голову над тем, что взбредет в глупую башку полусумасшедшего монаха, и доискиваться разрешения загадок!.. Раз все гости бросили меня, то и я пойду спать, это будет лучше, чем тревожиться относительно всяких химер и сумасбродств без малейшего на то основания... Ха-ха-ха! — презрительно засмеялся он. — Меня не так легко напугать, как полагают! Еще увидим!

Он прошелся по комнате взад и вперед и наконец решился уйти в свою спальню.

Спустя десять минут дон Хесус уже спал в своей постели сном праведника. Асиенда была погружена во мрак и безмолвие, все обитатели ее, по-видимому, наслаждались отдыхом. Однако, если бы нескромный глаз мог проникнуть

сквозь стены плотно запертых комнат, он увидел бы совершенно неожиданную картину.

Оставим пока дона Хесуса — единственного, быть может, из всех обитателей асиенды, кто действительно спал, — и войдем в комнату, занимаемую тремя Береговыми братьями. Флибустьеры и не думали спать. Сидя вокруг стола, они пили водку и о чем-то с жаром спорили вполголоса. С мужественного лица Лорана исчезли всякие следы усталости.

Эти трое ломали себе голову, пытаясь доискаться до некоего удачного решения, но оно никак им не давалось и они негодовали на свою неудачу.

Лоран уехал из Панамы вовсе не для того, чтобы попасть в Чагрес, где ему нечего было делать, а чтобы пробраться к устью Сан-Хуана и там переговорить с Монбаром или, по крайней мере, с Медвежонком Железная Голова, заместителем командующего экспедицией, о действенных мерах по захвату Чагреса, овладению фортом Сан-Лоренсо-де-Чагрес, который защищал город, и о наступлении оттуда на Панаму по суше через перешеек.

К несчастью, прежде всего Лорану и его товарищам следовало добраться до реки Сан-Хуан, точное положение которой никто не знал. Правда, река не могла быть очень далеко от того места, где они находились, однако чрезвычайно важный вопрос состоял в том, чтобы не ошибиться и не спутать одну реку с другой, что повлекло бы за собой громадную потерю времени и, пожалуй, провал всей экспедиции.

Три флибустьера находились в страшном затруднении, не зная, на каком решении остановиться. Отправляться в путь одним нечего было даже и пытаться, отыскать же проводника было не менее затруднительно: под каким предлогом могли бы они заставить проводника вести их к устью Сан-Хуана вместо того, чтобы отправиться в Чагрес?

— Я вижу только одно средство, — сказал наконец Мигель Баск с торжествующим видом. — Оно просто и верно.

— Не хвастай попусту, болтун, лучше говори скорее, — вскричал Лоран с нетерпением.

— Вот это средство: завтра утром мы берем проводника, безразлично, кого именно...

— Очень принято слышать, — шутливо ответил Лоран.

— Мы уговариваемся с ним, чтобы он довел нас до Чагреса.

— Однако...

— Подождите. Дорогой мы говорим ему, что передумали и, прежде чем ехать в Чагрес, желаем взглянуть на устье Сан-Хуана. Если он согласится исполнить наше желание — очень хорошо, если же он упрется, мы заставим его идти, приставив к горлу дуло пистолета. Так или иначе, результат выйдет один и тот же. Добравшись до места стоянки нашего флота, мы свяжем молодца, и нам останется только выбрать средство оградить себя от нескромности: мы вольны бросить его в море с камнем на шее или сдать на руки товарищам, которые продержат его у себя пленником и, пожалуй, со временем также смогут воспользоваться его услугами в качестве проводника. Вот мое средство. Ну, что вы скажете о нем, ваше сиятельство?

— Оно совсем неплохо и очень просто; за неимением лучшего, я думаю, надо будет прибегнуть к нему. Завтра с рассветом мы отправимся в путь. Нас, наверно, ждут с нетерпением, малейшая задержка может обернуться катастрофой. Ах! Почему с нами нет Хосе, ведь он дал мне слово!

— Я здесь, капитан, — отозвался тихий голос.

Несмотря на свою испытанную храбрость, флибустьеры вздрогнули и быстро оглянулись, схватившись за рукоятки пистолетов.

Хосе, спокойный и улыбающийся, стоял в двух шагах от них.

— Ты сквозь стену пролез, что ли, дружище? — весело вскричал Мигель. — Мы не слышали ни малейшего шума.

— Какая разница, где я прошел, раз я здесь?

— Правда.

— Когда вы видели, чтобы я изменял своему слову, капитан?

— Никогда, вождь, с удовольствием это признаю! Итак, простите мне, мой добрый друг, что я усомнился, не в вас — сохрани Боже! — но в возможности для вас войти в этот дом.

На лице индейца мелькнула кроткая улыбка.

Он точно переродился, так все изменилось в нем — от лица до одежды. Теперь он был в своем национальном костюме. Его тонкая холщовая рубашка, открытая на груди, стягивалась широким поясом из рыжеватой кожи, короткие штаны, также холщовые, едва прикрывали колени, к поясу была прицеплена с одной стороны короткая сабля с широким клинком, с другой — топорик, лезвие которого заканчивалось на обороте заостренным углом, а рукоятка имела фута полтора длины; мешочек с пулями и бычий рог с порохом были прицеплены возле сабли; мокасины из оленьей шкуры,

украшенные бисером, привязывались красными узенькими полосками, которые бесчисленное количество раз скрещивались, обвиваясь вокруг его сильных ног; длинные черные волосы, разделенные на прямой пробор, придерживались золотым ободком, в который было воткнуто орлиное перо, и падали свободно по плечам; большой пестрый плащ из шерсти ламы, с золотыми застежками, ниспадал досамоу земли.

В этом костюме и с ружьем в руке краснокожий имел несколько дикий и вместе с тем величественный вид, внушавший невольное уважение.

Мигель подвинул ему стул. Хосе сел и пригубил водку из стакана, который ему пододвинули.

— Вот ваш перстень, капитан, — сказал он сдержанно.

— Уже! — вскричал молодой человек.

— Валла-ваоз летят как на крыльях, когда надо служить любимому вождю. Благодаря вам, капитан, моя дочь была со мной до заката солнца. За такие услуги следует платить не словами, а делом. Надеюсь, недолго быть мне у вас в долгу.

— Хотя я желал бы противного, вождь, — с улыбкой возразил Лоран, пожимая ему руку. — Но как же удалось вам пробраться сюда так незаметно?

— С давних времен мне известны все тайны этого дома, капитан, и потому ничего не могло быть легче.

— Однако в наше первое посещение...

— Я еще недостаточно знал вас, капитан, — с живостью перебил индеец, — мне следовало так говорить. Кем я был тогда в ваших глазах? Бедным пеоном, пожалуй, немного более сообразительным, чем остальные, вот и все.

— Я неправ, бросим это, друг мой, и потолкуем о наших делах.

— К вашим услугам.

— Что вам удалось сделать?

— Все то, о чем мы условились: капитан Бартеlemi и его товарищи учат моих воинов владеть оружием, дети и женщины собирают серу и селитру, старики жгут целые деревья, чтобы добыть уголь; вскоре мы будем в состоянии снабжать вас порохом, если у вас будет в нем недостаток, — прибавил он, улыбаясь.

— Никогда нельзя знать наперед, что может понадобиться, — в тон ему ответил Лоран.

— Сегодня утром я виделся с Монбаром. Почти весь флот в сборе у устья Сан-Хуана, готовый приступить к боевым

действиям; ждут только прибытия семи или восьми кораблей эскадры Пьера Леграна и Моргана.

— Отлично! — вскричал молодой человек, радостно потирая руки. — Вот славные-то вести!

— Это еще не все, — заметил Хосе.

— Посмотрим, что еще.

— Незадолго до нападения Моргана губернатор Пуэрто-Бельо отправил по разным дорогам пять курьеров в Панаму с требованием помощи.

— И...

— Все пятеро были перехвачены разведчиками и повешены.

— Отлично! Так, значит, в Панаме и теперь еще ничего не знают?

— Ровно ничего.

— Ба! — философски молвил Мигель Баск. — Тем лучше для бедняг-испанцев. Пусть их себе наслаждаются покоем напоследок, их ожидает довольно неприятное пробуждение.

Слова Мигеля, произнесенные полунасмешливым-полудобродушным тоном, так свойственным знаменитому флибустьеру, вызвали общий смех.

— Так вы говорили с Монбаром? — спросил Лоран.

— Да, мы говорили с ним довольно долго... Речь шла также и о вас.

— Мой добрый друг! — сказал Лоран. — Я горю нетерпением увидеться с ним.

— Я обещал адмиралу, что завтра в девять часов утра вы и два ваших товарища будете на его корабле.

— В таком случае нам придется выехать очень рано.

— Зачем, капитан? — возразил Хосе, улыбаясь. — Вам предстоит переезд всего в три мили. Если отправиться в путь в восемь часов утра, мы вовремя будем на месте; адмирал приглашает вас к завтраку, предупреждая.

— Черт побери! — с живостью вскричал Мигель Баск. — Даже если по дороге нам пришлось бы положить целую сотню испанцев, я не преминул бы явиться на подобное приглашение.

— Такого страшного побоища не предвидится.

— Тем хуже, это было бы забавно!

— Вот беда-то! — вдруг вскричал Лоран, ударив себя полбу.

— Что такое, капитан? — спросил Хосе.

— Если флот стоит так близко отсюда, как вы говорите, надо держать ухо востро: того и гляди, что дон Хесус, трус-

ливый, как заяц, но хитрая бестия, случайно как-нибудь откроет, что происходит возле его асиенды.

— Меры уже приняты.

— Очень хорошо, но объясните мне, вождь, какие именно; признаться, я не спокоен.

— Я понимаю это, но повторяю, нет ни малейшего повода к беспокойству.

— И все-таки...

— Тут и говорить-то особо нечего. Просто я окружил асиенду живой цепью.

— То есть?

— С захода солнца пятьсот воинов сторожат каждый клочок земли на две мили в округе; кто бы ни попытался пройти за цепь, будет немедленно схвачен и повешен.

— Старая система!

— Почему бы не придерживаться ее, раз она хороша?

— Тем более, что она чрезвычайно проста.

— Вот именно. Что же касается асиенды, то она уже с час как снабжена порядочным гарнизоном.

— Как?! Гарнизон здесь?

— Боже мой! Да, здесь. Я имею полное право утверждать это, — прибавил Хосе, улыбаясь, — поскольку сам же и служил ему проводником и разместил, смею вас уверить, довольно удобно.

— Просто фантастика! — вскричал Лоран. — А как велик гарнизон?

— Угадайте, капитан.

— Откуда мне знать? Вы меня мучаете, точно на шиле держите.

— Какой вы нетерпеливый человек!

— Простите, любезный друг, но вы же понимаете...

— Понимаю и потому повинуюсь. Сколько вас на асиенде дель-Райо, Береговых братьев?

— Тринадцать, я полагаю, по крайней мере. Я, право, теперь и сам не уверен, во сне все это происходит или наяву.

— Благодарю, капитан, вы, верно, считаете меня чуть ли не колдуном.

— Не скрою, что есть такой грех.

— По счастью, священная инквизиция не имеет надобной власти, — возразил краснокожий, смеясь, — а то, чего доброго, по вашей милости, любезный капитан, меня сожгли бы на костре.

— Ей-Богу! Вы этого заслуживаете, раз так терзаете меня неизвестностью.

— Вы заблуждаетесь, любезный капитан.

— Заблуждаюсь?

— Ваш расчет неверен.

— Какой расчет?

— Да тот, что вы сделали. Вас не тринадцать Береговых братьев на асиенде, а, позвольте, чтобы не ошибиться, целых триста четырнадцать.

— Триста четырнадцать! Черт возьми! Что еще за шутки, вождь!

— Я не имею обыкновения шутить, когда речь заходит о вопросах столь важных, какие мы обсуждаем в настоящую минуту. Часа полтора назад, пока вы спокойно ужинали в столовой со всеми обитателями асиенды, я ввел в дом триста Береговых братьев под командой одного из ваших лучших друзей, который очень радуется, что наконец-то увидит вас и пожмет вам руку.

— О ком вы говорите, вождь?

— Об Олоне.

— Олоне здесь! — вскричал Мигель Баск. — Ого! Дело пошло! Знаю я этого голубчика, он не любит сидеть сложа руки.

— Какого черта посылает Монбар Олоне — ведь он Монбаром прислан?

— Самим Монбаром, который завтра же сам посвятит вас в свои планы, как он мне сказал.

— И вы ничего не знаете?

— Ровным счетом ничего, но предполагать не воспрещается, а потому...

— И что вы предположили? Говорите!

— Ведь вы с Монбаром братья-матросы?

— Правда, вот уже шесть лет, как все у нас общее.

— Следовательно, вас он считает таким же начальником экспедиции, как и себя. К тому же, именно вам принадлежит первая мысль о ней.

— Это возможно — тем более, что Монбар настолько великодушен, что не будет стараться держать товарища в тени.

— Особенно когда товарищ этот его брат-матрос и, следовательно, лучший друг.

— Это рассуждение не лишено логики.

— Теперь предположим... заметьте, капитан, что я ничего не утверждаю, только предполагаю...

— Хорошо, хорошо! Продолжайте, друг мой.

— Предположим, говорю я, что Монбар, желая уделить вам большую долю славы в экспедиции, задуманной вами, хотя по самоотвержению вы временно отошли на второй план, со своей стороны решился поручить вам командование в смелом нападении, на какое способны вы один, например, в занятии форта Сан-Лоренсо-де-Чагрес, который защищает Чагрес и славится непобедимым; Александр Железная Рука и сам Морганосаждали его поочередно в эти последние годы, однако взять так и не смогли.

— А я возьму, ей-Богу! — вскричал порывисто молодой человек.

— Если именно таково намерение Монбара, что мне, однако, неизвестно, он, должно быть, также верит в возможность вашего успеха. В числе окружающих его командиров адмирал особенно может полагаться на преданность одного, который любит и вас, — именно ему вы поручили ваш корабль, когда высадились на берег несколько дней тому назад.

— Олоне, черт возьми! Мой добрый старый товарищ!

— Быть может, адмирал, от которого ничто не ускользает, и выбрал Олоне в убеждении, что между вами будет полное согласие.

— О! Это верно. Я полагаюсь на Олоне, как на самого себя.

— Позвольте еще раз заметить вам, что я не знаю ничего определенного, адмирал не говорил мне ничего такого, только...

— Только что?

— Он показался мне крайне озабоченным численностью гарнизона в форте Сан-Лоренсо, который благодаря своему положению защищает не только город и море, но и реку вместе с окрестностями.

— Гм! Сильно он вооружен?

— Там находятся двести пятьдесят орудий на валах и гарнизон в три тысячи человек — старых, обстрелянных солдат под командой генерала Сантьяго Вальдеса, слава которого известна всему миру.

— Проклятие! Три тысячи человек, по десятку на одного, да еще за толстыми стенами!

— И прочными, каменными, в двенадцать футов толщины сверху и в двадцать пять в основании; я знаю форт, как будто прожил там целый век.

— Ей-Богу! Если это мысль Монбара, спасибо ему, что он подумал обо мне! Это будет самой смелой и доблестной операцией в ходе всей экспедиции.

— Позвольте, капитан, ведь я ничего не утверждаю, это лишь мое предположение.

— Что ж, даже если Монбару эта мысль не приходила в голову, я подскажу ему, любезный Хосе! Ни за какие блага на свете, даже лучшему своему другу, за исключением Монбара, разумеется, я не уступлю чести этого блистательного подвига!

— Вы знаете в них толк.

— Еще бы! Клянусь честью, вождь, — со смехом прибавил Лоран, — вы отличнейший товарищ, какого мне не приходилось еще встречать.

— А знаете ли, что я сделаю, если вам дадут это поручение?

— Ей-Богу, знаю! Вы пойдете со мной, не правда ли, друг мой?

— Правда.

— По рукам, дружище, дело решено!

И он протянул индейцу руку.

— Хотите теперь побеседовать с Олоне? Он горит нетерпением увидеться с вами.

— Хочу ли? Немедленно, если только это возможно!

— А я-то, — заворчал Мигель. — Меня что, оставят здесь одного?

— Нет, — возразил Хосе. — Только закройте за собой дверь так, чтобы в комнату нельзя было войти: ваше отсутствие может продлиться большую часть ночи.

Юлиан тут же запер дверь на задвижку.

— Готово, — сказал он.

— Следуйте за мной.

Хосе подошел к стене и надавил пальцем в едва приметное углубление. Тонкая доска медленно, без малейшего шума отделилась от стены и открыла свободный проход.

Индеец взял фонарь, который оставил тут по приходе, зажег его, после чего тщательно задвинул доску на прежнее место.

Четверо товарищей очутились в довольно узком коридоре, в котором, однако, могли продвигаться по двое в ряд.

*Чем можно заниматься ночью, если
не хочешь спать*

Индийский вождь, которому, по-видимому, суждено было бесконечно служить проводником Береговым братьям, исполнял свою обязанность, надо сознаться, с замечательной ловкостью и отличным знанием дела.

Он вел своих спутников по коридорам, которые то и дело перекрещивались с другими коридорами, точно клубок ниток, которым играла кошка; они то поднимались вверх, то спускались вниз, то возвращались назад, то сворачивали направо или налево, и проводник ни на минуту не колебался, не останавливался, даже не замедлял шага, разве только для того, чтобы затворить за собой дверь.

Таким образом они шли молча около трех четвертей часа, когда Хосе наконец остановился. Остальные последовали его примеру.

Проводник обратился к Лорану.

— Мы у цели, — сказал он.

— Это видно, — ответил молодой человек.

— Видно?

— Слышно, я хотел сказать: наши товарищи порядком шумят.

— Забавляются.

— Черт побери! Я знаю их забавы наизусть, но не боитесь ли вы, что этот адский содом разбудит спящих наверху?

— Во-первых, капитан, я замечу вам, что мы находимся на двадцать пять футов ниже асиенды, существование этого подземелья даже не подозревается нынешним владельцем, вообще очень мало посвященным, как вы имели случай заметить, во внутреннее устройство принадлежащих ему домов.

— Ей-Богу! Трудно понять подобное неведение!

— А между тем все объясняется очень просто. Кроме этой асиенды и дома, в котором вы живете, построенных людьми, вероятно имевшими свои причины вести строительство таким образом, во всей Америке, быть может, не найдется ни одного дома с подвалами. Разумеется, дон Хесус не мог предполагать, чтобы два купленных им дома составляли исключение из общего правила. Ему было естественнее думать, что

они заканчиваются в нескольких футах от поверхности земли, насколько этого требует фундамент.

— Я не подумал об этом, хотя, конечно, все очень просто.

— Итак, продолжаю объяснение: эти подвалы имеют двенадцать футов высоты, в них ведут тридцать пять ступеней, что можно определить средним числом в пятнадцать футов... Пятнадцать, двенадцать да двадцать пять составляют в итоге пятьдесят два фута! Залп батареи в пятьдесят орудий не может быть услышан на поверхности земли с такой глубины, особенно при наличии пустых пространств, которые, как вам известно, отлично поглощают звук.

— Ваше превосходное объяснение вполне успокоило меня, вождь, а теперь открывайте скорее дверь, мне так хочется видеть моих добрых друзей.

Хосе надавил на пружину, и дверь распахнулась.

Удивительное зрелище, не лишенное мрачного величия, представилось изумленным взорам Береговых братьев.

В громадной зале с высокими сводами, освещенной смоляными факелами, воткнутыми в железные руки, которые выступали из стены на определенном расстоянии одна от другой, волновалась и кишела толпа людей с грязными лицами и взорами хищных птиц. Вооруженные с ног до головы, они были одеты в жалкие лохмотья, в которых, казалось, было больше дыр, чем ткани.

Это были буканьеры Олоне. Одни играли в кости на опрокинутых бочках, другие пили, третьи, наконец, и в довольно большом числе, спали крепким сном, растянувшись на земле, нисколько не обращая внимания на адский содом вокруг от говора, споров и смеха товарищей.

У стола в богатой одежде сидел Олоне. Перед ним стояли жбан и оловянный кубок. Откинувшись на спинку стула, вытянув ноги, с трубкой в зубах, скрестив на груди руки, знаменитый авантюрист со спокойным достоинством наблюдал за этой оргией.

Над головами пестрой толпы под сводами черными клубами с рыжеватым отливом стлался дым от факелов.

Это была настоящая картина Жака Калло, гравированная Альбрехтом Дюрером; никогда, однако, этим двум гениальным художникам, если бы они жили в описываемое нами время, не удалось передать такой своеобразной сцены на меди или полотне, и досады они сломали бы резцы, карандаши и кисти; даже Сальватор Роза не создал бы ничего подобного.

Лоран с минуту наблюдал за этой сценой с неподдельным участием, в котором сам не мог дать себе отчета, потом переступил через порог. Вместе со своими спутниками он стал пробираться через толпу игроков и пьющих, до того занятых собственным делом, что ничего не видели вокруг, и наконец подошел к Олоне. Весь погруженный в созерцание клубов дыма, поднимавшегося из его трубки к потолку, буканьер не заметил прихода товарищей.

Лоран тихо опустил руку на его плечо.

Как ни легко было прикосновение, оно мгновенно прервало глубокую задумчивость наблюдателя.

С быстротой ягуара он вскочил и обернулся, держа по пистолету в каждой руке.

— Да ты что, брат! На кого это ты так напустился?! — вскричал Лоран.

— Гром и молния! Это ты, брат! — И Олоне захохотал во все горло. — Как я рад тебя видеть!

— Здравствуй, Олоне.

— Э-э! И ты, Мигель, старый дружище! Добро пожаловать! И Шелковинка тут, и Хосе! Чертовы рога! Это же просто праздник какой-то!.. Садитесь и потолкуем за трубкой и стаканом доброго вина. Мне надо передать тебе кое-что, Лоран.

— И мне тоже, — с улыбкой ответил тот.

— Эй! Вино, стаканы! Живо, гром и молния!

Какой-то малый с болезненным бледным лицом, худой — как говорится, одна кожа да кости — поспешил подать на стол все, чего требовал хозяин.

— На, выпей, постная рожа, это тебе полезно, — сказал Олоне, подавая ему полный до краев стакан.

Поблагодарив улыбкой, смахивающей на болезненную гримасу, слуга залпом осушил стакан и отошел, вытирая рот тыльной стороной руки.

— Этому бедняге не суждено, по-видимому, долго мыкаться по белу свету, — заметил Лоран с состраданием.

— И не говори, — согласился Олоне, пожав плечами, — он и теперь полумертвый. Кажется, он из какого-то богатого семейства в Гаскони; его захватили вербовщики и силой отправили сюда. Он создан быть буканьером, как я — папой. Курица сильнее его. К тому же ему посчастливилось тотчас по прибытии в эти места схватить лихорадку, от которой он и теперь еще не может отвязаться. Он тих и скромен, как девушка, предан нам, как собака, и храбрости необычайной.

— В его положении нечего бояться смерти, она для него скорее облегчение.

— Отчасти дело в этом; но, кроме того, он дворянин, его фамилия де Марсен или что-то в этом роде.

— Зачем же ты купил его, такого больного?

— По доброте. Мне стало жаль его. Когда бедного малого выставили на продажу вместе с другими, я заметил, что к нему присматривается Красивая Голова, а ты знаешь, что он не слывет нежным к своим работникам. Вот мне и захотелось спасти этого парня, которого он, безусловно, угробил бы через две недели.

— Ты хорошо поступил, Олоне, я узнаю тебя в этом.

— А что прикажешь делать? Ведь я тоже был продан в неволю и не забываю этого.

— Правда; ты принадлежал Монбару.

— Именно.

— Но тебе не следовало брать с собой беднягу при такой его слабости.

— О-о! Видно, что ты совсем не знаешь его. Он ни за что не хотел отставать от меня; кроме того, он сказал мне слова, которые тронули меня своей искренностью.

— Какие?

— «Дайте мне съехать с вами на берег, — сказал он, — может, мне и удастся схватить пулю, ведь лучше умереть так, чем от лихорадки».

— И ты согласился?

— А что сделал бы ты на моем месте?

— То же, что и ты. Бедняга!

— Твое здоровье, брат, и хватит об этом.

— Твое здоровье! А ведь замечательно встретиться после расставания, при котором не знаешь, увидишься ли опять в этой жизни.

— Поверь, старый товарищ, моя радость не меньше твоей.

— Знаю, и от этого мне еще веселее... Но здесь от гама ничего не слышно; постой, я мигом всех угомоню.

Олоне взял свисток, который носил на шее на золотой цепочке, и пронзительно свистнул.

Мгновенно в зале водворилась мертвая тишина.

— Ну-ка, живо спать! — крикнул Олоне зычным голосом. — Уже поздно, а завтра с рассветом подъем по тревоге. Да и мне нужно переговорить в тишине с Лораном и Мигелем Баском. Марсен, читай молитву.

Береговые братья тотчас стали на колени и благоговейно повторяли за данником слова молитвы, потом легли вповалку и через пять минут уже храпели, словно трубы органа.

— Вот мы и избавились от них, — сказал Олоне, возвращаясь к своему месту у стола, — теперь поговорим.

— Охотно.

— Предупреждаю, любезный друг, что Монбар отдал меня под твою команду, я твой лейтенант.

— Монбар не мог доставить мне большего удовольствия, завтра я сам поблагодарю его... Так о чем пойдет речь?

— Я и сам толком ничего не знаю, адмирал никому не хочет ничего говорить, кроме тебя, что и справедливо, раз экспедицией командуешь ты. Впрочем, не беспокойся, я уверен, что дело предстоит жаркое.

— Почему ты так думаешь?

— Видишь ли, я знаю Монбара как свои пять пальцев, потому что долго служил ему; как ни крути, а мне его замашки известны вдоль и поперек. Когда он говорит мне что-нибудь, я тотчас смекаю, в чем дело. Итак, когда он грызет ногти, можно быть вполне уверенным, что дело будет о-го-го какое жаркое!

— То-есть, разговаривая с тобой, он грыз ногти?

— Постоянно. Вот тогда я и сказал себе: видно, пляска будет на славу.

— Твоими бы устами да мед пить!

— К тому же я сообразил, что Монбар не стал бы отвлекать тебя от твоих дел из-за пустяков... Хорошо тут жить?

— Жаловаться не могу, живу отлично.

— Скажите на милость, экий неженка! Тем лучше, тысяча чертей! Я хотел бы уже быть там!.. А что делает Тихий Ветерок?

— Нельзя сказать, что сильно занят в настоящую минуту.

— Дело не в работе, — я думаю, он скучает до смерти: земля ему не по душе, он истый моряк. Итак, завтра ты увидишься с адмиралом.

— В девять часов утра. Как только я вернусь, я немедленно передам тебе весь наш разговор с ним.

— Это хорошо.

— Может случиться, что я получу приказание действовать немедленно.

— Не беспокойся, я буду готов.

— Во всяком случае у тебя будет время на подготовку: раньше ночи я ни под каким видом не соглашусь вывести отсюда наших людей.

— Это будет лучше; так мы сумеем без опаски покинуть наше убежище, нас никто не увидит, и мы не выдадим нашего присутствия в случайной стычке.

— Скажите, вождь, — обратился Лоран к индейцу, — куда ведет выход из этого подземелья?

— Их несколько, капитан, — ответил Хосе. — Тот, которым воспользовались мы, примыкает почти к самому устью Сан-Хуана, кроме этого есть еще два, один из которых оканчивается в пятидесяти шагах от дороги из Чагреса в Панаму.

— О-о! Если предчувствие не обманывает меня, я думаю, мы выйдем этим путем.

— Я тоже так думаю! — весело вскричал Олоне, потирая руки.

— Сеньоры, — сказал Хосе, — позвольте вам заметить, что ночь на исходе и пора бы уже отдохнуть.

— Очень приятно! — засмеялся Олоне. — Хосе лелеет нас, как нежных молоденьких девушек, даже посылает нас спать, прости Господи!

— На рассвете капитан Лоран должен быть уже в дороге.

— Правда... Еще последний стаканчик — и доброй ночи! Вот уж я со своими людьми поскучаю весь завтрашний день.

— Позвольте мне дать вам совет, капитан.

— Еще бы, друг Хосе, — все ваши советы превосходны!

— Вы, наверное, заметили, когда шли сюда, пленницу в двадцати шагах от входа?

— Разумеется, заметил, и что же из этого?

— Пслушайте меня и велите каждому из ваших людей обтесать и заострить с одного конца по пятнадцать кольев толщиной с руку и длиной футов в десять. Таким образом у нас окажется четыре тысячи пятьсот кольев, которые в данную минуту могут нам очень даже пригодиться.

— Понимаю вашу мысль и нахожу ее отличной... только не на спине же прикажете людям тащить с собой эти колья?

— Зачем же? Чего не в состоянии сделать люди, то могут выючные животные. Завтра вечером сюда приведут двадцать мулов, чтобы перевезти колья, куда вы скажете.

— Если так, то мы все сделаем в лучшем виде! Работа эта простая, и мои молодцы, по крайней мере, с пользой проведут день.

Олоне налил всем вина, взял в руки свой стакан и поднял его.

— За успех нашей экспедиции и предстоящей операции! — провозгласил он.

Другие подхватили тост, чокнулись стаканами и осушили их до дна.

— До свидания, брат, завтра увидимся, — сказал Олоне, протягивая Лорану руку.

Потом он пожал руку Мигелю Баску и Хосе.

— Доброй ночи, брат, — ответили флибустьеры.

— Ах! — спохватился вдруг Олоне. — Мне же надо расставить несколько часовых.

— Не трудитесь, капитан, — возразил индеец с веселой улыбкой, — я уже поставил своих.

— Раз так, я пошел спать.

Перекинувшись с товарищами еще несколькими словами, Олоне закутался в свой плащ и растянулся на соломе. Лоран со своими спутниками покинул залу вслед за проводником.

Не успели они затворить за собой дверь, как уже Олоне храпел напропалую.

Возвращались тем же путем, что и пришли. После бесконечных поворотов — теперь уже в обратную сторону — флибустьеры добрались наконец до верхнего этажа асиенды.

Они вернулись в занимаемую ими комнату ровно после трех часов отсутствия.

Все в комнате находилось в том же виде, как они оставили, никто не пытался проникнуть сюда в их отсутствие.

— Вы позволите мне войти к вам на минуту? — спросил Хосе. — Признаться, я не прочь перевести дух.

— Входите, входите, мой друг, меня вовсе не клонит ко сну. Если вы хотите, мы можем побеседовать.

— Решено, зайду.

Индеец вошел в комнату и сел, но проход в стене оставил открытым.

— Что это ты? — спросил Лоран у Мигеля, который также сел у стены.

— Как видите, сажусь поджидать, когда вам наконец-то заблагорассудится лечь.

— Ты с ума сошел, старый дружище, никакой надобности в тебе у меня сейчас нет. Да ты посмотри, у тебя же глаза слипаются!

— Говоря по правде, смерть как спать хочется. Я сознаюсь в этом без зазрения совести.

— Иди ложись, старина, завтра тебе надо быть бодрым и свежим, как розан.

— Вы не рассердитесь на меня?

— В уме ли ты? Ступай, говорю, и возьми с собой бедного мальчика, ведь он спит стоя, точно цапля.

— Ей-Богу, вы просто из железа сделаны! Вас ничем не сломить.

— Полно, ты шутишь! Я пятнадцатью годами моложе тебя, вот и вся штука! Ступай ложись, дружище, и выспись хорошенько. Спокойной ночи!

— Что ж, если вы позволяете, я пойду. За мной, мальчуган!

И флибустьер увел Юлиана, который давно уже клевал носом, в смежную комнату, где для них были приготовлены две кровати.

Спустя несколько минут громкий храп удостоверил Лорана, что его товарищи на всех парусах плыли к пленительной и цветистой стране грез.

Тогда он обратился к индейцу.

— Теперь я весь к вашим услугам, любезный друг, — сказал он. — Говорите, я готов выслушать, что вы хотите мне сообщить.

— Почему вы думаете, что я хочу сообщить вам что-то?

— Я хитрая лисица, вождь, меня трудно провести. Такой человек, как вы, ничего не делает без повода; когда же ему приходится искать предлог, он всегда находит самый невероятный из всех.

— Вы, стало быть, не верите в мою усталость, как мне казалось, весьма естественную?

— Нисколько, как не чувствую ни малейшей усталости и сам. Мигель сказал правду, а он знаток по этой части: мы с вами железные, ничто не может нас сломить.

— Видно, от вас действительно ничего не скроешь.

— Наконец-то вы это поняли, и, надеюсь, в будущем у нас с вами не возникнет недоразумений... Говорите же, чего вы от меня хотите?

— Увести вас с собой.

— Далеко?

— Всего на несколько шагов отсюда.

— Значит, в этом же доме?

— Даже на этом же этаже.

— К кому вы меня ведете?

- Я дал слово не говорить вам этого.
- Черт возьми! Какая-то тайна!
- Да, если хотите.
- Можете ли вы мне сказать, по крайней мере, к мужчине я должен идти или к даме?
- Не исключено, что вы встретитесь с дамой, хотя поведу вас к мужчине.
- Гм! Вы сильно возбуждаете мое любопытство. Можете ли вы хоть намекнуть на причину такого позднего посещения?
- Ни в коем случае.
- А почему, любезный друг?
- Потому что сам этого не знаю.
- Однако какие-то заключения для себя вы, вероятно, уже сделали? — заметил Лоран с тонкой улыбкой.
- Ровно никаких, капитан.
- Но это невозможно!
- Однако это так.
- И вы ничего не знаете?
- Решительно ничего, честное слово.
- Я верю вам, друг мой, но что же все-таки случилось?
- Обстоятельство самое незначительное: лицо, о котором идет речь, просило меня привести вас к нему; это лицо из числа тех немногих, которым я ни в чем не могу отказать. Итак, я дал слово, вот и все.
- Странно.
- Я должен прибавить, что получил приказание, как только введу вас, тотчас уйти и ждать снаружи в потайном коридоре.
- Ничего не понимаю.
- Да и я не больше вашего, но за одно поручусь.
- А именно?
- Что вы не подвергаетесь никакой опасности.
- Уж не думаете ли вы, любезный друг, что я подозреваю вас в намерении поймать меня в ловушку?
- Нет, я не то хотел сказать.
- Что же тогда?
- Я убедился, что против вас не замышляется ничего дурного.
- Да какое мне дело, хотьбы и замышлялось! — вскричал Лоран, гордо вскинув голову. — Разве я не в силах защищаться?
- Осторожность никогда не помешает. Я дорожу жизнью не больше вашего, капитан, но раз уж приносишь ее в жер-

тву, надо, по крайней мере, чтоб жертва эта имела цену и служила нашим целям. Хотя я и бедный невежественный индеец, однако, поверьте, был бы в отчаянии умереть глупо, дать убить себя под кустом, как бешеную собаку, или из-за угла, в расставленной мне гнусной ловушке.

— Суждение ваше совершенно справедливо, друг мой, я вполне разделяю ваше мнение: ничего не может быть нелепее глупой смерти.

— Так вы согласны идти со мной в комнату того, кто вас зовет?

— Да уж придется, черт побери, раз вы дали слово!

— Благодарю вас, капитан.

— Не скрою, однако, от вас, что таинственность эта мне неприятна, сам не знаю почему.

— Если так, тогда проще всего не ходить; я скажу, что вы не согласились...

— И останетесь при этом пустым хвастуном, человеком, который дает слово, не зная, в состоянии ли сдержать его. Этого я не могу допустить, любезный мой Хосе. Идем!

— Вы хорошо все обдумали?

— Я никогда не передумываю, любезный вождь, я принимаю или отвергаю предложение — вот и все. Я согласился и готов следовать за вами. Ступайте вперед.

— Тогда идем.

Они вышли, но на этот раз Хосе задвинул за собой подвижную доску.

Они шли коридором около четверти часа, потом повернули направо, поднялись на несколько ступеней, сделали еще с десяток шагов; наконец Хосе остановился.

— Здесь, — сказал он.

— Недолго же мы шли. Но что я должен буду делать, когда захочу вернуться?

— Не беспокойтесь, меня предупредят.

— Прекрасно. Тогда войдем.

Индеец стукнул три раза в стену и снова отодвинул подвижную доску.

— Ступайте, — шепнул он Лорану.

Капитан храбро шагнул внутрь.

Доска за ним мгновенно опустилась.

Индеец, как и предупредил флибустьера, остался стоять снаружи.

ГЛАВА IX

Две встречи, которых Прекрасный Лоран никак не ожидал

Несколько мгновений капитан Лоран оставался неподвижен у порога потайной двери. Он слышал, как за ним тихо опустилась доска, прикрывающая отверстие, в которое он прошел, однако, предупрежденный краснокожим, что должен войти один, он нисколько не смутился одиночества, к которому был подготовлен. Гордо выпрямившись и высоко подняв голову, он осматривался вокруг, чтобы, если возможно, разобраться, где очутился.

Нередко внимательное изучение места, куда попадешь случайно, дает возможность догадаться, с какого рода людьми предстоит иметь дело, и через ряд последовательных выводов почти всегда можно прийти до верного заключения об их вкусах, привычках, о том, чего следует опасаться или на что надеяться.

В данном случае изучение обстановки не представляло ни малейшего затруднения.

Комната была длинная и узкая, вся обшитая дубовыми филёнками резной работы редкой красоты; богатая библиотека занимала целиком одну стену. Освещалась комната четырьмя сводчатыми окнами с цветными витражами, где изображались предметы духовного содержания, точно в церкви; тяжелые занавеси из плотной коричневой материи были на каждом окне; на стенах висели шесть больших картин из жизни святого Августина.

Эти картины неизвестных мастеров, не лишенные художественного достоинства, отличались несколько наивной манерой живописи, мрачной и сухой, свойственной кисти большей части испанских живописцев эпохи Возрождения.

Между двумя окнами, под громадным распятием, окруженным всеми принадлежностями страдания Христова, был дубовый аналой для моления; в одном из углов стояла скромная кровать с тощим тюфяком, волосяной подушкой и шерстяным одеялом. По всей комнате были расставлены стулья, табуретки и кресла; массивный стол, заваленный книгами и разными рукописями, занимал середину комнаты.

Стоявшая в угловой нише Мадонна с младенцем Иисусом на руках, в венке из белых роз, драпированная золотой пар-

чой, казалась гением-хранителем этого мирного убежища. Перед ней горело с десяток тоненьких свечей длиной с руку, насаженных на железные шипы. Ниша эта могла задерживаться занавеской.

Серебряная лампа в три рожка свисала с потолка над столом на высоте двух футов и распространяла приятный полусвет в этой комнате, очень похожей на келью. Кроме тайного входа в ней имелись две створчатые двери в противоположной стене.

— Уж не нахожусь ли я у почтенного отца Санчеса, капеллана асиенды? — пробормотал про себя Лоран. — Я не прочь наконец-то познакомиться с этим святым мужем, даже лица которого мне пока что не удалось рассмотреть. Звук его голоса всегда вызывает во мне невольный трепет, точно отдаленное воспоминание чего-то слышанного в детстве. Какое в этом правдоподобие! — грустно заключил он, покачав головой.

Спустя минуту он прибавил:

— Да что ж это, я один здесь, что ли? Куда подевался почтенный капеллан?

Эти слова будто имели силу вызывать духов, потому что дверь внезапно отворилась и на ее пороге появился отец Санчес.

Капюшон его коричневой рясы был опущен на лицо; он скрестил руки у пояса так, что их не было видно под широкими рукавами.

С минуту он оставался неподвижен, потом подошел к столу и, поклонившись посетителю, произнес своим звучным голосом:

— Добро пожаловать, граф! Признаться, я ожидал вашего прихода с нетерпением и беспокойством.

— Почему, святой отец? — спросил молодой человек, ответив на поклон.

— Я опасался, что вы не согласитесь навестить меня в столь поздний час ночи, а поговорить с вами я очень хотел.

— Прежде всего, святой отец, — возразил молодой человек, улыбаясь, — надо вам признаться, что я вовсе не знал, куда меня ведут.

— Правда, я запретил Хосе говорить.

— Позвольте заметить вам, что вы были неправы.

— Быть может, граф, но, говоря между нами, военные не питают большого уважения к духовным лицам, и я опасался, что вы не придете.

— Правда, я военный, преподобный отец, — перебил с живостью капитан, — но всегда уважал духовных лиц; кроме того, вы напоминаете мне одного человека, который принимал участие в моем воспитании и к которому я сохранил в душе глубокую преданность. Память о его доброте, запечатленная неизгладимыми чертами в моем сердце, была бы лучшим ходатайством за вас.

— Простите, граф, — сказал отец Санчес с чувством, которое тщетно силился скрыть, — благодарю вас за благосклонные слова... Не угодно ли вам сесть? — прибавил он, подвигая кресло. — Так удобнее разговаривать, а я должен сообщить вам много важного.

Капитан слегка отстранил предложенное кресло.

— Святой отец, — сказал он с почтительным поклоном, — я стою перед вами с непокрытой головой и не прячу лица. Вы знаете, кто я. Вас я еще не видел ни разу и даже не знаю, действительно ли передо мной находится преподобный отец Санчес, капеллан асиендыдель-Райо? Не окажете ли вы мне чести откинуть ваш капюшон, чтобы я мог удостовериться, действительно ли вы то лицо, за которое выдаете себя?

— Разве моя ряса не говорит, кто я?

— У нас, военных, есть поговорка, немного пошлая, правда, но тем не менее справедливая: «Не всяк тот монах, на ком клобук».

— Не стану теперь обсуждать с вами этот вопрос, граф, ограничусь лишь замечанием, что часто лучше скрываются с открытым лицом, чем под маской.

— Что вы хотите сказать, отец капеллан?

— Не более того, что говорю, граф. Если бы я в свою очередь спросил вас, действительно ли вы графде Кастель-Морено, кто знает, не испытывали бы вы затруднения при ответе.

Лоран прикусил губу и вспыхнул от гнева при таком неожиданном и метком выпаде.

— Все здесь знают меня под этим именем, — ответил он уклончиво.

— Здесь — бесспорно, — многозначительно заметил монах, — а в других местах?

— То есть как «в других местах»?

— Ну, в Европе... в Испании, например, на Санто-Доминго, на Тортуге и не знаю где еще, разве вы известны под этим именем?

— Подобные слова, произнесенные таким тоном, требуют немедленного объяснения! — вскричал молодой человек, гордо вскинув голову.

— Какое объяснение могу я дать, граф? Вы как будто сомневаетесь во мне, я — в вас... мы квиты. Я только хотел показать вам, что спрашивать всегда легко, но отвечать подчас бывает очень трудно.

— Не уклоняйтесь от прямого ответа, преподобный отец, говорите открыто, как подобает человеку честному. Не я разыскивал вас, вы сами изъявили желание говорить со мной; следовательно, вы и должны подать пример откровенности.

— Я согласен с этим, граф, вы правы. Если же я подам вам, как вы говорите, пример откровенности, вы последуете ему?

— Не будем тратить времени на пустые слова, преподобный отец: вы знаете меня, я в этом убежден. Вы даже могли открыть причину, которая привела меня в эти края. Как видите, я вижу вас насквозь, и оспаривать это — напрасный труд.

— Сознаюсь, что...

— Я угадал, верно? Простите, преподобный отец, я человек военный и привык к краткости. Странное положение, в котором я нахожусь, требует величайшей осторожности; я не могу согласиться погубить или даже подвергнуть риску очень важные интересы, которые поставил себе целью жизни.

— Мечь, хотите вы сказать, — тихо произнес монах.

— Быть может, и мечь, — продолжал Лоран с легким содроганием. — Вы видите, что я молод, можете строить предположения о моем тщеславии и легкомыслии, но это заблуждение с вашей стороны, отец мой. Горе рано старит человеческое сердце, а я смолоду узнал, что значит страдать. Мне двадцать восемь лет, но в душе я чувствую себя пятидесятилетним. Я не знаю вас, не знаю, кто вы, однако угадываю, не понимая причины, что вы принимаете во мне участие. Тем не менее, пока мы будем в нынешних отношениях, наш разговор ни к чему не приведет, так как обмен мыслями между нами невозможен. Итак, остановимся на этом и позвольте мне уйти. Я убежден, что вы не желаете мне зла, и даже не требую от вас слова хранить мою тайну, которую вы открыли Бог весть каким образом. Прощайте, отец мой, да хранит вас Господь!

— Постойте! — с живостью воскликнул монах. — Так расставаться нельзя. Я долго ждал минуты свидания и не могу потерять вас опять. Вы требуете, чтобы я открылся вам?

Пусть будет по-вашему. Смотрите, граф, враг ли перед вами!

Быстрым движением монах откинул капюшон, и свет упал прямо на его спокойное и прекрасное лицо, слегка бледное от внутреннего волнения.

— Вы?! Это вы, отец мой?! — страшным голосом вскричал Лоран. — Сердце не обмануло меня! О, Господь должен был послать мне эту неизъяснимую радость после всей скорби, которую мне довелось вывести!

— Возлюбленный сын мой! — воскликнул монах голосом, в котором слышались слезы. — Наконец-то!

Он раскрыл объятия, и молодой человек упал к нему на грудь.

Долгое время провели они таким образом, сердце к сердцу, безмолвно проливая слезы.

В эту минуту незнакомая дама в трауре и в длинном креповом покрывале, с бледным, как у покойницы, лицом, но с чертами замечательной красоты, остановилась у двери и с безграничной нежностью смотрела на происходившую сцену, не думая удерживать слезы, струившиеся по ее щекам.

Лоран опустился в кресло, монах сел рядом, взяв его за руку.

— Милое дитя, — сказал старик с чувством, которое так и рвалось наружу, — я не могу насмотреться на тебя, не могу налюбоваться; ты именно такой, каким представляла мне тебя память сердца: прекрасный, гордый, храбрый...

— Отец мой, зачем вы так долго скрывались от меня? Я был бы счастлив знать, что вы поблизости, говорить о моей матери, святой страдальце, которая теперь на небесах молится за своего сына, о бедном дедушке, также сраженном горем!

— А твоего отца, дитя, ты разве вспоминать не хочешь?

Молодой человек вскочил, смертельно побледнев, грозно нахмутив брови, стиснув зубы и бросая вокруг огненные взоры, точно ангел-мститель.

— Отец! — вскричал он нечеловеческим голосом. — Господи! Разве был у меня когда-нибудь отец?! Я ненавижу это чудовище, которое из гнусного расчета хладнокровно стало палачом целого семейства! Хотел бы я видеть его сраженным, дрожащим у моих ног, молящим о пощаде со следами стыда и раскаяния, и с наслаждением погружать ему в грудь кинжал, медленно, чтобы подольше продлить его муки!

— О сын мой! — скорбно воскликнул монах.

Но Лоран в порыве холодного гнева, который был вдвое сильнее оттого, что долго сдерживался, продолжал, не заметив этого восклицания:

— К несчастью, он для меня недосягаем; но если он вне моей власти, то я покараю его в его единоплеменниках! Клянусь в неумолимой ненависти к корыстным и кровожадным испанцам, которые стали убийцами целого рода! Клянусь вести войну с низкими палачами без жалости, без отдыха и пощады! При свете пожаров, которые поглотят их города, при криках отчаяния их жен и детей, умерщвленных без милосердия, я начертаю кровавыми и огненными буквами эту месть всему народу, раболепному соучастнику презренного, который отрекся от меня... меня, своего сына!..

Неистовый гнев молодого человека походил на сумасшествие. В эту минуту его пламенная душа вся выливалась наружу, страсть прорывала все плотины, воздвигнутые благоразумием; гордый капитан превращался в какого-то бесноватого, в демона.

— О Боже мой! — прошептал монах с унынием бессилия. — Что делать? Как заставить его очнуться?

Но вдруг Лоран провел рукой по влажному лбу, его губы дрогнули от горькой улыбки, и тихим, почти детским голосом, который поражал резким переходом от недавнего неистовства, он сказал:

— Простите, отец мой, я не прав, что увлекся, но совладать с собой не имел сил. Ради Бога, не говорите мне больше о чудовище, которое называете моим отцом; никогда не упоминайте о нем, если не хотите свести меня с ума. Только два страшных чувства во мне и сохранились: ненависть и месть! Они гложут мне сердце денно и нощно.

Внезапно он почувствовал на плече руку, и нежный голос шепнул ему на ухо:

— А любовь?

Лоран вздрогнул и быстро оглянулся.

Женщина, о которой мы упоминали выше, стояла перед ним бледная и улыбающаяся.

— Боже мой! — пробормотал он, закрывая руками лицо. — Это сон или я помешался? Такое сходство...

— Ты ошибаешься только наполовину, дитя, — нежно продолжала дама, заставив его опустить руки и поглядеть ей прямо в лицо, — я сестра твоей матери.

— Вы?! — вскричал он. — Вы живы! О-о!

Душевное потрясение было слишком сильно, оно сломило могучую натуру. Молодой человек пошатнулся, точно пьяный, машинально протянул руки вперед как бы для того, чтобы удержаться, и вдруг рухнул наземь, точно сломанный яростным порывом урагана дуб.

Он лишился чувств.

Очнулся он уже на кровати отца Санчеса; трое лиц вокруг него с напряженным вниманием ждали, когда он откроет глаза.

Сперва он ничего не помнил, как часто бывает в подобных случаях.

— Гром и молния! — пробормотал он. — Что это со мной? Я совсем разбит. Уж не упал ли я? Эй, Мигель, Шелковинка, вставайте, сони!..

Вдруг взгляд его остановился на Хосе.

— А-а, это вы, друг мой, — с усилием произнес он. — Теперь помню. Помню! — вскричал он душераздирающим голосом и закрыл лицо руками.

Он зарыдал.

Отец Санчес приложил палец к губам, прося всех соблюдать тишину.

Прошло около четверти часа.

— Эй, капитан! — вдруг окликнул Лорана индеец, предварительно переглянувшись с монахом. — Вы не забыли, что вас ожидает Монбар?

При этом имени нервное содрогание потрясло все тело молодого человека; страшным усилием воли он поборол свою скорбь и вскочил на ноги.

— Монбар! — вскричал он. — Я готов!

— Но ведь вам известно, что это мы должны отправиться к нему, — возразил проповедник.

— Да, да, любезный Хосе, мы немедленно отправляемся.

Тут его взгляд упал на монаха и даму, которые стояли на коленях у его изголовья.

— О, как вы заставили меня страдать, — скорбно прошептал он. Но благодарю Бога за великую радость, что увидел вас, тогда как — увы! — давно уже считал умершими.

— Господь сжалился над нами, — грустно улыбнулась дама.

— Итак, я не ошибся? — продолжал Лоран. — Сведения, сообщенные мне незнакомым почерком, были верны?

— Это я писал, — пояснил монах. — Я также дал клятву отыскать несчастную сестру вашей бедной матери, увы, еще более достойную сожаления, потому что она была жива и находилась во власти гнусного похитителя.

— О, я убью этого человека! — глухим голосом пробормотал Лоран. — Останьтесь, Хосе, не уходите, друг мой, — прибавил он, обращаясь к индейцу, скромно отошедшему в сторону. — От вас у меня не может быть тайн... Продолжайте, отец мой.

— Увы, бедное дитя! Когда мне наконец удалось разыскать несчастную, было уже поздно спасти ее. Презренный похититель насильно вступил с ней в брак, она стала матерью. Не имея возможности спасти ее, я посвятил себя ей навек и больше уже не расставался. Напрасно ее муж старался избавиться от меня: ни просьбы, ни угрозы, ничто не помогло; я владел его тайной, он был в моих руках.

— Почему же вы раньше не предупредили меня? — с укоризной проговорил Лоран.

Монах уныло покачал головой.

— Разве я знал, где вы, сын мой, да и живы ли вы? Ведь вы не просто скрылись, но даже имя переменили. Где искать вас? Как узнать о вас?

— Но ведь вам удалось...

— Да, в роковой день!

— Что вы хотите сказать?

— Помните, сын мой, разграбление Гранады?

— Помню ли? — вскричал молодой человек, взгляд которого вдруг сверкнул огнем. — И этот день вы называете роковым, отец мой?! Нет, нет, напротив, это был дивный день! Это я захватил город; он был взят приступом и сожжен; гарнизон весь перебит; целых пять дней мои солдаты резали и грабили. Ах, как я славно отомстил! Моя шпага, покрытая кровью до самого эфеса, согнулась от постоянных ударов, раздаваемых гнусным испанцам. Полторы тысячи храбрецов под моей командой творили чудеса! Ей-Богу, отец мой, великий король испанский должен был содрогнуться от ярости и позора, когда узнал, что одна из его цветущих колоний предана огню и мечу, а он все-таки бессилен против морских титанов, которых он клеймит презрительным прозвищем разбойников.

— Увы, сын мой, ваша месть была ужасна, безжалостна. Вы не считались ни с полом, ни с возрастом. Случайно я

находился в Гранаде по делам своего ордена и еще более священным для меня интересам, когда спустя несколько дней после моего прибытия город вдруг был захвачен. В пылу сражения и пожара я увидел демона, всего в крови, с лицом, искаженным ненавистью, который мчался через трупы и кричал хриплым голосом: «Бейте! Бейте!» Это были вы, сын мой, вы, грозный мститель!

— Да, святой отец, вы сказали правду: грозный мститель!

— Вас называли Прекрасным Лораном, и я узнал, кто вы. Я хотел броситься к вашим ногам, поля пощадить несчастное население, но не посмел: мной овладел страх.

— Послушайте, отец мой, — откликнулся капитан, и его лицо выражало непоколебимую волю, — Бог мне свидетель, что я люблю вас и сестру своей матери больше кого-либо на свете; клянусь же вам памятью святой страдальцы, пред которой благоговею, что если когда-то представится такой же случай и вы решитесь заступиться за презренных испанцев...

— Что же тогда, дитя мое? — кротко спросила дама, наклоняясь к нему.

— Как я поступлю?

— Да.

— Чтобы не обагрять клинок своей шпаги вашей кровью, я воткну ее в собственное сердце! — вскричал молодой человек.

Присутствующие содрогнулись от этих слов, произнесенных с выражением страшной искренности и неумолимой ненависти.

— О сын мой! — прошептал монах. — Вспомните, что Спаситель простил на кресте своим палачам.

— Спаситель был Бог, отец мой, а я всего лишь человек; Он умирал добровольно, искупая вину всего человечества, Его жертва была возвышенна. Прекратим этот разговор, отец мой, я дал ужасную клятву и сдержу ее во что бы то ни стало. Да судит меня Господь, источник благодати; я уповаю на Его правосудие... Продолжайте ваш рассказ, отец мой, время уходит, скоро мы должны будем расстаться. Близок час нашей разлуки.

— Итак, сын мой, уступая вашему желанию, я завершу свой рассказ. Сестра вашей матери имела мужество жить ради своего ребенка. Она до конца исполнила высокую обязанность, которую возложила на себя; но когда ее дочь достигла двенадцатилетнего возраста и могла обходиться без ее постоянных забот, силы и твердость духа покинули бед-

ную женщину. Она решила сбросить иго жизни, она хотела умереть. Я был ее единственным поверенным, единственным другом; она созналась мне в своем решении. Долгоборолся я против него, но под конец сделал вид, будто мало-помалу уступаю ее убеждению. Я обманул ее, чтобы не дать ей совершить страшное преступление, посягнув на свою жизнь.

— Боже мой! — прошептал флибустьер.

— Однажды, в отсутствие ее мужа, я дал ей выпить стакан темной жидкости, — продолжал монах, — она поверила, что это яд, и выпила залпом. Когда она очнулась, то была мертвой для всех, кроме дочери и меня. С той поры она живет, скрываясь от всех, в подземельях этого дома, и единственная ее отрада — поцелуй дочери.

— О, моя благородная тетушка! — с чувством вскричал молодой человек. — Какое геройское самоотвержение! Продолжайте, святой отец.

— Мне нечего больше сказать, сын мой.

— Как! А имя презренного похитителя?

— Разве вы еще не догадались?

— Боюсь, что угадал это проклятое имя, но, пока не убедился наверняка, продолжаю надеяться, что ошибся.

— Для вас, сын мой, лучше не знать его никогда.

— Отец Санчес, ведь вы же призвали меня к себе? Вы же снабдили меня сведениями, чтобы вернее достигнуть мести.

— Увы! Да простится мне, сын мой, я безумствовал. Не требуйте от меня, чтобы я открыл вам это имя.

Капитан покачал головой.

— Нет, — возразил он, — этого я так не оставлю. Я откликнулся на ваш призыв, преодолел величайшие опасности, чтобы прибыть сюда; теперь я здесь и требую, чтобы вы назвали его мне.

— Боже мой!

— Скорее назовите мне это имя!

— Вы непременно хотите знать?

— Требую этого.

— Увы!

— Берегитесь, отец Санчес: если вы откажетесь, я пойду и спрошу это имя у самого дона Хесуса Ордоньеса.

— Сын мой!

— Ведь это он? Отвечайте же!

— Да, он, — прошептал монах в отчаянии.

— Хорошо же!

— Что вы хотите сделать?

— Я?! Убью его! — губы флибустьер скривились в страшной усмешке.

— И тем же ударом прикончите ту, которая вас любит!

— О, я проклят! — с яростью вскричал Лоран. — Пойдем, Хосе, мне надо окунуться в кровь, чтобы забыть эту роковую ночь!

— Так это правда, сын мой, — в голосе монаха звучала глубокая скорбь, — что вы замысляете новую страшную экспедицию?

— Вы ведь помните Гранаду, отец Санчес? — капитан пристально посмотрел на монаха.

— Увы! Как не помнить!

— Разгром Гранады — ничто в сравнении с тем, что произойдет через неделю!.. До свидания, отец Санчес, до свидания, тетушка. Вы, избранники Господа, молитесь за тех, кто скоро будет лежать в кровавой могиле.

Повелительным жестом он приказал Хосе открыть тайный проход и вышел, оставив капеллана и донью Лусию в глубоком молчании.

ГЛАВА X

О том, как Прекрасный Лоран посетил Монбара и что за этим последовало

Лоран вошел в свою комнату и в изнеможении опустился на стул.

— Какая ночь! — пробормотал он.

Поникнув головой, он на несколько мгновений погрузился в мрачные раздумья; вдруг его слуха коснулось глухое шипение часов перед боем. Он вздрогнул и очнулся.

— Который час, Хосе? — спросил он.

— Половина пятого, капитан. Вам бы следовало заснуть.

— Я сейчас так и поступлю; меня сломили душевные потрясения... В котором часу надо отправляться в путь?

— Не раньше восьми.

— Времени на отдых даже больше чем нужно. Достаточно двух часов сна, чтобы я опять стал самим собой... Кстати, Хосе, а что в это время будете делать вы?

— Пойду приготовлю все необходимое для нашей небольшой разведки.

— Надо договориться о встрече. Где я вас найду?

— Не беспокойтесь, я появлюсь, когда настанет пора. Только не забывайте, что для всех здесь вы едете в Чагрес; важно, чтобы видели, как вы отправляетесь по той дороге.

— Трудно было бы поступить иначе, ведь другой я не знаю.

— Действительно, с чего это я вдруг понес такую чушь.

— А я понимаю, Хосе, — ласково возразил Лоран, — вы меня любите, и мое горе вас совсем расстроило.

— Когда плачет мужчина, особенно такой сильный, как вы, капитан, он должен выносить жестокую пытку. Мне тяжело, что я не в состоянии облегчить ее.

Капитан встал.

— Спасибо, Хосе! — сказал он, подавая краснокожему руку.

— Теперь вы владеете собой, и потому я ухажу со спокойной душой.

— Да, — с горечью сказал Лоран, — я стараюсь убить страдание.

Индеец пожал протянутую руку и направился к подвижной створке двери, скрывавшей тайный проход.

— Постойте! — встрепнулся вдруг Лоран.

Хосе вернулся.

— Чего вы хотите от меня, друг мой? — спросил он.

— Вы, наверное, отправитесь отсюда к вашим разведчикам?

— Да, прямо отсюда.

— Вас призывает к ним важная причина?

— Видите ли, я уже говорил вам, что глубоко уважаю отца Санчеса и благоговею перед ним, как перед истинным поведением слова Божьего.

— А причем тут отец Санчес?

— Сейчас поймете. Я сделал для него и доньи Лусии исключение из общего предписания не пропускать никого, кто хотел бы покинуть асиенду по дороге в Панаму или Чагрес.

— Ну так что же?

— Никогда я не мог предположить, чтобы нам пришлось выслушивать их упреки. Но после того, что произошло между вами, я поступил бы как последний осел, если бы не изменил своего распоряжения; это грозит нам не только большими затруднениями, но и крахом всех наших планов. Напротив, теперь я отдам приказание не спускать глаз с отца Санчеса, если он захочет пробраться в город.

Флибустьер покачал головой.

— Друг мой, — сказал он с грустной улыбкой, — не отменяйте ничего из ваших первоначальных распоряжений.

— Как! Вы не хотите? — изумился индеец.

— Тебя удивляют мои слова и подобная просьба с моей стороны? — с горечью заметил молодой человек.

— Признаться, — пробормотал Хосе, — я совсем не понимаю такого странного решения.

— Действительно, оно странно, и даже очень. Но послушай меня, друг. Монбару дали прозвище Губителя, меня называют бичом Америки. Мы оба стремимся к одной цели — неумолимому мщению испанцам, хоть и по разным причинам: Монбар — из безграничной жалости к несчастным индейцам, беспощадно приносимым в жертву свирепыми тиранами, я — из ненависти ко всему испанскому народу, причина которой тебе известна. Но признаюсь, слова святого мужа, словно огненная стрела, проникли мне в сердце; оно дрогнуло, голова пошла кругом от роя мыслей, сомнение закралось в мою душу.

— Сомнение?

— Да, сомнение, мой друг. Я спрашиваю себя, имел ли я право поступать так, как поступал. Мстя за свою бедную мать и несчастье всех родных, пострадавших по вине одного человека, не поддался ли я кровожадным наклонностям, которые были у меня с рождения? Я хотел бы убедиться, Бог или дьявол вселил в мое сердце эту ненависть. Если я действительно орудие воли Господней, ничто не восстанет против меня и не остановит моей карающей руки; если же, напротив, я только повинуюсь внушениям демона и поддаюсь злым наклонностям — о! — тогда Бог поразит меня и я паду, благоговея пред Его правосудием.

Индеец смотрел на молодого человека с удивлением, которого не старался скрыть.

— О, как это благородно! — прошептал он.

— Нет, только справедливо, — холодно возразил Лоран, — вероятно, Господь внушил мне эту мысль, чтобы выразить свою волю. Не станем же пытаться идти наперекор путям Божьим. Он высшая благодать, как и неумолимое правосудие; предоставим тем, на кого мы готовимся напасть, этот последний шанс к спасению. Если отец Санчес покинет асиенду и направится к Панаме, не задерживайте его, пусть он

будет волен поступать как ему заблагорассудится; не помогайте ему, но и не чините преград.

— Но если отец Санчес предупредит испанцев об угрожающей им страшной опасности, они примут меры. Силы их значительны, войско состоит из опытных и храбрых солдат.

— Ну и что же? Кого Господь хочет покарать, у того Он отнимает разум. Разве тебе самому это не известно? Если суждено свыше, чтобы они погибли, то помогут ли им их крепости, их оружие, их войско? Ничуть не помогут. Один Господь всемогущ, Его никто не одолеет. Согласен ты исполнить мою просьбу?

— Разве не предан я вам душой и телом, капитан? Ваша просьба для меня приказание. Клянусь повиноваться вашей воле.

— Благодарю! Больше мне сказать нечего; а теперь, друг мой, возвращаю вам свободу. Идите.

— По крайней мере, дайте себе отдых.

— Обещаю тебе это; я и сам понимаю, что мне необходимо успокоиться. До свидания.

Индеец вышел.

— Как Бог велит! — прошептал Лоран.

Он бросился на кровать, не раздеваясь, и вскоре заснул крепким сном.

Незадолго до восьми часов слуги графа, уже на лошадях и полностью готовые к отъезду, выстроились в образцовом порядке во дворе асиенды.

Шелковинка держал под уздцы лошадь своего господина; Мигель Баск, неподвижный, как бронзовая статуя, стоял во главе небольшого отряда.

На прелестных личиках доньи Флоры и ее подруги, выглядывавших из окна, сквозило любопытство.

Раздался шум шагов и звон шпор, и на крыльце появился капитан, сопровождаемый доном Хесусом Ордоньесом.

На прекрасном лице Лорана не было заметно никаких следов страшных душевных потрясений прошедшей ночи. Он был спокоен и бодр, хотя и немного бледен; великолепный наряд еще сильнее подчеркивал его красоту.

Он почтительно поклонился девушкам.

— Сеньориты, я и не смел надеяться на такое счастье, — любезно обратился он к молодым особам, — ваше присутствие служит для меня счастливым предзнаменованием.

— Мы помолимся, чтобы оно не оказалось обманчивым, — с кроткой улыбкой ответила донья Флора.

— И за ваше скорое возвращение, — многозначительно прибавила донья Линда.

— Я подожду вас здесь, чтобы вместе вернуться в Панаму, — сказал в свою очередь асиендадо.

— Решено, сеньор... Впрочем, я не задержусь в Чагресе ни на минуту дольше, чем этого потребует необходимость; дня четыре, самое большее — пять.

— У нас впереди останется целых три дня. Это даже больше, чем требуется.

— Только будьте готовы.

— Даю вам слово.

— Очень хорошо; мне пора ехать, до свидания, сеньор дон Хесус.

— Не смею задерживать вас дольше, время не терпит. Доброго пути, граф.

— Благодарю, дон Хесус. Надеюсь, что он будет действительно благополучным.

Лоран мигом вскочил в седло и поклонился дамам.

— Молитесь за путешественника, сеньориты.

— Уезжайте, сеньор, чтобы поскорее вернуться, — весело напутствовала его донья Линда.

— До скорого свидания, — прошептала донья Флора, выпустив из руки носовой платок, на лету подхваченный Лораном.

— Я буду бережно хранить этот талисман, — обратился к ней капитан, — и возвращу его вам, когда вернусь.

Раскланявшись в последний раз, он умчался во весь опор. Следом удалились и его слуги.

— Мне было бы жаль тех, кому пришла бы в голову несчастная мысль напасть на него, — пробормотал себе под нос асиендадо, — какой лихой наездник!

После этого небезосновательного заключения он вернулся в дом.

Флибустьеры торопились. Они были вне себя от радости, что наконец увидят старых товарищей, с которыми так давно расстались, что могут сбросить с себя личину, тяготившую их, пить, распевать песни, говорить открыто, не опасаясь ненавистного взгляда какого-нибудь шпиона, спрятавшегося в кустах.

Особенно радовался Мигель Баск, который терпеть не мог твердую землю, годную, по его мнению, лишь на то, чтобы выращивать на ней овощи; он хохотал во всю глотку при одной мысли о том, как славно погуляет.

Все жестоко ошибались в своих расчетах. То, что ожидало их, не носило того розового оттенка, как им воображалось.

Вот уже минут двадцать Береговые братья летели вскачь, пока наконец окончательно не потеряли асиенду из виду. Они только что въехали в ущелье между двумя высокими горами, когда увидели человек десять краснокожих воинов, скакавших к ним навстречу.

Это были индейцы валла-ваоз, все вооруженные ружьями, как с удовольствием отметили про себя флибустьеры.

Они узнали те самые ружья, которые сами же отдали Хосе несколько дней тому назад.

Сам Хосе, вооруженный точно так же, как и его спутники, в своем самом богатом боевом наряде, ехал в нескольких шагах впереди этого небольшого отряда.

Узнав друг друга, обе группы смешались, и вскоре завязалась дружеская беседа.

— Приветствую тебя, Хосе, — сказал Лоран, — я не ожидал встретиться с тобой так скоро, мой друг.

— Мы находимся на том самом месте, где нам нужно было встретиться, — заметил Хосе, ответив на поклон капитана, — в конце этого ущелья дорога разветвляется на две. Одна уходит вправо, в сторону Чагреса, а другая круто сворачивает влево, к реке Сан-Хуан, куда мы и направляемся.

— Когда мы прибудем на место?

— Мы на полпути. Минут через двадцать мы уже достигнем места якорной стоянки флота.

— Что нового?

— Насколько мне известно, нет никаких новостей. Вот только повесили двух испанских шпионов.

— Невелика беда. Нет ли у тебя вестей о доне Санчесе?

— Никаких; а у вас?

— Я не видел его, он не присутствовал при нашем отъезде с асиенды.

— Похоже, он что-то замышляет.

— Ты так полагаешь? Ну, а я не разделяю твоего мнения. Отец Санчес может решиться на попытку мольбами спасти презренных испанцев от моей мести, как ни мала надежда разжалобить меня, но выдать экспедицию губернатору Па-

намы — совсем иное дело. Между этими намерениями лежит бездна.

— Что-то я не очень хорошо улавливаю смысл ваших слов. О чем вы?

— А ведь все очень просто, мой друг. Отец Санчес, так сказать, член нашего семейства. Он воспитывал мою мать и тетку, присутствовал при моем рождении и любит меня безграничной любовью. Он оказался перед тяжелым выбором: пожертвовать спасением города из любви ко мне или же поступиться своей привязанностью ради весьма сомнительной перспективы спасения города? Ты понимаешь, что он не может быть уверен в спасении города, если б даже предупредил испанцев; а меня, которого любит, как сына, он погубил бы неминуемо без пользы для людей, к которым в глубине души питает очень мало сочувствия. Понимаешь теперь?

— Конечно, понимаю, капитан, и согласен, что положение отца Санчеса чрезвычайно затруднительно.

— Одному Богу известно, что он сделает; я предоставляю ему полную свободу действий.

Путешественники проезжали теперь через довольно густой лесок.

— Вот мы уже почти у цели; минут через десять мы приедем.

Едва Хосе произнес эти слова, как громкое «кто идет?» раздалось в нескольких шагах от них.

— Береговой брат, Прекрасный Лоран! — немедленно ответил капитан.

Из кустарника вышел человек.

— И вправду, черт меня побери с руками и ногами! — весело вскричал он. — Я уж думал, что ослышался. Добро пожаловать, капитан.

— Здравствуй, Питриан, дружище! Уж не на часах ли ты, чего доброго?

— Я-то? Вздор какой! Просто гуляю, ожидая вас. Мне послышался подозрительный шорох, вот я и крикнул: «Кто идет?» — черт меня побери с руками и с ногами! Какая мне выпала удача заметить вас раньше всех! — И Питриан со всех ног пустился бежать, оставив капитана в полном недоумении.

— Куда его понесла нелегкая? — расхохотался Лоран. — Какая муха его укусила?

— Видно, хочет сообщить о вашем прибытии товарищам, — предположил Хосе.

Спустя пять минут они выехали из перелеска. Величественное зрелище, которое внезапно представилось их взгляду, вырвало у Лорана восклицание восторга.

На расстоянии не более пистолетного выстрела от того места, где они находились, река Сан-Хуан широко раскинулась в своем глубоком русле исполинской серебряной лентой, переливавшейся на солнце рубинами и сапфирами; на волнах, подобные громадным библейским левиафанам, тихо качались бесчисленные корабли флибустьерского флота, часть из которых, самого меньшего размера, стояла у берега.

В центре флота, немного поодаль от остальных, стоял адмиральский корабль; его можно было отличить по трехцветному флагу, который развевался на корме, и по четырехугольному вымпелу, поднятому на вершину большой мачты. Его окружало множество шлюпок.

На берегу флибустьеры разбили на скорую руку наблюдательный пункт, вероятно, для изучения окрестностей; многочисленные белые палатки, разбросанные по равнине, представляли собой самое живописное зрелище...

На реке царило величайшее оживление. Шлюпки то и дело сновали взад и вперед, на берегу буканьеры сутились за приготовлением завтрака.

Кучка Береговых братьев, предупрежденных Питрианом, ждала прибытия Лорана; среди них он узнал несколько знакомых лиц, среди них Польшэ, Питриана, Филиппа д'Ожерона и многих других.

Молодой человек соскочил с лошади и буквально упал в объятия друзей. Поднялись крики радости, громкие восклицания, хохот, шум и гам, которые способны были внушить зависть любому настоящему законодательному собранию; все говорили разом, не давая себе труда выслушать ответы.

Прошло немало времени, пока наконец не водворилась некоторая тишина, так как все Береговые братья очень обрадовались и Лорану, и Мигелю Баску, и их спутникам, однако Филиппу в конце концов удалось заставить себя слушать.

— Любезный Лоран, — сказал он, — адмирал с нетерпением ждет тебя, а также Мигеля Баска и нашего друга вождя валла-ваоз; не угодно ли вам следовать за мной?

— Охотно, брат, — ответил Лоран, — но сперва мне надо позаботиться, чтобы мои храбрые товарищи, которые служили мне так преданно, ни в чем не испытывали недостатка.

— Не беспокойся о них, Лоран, — возразил Польшэ, — я беру на себя снабдить их всем необходимым.

— Ну, в таком случае их положение заботит меня пуще прежнего, — рассмеялся Лоран.

— Это еще почему?

— Я знаю твоё радушие, черт побери! Ты мне напоишь их мертвецки пьяными, чего я вовсе не желаю.

— Ступай себе преспокойно, они будут только слегка навеселе, чтоб на душе было легче. Раз ты здесь, значит, напиваться сейчас нельзя; верно, теперь-то уж мы не заставим себя долго ждать и наконец-то выступим в поход!

Лоран пожал руку Польшэ, поклонился друзьям и, приказав Шелковинке быть готовым в случае необходимости по его первому знаку предупредить товарищей о том, что пора отправляться в путь, вместе с Мигелем Баском и Хосе пошел вслед за Филиппом д'Ожероном и Питрианом.

Они сели в поджидавшую их шлюпку и в несколько ударов весел достигли адмиральского корабля. Монбар встретил своего брата-матроса у трапа.

Флибустьеры обнялись.

Обменявшись первыми приветствиями, они сошли вниз и прошли прямо в столовую, где уже был подан завтрак.

Почти немедленно к ним присоединились Медвежонок Железная Голова, по обычаю сопровождаемый собаками и кабанами, Пьер Легран, Морган и другие офицеры флибустьерского флота, кроме тех, разумеется, кто отсутствовал, выполняя возложенные на них различные поручения.

Тотчас сели за стол; флибустьеры были не такого десятка, чтобы попусту тратить время на никчемные приличия.

Монбар усадил возле себя Лорана по правую руку, Хосе по левую и дал сигнал к началу трапезы. Завтрак был превосходный; флибустьеры весело ели и пили, говоря обо всем, кроме дел.

Береговые братья занимались важными вопросами только после десерта, когда кофе был налит, ликеры поданы, табак и трубки находились под рукой.

Дождавшись этой минуты, Монбар сделал знак слугам выйти и обратился к Лорану:

— Теперь, брат, нам не помешают. Расскажи-ка, что ты поделявал с тех пор, как мы расстались, как лавировал между знатными идалго.

Лоран не заставил себя просить дважды, поскольку просьба Монбара являлась также и приказанием, которому он обязан был повиноваться. В мельчайших подробностях передал он все, что с ним случилось со времени отплытия из Пор-де-Пе на собственном корабле под командой Олоне до той минуты, когда он покинул асиенду по требованию адмирала.

Разумеется, молодой человек тщательно избегал в своем отчете всего, что относилось лично к нему и, стало быть, касалось его одного.

— Вот что я сделал, — заключил он свой рассказ. — Положение было опасное и трудное; я старался вести дело как только мог лучше, чтоб не заслужить ваших упреков.

— О чем ты говоришь, брат? — вскричал Монбар с живостью. — Ты заслужил одни только похвалы, ей-Богу!

— Ты вел себя как человек храбрый и умный, — сказал Медвежонок Железная Голова, пожимая ему руку.

— Черта в ступе! — вскричал Морган с пленительной улыбкой. — Если б я не любил так Лорана, меня бы просто обуюла зависть!

— И ты был бы неправ, — весело возразил молодой человек, — кроме Монбара здесь никто столько не делал для флибустьерства, как ты, Морган.

— Тысяча возов чертей! — гаркнул Пьер Легран, так сильно ударив по столу стаканом, что он разлетелся вдребезги. — После стольких чудес, сотворенных Прекрасным Лораном, чтобы проложить нам путь, если мы не возьмем Панамы в течение одного часа, я торжественно объявлю нас всех олухами, и собаки-испанцы будут вправе повязать нам тряпки в виде хвостов, чтобы вдоволь поиздеваться над нами.

При этой оригинальной выходке Пьера Леграна неудержимый хохот овладел присутствующими; но так как, в сущности, хотя и в несколько странной форме, храбрый адмирал выразил чувство, общее для всех, то восторженные рукоплескания раздались со всех сторон.

— Наполняйте свои стаканы, — распорядился Монбар. Флибустьеры повиновались.

Адмирал встал, и в следующее мгновение сотрапезники последовали его примеру.

— Братья, — произнес Монбар своим звучным голосом, — я пью за здоровье Лорана, моего брата-матроса, который отдает нам в руки Панаму, самую богатую кладовую испан-

ского короля в Америке! За здоровье Лорана! — воскликнул он, чокаясь с капитаном.

— Братья! — ответил Лоран. — Я сделал только то, что каждый из вас сделал бы на моем месте; вы доказали, чего стоите, и еще как доказали! Но вы любите меня, я знаю, и потому снисходительны ко мне. Благодарю вас от всей души. Ваше одобрение радует меня больше, чем я могу выразить; но я не считаю, что заслужил его в той мере, как вы говорите. Теперь я должен просить вас предоставить мне случай совершить такое дело, которое оправдало бы ваши восторженные и чересчур высокие похвалы.

Монбар улыбнулся и сделал знак, чтобы все сели обратно на свои места.

— Мой товарищ-матрос прав, братья! — вскричал он весело. — Мы к нему действительно пристрастны; с какой стати осыпать его похвалами, что же он сделал такого удивительного? Ничего, или почти ничего; вы ведь сами тому свидетели.

— Да, да, разумеется! — со смехом ответили Береговые братья.

— Мы только любим его, как он сам это сказал, — прибавил Медвежонок Железная Голова.

— Известное дело, он лентяй, — сказал Пьер Легран и разразился хохотом.

— Лентяй, вот именно то, что я имел в виду, Пьер, — заметил Монбар, продолжая улыбаться, — он задумал эту грандиозную экспедицию, одна мысль о которой пугала даже самых храбрых. Так что ж? Это еще ничего не значит! С одним только Мигелем Баском, таким же лентяем...

— Никуда не годится этот черт Мигель, это всем известно, — перебил Пьер Легран, который так и катался со смеха.

— Вдвоем, без друзей, без всякой поддержки, без надежды на помощь откуда то ни было, они смело высадились на берег, отправились в Панаму и так неловко вели дела, что — прости Господи! — мы войдем в город, я надеюсь, без единого выстрела... Но все это, разумеется, ничего не значит.

— Ей-Богу, ничего! — вскричали флибустьеры, которые забавлялись, словно озорные школьники. — Ровно ничего, совершенные пустяки.

— Итак, — продолжал Монбар, — мой брат-матрос совсем смущен; он стыдится своего бездействия до сих пор, тогда как мы сделали все, что только могли! Так будем же пристра-

стны к нему еще раз, братья, предоставим ему случай оправдаться в наших глазах.

— Он очень в этом нуждается, — заметил Пьер Легран с такой комичной серьезностью, что все просто схватились за бока.

Когда стих взрыв хохота, Монбар продолжал:

— Завтра с восходом солнца флот подойдет к Чагресу. Тебе, Лоран, — не для того, чтобы дать случай отличиться, но в знак высокого уважения, — братья поручают взять с берега форт Сан-Лоренсо-де-Чагрес; он слывет неприступным, и никто из нас до сих пор не мог овладеть им. Доволен ли ты, мой друг? Находишь ли, что мы сумели выбрать то, чего достойна твоя неукротимая храбрость, и наградить тебя по заслугам?

Последние слова были произнесены с такой торжественностью и таким глубоким чувством, что флибустьеры просто не нашли слов, чтобы выразить свой восторг.

Лоран встал; он был бледен, глаза его сверкали странным огнем.

— Братья, — сказал он хриплым голосом, — завтра форт Сан-Лоренсо окажется в наших руках — или я буду мертв! Благодарю!.. Ваши руки!

Мгновенно все протянули ему руки.

— Я не могу обнять вас всех, — продолжал он, — поэтому обниму своего брата-матроса.

Флибустьеры обнялись при иступленных рукоплесканиях своих товарищей.

— Теперь я жду ваших приказаний, адмирал, — сказал Лоран немного погодя.

— Нужно отправляться, и чем скорее, тем лучше, — ответил Монбар.

— Не пройдет и часа, как я буду в дороге.

— Необходимо быть у форта на восходе солнца.

— Буду.

— Двести валла-ваоз, отборных воинов из этого храброго племени, под командой Хосе примкнут к твоему отряду, как и Бартеlemi с остальными Береговыми братьями, посланными к индейцам.

— Тем лучше; имея такую поддержку, я ручаюсь за успех.

— Приказываю не открывать огня по форту, пока не завяжется ожесточенного сражения со стороны моря.

— А что относительно остального?

— В остальном действуй по своему усмотрению.

— Спасибо! — с чувством проговорил Лоран, и гордая улыбка осветила его лицо.

— Ты, видно, уже составил себе план, — заметил Монбар.

— Быть может.

— И сообщишь мне?

— Если ты потребуешь; но я предпочел бы ничего не говорить тебе. Ты наверняка засыплешь меня замечаниями, которые поколеблют мою веру в успех. Знай только, что я хочу захватить форт обманом.

— Гм! Трудно это сделать, когда флот станет бомбардировать город.

— Именно на это я и рассчитываю.

— Я уже сказал, что ты волен действовать как хочешь.

— Смотри, лентяй, не засни в сражении, — пошутил Пьер Легран и рассмеялся.

— Приложу все старания, чтобы этого со мной не случилось, — в тон ему ответил Лоран и, склонившись к уху Монбара, прибавил шепотом: — Мне надо сообщить тебе кое-что с глазу на глаз.

— Когда хочешь, брат?

— Сейчас, если можно.

— Пойдем.

Они оставили за столом своих товарищей, которые продолжали пить и курить, и прошли в смежную каюту.

ГЛАВА XI

Какой план составил знаменитый фли- бустьер, чтобы захватить форт Сан-Лоренсо-де-Чагрес

тот же день вечером, в девятом часу, громадная зала со сводами, в которую мы уже имели случай вводить читателя, представляла собой еще более странное и необычайное зрелище, чем в первый раз, когда мы ее описывали.

Множество индейцев валла-ваоз переносили в подземелье длинные колья, обтесанные в течение дня буканьерами; другие индейцы навьючивали эти колья на мулов, которых уводили по мере того, как ноша была полна, а на их место подводили других.

Хосе лично наблюдал за этой работой; он помогал и словом, и делом, стараясь, чтобы дело шло живее.

В зале, освещенной словно для пира, множество испанских солдат и офицеров красовались в своих блестящих мундирах. Но по странной особенности, достойной того, чтобы быть отмеченной, эти солдаты бережно и с величайшим усердием упаковывали жалкие лохмотья, засаленные, отвратительные, к которым, казалось, они точно благоговели. А самое странное было то, что все эти люди говорили по-французски — ни одного испанского слова не было произнесено между ними.

Если бы можно было приподнять широкие поля их шляп с перьями, то нашим глазам предстали бы загорелые лица с резкими чертами и огненным взглядом, которые могли принадлежать только буканьерам, тем, кто накануне так беззаботно убивал время в этой самой зале.

Впрочем, если бы и оставалось малейшее сомнение, действительно ли это Береговые братья, стоило только подойти к круглому столу, покрытому зеленым сукном, у которого сидели несколько офицеров в богато расшитых мундирах, и сомнение это рассеялось бы мгновенно: офицеры не надевали шляп, и потому, несмотря на перемену одежды, легко было узнать в них Прекрасного Лорана, Олоне, Мигеля Баска, Бартелеми, Гуляку и многих других.

Откроем теперь причину этого маскарада и способ, которым были добыты испанские мундиры.

Часам к пяти вечера Прекрасный Лоран прибыл в подземелье, ведя с собой двести воинов валла-ваоэ под предводительством Хосе и пятнадцать буканьеров, отряженных несколько дней тому назад под командой Бартелеми для обучения краснокожих, как уже говорилось выше; кроме того, за Лораном следовала вереница мулов, навьюченных тяжелыми тюками.

В этих тюках заключалось все необходимое для полного обмундирования испанских солдат и офицеров, десять барабанов и столько же рожков.

Лоран взял эти вещи у Монбара, который, ни о чем не спрашивая, тотчас исполнил его требование; впрочем, он, вероятно, угадывал мысль Лорана, хотя тот и словом не обмолвился о своих планах.

Когда флибустьеры предпринимали экспедиции против испанцев, они всегда запасались известным количеством

разнообразной одежды — военных мундиров, монашеских ряс, костюмов купца, дворянина и так далее, — которые при случае могли быть весьма полезны.

На адмиральском корабле был огромный запас подобных вещей.

Капитан выбрал то, что считал наиболее соответствующим своей цели, велел уложить отобранное, перевезти на берег и навьючить на мулов.

Вот каким образом триста тридцать буканьеров, включая отряд Бартелеми, превратились в испанское войско.

Вскоре мы узнаем, с какой целью был задуман этот маскарад.

По знаку Прекрасного Лорана Гуляка встал и вышел. Через минуту он вернулся с индейским вождем.

— Вы закончили ваши дела, друг Хосе? — спросил Лоран.

— Все готово, капитан; мулы навьючены и отправлены.

— Прекрасно. За какое время, полагаете вы, мы достигнем форта Сан-Лоренсо?

— За три с половиной часа, самое большее — четыре.

— Однако!

— Дело в том, капитан, что сперва мы должны идти напрямиком к Золотой тропе, дороге, которая ведет от Чагреса к Панаме. Весьма важно, если по пути мы наткнемся, как я полагаю, на патрули, разосланные в дозор вокруг форта; в таком случае эти патрули собственными глазами смогли бы убедиться, что мы действительно пришли из Панамы через перешеек.

— Вы правы, любезный вождь. Который час, Мигель?

— Без двадцати минут десять, — ответил тот без промедления.

— Хорошо. Итак, — продолжал капитан, — что, если мы выйдем в десять часов?

— В таком случае мы окажемся не позже двух часов утра у подошвы гласиса¹

— Именно это нам и требуется. Садитесь возле меня, Хосе.

Вождь повиновался.

---

¹ Г л а с и с — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости.

Прекрасный Лоран извлек из золотого свистка пронзительный звук.

Мгновенно все разговоры затихли, и Береговые братья молча собрались вокруг стола, за которым сидели их предводители.

Капитан встал и с минуту молча всматривался в эти выразительные лица, в эти грозно сверкающие глаза, устремленные на него с жадным любопытством; потом он поклонился и заговорил голосом твердым и звучным:

— Братья, настало время действовать! Радуйтесь, через несколько часов мы сразимся с нашим непримиримым врагом.

Гул, подобный отдаленному грому, пробежал по рядам флибустьеров и тотчас замер; он показал капитану, какое живое сочувствие вызвали в сердцах присутствующих его слова.

— Узнайте же, братья, — продолжал Лоран, — какое поручение возложено на нас и каким образом я намерен его исполнить. Вы не из тех наемных солдат, от которых командиры вынуждены скрывать ожидающие их опасности, чтоб не лишить их остатков бодрости. Нет, вы люди храбрые, вы — Береговые братья, те, кого волнует только одно: чтобы опасность соответствовала бы их неукротимому мужеству. На этот раз, полагаю, вы останетесь довольны: то, что мы попытаемся исполнить, до того безумно и неосуществимо, опасность, которой мы будем подвергаться, до того грозна и велика, что одни только Береговые братья в состоянии взглянуть на нее хладнокровно и надеяться на успех, который в глазах каждого здравомыслящего человека просто невозможен. Как видите, я говорю с вами ясно и как нельзя более откровенно. Намеки, предписываемые необходимостью в разговоре с людьми другого закала, лстивая ложь и откровенный обман по отношению к вам были бы кровной обидой. Чтобы отдать делу всей душой, без затаенной мысли, вы вправе требовать от ваших командиров не только добросовестности, но и полного доверия. В эту ночь я нуждаюсь в вашем самоотверженном содействии, без колебания, без слабости, без минутного уныния!.. Могу ли я на него рассчитывать?

— Да, да, можете! — воскликнули в один голос флибустьеры.

— Нам приказано взять форт Сан-Лоренсо-де-Чагрес, — продолжал Прекрасный Лоран. — Форт слывет неприступным; он обнесен двойным рядом укреплений и вооружен двумя сотнями орудий большого калибра; кроме того, в нем

находится гарнизон в три тысячи человек отборного войска под командой одного из самых храбрых и опытных испанских генералов. Этот форт действительно может называться ключом к Панаме. Как только он будет в наших руках, мы завладеем перешейком и Панамой, местом хранения заморских богатств испанской короны; но если мы потерпим поражение, наш флот не возьмет Чагрес и мы будем вынуждены со стыдом удалиться, чтобы вернуться с пустыми руками в Пор-де-Пе, где наше возвращение будет встречено насмешливым хохотом... Итак, что же мы будем делать?

— Мы возьмем форт! — крикнули флибустьеры, размахивая оружием.

— Ваше решение твердо?

— Да, да!

— Имейте в виду, что Монбар дает нам всего два часа на совершение этого подвига. С восходом солнца наше знамя уже должно развеяться над крепостью — этим гордым оплотом испанцев, — или все мы будем лежать мертвые во рвах; я не отступлю, клянусь вам!

— В путь! В путь! — неистово закричали Береговые братья.

— Хорошо, — хладнокровно ответил Лоран, — пусть будет по-вашему, мы выступим немедленно. Вслушайтесь только в последнее важное предостережение, — прибавил он, — помните, что мы — испанское войско, посланное на помощь форту. Действуйте, сообразуясь с этим обстоятельством; ни единого французского слова не должно быть произнесено между вами, пока я сам не провозглашу нашего доблестного боевого клича: в путь, братья, и да поможет нам Бог!

Флибустьеры немедленно выстроились поротно и повзводно под началом своих непосредственных командиров. Они молча вышли из подземелья, предшествуемые барабанщиками и горнистами, рожки и барабаны которых, правда, безмолвствовали, однако в нужную минуту сумели бы подражать игре горнистов и барабанному бою испанских войск.

Штаб-офицеры ехали верхом впереди этого импровизированного полка; обер-офицеры¹ были на своих местах, держа шпагу в левой руке.

---

¹ Обер-офицеры — наименование группы младших офицерских чинов в армии и на флоте.

Спустя десять минут подземелье опустело и длинная черная змея, образованная движущимся французским войском, темными изгибами раскинулась по равнине.

Краснокожие шли впереди и по бокам колонны, оберегая ее от неожиданного нападения.

Стояла великолепная ночь; мириады звезд на небе блестели, словно брильянтовая пыль, разливая нежный и таинственный свет; луна плыла в голубом эфире, ее беловатые лучи бросали резкие выступающие тени, придавая странные очертания деревьям и кустам и налагая печать какого-то фантастического величия на пустынную и безмолвную местность, где по временам мелькали вдали темные силуэты диких зверей, внезапно потревоженных в своих ночных странствиях.

Колонна шла уже более трех часов и вскоре должна была достигнуть цели; давно уже флибустьеры держали свой путь вдоль берега реки Чагрес, через которую переправились на каноэ, заранее приготовленных предусмотрительным Хосе.

Лоран приказал сделать привал, чтобы люди перевели дух. Не привыкшие к продолжительным переходам, особенно по непроходимым зарослям, флибустьеры сильно утомились; каждый рад был отдохнуть и, не выходя из строя, кто лег, кто сел на том самом месте, где остановился.

Вдруг раздалось громкое: «Кто идет?»

Это был окрик патруля.

— Испания! — немедленно ответили ему.

Лоран тотчас послал разведчиков узнать, что там впереди.

Вскоре Мигель, которому было отдано это поручение, вернулся в сопровождении испанского офицера — молодого человека благородной наружности, очевидно дворянина, в чине капитана.

— Добро пожаловать, сеньор кабальеро, — приветствовал его Прекрасный Лоран, — кто вы и по какому случаю наткнулись на наш отряд?

— Сеньор полковник, — ответил офицер, почтительно кланяясь флибустьеру, на котором действительно был мундир полковника, — мое имя дон Хуан де Сальмарина, я капитан третьего егерского королевского полка, который теперь стоит в форте Сан-Лоренсо-де-Чагрес. С кем имею честь говорить?

— Я — полковник дон Хусто Бустаменте де Бенавидес, отряжен доном Рамоном де Ла Крусом из гарнизона в Панаме с тремястами пятьюдесятью людьми полка Инфанты,

которым имею честь командовать, идти форсированным маршем на помощь Чагресу. До сведения дона Рамона де Ла Круса дошло, что городу угрожают разбойники-флибустьеры, которые уже овладели Пуэрто-Бельо и предали его огню и мечу. Кроме того, со мной двести человек союзников — индейцев племени валла-ваоз.

— Помощь, которую вы ведете с собой, полковник, является чрезвычайно ценной для нас в настоящую минуту; через рыбака, который чудом спасся из Пуэрто-Бельо и сумел благополучно добраться сюда, до нас дошли слухи, хотя и очень неопределенные, даже можно сказать, смутные, о плачевных событиях, произошедших в этом несчастном городе. Говорят, будто разбойники доходили до неслыханных неистовств и город превратился в груду развалин.

— Такая дерзость и жестокость заслуживают примерного наказания, — ответил Лоран с жаром, — надеюсь, что виновные будут наказаны по заслугам за свои преступления!

— Дай-то Бог! Мы твердо решились сделать все от нас зависящее, чтобы так и было. Вероятно, дон Рамон де Ла Крус получил депеши, отправленные к нему генералом Вальдесом с двумя курьерами дней пять тому назад.

— Так оно и есть, иначе разве был бы я здесь, капитан? — ответил Лоран с великолепнейшим самообладанием. — Генерал требовал помощи так настоятельно, что дон Рамон отдал мне приказание выступить немедленно и пойти форсированным маршем, что я и сделал. Дня через два вы получите подкрепление более значительное.

— Мы в нем очень нуждаемся.

— Разве город не укреплен?

— К несчастью, почти нет.

— Это плохо; а форт?

— О! Форт укреплен как нельзя лучше; ему и нападения опасаться нечего, так как с берега, благодарение Богу, врагов ждать не приходится.

— К счастью для нас.

— Генерал Вальдес приказал сделать насыпь и разместить батареи на берегу реки; четверо суток половина гарнизона работает над этими укреплениями, которые растут буквально на глазах и вскоре будут закончены настолько, что смогут оказать огромную пользу. Вообще-то говоря, наше положение довольно выгодно; если не будет непредвиденных обсто-

ятельств, чего нельзя предугадать заранее, мы без особых усилий сумеем продержаться недели две.

— Этого хватит с избытком, чтобы подоспела помощь... Но по какому случаю я встречаю вас, капитан, в столь поздний час ночи так далеко от форта?

— Генерал приказал мне произвести дозор в пределах двух пушечных выстрелов от форта, чтобы по возможности удостовериться, не идет ли помощь, которой он ожидает; я уже возвращался домой, полковник, когда вдруг заметил ваш отряд.

— Признаться, я рад слышать, что у вас все в таком хорошем положении; я сильно беспокоился, нас напугали в Панаме. Вся эта тревога, надеюсь, вскоре закончится, и закончится лучше, чем предполагали сначала. Отправляйтесь с вашим патрулем вперед, капитан, и предупредите о моем прибытии генерала Вальдеса, которому прошу засвидетельствовать почтение полковника дона Хусто Бустаменте де Бенавидеса, командира стрелков полка Инфанты. Еще скажите, что я везу к нему письмо от его превосходительства дона Рамона де Ла Круса и что это подкрепление только авангард более значительных сил, которые придут вскоре.

— Сейчас же иду, полковник! Это самые приятные сведения для генерала. Позвольте засвидетельствовать вам свое почтение.

— До скорого свидания, любезный капитан!

Офицер повернулся и быстро удалился со своим небольшим отрядом, дабы успеть предупредить генерала Вальдеса о прибытии подкрепления, присланного из Панама.

— Вот замечательные вести; что вы по этому поводу думаете, братья? — обратился Лоран к своим офицерам.

— Превосходные, — ответил Олоне, потирая руки.

— Надо признаться, что испанцы невероятно глупы, — засмеялся Мигель Баск, — наивны, как молодые девушки. Клянусь честью, обманывать таких олухов просто сам Бог велит!

— Вот увидите, что мы войдем в форт без единого выстрела.

— Не рассчитывайте на это, братья, — возразил Лоран, — генерал Вальдес не наивен и не глуп; он старый и опытный солдат, крайне недоверчивый; с ним дело еще не кончено.

— Гм! Сети, однако, расставлены хорошо, — пробормотал Бартелеми, — трудно ему будет выпутаться из них.

— По крайней мере, он попытается, будьте уверены. Этот старый служака чувствует военную хитрость, как вороны порох, вот увидите!

— Ну, тогда пробьемся! — весело вскричали флибустьеры.

— По правде говоря, — заметил Мигель Баск, — скучно было бы войти вот таким образом — руки в карманах — в этот грозный форт.

— Я предчувствую, что генерал Вальдес избавит тебя от этой скуки, шутник.

— Вашими бы устами, полковник...

— Впрочем, будь что будет! В путь, братья, мы и так потеряли много времени.

Горнисты протрубили сигнал; флибустьеры, обнаруженные противником и принятые им за подкрепление, не должны были долее скрываться, напротив.

— Вперед марш! — раздалась команда.

Колонна дружно двинулась вперед.

Береговые братья уже забыли о своей усталости. Приблизилась решительная минута, и их воинственный пыл пробудился с новой силой. Скука и утомление продолжительного ночного перехода и строго предписанного молчания — все было предано забвению в предвкушении близкого боя.

После двадцати минут ходьбы авантюристы увидели наконец на небольшом расстоянии перед собой на вершине довольно крутого холма грозный форт, который чуть заметно выдавался темной массой на иссиня-черном фоне небосклона.

Было ровно два часа ночи.

Авантюристы, достигнув подошвы холма, стали подниматься по высеченной в скале тропинке, ширины которой едва хватало, чтобы два человека могли идти рядом; тропинка шла зигзагами до гласиса.

Дойдя до него, флибустьеры остановились. Ров в тридцать футов шириной и пятьдесят глубиной, наполовину наполненный водой, внезапно преградил им путь.

Лоран велел своему отряду сомкнуть ряды и приказал горнистам дать сигнал. Из крепости ему ответили таким же сигналом, и почти мгновенно на краю бастиона при свете факелов, которые держали несколько солдат, то и дело встряхивая ими, чтоб они горели ярче, показался генерал при полном параде с небольшой свитой офицеров.

Это был Сантьяго Вальдес.

— Кто идет? — крикнул он.

— Испания! — немедленно ответил Лоран, который вышел вперед к краю рва.

— Какой полк? — спросил генерал.

— Стрелковый полк Инфанты.

— Вы полковник Бустаменте?

— Так точно, ваше превосходительство.

— И вы прибыли из Панама?

— Прямым путем, с подкреплением, которое присылает его превосходительство губернатор дон Рамон де Ла Крус.

Наступило непродолжительное молчание; генерал задумался.

— А кто мне поручится, что вы не обманываете меня? — продолжал он минуту спустя с некоторым недоверием.

Очевидно, комендант смутно чувствовал неладное.

— Как я могу обманывать вас, сеньор генерал? Впрочем, при мне письмо от губернатора.

— И вы говорите, — сказал комендант, не отвечая прямо на слова Лорана, — что нам угрожает нападение флибустьеров?

— В самом скором времени, ваше превосходительство.

— Я выслал несколько лодок на разведку и буду ждать их возвращения.

— То есть вы хотите сказать, что пока не получите сведений от разосланных вами людей, вы отказываете мне во входе в форт?

— Осторожность предписывает мне это; измена грозит нам повсюду.

— Пришлите за письмом адъютанта, ваше превосходительство; когда вы прочтете его, то сразу узнаете, кто я.

— Подождите еще немного, сеньор полковник.

— Ваше превосходительство, дальнейшая задержка только усилит непростительное оскорбление, наносимое вами войску его величества и штаб-офицеру, которому дано важное поручение. Я уйду и возлагаю всю ответственность за возможные последствия исключительно на вас одного... Пойдемте, сеньоры, — обратился он к своим офицерам и солдатам, — нам здесь больше нечего делать.

Он повернулся и сделал несколько шагов по направлению к своему отряду.

Между тем на бастионе шел горячий спор между испанскими офицерами и генералом.

— Постойте, сеньор полковник, — наконец окликнул Лорана генерал, — я сейчас пришлю курьера за письмом.

— Поздно, ваше превосходительство, вы уже отказались принять его, да и к чему, наконец? Разве оно не может быть подложным?

— Сеньор полковник, и это мне говорите вы?

— Положим, что я был неправ, ваше превосходительство, употребив такое выражение; простите меня, но в моем лице вы нанесли кровную обиду храбрым воинам, которыми я имею честь командовать! Разве так следует награждать людей за перенесенные труды и утомление?

— Дайте письмо, сеньор полковник.

— Письмо это, ваше превосходительство, я вручу вам лично во главе своих солдат в самом форте, которым вы командуете; я требую этого удовлетворения!

— Вы требуете?

— Требую, ваше превосходительство. Даю вам десять минут на размышление; если по прошествии этого срока ворота не будут открыты, я уйду и, повторяю, лишь на вас одного ляжет в этом случае ответственность за последствия.

Генерал не ответил.

Спустя минуту флибустьеры отметили большое волнение на бастионах: люди суетились, бегали взад и вперед; по всей вероятности, внезапное беспокойство овладело офицерами и самим генералом.

Вдруг последний перегнулся через край стены бастиона, снял шляпу и, вежливо раскланявшись с офицерами и солдатами, стоявшими все так же неподвижно и безмолвно на гласисе, сказал:

— Senores caballeros, ворота сейчас откроют. Простите мне мое долгое колебание и будьте уверены, что я очень рад; ваша помощь нужна нам до крайности...

Что же произошло и что явилось причиной внезапной перемены в обращении генерала?

Несколько рыбаков, которых он посылал на разведку, вернулись бледные, испуганные и дрожащие; они видели громадный флибустьерский флот, выходящий в боевом порядке из устья реки Сан-Хуан и направлявшийся к Чагресу.

Ввиду такой страшной опасности, в которой удостоверили очевидцы, офицеры стали настаивать, чтобы генерал принял решительные меры; они указали ему на то, что осторожность вне известного предела становилась бездействием и что в том критическом положении, в каком они находились, никак не следовало бы возбуждать неудовольствие пришед-

шего подкрепления и настраивать его против себя, выказывая ничем не оправданное недоверие.

Имя полковника дона Хусто Бустаменте было хорошо известно; он слыл за человека находчивого, храброго и предприимчивого, отличного военного, но высокомерного гордеца, который никогда не прощал обиды; кроме того, он пользовался большой милостью при испанском дворе. Разумеется, следовало как можно скорее дать ему требуемое удовлетворение.

Осаждаемый со всех сторон, опасаясь громадной ответственности, которую он брал на себя, если бы медлил дольше, генерал наконец уступил требованиям и согласился, хотя и очень неохотно, ввести подкрепление в форт.

Старый опытный воин чуял измену. В глубине души он был убежден в ней, хотя внешне ничто не выдавало его убеждения. Итак, он должен был склонить голову и смириться.

— Хорошо, *senores caballeros*, — сказал он, — велите разбудить гарнизон, а потом мы отопрем ворота.

— Разбудить гарнизон? — вскричал полковник Пальмеро, второй комендант форта. — Но к чему тратить драгоценное время, сеньор генерал? Караула будет достаточно, чтобы отдать необходимые почести нашим друзьям. Я сам пойду встречать их.

— Мы все пойдем, — вскричали офицеры.

— Так пойдемте, *senores caballeros*, и да хранит нас Господь! — тихо сказал Вальдес, подавив вздох.

Именно при этих словах генерал подошел к краю стены бастиона и крикнул Прекрасному Лорану, что ворота откроют немедленно.

Действительно, почти в ту же минуту был опущен подъемный мост.

После обычных вопросов и ответов отворились ворота форта, и флибустьеры в строгом боевом порядке с барабанным боем, музыкой и развевающимися штандартами вступили в крепость.

Занимался день. Вдали на море множество черных точек со страшной быстротой росли и направлялись ко входу в порт Чагреса; этими черными точками были суда флибустьерского флота.

Караул, построенный в две шеренги, отдал честь вновь прибывшим, которые быстро прошли мимо и через другой подъемный мост, у которого также стоял караул в пятьдесят человек, вошли в самый форт.

Там их радостно приветствовали солдаты, которые сбегались со всех сторон навстречу товарищам. Внезапный звон оружия, крики и топот снаружи были заглушены восторженными восклицаниями солдат, игрой горнистов и барабанным боем; через мгновение зловещие звуки снова замолкли, и никто их не заметил.

Окруженный многочисленным штабом, генерал Вальдес ждал полковника внизу лестницы своей квартиры.

Мнимый полковник остановил отряд, оставил его под командой Олоне, сошел с лошади и направился к генералу в сопровождении десяти офицеров.

— Но это не полковник Бустаменте! — изумленно вскричал генерал Вальдес, обнажая шпагу. — Измена! Измена!

— Вперед! — скомандовал Лоран.

Дула ружей бойцов разом опустились.

Испанские офицеры и солдаты, по большей части обезоруженные, содрогнулись при восклицании своего командира; те, у кого были шпаги, выхватили их из ножен и храбро кинулись вперед.

— Стойте! — крикнул Лоран. — Соппротивление напрасно! Подъемные мосты в наших руках! Вы окружены со всех сторон. Сдавайтесь, не проливайте кровь понапрасну.

— К оружию! — закричали офицеры. — Измена, измена!

— Вперед! — вскричал генерал, размахивая шпагой.

— Пли! — неистово крикнул Олоне.

Грянул страшный залп, и на ряды испанцев повеяло смертью.

— Ура! — взревели авантюристы. — Наша взяла! Жечь все! Бить собак-испанцев!

— Сеньоры, умрем, но не сдадимся! — отчаянно крикнул генерал.

— Мы готовы! — отважно ответили офицеры и героически ринулись вперед на грозных противников.

Началась ужасающая резня, схватка грудь с грудью, без жалости, без пощады, между едва вооруженными, застигнутыми врасплох защитниками форта и их могучими врагами.

Сражение сразу приняло ожесточенный характер; солдаты, вскочив со сна при треске ружейной пальбы, криках ярости и столах нападавших и защищавшихся, прибегали едва вооруженные и отважно вступали в бой.

На свое несчастье, без офицеров, что руководили бы ими, введенные в обман испанскими мундирами, которые видели

повсюду перед собой, они не понимали, что происходит, недоумевали и становились жертвами своего неведения, не сумев принести ни малейшей пользы товарищам.

Среди кучки храбрецов, теснимый со всех сторон неприятелем, генерал отбивался как лев, с твердым намерением умереть, но не отдавать обломка шпаги, который еще держал в руках.

Лоран делал все, чтобы спасти его, но старый воин ничего не хотел слушать. Выстрел в упор уложил на месте непобедимых героев; все они испустили дух лицом к врагу, крича сквозь предсмертное хрипение: «Да здравствует Испания!»

Смерть генерала Вальдеса и почти всех его офицеров, павших возле него, склонила победу на сторону флибустьеров.

Видя, что большая часть их товарищей перебита и дальнейшее сопротивление является просто безумством, солдаты наконец побросали оружие и возопили о пощаде.

На этот раз Лоран даровал им жизнь. Необходимо было как можно скорее покончить с этим делом; другие вопросы величайшей важности требовали внимания смелого флибустьера.

ГЛАВА XII

Как испанцы защищали город Чагрес

 рекрасный Лоран не ошибался, когда говорил своим друзьям, что генерал Вальдес не так легко даст поймать себя в ловушку. Если бы испанские офицеры под влиянием необъяснимого ослепления чуть не насильно не заставили своего командира поступить против убеждения, никогда флибустьеры, несмотря на всю свою храбрость, не смогли бы войти в форт; даже и при том искусном обмане, благодаря которому они проникли в него и захватили неприятеля врасплох, им стоило больших усилий удержать свою позицию, и не раз они подвергались опасности быть оттесненными в беспорядке и сброшенными в ров.

Флибустьеры потерпели значительный урон: шестьдесят пять человек убитыми и сорок ранеными более или менее опасно — цифра громадная в сравнении с общим числом осаждающих, но понятная, если принять во внимание, что сражение, с обеих сторон ожесточенное, являлось по сути дела гигантской дуэлью на холодном оружии.

В бою пали Гуляка и еще двое-трое Береговых братьев, пользовавшихся известностью; Олоне, Прекрасный Лоран и Мигель Баск получили скорее царапины, чем раны, однако тем не менее эти знаки свидетельствовали о героическом сопротивлении побежденных.

Индейцы также не щадили себя и сильно пострадали: у них оказалось около сорока убитых и опасно раненых.

При таких неравных силах немногие солдаты могли бы оказать упорное сопротивление храбрым защитникам форта; если бы гарнизон был в полном составе, флибустьеров постигла бы неминуемая гибель, они сами откровенно сознавались в этом.

Осматривая форт, Лоран приходило одновременно и в ужас и в восторг от своей победы; теперь, когда он видел, какими громадными средствами обороны располагала эта цитадель, ему почти не верилось в собственный успех.

Побежденные, гораздо более многочисленные, чем победители, были накрепко связаны и заперты на тройные запоры в казематах.

От форта к батареям, недавно воздвигнутым генералом Вальдесом на берегу моря и вдоль реки, вели крытые ходы.

Батареи, построенные очень прочно, могли защищаться только со стороны неприятеля. Им нечего было опасаться со стороны форта, который, напротив, в случае необходимости обязан был доставлять необходимое подкрепление людьми и боеприпасами, не говоря уже о том, что представлял собой надежное убежище.

Сообразуясь с этим, Прекрасный Лоран принял некоторые необходимые меры, после чего расставил своих людей на валах, навел орудия и приготовился ждать.

Было около пяти часов утра.

Согласно приказанию Прекрасного Лорана, испанский флаг все еще горделиво развевался над фортом.

Велев раздать людям съестные припасы, Лоран сам перекусил на скорую руку и расположился на гласисе бастиона с главными из своих помощников; разговаривая с ними, он навел подзорную трубу на море и принялся внимательно наблюдать за маневрами флота, который при свежем ветре быстро приближался ко входу на рейд.

Вдруг капитан обернулся к Хосе, который стоял возле него.

— Как вы думаете, вождь, нельзя ли достать лодку?

— Нет ничего легче, — ответил индеец.

— Может ли, по-вашему, человек смелый добраться до флота в простой лодке?

— Нет, это невозможно: все дно здесь усеяно рифами, лодка неминуемо разобьется.

— Правда, — пробормотал Лоран, гневно топнув ногой.

— У вас есть какой-то план?

— К чему говорить о нем, когда вы сами только что подтвердили, что исполнение его невозможно?

— Я не говорил этого.

— Что вы хотите сказать?

— Я говорил только о том, капитан, что лодка неминуемо должна разбиться о рифы.

— Ну вот!

— Но чего нельзя сделать на лодке, можно сделать без нее. Смотрите, флот находится едва в двух милях отсюда. Прежде чем гонец доберется до берега, корабли уже будут в одной миле, а такое расстояние ничего не значит для хорошего пловца.

— Положим, но такого пловца еще надо найти, а мне кажется...

— Что это очень легко, — перебил Хосе. — Напишите пару слов адмиралу; я спрячу вашу записку в мешочек из крокодиловой кожи и даю вам слово доставить ее в собственные руки Монбара.

— Вы сделаете это, вождь?

— Тотчас же! Пишите, капитан.

— Но ведь девяносто девять шансов против одного, что вы погибнете по пути на корабль.

— Так что ж, капитан? Погибну, так и все тут. Не теряйте больше времени, пишите.

— Хорошо! — согласился Прекрасный Лоран, пожимая ему руку.

Он вырвал листок из записной книжки, торопливо набросал на нем несколько слов и вручил индейцу.

Тот сложил листок, спрятал его в кожаный мешочек, который носил на шее, и беззаботно удалился после того, как каждый из присутствующих Береговых братьев крепко обнял его на прощание; вскоре он уже сидел верхом на лошади и в сопровождении одного спутника мчался во весь опор в сторону побережья, переправившись через реку вброд.

Едва достигнув морского берега, Хосе спрыгнул наземь, отдал свою лошадь спутнику и приказал ему возвращаться

в форт, потом молниеносно разделся, свернул узелком свою одежду, крепко привязал ее себе на голову, вошел в воду и продолжал идти, пока мог достать ногами дна; наконец он бросился вплавь и быстро поплыл по направлению к флоту, который действительно, как он и предвидел, находился теперь на расстоянии самое большее одной мили от берега.

Согласно договору с Лораном, Монбар в три часа ночи дал сигнал сниматься с якоря и выйти из устья Сан-Хуана.

На заре флот был уже неподалеку от Чагреса, к которому шел на всех парусах.

С подозрной трубой в руках Монбар в волнении расхаживал взад и вперед по шканцам адмиральского судна; ежеминутно он останавливался, чтобы навести трубу на город и на форт Сан-Лоренсо, качал головой и вновь начинал ходить с задумчивым видом и нахмутив брови.

Приближался час грозной и решительной борьбы. От смелой операции, предпринимаемой теперь Лораном, зависел успех экспедиции, вся тяжелая ответственность которой лежала на одном командующем экспедиции.

Чем ближе флот подходил к берегу, тем явственнее Монбар усматривал положение дела и тем беспокойнее становился.

Действительно, не имея карты и полагаясь исключительно на сведения более или менее точные, доставленные его шпионами и несколькими перебежчиками, адмирал не знал, что форт Сан-Лоренсо, построенный в устье реки Чагрес, неприступный со стороны моря и усиленный береговыми батареями, является истинным ключом к позиции; что прежде всего следовало овладеть им, а там уж идти на штурм города, подступы к которому он защищал.

Адмирал раскаивался, что приказал Лорану напасть на форт только тогда, когда сражение будет уже завязано: оно должно было начаться именно взятием форта. Монбар этого не знал, так как все время думал, что форт находится за чертой города и защищает его со стороны суши; только теперь доказательство противного было у него перед глазами.

Он находился в большом недоумении и не знал, что делать.

Бомбардировать форт было чистым безумием: подобная попытка не могла увенчаться успехом, а между тем легко повлекла бы за собой гибель флота и окончательный крах всей экспедиции Береговых братьев. Не лучше ли было, пока

не поздно, повернуть назад, встать вне пределов досягаемости выстрелов артиллерии форта и прибегнуть к какому-нибудь иному способу овладеть им, не подвергаясь риску потерпеть постыдное и непоправимое поражение.

Монбар остановился на этом решении и, хотя и к величайшему своему сожалению, уже готов был скомандовать поворот назад, когда внезапно на носу корабля поднялся переполох; Монбар увидел, как какой-то почти обнаженный человек, с которого струилась вода, вскочил на палубу и был немедленно окружен флибустьерами.

Он тщетно выбивался из рук, которые держали его, и только кричал, что должен видеть адмирала. Монбар, привлеченный странной суматохой, вскоре подошел. Увидев незнакомца, он отстранил матросов движением руки и приказал ему следовать за собой.

Он узнал Хосе.

Тот поднял свой узелок, который упал к ногам адмирала, и, стряхнув с себя воду раза два или три, последовал за Монбаром.

Когда они остались одни на шканцах, Монбар вскричал:

— Как! Ты тут?!

— Собственной персоной, адмирал.

— Но каким способом ты добрался сюда?

— Вплавь.

— Гм! Ловкий же ты пловец, — сказал Монбар с улыбкой.

— Как все индейцы, адмирал, я получеловек-полурыба.

— Правда, но ты, вероятно, не для того приплыл сюда, чтобы пожать мою руку, которую я с такой дружбой всегда протягиваю тебе.

— Не отрицаю этого, адмирал, — сказал индеец, отвечая на горячее пожатие руки Монбара.

— Что же привело тебя ко мне?

— Поручение.

— Оно должно быть очень важно, клянусь честью!

— Чрезвычайно важно, по крайней мере я так полагаю.

— Полагаешь?

— Да, я должен вручить вам письмо, но не знаю его содержания.

— Ага! От кого же оно?

— От вашего брата-матроса Прекрасного Лорана.

— Черт возьми! Да ведь оно, верно, превратилось в кашу?

— Ничуть, не беспокойтесь!

— Давай же его скорее.

— С удовольствием, но с меня еще вода струится потоками.

— Ей-Богу, ты прав!

Адмирал махнул рукой, и двое матросов по приказанию Монбара подошли с тряпками и принялись так усердно вытирать ими индейца, что тот в одну минуту стал совсем сухим.

— Спасибо, — сказал он.

Тут Хосе развязал кожаный мешочек, вынул из него письмо и подал Монбару, который с живостью взял его и мигом пробежал глазами. Письмо состояло всего из нескольких строк, но вести, вероятно, заключало хорошие, потому что лицо флибустьера засветилось радостью.

— Видно, вы очень довольны, адмирал, — заметил Хосе, который тем временем спокойно одевался.

— Сам посуди, вот что пишет мне Лоран...

— К чему читать мне письмо, адмирал?

— Чтобы ты дополнил его своими объяснениями.

— В таком случае читайте, я слушаю.

— Вот оно, — сказал Монбар и принялся читать:

Брат-матрос!

Прибыв на указанное место, я увидел, что сведения, которыми ты располагаешь, ошибочны. Следовать твоим указаниям буквально — значило бы обресть себя на неудачу, тебя — на верное поражение, а флот, пожалуй, и на полный разгром и гибель.

Я взял на себя смелость изменить разработанный тобой план и действовать без промедления.

Теперь форт в моей власти, и ты можешь войти на рейд без опасения. Испанский флаг я оставляю на форте, чтобы обмануть и вернее уничтожить батареи врага. Хосе даст тебе самые подробные сведения о том, что произошло (он вел себя достойно, как и всегда).

Если я виновен в том, что взял на себя ответственность и изменил твои планы, то отдаю себя на твой справедливый суд. Как командующие войсками, мы должны подавать личный пример повиновения и воинской дисциплины.

Потери наши велики, но каков успех!

Пожимает твою руку всем сердцем преданный тебе

Лоран

Форт Сан-Лоренсо-де-Чагрес, 5 часов утра

— Честная душа! — невольно шепотом вырвалось у Монбара, когда он кончил читать. — Он опять выручил нас!.. Следуй за мной, Хосе.

— Куда, адмирал?

— В мою каюту, черт побери! Думаю, ты сильно устал и проголодался, ведь тебе, видать, пришлось перенести немало тяжких испытаний со вчерашнего дня.

— Признаться, это так.

— Так пойдем со мной перекусим, а между тем ты мне расскажешь, что у вас там творилось.

Они спустились в адмиральскую каюту, где действительно уже был подан завтрак.

— Скорее за стол! — весело воскликнул Монбар. — Твое здоровье, Хосе.

— Ваше здоровье, адмирал!

— Ну, теперь рассказывай, как вы там рубились с испанцами, да смотри, не забудь об интересных подробностях.

— Очень охотно, адмирал, передам все, что знаю.

В эту минуту в каюту вошел Медвежонок Железная Голова.

— Адмирал, — обратился он к Монбару, — не пройдет и получаса, как мы будем под огнем форта Сан-Лоренсо. Каковы будут ваши приказания?

— Сесть к этому столу, завтракать с нами и внимательно слушать, что будет рассказывать наш друг Хосе; больше пока делать нечего, любезный мой Медвежонок, клянусь тебе честью.

Медвежонок знал своего друга как нельзя лучше; ему ни минуты не приходило в голову, чтобы тот мог поднять его на смех или без важного повода отпускать подобные шутки в их настоящем опасном положении. Принимая во внимание внезапное появление Хосе, да еще таким странным образом, не трудно было предположить, что случилось нечто важное и Монбар сейчас сообщит ему об этом.

Итак, он поклонился с улыбкой, ввел свою неизменную свиту — собак и кабанов, — сел к столу, приказал животным лечь у его ног и, придвинув к себе блюдо, принялся усердно есть, чтобы догнать опередивших его сотрапезников.

Монбар взглянул на него украдкой, достал из кармана письмо и молча подал его Медвежонку.

Тот взял его и прочел, не отрывая глаз, с явными признаками живой радости.

— Черт побери! — весело вскричал он, возвращая листок Монбару. — Молодец Лоран!

— Не правда ли? — радостно подтвердил Монбар.

— Да он на этих делах прямо-таки собаку съел! Если так пойдет и дальше, нам просто нечего будет делать!

— Да, отлично работает мой брат-матрос; не правда ли, как славно он провернул это дельце?

— Просто чудо!

— Эх, и вывел же он нас из западни, — откровенно сознался Монбар. — Без него я, право, сам не знаю, как бы мы выпутались.

— Да, положение было крайне невыгодное.

— Скажи лучше — отчаянное, дружище, ведь мы шли прямиком в адскую ловушку, где схоронили бы весь наш флот.

— Если не весь, то, по крайней мере, лучшую его часть. Ей-Богу, Лоран — истинный Береговой брат!

— И лучший из нас. А еще боится упреков!.. Просто смех, честное слово! Он храбр, как лев, и наивен, как ребенок.

— Это — настоящий мужчина, — с убеждением сказал Медвежонок. — Но как вы думаете, адмирал, не лучше ли, вместо того чтобы болтать, как старые бабы, дать Хосе рассказать нам, как все произошло?

— Ей-Богу, ты прав, Медвежонок! Хосе должен знать все подробно. Ну, рассказывай, друг сердечный, мы слушаем тебя.

Индеец очень охотно приступил к рассказу. Чувство к Лорану воодушевило его, и, пользуясь случаем, он увлекся восхвалением друга, не упуская, тем не менее, ни одного глотка; он проголодался, как волк, после столь тяжких испытаний — нравственных и физических, — какие ему пришлось вынести. Береговые братья выслушали его с благоговением, ни разу не перебив, так сильно были они заинтересованы удивительным подвигом.

Когда наконец индейский вождь кончил, наступила минута молчания — самая лестная похвала со стороны знаменитых флибустьеров отважной экспедиции капитана.

— Ей-Богу! — засмеялся Медвежонок. — Представляю себе глупые рожи испанцев, когда они увидели волков под овечьей шкурой!

— Положительно, провидение по заслугам наказало этих истребителей индейцев!

Вошел Филипп д'Ожерон.

— Что случилось, капитан? — спросил Монбар.

— Мы находимся в двух пушечных выстрелах от форта. Адмирал Пьер Легран, эскадра которого идет в авангарде, сигналами дает знать, что форт Сан-Лоренсо, по-видимому, битком набит людьми. Адмирал спрашивает, надо ли останавливаться или все так же идти вперед.

— Ответьте ему, чтобы он встал на расстоянии пистолетного выстрела от форта.

— Адмирал!..

— Что вы хотите, милостивый государь?

— Виноват, адмирал, но я боюсь, что ослышался.

— Очень жаль, так как я никогда не повторяю своих приказаний дважды. Извольте идти.

Филипп растерянно взглянул на улыбающегося Медвежонка и вышел, с трудом попав в дверь.

— Надо бы пойти посмотреть, что происходит наверху, — сказал Монбар, осушив свой стакан.

Все трое поднялись и вышли на верхнюю палубу.

Флот находился уже совсем близко от берега. На всем его протяжении красивые загородные дома утопали в зелени позади массивного форта, который отсюда казался величественным исполином. В устье реки приютился город Чагрес; небрежно расползлся он вдоль берега, в живописном беспорядке усеянного хорошенькими белыми домиками.

Там и здесь, у самой воды, сильные батареи, вооруженные пушками, направляли свои грозные жерла на море; возле них стояли артиллеристы с зажженными фитилями.

Внутри порта виднелись снасти испанских судов, которые искали там убежища при появлении флибустьеров.

Действительно, это зрелище, одновременно грозное и величественное, способно было поразить воображение и в то же время исполнить ужаса малодушных.

Флибустьерский флот развернул свою боевую линию на протяжении целых двух миль и на всех парусах направлялся прямо к берегу.

— Ну, — пробормотал сквозь зубы Пьер Легран, когда получил ответ адмирала на свои сигналы, — видно, старый кайман хочет, чтобы нас искрошили. Хорошо же, тысяча воев чертей! Я докажу ему, что не умею отступать. Ребята, к орудиям! Сейчас начнется пляска на славу. Рулевой, держать курс прямо к берегу! Ну, теперь мы посмеемся!

Но тут произошло нечто, чего флибустьеры никак не могли ожидать: внезапно форт изрыгнул снопы огня и клубы

дыма, грянул оглушительный залп, и на батареи посыпался град ядер, производя в них страшные опустошения.

Потом испанский флаг, развевавшийся над фортом, вдруг опустили и на его место был поднят трехцветный флаг Береговых братьев.

За первым залпом последовали второй и третий. Испанцы просто оторопели.

Форт громил батареи не переставая и вскоре превратил их в груды развалин.

Только флибустьеры поняли суть того, что происходило перед их глазами: Лоран овладел фортом и повернул его орудия на береговые батареи и город.

Итак, флот беспрепятственно вошел в устье реки и встал на расстоянии половины пушечного выстрела от города, который тотчас засыпал бомбами и ядрами.

По всему Чагресу занялись пожары; с оглушительным треском и громом взорвался пороховой погреб.

Несчастный город, находясь в предсмертной агонии между двух огней, однако все не сдавался.

Защитники батарей, согнанные со своих постов, где нельзя было долее держаться, бросились в город, где с помощью нескольких жителей устроили на скорую руку нечто вроде отчаянной обороны против страшных и лютых врагов.

Городской гарнизон, включая солдат, отряженных генералом Вальдесом для сооружения батарей, представлял еще довольно значительную силу; число его доходило до четырех тысяч солдат и двух тысяч горожан, мгновенно примкнувших к ним.

Солдаты были люди опытные в военном деле, старые воины, обстрелянные в европейских войнах и жаждавшие блистательно отплатить за поражение вследствие внезапного нападения на форт.

Обыватели, в основном торговцы и богатые собственники, буквально отстаивали свои пепелища и более всего опасались попасть в руки флибустьеров; об их жестокости они были наслышаны с давних пор и дали себе клятву не идти на капитуляцию и скорее лечь костями всем до последнего, чем сдаться.

Геройский дух воодушевлял всех защитников города до единого. Быстрее, чем можно описать, город буквально оцетинился жерлами орудий, перенесенных на руках с батарей под постоянным огнем форта.

В домах устроили бойницы, улицы перегородили баррикадами, там и здесь были сооружены земляные насыпи, словом, город внезапно превратился в крепость. Дети, женщины и старики — все работали с лихорадочной поспешностью, чтобы укрепить город. Это оказывалось тем возможнее, что форт, построенный для защиты города от внешних врагов, едва мог направить на него ядро-другое, большая же их часть пролетала над головами горожан.

Когда весь флот наконец миновал отмель на реке и суда стали в боевую линию, они открыли жестокий огонь по городу, на который тот храбро ответил.

Эта борьба продолжалась несколько часов. Наконец адмирал подал сигнал к высадке, нетерпеливо ожидаемой флибустьерами; им надоел этот обмен выстрелами, результат которых они не могли определить даже приблизительно.

По данному сигналу огромное количество лодок отчалило от судов и на веслах пошло к городу.

Численность десанта доходила до трех тысяч человек.

Испанцы дали флибустьерам войти в порт, подпустили их на расстояние половины ружейного выстрела, внезапно открыли батареи и встретили нападающих смертоносным огнем, который заставил их смешаться.

Два раза флибустьеры пытались высадиться и два раза были отброшены.

Испанцы точно вырастали из-под земли, они поспевали всюду и сражались с ожесточением, доходившим до иступления.

Вдруг от основной массы нападающих отделилась длинная лодка и смело стала впереди, не более чем в ста шагах от берега.

В этой лодке стояли хладнокровные, с улыбкой на лицах, Монбар и Медвежонок Железная Голова.

— Неужели вы бросите вашего адмирала, ребята? — крикнул звучным голосом Монбар. — Вперед, Береговые братья!

— За Монбаром! За Монбаром! — вскричали флибустьеры, усиленно гребя, чтобы не отстать от легкого суденышка командующего экспедицией.

И противники с неистовой яростью схватились в рукопашном бою.

Четверть часа длилась страшная резня; наконец испанцы должны были отступить, но только шаг за шагом, не переставая обороняться.

Пока Монбар с отчаянной отвагой пытался высадиться в центре боевого фронта, Морган, Пьер Легран, Польшэ, Александр Железная Рука и Пьер Прямой храбро становились во главе своих самых неустрашимых матросов и после неимоверных усилий также сумели наконец высадиться на берег справа и слева от города.

Тут уж флибустьеры ринулись вперед с неудержимой силой, оттеснили и стали гнать перед собой защитников несчастного Чагреса.

Из общего сражение распалось на множество отдельных стычек; каждая улица, каждый дом были взяты приступом. Ожесточенные битвой испанцы пощады не просили.

Побоище приняло под конец такие колоссальные размеры, что душа содрогалась.

Только к пяти часам вечера, изнемогая от усталости, истощив весь до последней крошки запас пороха и лишь после того, как все солдаты или пали на их глазах, или убили друг друга, предпочитая умереть, нежели сдаться, немногие оставшиеся в живых жители города волей-неволей вынуждены были просить победителей о помиловании. Не мужество изменило этим честным людям, но без пороха и пуль дальнейшая оборона становилась физически невозможна: несчастный город давно уже превратился в груды развалин.

ГЛАВА XIII

Здесь доказывается, что страх — плохой советчик

а асиенде дель-Райо сильно беспокоились. Несмотря на меры, принятые флибустьерами, старавшимися, чтобы экспедиция сохранялась в тайне, истина мало-помалу выходила наружу и становилась известна, так как ничто не может долго оставаться скрытым; разумеется к истине примешивалось много лжи, но тем страшнее она представлялась.

По взятии форта Сан-Лоренсо-де-Чагрес валла-ваоэ по-немногу оставляли окрестности асиенды, находя лишним караулить их дольше.

Беженцы из Чагреса и ферм, разбросанных по берегам Сан-Хуана, в страхе бросились на асиенду искать убежища и распространили там своим появлением невыразимый ужас.

Рассказы о неслыханных жестокостях, совершенных флибустьерами, леденили душу. Завладев всеми приморскими городами на протяжении тридцати миль, они сожгли их до основания, пытками добивались от жителей сведений о том, где находятся их богатства, и без милосердия вешали всех испанских солдат, захваченных с оружием в руках.

Несчастные же торговцы и обыватели, которые чудом спаслись от общего избиения, женщины, дети, старики — все были согнаны, словно стадо животных, и разделены между победителями; женщины и девушки подверглись насилиям в тысячу раз ужаснее самой страшной смерти.

Ничто не спаслось от ожесточенного иступления торжествующих врагов.

Когда же все это рассказывалось при отдаленном гудении пушек, громивших Чагрес, и при багровом зареве на горизонте от широко раскинувшегося пожара, каждый крестился, бледнел, и дрожал от страха.

Дон Хесус совсем растерялся. От трусости он совсем потерял голову и бегал взад и вперед без цели, без определенного намерения, складывая в кучи свои богатства, завязывая в тюки брильянты, золото и драгоценности, словом, имея в виду одно: при первой тревоге навьючить все это на мулов и бежать. Но куда бежать? Вопрос этот был затруднительный. С одной стороны, если справедлив был распространившийся слух, что флибустьеры намерены идти в Панаму, асиенда, которая находилась на полдороге к этому городу, неминуемо подвергнется разграблению. Не дожидаться же было их там!

Да и Панама представляла собой не самое надежное убежище для укрытия; флибустьеры наверняка завладеют ею, как остальными городами, которые взяли приступом.

Достойный асиендадо, по натуре своей далеко не герой, жестоко трусил и совсем терялся при неожиданной катастрофе, к которой так внезапно и совершенно против собственной воли оказывался причастным.

Внезапно его осенила счастливая мысль, и он поспешно направился в комнаты дочери.

Донья Флора и ее подруга донья Линда, сильно напуганные страшными вестями, которые то и дело доходили до них, заперлись в молельной, где беседовали с преподобным отцом Санчесом. Почтенный пастырь напрасно силился внушить им бодрость, говоря в утешение, хотя сам и сомневался в весомости своих доводов, что пока еще нет основания отча-

иваться, что в числе флибустьеров должны быть и люди честные и справедливые, не похожие на описываемых извергов, что эти-то люди наверняка окажутся сострадательными к ним, что дорога, наконец, свободна, ничто не мешает искать спасения в бегстве и укрыться в Панаме. Много еще подобных же утешительных доводов приводил он девушкам, но те слушали его с грустью на лице, недоверчиво покачивая головой.

Вдруг дверь отворилась и вошел асиендадо.

Он был бледен, расстроен, взволнован; беспорядок в его одежде свидетельствовал о душевном смятении.

При виде дона Хесуса девушки вскрикнули от испуга.

Он в изнеможении тяжело опустился на кресло.

— Я пугаю вас, — с горечью сказал он, — увы! Что станет со мной теперь, когда приближаются флибустьеры.

— Флибустьеры? — в ужасе вскричали девушки.

— Так говорят, и к несчастью, это довольно правдоподобно. Я разослал шпионов на разведку, и те недавно вернулись, уверяя, что видели вдали громадное облако пыли, среди которого сверкало оружие. Увы! Я погиб! Надо ехать.

— Ехать! — вскричала донья Флора, не заметив эгоистичности восклицаний, исторгаемых ее отцом под влиянием страха. — Да как же это можно?

— Так можно, что я уже велел навьючивать мулов и седлать лошадей; надеюсь, через полчаса я буду уже далеко.

— Бежать, малодушно бежать, — продолжала донья Флора, не скрывая своего негодования, — бежать таким образом, не дождавшись друга, которому назначил здесь свидание и который должен приехать, быть может, с минуты на минуту?

— Это только еще более затруднит наше положение; нет, нет, Флора, своя рубашка ближе к телу.

— И вы говорите это о человеке, которому стольким обязаны? Не он ли спас нам жизнь?

— Если он спас ее, тем лучше. Разумеется, я очень благодарен ему; но так как в данную минуту его здесь нет и он не в состоянии вторично спасти ее, я постараюсь устроить свои дела один и выпутаться из западни, в которой увяз по колени.

— Так вы не станете ждать возвращения графа?

— Ни одного часа, даже за целое состояние; жизнь мне дороже всего.

— Вы твердо это решили?

— Мое решение неизменно.

— Хорошо же, сеньор, — произнесла девушка с ледяным презрением, — уезжайте, спасайте вашу драгоценную жизнь, измените всем правилам чести позорным бегством; отправляйтесь же, чего вы ждете? Кто вас держит?

— Да разве вы не последуете за мной? Ваша безопасность, кажется, требует, чтоб вы также уехали отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— Нет, сеньор, я не еду, и моя подруга — тоже.

— Я не расстанусь с тобой! — с живостью вскричала донья Линда. — Мы останемся здесь с отцом Санчесом, который, надеюсь, не бросит нас.

— О, никогда! — сказал капеллан. — Мое местовозле вас, дочь моя, и я не покину его, что бы ни случилось.

— Благодарю, святой отец, я заранее была уверена в вашем великодушии; мы втроем дождемся здесь возвращения графа, который скоро должен прибыть, так как обещал вернуться сегодня.

— Да ведь это просто безумие!

— Быть может, сеньор, но это честно; спросите у моей подруги или у отца Санчеса, разделяют ли они мое мнение.

— Граф не давал нам о себе никаких известий со времени отъезда; быть может, его и в живых-то давно уже нет!

— Если бы он умер, я знала бы это, — возразила девушка со странной улыбкой, — нет, он жив, я убеждена, и скоро будет здесь.

Асиендадо встал и в волнении заходил по комнате.

— Безумство! — бормотал он про себя. — Какое безумство! Вдруг он остановился перед дочерью.

— Вы решительно не хотите ехать со мной? — спросил он с закипающим гневом.

— Не настаивайте, сеньор, все будет напрасно; я отвечу вашими же словами: мое решение неизменно.

— Очень хорошо! — вскричал он, стиснув зубы. — Пусть будет по-вашему. Вам одной и быть в ответе за такое упорство; я умываю руки, раз ничем не смог вас убедить.

— Уповаю на благодать Божию, сеньор; Он не оставит нас, я уверена.

— Да, да, полагайтесь на вмешательство свыше и будьте счастливы. Вы ангел, Бог обязан помочь вам; мне же, — прибавил он, посмеиваясь, — мне, великому грешнику, надо рассчитывать на более действенные средства к спасению. Итак, я еду сию же секунду. Прощайте, дочь моя; прощайте,

донья Линда, прощайте и вы, отец капеллан. Молитесь Богу, вы ведь возлагаете на него такое упование. Что касается меня, то я удираю, прощайте!

Он нервно захохотал и опрометью бросился прочь из комнаты, оставив находившихся там трех особ в ужасе от его богохульства, но чувствовавших облегчение оттого, что они избавились от его присутствия.

Не теряя ни минуты, дон Хесус приступил к исполнению своего позорного намерения. Какое дело было ему, что он погубит дочь, к которой втайне питал враждебное чувство. Лишь бы спастись самому и сберечь и свои сокровища, успев спрятать их в безопасное место.

По выходе из комнаты донья Флора асиендадо наскоро завершил приготовления к отъезду. Подгоняемый страхом, он заставил с такой лихорадочной поспешностью трудиться пеонов и слуг, без устали работавших под его надзором, что менее чем за полчаса навьючили мулов — все самое драгоценное давно уложили — и дон Хесус был готов отправиться в путь.

При тридцати мулах находилось около сотни хорошо вооруженных пеонов и слуг, что составляло достаточное прикрытие и для асиендадо. Он бросил взгляд сожаления на то, что был вынужден бросить, радостный взгляд на то, что увозил с собой, и вскочил в седло.

К нему с поклоном подошел мажордом.

— Извините, сеньор, — сказал он, — разве сеньориты не предупреждены?

— Они не едут, — грубо сказал асиендадо, — не хотят оставлять дом.

Мажордом вновь поклонился и сделал шаг назад.

— Ну же, скорее на лошадь, ньо Гальего, нельзя попусту мешкать. Станьте во главе каравана, и в путь, мы и так потеряли слишком много времени, — с нетерпением заключил асиендадо.

— Простите, сеньор, — холодно ответил мажордом, — мне долг велит не бросать того, что было вверено моему надзору; ваши собственные выгоды требуют, чтобы я остался здесь.

— Да разве ты хочешь, чтобы тебя зарезали, несчастный? — в волнении вскричал дон Хесус, бросая вокруг растерянные взгляды.

— Едет ли с вашим превосходительством сеньорита донья Флора?

— Я же сказал, что нет, пропасть тебя возьми, тысячу раз нет! Она не хочет, упрямец!

— Тогда я остаюсь при своей госпоже, чтобы охранять ее или умереть, защищая.

— Сумасшедший, только и добьешься, что тебя прирежут, как собаку!

— Что Богу угодно, то и будет.

— Бог! Бог! — пробормотал про себя асиендадо с глухой яростью. — Эти скоты только одно и твердят. Делай как знаешь, дурак, — презрительно обратился он к мажордому, — уместная преданность, нечего сказать! Вот увидишь, что этим выиграешь!

— Никогда не раскаиваешься, если исполняешь свой долг, что бы ни случилось; да хранит вас Господь, сеньор!

— Господь или сатана! — дон Хесус от ярости чуть не скрежетал зубами. — Эй вы, там, трогайте! И гоните что есть мочи! Клянусь, прострелю голову первому, кто замешкается!

Весь караван двинулся разом, словно ураган пронесся в ворота и быстро удалился от асиенды по направлению к Панаме.

Ньо Гальего стоял, прислонившись плечом к косяку двери, и хладнокровно крутил между пальцев пахитоску; презрительным и насмешливым взглядом провожал он караван, пока было возможно; но когда тот скрылся вдали за бесчисленными изгибами дороги, мажордом повел плечами и пробормотал сквозь зубы:

— Мой благородный господин дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро богат и знатен. Но за все его богатства не хотел бы я, ничтожный червь, сделать то, что он совершает в эту минуту. Честное слово, только последний негодай и подлый трус способен из-за горсти золота бросить дочь в такой опасности. Тьфу! — заключил ньо Гальего с отвращением. — Тошно подумать!

Он взял огниво, высек огонь, закурил пахитоску и, окутавшись облаком дыма, пытливым взглядом стал всматриваться вдаль.

День клонился к вечеру, шел пятый час; лучи солнца, утратив прежнюю жгучесть, падали на землю все более и более полого, легкий ветерок, пробегающий по кудрявым вершинам деревьев, освежал атмосферу, накалившуюся в течение дня.

Природа представляла обаятельное зрелище безмятежной тишины и чудесного покоя; птицы порхали с ветки на

ветку, весело оглашая воздух бойкими и мелодичными трелями; звери, чью породу нельзя было определить с точностью, рыскали в высокой траве, волновавшейся от их стремительного бега; у берега реки, по шею погрузившись в тину, играли кайманы, испуская пронзительные крики, порой похожие на человеческие; словом, все дышало весельем, спокойствием и полной беззаботностью.

Вдруг мажордом, который зорко и не отрывая глаз наблюдал за горизонтом, заметил маленькое, но густое облако пыли со стороны моря; облачко быстро росло и вскоре стало посверкивать крошечными искорками. Потом пыльная завеса разорвалась и открыла довольно многочисленный отряд; спустя немного времени он уже стал явственно виден и распался на две неравные части: первая состояла из человек шести верхами, которые продолжали скакать во весь опор к асиенде; другая, из одних пеших, оставалась позади всадников, так что с каждой минутой отделявшее их расстояние увеличивалось.

— Кто бы это мог ехать? — шепотом сказал себе мажордом. — Видно, беглецы! Бедные люди, не отправиться ли мне к ним навстречу? Впрочем, нет, — почти немедленно возразил сам себе ньо Гальего, — пусть лучше они сюда придут, если ищут убежища; мы их примем как только сумеем.

При этом философском и в то же время доброжелательном рассуждении почтенный мажордом не только не заперворот, но, напротив, распахнул обе половины настесь, потом стал на прежнее свое место, прислонился к косяку и курил пахитоску в ожидании, что сделают незнакомые путники, которые с каждой минутой все приближались; он твердо решил сообразоваться в своих действиях с их поведением.

Было видно, что всадники очень торопятся добраться до асиенды; вскоре они достигли подножия пригорка, на вершине которого стояла асиенда, и, не замедляя бега лошадей, поднялись по отлогому склону до обширной площадки перед воротами.

Ньо Гальего вскрикнул от радости. Среди прибывших он узнал графа дона Фернандо де Кастель-Морено, который ехал в нескольких шагах впереди остальных.

Граф сдержал свое слово и явился в назначенный им час, вечером третьего дня.

Его свита состояла всего из пяти человек в истерзанном виде, с пятнами крови на порванной одежде, которая явно свидетельствовала, что недавно они храбро исполнили свой

долг в жестокой схватке; некоторые из них, в том числе и сам граф, были ранены.

С радушным усердием бросился ньо Гальего навстречу к приезжающим.

— Вы ранены, ваше сиятельство! — озабочено воскликнул он.

— Сущий вздор, — молодой человек рассмеялся, — это царапина, которая уже зажила.

— Видать, жаркое было дело?

— Нешуточное, — ответил Мигель, значительно хмыкнув.

— Любезный ньо Гальего, — обратился к мажордому Лоран, сходя с лошади, — сделайте мне одолжение и поезжайте скорее с несколькими пеонами на помощь к бедным людям, которые видны там на дороге; среди них есть женщины, дети и старики; они попались по пути, Бог весть как успев спастись из Чагреса. Они изнемогают от усталости и голода и едва держатся на ногах.

— Сейчас отправлюсь, ваше сиятельство.

— Одно слово. У вас все благополучно?

Вместо ответа мажордом странно заморгал.

— Надеюсь, не случилось несчастья? — встревожился граф.

— Еще нет, ваше сиятельство.

— Дон Хесус, донья Флора...

— Пожалуйста на половину сеньориты, ваше сиятельство; там вы найдете тех, кого желаете видеть, и получите все сведения.

— Вы говорите как-то странно, любезный друг.

— Простите, ваше сиятельство, но ведь я человек маленький, мне нельзя позволить себе выражать мнение о том, что происходит в доме моих господ.

— Правда, ньо Гальего; займитесь теми беднягами, а я сейчас иду к дону Хесусу.

Мажордом не ответил; он наклонился, скорчил гримасу и сделал вид, будто очень занят попечениями о слугах, которые направлялись с лошадьми к конюшённому двору.

Прекрасный Лоран сделал Мигелю и Шелковинке знак следовать за собой и вошел в дом, несколько встревоженный недомолвками мажордома.

— Что-то тут не так, — пробормотал он, — но что именно? Сейчас все выяснится.

Между тем донья Флора, услышав топот прискакавших во двор лошадей, бросилась к окну и первая узнала дона Фернандо.

— Это он! — вскричала она. — Я знала, что он вернется, как обещал.

Произнося эти слова, девушка уже спешила навстречу к графу.

Отец Санчес и донья Линда не спросили, о ком говорит Флора, а последовали за нею, тотчас угадав, кто прибыл.

Флора встретила графа в ту самую минуту, когда он взялся за ручку двери.

— Наконец-то вы тут, граф! — воскликнула она с пленительной улыбкой. — Добро пожаловать.

— Сеньорита, я очень торопился, чтобы поспеть сюда; с тех пор как я уехал, произошло много важных событий, о которых мне необходимо переговорить с вашим отцом.

— Войдите, войдите, дон Фернандо; удобнее будет беседовать у меня в комнате.

— Позвольте мне сперва немного привести в порядок свой внешний вид.

— Боже мой! Что это значит? Вы сражались?

— Кажется, — с улыбкой ответил он.

— Вы ранены, граф! — вскричала донья Линда в испуге.

— Боже мой! — всплеснул руками поспешно подошедший отец Санчес.

— Успокойтесь, — весело ответил молодой человек, — это сущий пустяк, слабее булавочного укола.

— Идите же, дон Фернандо, идите! — в волнении промолвила донья Флора.

— Однако...

— Да что нам за дело до нарядов? Речь идет о вашей ране!

Она насильно ввела его в дверь.

— Ждите меня в моей комнате, — обратился Лоран к Мигелю и пажу.

Те ушли.

Прежде всего девушки хотели убедиться, что рана графа не опасна; они перевели дух, когда собственными глазами убедились, что удар действительно скользнул вдоль локтя и проложил длинную, но совсем не глубокую кровавую борозду.

Когда они перестали беспокоиться на этот счет и слуга принес полдник, девушки попросили графа рассказать со всеми подробностями, что произошло в Чагресе.

У Лорана было достаточно времени, чтобы приготовить историю, с величайшей точностью повествовавшую о произошедших событиях, хотя о собственной своей роли он предпочел умолчать.

— Итак, — сказал отец Санчес, — французские авантюристы овладели не только несчастным Чагресом, но и Пуэрто-Бельо со всем побережьем?

— Да, отец мой.

— Разве число их так велико?

— Да, оно весьма внушительно; Береговые братья решились на смелую попытку и набрали девять тысяч человек.

— Пресвятая дева! — вскричала донья Флора, остолбенев.

— Мы погибли! — прибавила донья Линда, дрожа как в лихорадке.

— Какая же у них цель? — холодно спросил капеллан.

— Взять Панаму, — без колебаний ответил граф.

— Гм! Затея не из легких, — монах грустно покачал головой, — несмотря на их невероятные успехи, эту цель не так-то просто достичь: Панама — сильно укрепленный город, местный гарнизон многочислен и прекрасно обучен.

— Все знаю, отец Санчес, — сухо откликнулся молодой человек.

— Каково же ваше мнение?

— Они добьются успеха.

— Сомневаюсь, но относительно нас вопрос заключается в другом. Какой совет дадите вы этим молоденьким девушкам?

— Я предпочел бы переговорить об этом с доном Хесусом.

— Это невозможно, граф.

— Почему же, отец Санчес?

— Дон Хесус уехал, — с горечью ответил монах.

— Уехал, не дождавшись меня, хотя знал, что я должен вернуться сегодня?

— Да, он малодушно бежал в Панаму и увез с собой большую часть своего состояния, оставив асиенду без защиты, открытой для всех грабителей, и бросив свою дочь и дочь своего приятеля дона Рамона.

— Да ведь это немыслимо, отец Санчес, это просто гнусность!

— Некоторым людям гнусность дается легче, чем доброе дело, — строго возразил монах. — Дон Хесус — трус и скряга; он опасался за себя и за свое состояние; об остальном, включая дочь, он заботился мало. Он предлагал дочери уехать с ним, но когда донья Флора заметила ему, что вы должны вернуть-

ся сегодня же и приличия требуют дожждаться вас, он пожал плечами и ушел, а через минуту ускакал во весь опор с большей частью своих пеонов и слуг. Это произошло за час до вашего прибытия, граф.

— О, какая возмутительная черта — бросить таким образом свою дочь! Этот человек — подлец и чудовище!

— А вы разве не знали его? — насмешливо спросил монах.

— Знал, конечно! И он отправился в Панаму?

— Да, в Панаму.

— Там он скорее встретит врагов, от которых бежит с такой поспешностью, — проговорил молодой человек со страшной улыбкой, — и ему предстоит дать Богу тяжелый отчет в своей жизни, полной преступлений и гнусных низостей.

Воцарилось молчание.

Девушки задрожали при последних словах Лорана; они не могли понять их грозного смысла и с беспокойством переглядывались, видя, как бледно и строго его лицо.

— Не больны ли вы, дон Фернандо? — спросила Флора спустя минуту.

— Нет, сеньорита, я только очень утомлен; что же касается моих страданий, то они чисто нравственные... Но, кажется, вы желали спросить моего совета.

— Как же, сеньор! — с живостью проговорила донья Линда.

— Говорите, сеньорита.

— В безопасности ли мы здесь?

— На первых порах в безопасности.

— Что вы этим хотите сказать? — поинтересовалась донья Флора.

— Разбойники, как вы называете их, — с горечью ответил граф, — будут в состоянии пойти на Панаму не раньше чем через четыре дня; я знаю об этом из надежного источника. Так что у вас достаточно времени, чтобы принять решение.

— А вы, дон Фернандо, что собираетесь предпринять? — спросила девушка.

— Я, сеньорита, если позволите, завтра же чуть свет отправлюсь в Панаму. Важные дела требуют моего присутствия там.

— А! — только и отозвалась девушка, впад в задумчивость. В эту минуту во дворе поднялся сильный шум.

— Боже мой! Это еще что такое? — изумилась донья Линда.

Лоран быстро наклонился к окну.

— Не бойтесь, сеньорита, это бедные люди, которые бежали из Чагреса. Они повстречались мне по дороге; в их

числе женщины и дети; уезжая, я обещал им помощь, и вот теперь их ведут ваш мажордом и несколько пеонов, которых я послал к ним по приезде сюда.

— Бедные люди! — вскричал отец Санчес. — Пойдемте, сеньориты, наш долг — довершить доброе дело, так хорошо начатое графом.

Он быстро вышел, и за ним отправилась донья Линда; донья Флора уже была готова последовать их примеру, когда ее почтительно остановил Лоран.

— Сеньорита, — с волнением произнес он, — мне надо сказать вам только одно слово, но от этого слова зависит мое счастье, быть может, сама жизнь.

— Я вас слушаю, — девушка вся затрепетала.

— Я пренебрег всем, чтобы вернуться к вам, сеньорита; всем пренебрегу, всем пожертвую, чтобы спасти вас. Любите ли вы меня?

— Да, люблю, дон Фернандо, вы знаете это, — с достоинством ответила девушка.

— Докажите мне свою любовь.

— Каким образом, дон Фернандо?

— Полным и безграничным доверием; это доверие не должно быть поколеблено ничем, что бы я в вашем присутствии ни делал. Более того, вы не должны ни расспрашивать меня, ни требовать отчета в моих поступках, которые, быть может, подчас покажутся вам странными. Если вы зададите мне вопрос, у меня не хватит духа не отвечать вам — и тем я погублю себя, а быть может, и вас вместе с собой.

— Дон Фернандо! — прошептала девушка.

— Извините, сеньорита, мои слова для вас непонятны, но я не могу говорить яснее. Только в одном будьте уверены: я люблю вас, как никогда не бывала любима ни одна женщина. За один ваш взгляд, за одно слово я дам убить себя у ваших ног. Нодля меня еще дороже, если это возможно, ваша честь; чтобы оградить ее от малейшего пятна или порицания, я пожертвую всем. Итак, доверьтесь мне, чтобы, охраняя и защищая вас, я мог охранять свою невесту и будущую жену. Впрочем, говорят, утро вечера мудренее, — прибавил он с грустной улыбкой, — я оставляю асиенду только завтра.

— Так что же?

— Вот что, сеньорита: посоветуйтесь в эту ночь со своей матерью.

— Моей матерью! — воскликнула Флора с изумлением и ужасом.

— Успокойтесь, сеньорита, я все знаю, но тайна хранится глубоко в моем сердце вместе с моей любовью к вам. Посоветуйтесь с матушкой, сеньорита, и, что бы ни решила она, я без возражений покорюсь ее воле.

— Хорошо, — немного погодя проговорила девушка, — я исполню ваше желание, дон Фернандо, я должна это сделать и переговорю с матерью... Но как решиться высказаться ей...

— Нашу любовь? Милое, кроткое дитя, глаза матери зорки, и тайна вашего сердца уже давно угадана; если же вам ничего не было сказано до сих пор, то это доказывает только одобрение с ее стороны.

— Боже мой! Возможно ли?..

— Будем уповать, донья Флора, на беспредельную благодать Божию; да и сердце матери, как вы знаете, — неисчерпаемый источник доброты и геройского самоотвержения.

— О! Дон Фернандо, как хорошо я знаю это! — глаза девушки наполнились слезами. — Моя добрая, нежная мать! Она улыбнулась.

— Вы правы, дон Фернандо, надо надеяться.

Донья Флора грациозно махнула ему рукой и выпорхнула в дверь, точно птичка.

— Милое, кроткое существо! — прошептал Лоран, оставшись один. — Я люблю ее так, что готов всем пожертвовать для нее... даже своей мстью! — заключил он глухим голосом.

Он вышел и в глубокой задумчивости направился в ту комнату, где его ждали Мигель Баск и Шелковинка.

ГЛАВА XIV

Как дон Фернандо возвратился на асиенду дель-Райо

отчас после взятия Чагреса, когда благодаря решительным мерам, принятым руководителями экспедиции, в городе водворилась сравнительная тишина, Прекрасный Лоран выехал из форта с целью отыскать своего брата-матроса Монбара.

Мы не случайно употребили выражение «сравнительная тишина», потому что лишь оно одно приблизительно передаст нашу мысль.

Правда, сражение прекратилось, но отдельные стычки, не менее ожесточенные, все еще продолжались в темноте между жителями, которые потеряли голову от ужаса, и разви-

репевшими от оказанного им решительного отпора флибустьерами, по большей части пьяными, так как первой их заботой по прекращении боя было напиться, и в состоянии опьянения они, точно лютые звери, совершали неслыханные злодеяния, сопровождая их просто-таки нечеловеческими криками.

Город был предан огню и мечу, дома рушились, объятые пламенем, женщин и детей, успевших укрыться в церквях и монастырях, насильно вытаскивали оттуда разъяренные победители и под предлогом заставить несчастных сознаться, где они скрыли свои драгоценности, подвергали их ужасным пыткам.

Со всех сторон раздавались вопли, предсмертные хрипы, стоны и мольбы при звуках выстрелов, треске рушащихся горящих зданий, хохоте и веселых песнях флибустьеров, которые, выкатив на городские улицы и площади бочки с вином и водкой, пьянствовали и плясали вокруг, заставляя под страхом смерти свои несчастные жертвы пить и плясать вместе с ними.

По мере того как отыскивали золото, серебро, дорогие ткани и драгоценности, все это без разбора складывалось в кучу, так что вскоре целые груды награбленного добра лежали на площади Пласа-Майор, куда каждый обязан был нести свою добычу.

При этих несметных богатствах даже не выставили караула — это было лишним. Флибустьеры свято соблюдали между собой честность и добросовестность, доведенные до крайней степени; никто не решился бы оставить себе хоть один пиастр до дележа добычи.

К Моргану, Монбару и другим предводителям Береговых братьев приводили самых богатых жителей города, из которых можно было надеяться выжать хороший выкуп; несчастных толпами запирали в зловонные темницы.

Тем не менее от них нелегко было добиться сведений о величине их состояния. По большей части приходилось прибегать к крайним средствам, то есть жечь им ноги, сдавливать большие пальцы или виски или, наконец, вздергивать на дыбу, к величайшему наслаждению зрителей, которые держались за бока от криков отчаяния и невыносимой боли, исторгаемых из груди злосчастных жертв.

Предводители флибустьерских полчищ оставались невозмутимо бесстрастными и к крикам, и к отрицаниям страдальцев, которых пытали; они вели дело хладнокровно и

методично, с равнодушием торговцев, просчитывающих в уме выгоды от сделки.

Все эти действия флибустьеры называли правильно организованным грабежом — грабежом, наводящим ужас, от которого целый город издавал предсмертные стоны и перед коим бледнели все неистовства, совершенные самыми свирепыми шайками разбойников в средние века. Грозное судилище заседало в ратуше под председательством Монбара, Моргана, Польшэ и еще пяти или шести человек.

Губернатор, находящийся под стражей двух флибустьеров, должен был каждый раз при появлении нового лица называть его по имени и определять состояние — к чему, разумеется, его вынуждали только жестокими муками, которым он подвергался от своих палачей при малейшем колебании.

Страх смерти так силен в сердце человека, даже самого храброго, особенно когда она представляется в образе, наводящем ужас, что бедняга волей-неволей покорялся требованиям победителей.

Лоран отыскал посреди этой страшной бойни Монбара. Грозный истребитель испанцев, как всегда холодный и невозмутимый, тихим и ясным голосом отдавал приказания или подвергнуть пленника пытке, или вести его в тюрьму.

Факелы, воткнутые в железные стенные подсвечники, и зажженные восковые свечи на столе, за которым сидели самозванные судьи, освещали залу судилища красноватыми отблесками и придавали ей вид еще более страшный и фантастический.

Как только Монбар заметил Лорана, он протянул ему руку.

— А! Дружище, и ты тут? Что привело тебя сюда?

— Во-первых, любезный друг, я хочу поздравить тебя с блистательной победой.

— Ну, старина, уж мою-то блистательную победу, — улыбаясь, возразил Монбар, — не лучше ли назвать нашей? Кому же мы обязаны победой, если не тебе, насколько мне известно? Что вы скажете на это, братья?

— По правде говоря, Лоран, — заметил Польшэ, — нам без тебя пришлось бы несладко.

— Черта лысого! Да что это еще за крик? — внезапно рассвирепел Морган. — Ничего не слышать. Заткните глотку этому крикуну!

Крикуном оказался несчастный горожанин, которому под предлогом, будто бы он ложно выдает себя за бедняка, сжимали виски с таким рвением, что его череп готов был треснуть.

— Постой! — вскричал Монбар.

Он вынул из-за пояса пистолет, прицелился в беднягу и убил его наповал.

— Вот и все дела, — сказал он.

После этого он снова обратился к Лорану, который смотрел на все с таким видом, будто эта процедура приелась ему донельзя.

— Ну-ка, дружище, — тихо сказал Монбар, — ведь ты не без цели пришел сюда? Что тебе надо?

— Переговорить с тобой.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Значит, дело спешное?

— И даже очень.

— Хорошо, погоди минуту.

Монбар встал и обратился к Польшэ:

— Займи пока мое место, а мне надо переговорить с Лораном. Но смотри, брат, будь построже, ты иногда проявляешь излишнюю слабость и мягкотелость, клянусь честью!

Эти слова, обращенные к одному из самых свирепых флибустьеров, участвовавших в экспедиции, поражали своей неожиданностью.

Пристыженный Польшэ склонил голову и в душе дал себе слово впредь не подвергаться подобному выговору.

Монбар и Прекрасный Лоран прошли в смежную комнату. Их беседа длилась долго и, вероятно, была занимательна, так как ни тот, ни другой из собеседников не стал бы терять времени на пустую болтовню.

По прошествии по меньшей мере двух часов они вернулись в залу.

— Решено, — сказал Монбар, — завтра батареи будут уничтожены, пушки потоплены, а дома, которые мешают выстрелам с форта, разрушены. Я пошлю четыре сотни человек для усиления гарнизона. Что же касается тебя, старина, то скажу то же, что говорил и всегда: поступай, как сочтешь нужным.

— Ты знаешь, что первым условием я ставлю то, о чем просил тебя.

— Я дал слово, друг, будь спокоен: ни один волосок не упадет с их головы.

— Спасибо, дружище!.. Теперь прощай.

— Нет, до свидания!

— Правда, до свидания в Панаме!

— Да, в Панаме.

— Да, пришли ко мне Хосе; ты совсем завладел им, а он мне крайне необходим.

— Пришлю, завистник, без него ты теперь как без рук, прости Господи!

— Он славный товарищ. С Богом, желаю успеха!

— Прощай!

Флибустьеры еще раз пожали друг другу руки и расстались.

На другое утро, сдав командование фортом Олоне, сильно опечаленному тем, что остается один, Прекрасный Лоран сел на лошадь и уехал в сопровождении лишь нескольких товарищей на асиенду дель-Райо; остальные были кто убит, кто ранен. Мы уже видели, как капитан прибыл на асиенду около часа спустя после отъезда дона Хесуса и как его там встретили.

Первой заботой Лорана, когда он вошел в свою комнату, было переодеться с ног до головы.

Будучи флибустьером, Лоран, однако, оставался дворянином до мозга костей: он всегда одевался самым тщательным образом. На дуэль ли он шел, на любовное ли свидание или на сражение — иначе, как в брильянтах, кружевах, шелках и бархате он не появлялся, куда бы ни призывали его удовольствие, долг или прихоть.

Мажордом пришел в обычное время ужина, но вместо того, чтобы, как всегда, пойти впереди гостя, он почтительно поклонился и молча ждал.

— Я вижу, вы хотите сказать мне что-то, ньо Гальего? — спросил Лоран.

— Так точно, ваше сиятельство, — ответил мажордом с очередным поклоном. — Сеньориты измучились и не в силах спуститься в столовую, они приказали подать им ужин на их половине.

— Не больны ли они? — с живостью вскричал молодой человек.

— Нет, ваше сиятельство, это только последствие всего, что случилось сегодня... Молоденькие особы, известное дело, очень хрупки.

Лоран улыбнулся странному выражению достойного дворецкого, но не сказал ни слова, и тот продолжал:

— Преподобный отец Санчес просит ваше сиятельство избавить его от скуки вкушать трапезу в одиночестве и удостоить чести отужинать с ним в его комнате.

— С удовольствием. А мои люди, любезный ньо Гальего, где же они будут есть?

— Со мной, ваше сиятельство, — величественно ответил мажордом, — и от этого они поужинают ничуть не хуже, смею вас уверить.

— Я убежден в этом, ньо Гальего, — улыбаясь, сказал Лоран, — потрудитесь же проводить меня к капеллану.

— Всегда к услугам вашего сиятельства, — ответил мажордом с почтительным поклоном.

Он отправился впереди молодого человека и довел до самой комнаты отца Санчеса, где и оставил его после того, как торжественно провозгласил о его приходе.

— Надеюсь, вы извините меня, любезный граф, что я беспокоил вас, — ласково сказал капеллан, идя навстречу посетителю и протягивая ему руку.

— Это не беспокойство, а удовольствие! Я рад нашему свиданию с глазу на глаз.

— Старики — эгоисты, как вам известно, граф, Я люблю вас, вот мне и захотелось побеседовать с вами откровенно.

— Вы меня крайне обязываете, отец Санчес.

— В сторону церемонии; садитесь, граф... Увы! Отчего нельзя нам воскресить один из тех уютных ужинов в Тормене-наре, когда...

— Умоляю вас, отец Санчес, — перебил молодой человек, глубоко взволнованный, — не пробуждайте этих милых и грустных воспоминаний, моя рана все еще не зажила и кровоточит, как в самый первый день.

Старые друзья, как мы теперь уже можем называть их, сели друг против друга и принялись за еду, беседуя о посторонних предметах в присутствии лакея, который прислуживал им; однако, когда был подан десерт и слуга удалился, разговор резко перешел на другое и принял серьезный характер.

Отец Санчес встал, порылся в ящике и вернулся на свое место, бросив перед прибором Лорана горсть сигар.

— Вы ведь знаете, граф, — с улыбкой сказал монах, — что здесь вы у себя. Итак, не стесняйтесь. Вот отличные сигары, воспользуйтесь ими, можете даже, если угодно, злоупотре-

бить. Хотя сам я не курю, но запах табака мне вовсе не неприятен... А вот ликеры, выбирайте по вкусу.

Отец Санчес придвинул к себе кофейник.

— Я нарочно сварил для вас кофе, который, надеюсь, заслужит вашего одобрения, — сказал он. — И я выпью с вами за компанию.

— Вы, кажется, принялись за старое, отец Санчес, — опять балуете меня.

— Так отрадно баловать того, кого любишь, — тихо проговорил монах.

— Разумеется, — со смехом ответил молодой человек, выбирая сигару, — более того, я даже подозреваю вас в намерении подкупить меня.

— Тсс, — тонко заметил отец Санчес, — не говорите этого, пожалуйста, вы угодили в больное место.

— Прошу покорно! Стыдно вам, духовному лицу, строить такие козни!

— А что делать, граф, каждый заботится о себе, как может.

— Вы должны знать, что со мной вам нечего прибегать к хитростям. Скажите откровенно, чего вы хотите, и если есть возможность, это будет исполнено.

— Дело трудное, предупреждаю вас, граф.

— И все-таки говорите.

— Дело вот в чем: целых пятнадцать лет я живу здесь и привязался всей душой к бедным пеонам, прикрепленным к асиенде. Они такие страдальцы! Мне хотелось бы остаться среди них, чтобы охранять их от всякого насилия и покровительствовать им, когда придут ваши товарищи.

— Только-то, — сказал капитан, усмехнувшись.

— Разве это не много?

— Не очень, отец Санчес. Во всяком случае, я предвидел ваше желание. Возьмите это письмо. Оно подписано Монбаром, командующим экспедиции. А вот и моя печать, — добавил он, снимая с мизинца правой руки большой перстень. — Когда сюда придут Береговые братья, покажите первому же из них это письмо и этот перстень — и вы будете поддвойным покровительством Монбара и Лорана. Никто не посмеет переступить через порог асиенды, она будет теперь священна для моих товарищей, никто и пальцем не посмеет ни к чему прикоснуться. Словом, вы будете здесь в такой же безопасности, хотя бы все двери стояли распахнутые настежь, как если бы были во Франции или на Тортуге.

— Как, дитя мое, вы сами пришли к этой доброй мысли? — вскричал чрезвычайно тронутый старик.

— Вас это удивляет, отец Санчес?

— Нет, нет, простите, сын мой. Меня не может удивлять, что вы поступаете благородно и великодушно. Увы! Зачем...

— Ни слова об этом, святой отец, — с живостью перебил граф, — разве вы забыли, каков я, запомнили, что я ничего не забываю, ни зла, ни добра. Я люблю вас, вы мне все равно что отец. Я исполнил только то, что следовало. Итак, оставим этот разговор, если вы хотите сделать мне удовольствие.

— Как желаете, сын мой.

— Говорила ли вам донья Флора, — продолжал молодой человек, чтобы переменить тему беседы, — что я советовал ей отправиться в Панаму?

— Она сказала мне об этом мимоходом, но не полагаете ли вы, что ей лучше было бы остаться здесь, со мной?

— Не знаю, святой отец. Впрочем, я дал ей совет переговорить с матерью.

— В этом вы правы, граф. А скажите-ка мне, вы все еще думаете уехать завтра?

— Не могу поступить иначе.

— Мне хотелось спросить вас об одном, сын, мой, но я боюсь возбудить ваше неудовольствие.

— Говорите без опасения, отец Санчес, — улыбаясь, ответил Лоран, — с каким бы вопросом вы ко мне ни обратились, я выслушаю вас почтительно.

— И ответите?

— Постараюсь.

— Вы любите донью Флору? — внезапно спросил монах.

— Больше жизни, — откровенно ответил молодой человек.

— И намерение ваше...

— Жениться, как этого и следует ожидать от меня.

— Я знал это. Ах! Ваше сердце мне хорошо известно... Но теперь я затрудняюсь еще больше, не знаю даже, как и подступить к вопросу...

— Что я намерен сделать с ее отцом, не правда ли? — перебил молодой человек с усмешкой, слегка насмешливой.

— Вы угадали, сын мой, я действительно желал бы знать, как вы намерены поступить по отношению к этому презренному негодяю.

— Выслушайте меня, святой отец: от вас я таиться не хочу и отвечу вам так же откровенно, как вы спрашиваете. Этот, по вашему же выражению, презренный негодяй, которого и назвать иначе нельзя, совершил самые ужасные преступления: он был неумолимым палачом моей близкой родственницы, всю жизнь которой отравил и счастье которой разрушил навсегда. Не далее как сегодня он низко и подло бросил свою дочь без сожаления, без малейших угрызений совести на произвол первого разбойника, который явился бы на асиенду. Если бы в ваших руках не было всемогущей охраны, эта невинная и чистая девушка, достойная любви и уважения, была бы погублена безвозвратно, осуждена на позор или даже на смерть... с этим, надеюсь, вы согласны?

— Увы, сын мой, все это вполне справедливо.

— Виновный должен быть наказан, — холодно продолжал молодой человек, — и наказан примерно.

Отец Санчес побледнел и невольно содрогнулся при этой резко произнесенной угрозе.

— Успокойтесь, отец мой, — продолжал капитан, — я не убью его; ваши слова заставили меня задуматься... Он не умрет.

— Слава Богу! — вскричал монах, воздев руки с горячей благодарственной мольбой.

— Погодите, отец мой, — со зловещей усмешкой продолжал капитан, — что значит смерть для человека, утомленного жизненной борьбой? Это сон и отдых. Для солдата — это венец славы, для несчастного — прекращение скорби, для преступника — тяжелая минута, но одна-единственная, и потом всему конец. Смерть ни в каком случае не искупление... Этот человек будет жить, чтобы искупать прошлое!

Холодный пот выступил на лбу отца Санчеса. Он жадно ловил каждое слово капитана, и безотчетный ужас овладевал им, когда он начал угадывать, что презренному готовится кара в тысячу раз ужаснее самой смерти.

Лоран продолжал невозмутимо и холодно:

— Я хочу, чтобы он жизнью искупал свои преступления, чтобы каждый его день был постоянной скорбью без отдыха, без облегчения, без надежды. Он богат — я превращу его в бедняка; у него друзья, льстецы — я оставляю его одного с глазу на глаз с его злодеяниями. Когда Панама будет в нашей власти, дон Хесус Ордоньес, лишенный всего своего достоинства, отправится на принадлежащей мне каравелле в Индий-

ский океан и будет высажен на пустынном острове. Но так как я хочу, чтобы он остался жив и действительно искупил все свои злодеяния, то его снабдят съестными припасами, разными орудиями и семенами, словом, всем необходимым, чтобы трудами рук поддерживать свое жалкое существование. Потом каравелла уйдет, и этот человек, или скорее чудовище в человеческом образе, исключенное из списка живых, останется один перед лицом Бога. Для него не будет существовать надежды, но как трус он более всего боится смерти и станет влачить жизнь почти против собственной воли, побуждаемый одним только инстинктом самосохранения и проклиная ежечасно и ежеминутно свое существование, прервать которое, чтобы положить конец невыносимым мукам, у него не хватит ни сил, ни духу... Как видите, отец Санчес, — прибавил Лоран с горечью, — я руководствуюсь вашими словами, более не мщу, но караю.

— Быть может, милосерднее было бы с вашей стороны, сын мой, вонзить ему кинжал в сердце?

— Судья вершит правосудие, палач исполняет приговор. Я не хочу быть палачом этого человека, не хочу пачкать руки в его крови.

— Но вы становитесь его судьей и произносите над ним приговор, тогда как намерены жениться на его дочери!

— Ошибаетесь, отец Санчес, не я буду судить его: Береговое Братство управляется грозными и неумолимыми постановлениями, в основе которых лежит справедливейший из естественных законов: око за око, зуб за зуб. Суд, состоящий из главных членов нашего товарищества, имеет обязанностью блюсти правосудие между нами. Этот суд исполняет свой долг везде, куда бы ни забросили его события: в море и пустыне, под открытым небом, в глубине лесов и в подземельях, в городах и деревушках, словом, где бы ни нуждались в его справедливом решении. Тогда члены его собираются, выслушивают жалобы, по совести взвешивают изложенные перед ними факты и оправдывают или осуждают обвиняемого, не поддаваясь никакому влиянию посторонних соображений, руководствуясь только тем, что им кажется справедливым. Эти приговоры неизменны.

Отец Санчес молчал с минуту в задумчивости, потом поднял голову и с грустной улыбкой на губах произнес:

— Вы влюблены в донью Флору и хотите на ней жениться; разумеется, вы отстраняете от себя неблагоприятную тень,

которую набросил бы на вас в глазах любимой девушки приговор, произнесенный вами над ее отцом. Но вы обманываете себя одной тонкой уловкой, дитя мое: страшная ответственность в любом случае падет только на вас.

— На меня, отец Санчес? Но какую тень может набросить на меня это дело, желал бы я знать?

— Вы не будете в нем судьей, я согласен с этим, не будете палачом, допускаю и это, но...

— Но что? Договаривайте, отец мой!

— Вы будете доносчиком, то есть ваша роль, наименее благородная из всех, что бы вы ни говорили, все-таки останется ролью человека, который мстит.

— У вас железная логика, отец Санчес, — возразил, улыбаясь, молодой человек, — беседовать с вами одно наслаждение.

— Напрасно вы уклоняетесь от вопроса, сын мой, шутка — еще не ответ.

— Разумеется, нет, я и не уклоняюсь от предмета разговора, клянусь вам... Это последний ваш довод против меня, отец мой?

— Последний — и вместе с тем неотразимый. Я посмотрю, как вы опровергнете его.

— Не торопитесь предрешать, отец Санчес, — возразил молодой человек, все еще улыбаясь, — разве вы забыли, что я сознался вам в сильном влиянии, оказанном на меня вашими словами, и как я взвешивал их в уме?

— Очень хорошо помню, но это не ответ, сын мой, почему я и заключаю, что вы признаете себя побежденным... Ваше здоровье, граф, и послушайте меня, предоставьте Богу наказать виновного.

С минуту или две молодой человек всматривался в игру вина, приподняв свой стакан, потом залпом осушил его и медленно снова опустил на стол.

— Не торопитесь с заключением, отец мой, — сказал он, улыбаясь, — а главное, не провозглашайте громкой победы, никогда вы не бывали ближе к полному поражению.

— О-о! Хотел бы я видеть это!

— Если я представлю вам убедительный довод, признаете ли вы откровенно мою правоту?

— Даю честное слово, сын мой. Но и с вашей стороны, если доводы ваши односторонни и ничего не доказывают неопровержимо, откажетесь ли вы от вашей мести?

— Гм! Вы быстро шагаете, отец Санчес. Что ж, я согласен, даю вам слово! Видите, как я уважаю вас и как высоко ценю ваши советы и просьбы.

— Я признаю это и благодарен вам, сын мой. Говорите, мне любопытно услышать то, что должно сокрушить в пух и прах доводы, представленные мной.

Отец Санчес прикидывался спокойным и беззаботным, хотя далеко не испытывал такой уверенности: в душе он трепетал, твердое убеждение молодого человека пугало его.

— Выслушайте же меня внимательно, отец мой, так как надо покончить с этим, — продолжал капитан. — Я понимаю, что вы как святой муж стоите за прощение обид; евангельское учение платит добром за зло. Все это прекрасно, не спорю, но вы сами должны признать, что держаться его буквально — значит отдать весь мир во власть злодеев и разбойников, и тогда все честные люди сделались бы ни более ни менее как их рабами. Не будем с вами обсуждать сейчас этот вопрос, так как разговоры могут завести слишком далеко. Я предпочитаю обойти молчанием все рассуждения, более или менее основательные, и прямо и просто приступлю к делу, о котором шла речь.

— Да, сын мой, скорее к делу.

— Я не буду ни судьей, ни палачом, ни доносчиком, не буду даже присутствовать, когда станут судить этого человека. Скажу больше: если потребуются мои показания, я откажусь давать их на том основании, что мои слова могут расценить как пристрастные — надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь.

— Очень даже, но в таком случае я не вижу...

— Позвольте, отец мой, вы не видите потому, что упорно держите глаза закрытыми. Мне надо заставить вас открыть их, что я и сделаю немедленно. Обвинителем того, кого вы называете доном Хесусом, буду не я, могу вас уверить. Два других лица возьмут на себя эту обязанность, и эти два лица хорошо вам известны, отец Санчес: первое — Мигель Баск, сын кормилицы доньи Христианы, моей покойной матери, и доньи Лусии, моей тетки. Мигель Баск, отец которого был убит, защищая донью Лусию и донью Марию Долорес, ее мать, которых злодей похитил. И, наконец, второй свидетель, показания которого уничтожат презренного — это будет сама донья Лусия. Она восстанет из могилы, в которую

заживо схоронила себя, чтобы потребовать наказания своего палача... Что скажете вы на это, отец мой?

— Да, что вы скажете? — повторил, как грозное эхо, тихий женский голос с выражением непреклонной решимости.

Собеседники быстро подняли головы: донья Лусия была возле них, бледная и прекрасная, как всегда. Глаза ее ярко блестели, в них сверкали молнии.

У отца Санчеса потемнело в глазах, мысли его смешались, на миг рассудок его помутился, словно пламя свечи, колеблемое ветром; он испустил тяжелый вздох и горестно склонил голову на грудь.

— Суд Господен свершается над этим человеком, — едва слышно пробормотал монах, — теперь он погиб безвозвратно.

Воцарилось продолжительное молчание.

— О! Донья Лусия! — продолжал наконец капеллан тоном кроткого укора. — Неужели вы становитесь обвинительницей вашего мужа?

— Я обвиняю палача моей дочери, отец мой, — ответила она с холодной решимостью, — время милосердия миновало; я простила ему мою испорченную жизнь, мои постоянные страдания, мое убитое счастье, я все вынесла, всему покори-лась без единой жалобы. Но этот человек осмелился посягнуть на жизнь моей дочери, он бежал, бросив ее, в надежде, что преступление, на которое он сам не решается, исполнят другие... И вот я пробуждаюсь! То, что я отказывалась делать для себя, я сделаю для своего ребенка. Кто сможет отрицать право матери защищать свою дочь?!

— Я побежден, увы! Эта последняя низость переполняет чашу. Да исполнится воля Божья!

Донья Лусия взяла руку монаха и поцеловала ее.

— Благодарю, отец мой, — сказала она, — благодарю, что вы не настаиваете более на снисхождении к этому подлецу. Все было бы напрасно, вы поняли это: львица не может с большим ожесточением защищать своих детенышей от опасности, чем буду я отстаивать свое дитя — увы! — единственную отраду, что осталась мне в этой жизни, — заключила она мрачно.

Потом, обратившись к капитану, она спросила:

— Можете вы дать нам верное убежище — мне и Флоре, племянник?

— Могу предложить вам убежище, совершенно недоступное, в доме, где я живу.

Донья Лусия задумалась.

— Вы уезжаете завтра?

— Завтра, сеньора.

— Я полагаюсь на вашу честь и на ваше благородство, — сказала она, протягивая ему руку. — Вы мой единственный родственник, я доверюсь вам... Дочь рассказала мне все. Завтра мы последуем за вами.

Молодой человек почтительно поцеловал протянутую ему прекрасную руку.

ГЛАВА XV

В каком порядке Монбар повел свои войска на Панаму

Прошло две недели после взятия Чагреса. В Панаме царил страх.

Губернатор дон Рамон де Ла Крус и генерал Альбасейте, командир гарнизона, с неутолимимым рвением принимали необходимые меры не только для ограждения города от внезапного нападения, но и для защиты окрестностей и дорог через перешеек.

Флотилия галионов, состоявшая из двадцати пяти судов, уже с неделю как вошла в порт. Экипажи с галионов и других судов, стоявших на рейде, были высажены и сформированы в полки для содействия общей обороне.

Именитые граждане, торговцы и богатые собственники были созваны во дворец губернатора, им выдали оружие с предписанием раздать своим слугам и пеонам. Укрепления были исправлены и вооружены грозной артиллерией.

Три дня назад отряд численностью в восемь тысяч человек, с кавалерией и пушками, под командой самого генерала Альбасейте вышел из города на розыски флибустьеров.

Воинственный пыл горожан и войска доходил до крайних пределов: они поклялись скорее лечь под развалинами города, чем сдаться.

Ценные вещи были зарыты в землю, церкви и монастыри открыты как убежища для неспособных участвовать в сражении, съестные припасы собраны в большом количестве, и, наконец, все эти меры принимались с быстротой и умением, редкими для испанцев. Положение было очень опасное, но и город укреплен так, как только можно было желать.

Весть о высадке флибустьеров и взятии Пуэрто-Бельо и Чагреса не была привезена в Панаму доном Хесусом Ордоньесом, как мог бы предположить читатель. Достойный асиендадо остерегся поднимать тревогу. Напротив, часов в семь вечера следующего дня после выезда из асиенды, не доехав до города одной мили, он остановился, отослал обратно конвой, в котором больше не нуждался, и оставил при себе только двух погонщиков, людей ему преданных и всегда сопровождавших его при перевозе контрабанды. После этого, дав пеонам удалиться настолько, чтобы они не могли подсматривать за ними, он продолжил свой путь и подземным ходом, известным ему одному, проник в Цветочный дом.

Намерением дона Хесуса было переодеться до неузнаваемости и отправиться предупредить о своем прибытии капитана каравеллы.

Однако, к его величайшей радости, прибегать к таким рискованным действиям не понадобилось.

Тихий Ветерок ждал его, спокойно ужиная со своим другом Данником.

— Вот и вы, — сказал Тихий Ветерок, увидев дона Хесуса. — Вы успели вовремя. Тем лучше!

— Вы меня ждали?

— Еще бы! Иначе что бы я здесь делал?.. Товар готов?

— Мулы еще не развьючены.

— Ладно, их и развьючивать не надо; так мы выиграем время.

Асиендадо тяжело опустился на стул и выпил стакан вина, который налил ему флибустьер.

— Вы правы, — ответил он, — тем более что время не терпит.

— Что с вами? Вы будто чем-то взволнованы.

— И есть от чего!.. Вы не знаете, что происходит?

— Пока не знаю, но сейчас вы мне все расскажете, и тогда я буду знать.

— Флибустьеры высадились на перешеек! — вскричал дон Хесус дрожащим голосом. — Они сожгли и ограбили Пуэрто-Бельо и Чагрес; быть может, в эту минуту они идут на Панаму.

— Черт возьми! — отозвался Тихий Ветерок совершенно хладнокровно, украдкой перемигнувшись с Данником, который курил с невозмутимым видом. — Вы уверены в этом?

— Вполне уверен: я сам видел их. Я едва успел захватить с собой все самое ценное и спастись бегством, чтобы не попасть к ним в руки.

— Если так, то действительно нельзя терять ни минуты, — продолжал флибустьер, вставая. — Сейчас мы пойдем приемом товары и приступим к их погрузке на судно.

— Любезный капитан, окажите мне услугу, за которую я останусь вам признателен навек.

— Очень охотно, сеньор. Что прикажете?

— У меня здесь двадцать пять навьюченных мулов — это почти все мое состояние. Перевезите его на свой корабль и сохраните для меня. У всех тюков с товарами одинаковый штемпель, их легко отличить. Храните у себя мое состояние, пока не минует опасность. На вашем судне ему не может ничего грозить.

— Это правда, — согласился капитан, — но вы возлагаете на меня тяжелую ответственность, любезный сеньор. Почему бы вам не дать этого поручения капитану Сандовалю, например? Он оказал бы вам эту услугу очень охотно, я уверен.

— Возможно, — живо возразил асиендадо с гримасой, которая не ускользнула от хитрого флибустьера, — но я не хочу ставить себя в зависимость от дона Пабло Сандовалья.

— Разве вы подозреваете...

— Ровно ничего, но повторяю, мне приятнее иметь дело с вами, капитан. Не откажите же мне в услуге.

— Если вы непременно требуете, я согласен, хотя и должен признаться, что мне это не по душе.

— Пожалуйста!

— Я уже сказал, что не хочу идти наперекор вашему желанию. Итак, приступим к перевозу всего добра на корабль; мы управимся за полчаса.

Он свистнул.

Появились человек восемь матросов.

— За работу! — приказал Тихий Ветерок. — Где, вы говорите, ваши товары?

— В подземелье.

— Слышите, ребята? Ступайте туда и живо перетаскайте все на лодки. И чтобы через десять минут все было закончено.

Матросы вышли.

— Вероятно, вы отправитесь со мной на каравеллу, дон Хесус? — обратился к нему флибустьер, усаживаясь на прежнее место.

— Нет, капитан, я останусь здесь — по крайней мере, на первое время.

— Черт побери! Берегитесь: говорят, эти разбойники свирепы.

— Я и не собираюсь дожидаться их здесь.

— Что же вы намерены делать?

— Вернусь на асиенду дель-Райо, если это возможно, чтобы спасти остальное мое достояние.

— Гм! Дело рискованное. Пожалуй, вы попадете в лапы к этим чертям, а ведь вам известно, как они нежны.

— Необходимо подвергнуться этому риску, капитан: я оставил там еще много драгоценностей, которых ни в каком случае не хотел бы лишиться.

— Я понимаю, но все же на вашем месте я тотчас бы сел на корабль. Впрочем, поступайте как сочтете нужным; я исхожу только из участия к вам, сеньор, опасаясь, как бы с вами не случилось несчастья.

— Благодарю за ваше участие, капитан.

— Что ж, решено! Вы не едете со мной?

— Не могу, — со вздохом ответил асиендадо и прибавил с лицемерным видом: — Ведь моя дочь еще там. Бедняжка с нетерпением ожидает моего возвращения. Не могу же я бросить ее!

— О! В таком случае, сеньор, я не говорю более ни слова — это совсем другое дело! Разумеется, вы должны спешить назад. Но вот что мы сделаем, послушайте меня хорошенько. Вы знаете утес Мертвеца, не правда ли?

— В трех милях отсюда?

— Да.

— И что же?

— Если в течение недели вы управитесь со своими делами, отправляйтесь к этому утесу с вашей дочерью на восьмой день, считая от нынешнего, в девять часов вечера. Заберите с собой и то, что вам удастся спасти из оставшегося на асиенде. Зажгите на вершине утеса костер, и я прибуду за вами на шлюпке менее чем через четверть часа. Весь этот день я буду лавировать поблизости от утеса.

— Вы сделаете это, капитан?

— Сделаю, черт меня побери! Вы славный человек и нравитесь мне. Честные люди — такая редкость в наше время! — заключил Тихий Ветерок с благодушным видом.

— Хорошо, капитан, я принимаю ваше дружеское предложение! — с живостью вскричал асиендадо. — Верьте мне, вы не окажете услуги неблагодарному, даю вам слово!

— Тсс! Дон Хесус, не говорите об этом сейчас; у нас будет еще достаточно времени поговорить на эту тему... Итак, решено, через неделю в девять часов вечера мы встречаемся у подножия утеса Мертвеца.

— Я не премину явиться, капитан.

— И прекрасно. А теперь, когда мы обо всем договорились, позвольте мне проститься с вами, любезный дон Хесус. Я должен немедленно отправляться на судно. Дела, как вам известно, не ждут.

— Поезжайте, капитан, и верьте моей искреннейшей благодарности.

— До свидания, дон Хесус.

— До свидания, капитан.

На другой день каравелла снялась с якоря с утренним приливом.

Корвет «Жемчужина» распустил паруса в два часа пополудни.

А дон Хесус Ордоньес, которого никто в городе не видел, так как он не выходил из Цветочного дома, своим отсутствием не возбудил ничьего удивления: все полагали, что он находится на асиенде дель-Райо. Тотчас после того, как его тюки перенесли на лодки, он вышел тем же подземным ходом и уехал из Панама, забрав с собой мулов с двумя доверенными погонщиками.

Спустя два дня, часа в четыре пополудни, в город прибыл Прекрасный Лоран. Не имея повода прятаться, он открыто въехал в Панаму, остановился на мгновение у своего дома и в сопровождении двух вооруженных слуг проводил донью Линду к отцу.

Девушка, всегда веселая и оживленная, на этот раз казалась грустной и задумчивой; она была бледна и дрожала.

— Вы нездоровы, сеньорита? — с участием спросил капитан. — Я напрасно не попросил вас войти ко мне и немного отдохнуть. Вы, должно быть, утомились от продолжительного переезда?

— Как вы торопитесь избавиться от меня, дон Фернандо! — ответила девушка с улыбкой, исполненной горечи.

Оторопев от такого неожиданного обвинения, молодой человек с живостью поднял на нее глаза и с изумлением воскликнул:

— Я, сеньорита? Как мне вас понимать?!

— Мужчины никогда ничего не понимают, — прошептала донья Линда. — Я страдаю, сеньор.

— Страдаете? Боже мой! Сеньорита, я в отчаянии от ваших слов! Я вообразил, что вы стремитесь скорее увидеть вашего отца, и...

— Не прочь были скорее спихнуть меня ему на руки!.. Очень благодарна вам, сеньор.

— Каким тоном вы мне говорите это, донья Линда! Чем я имел несчастье прогневить вас?

— Меня прогневить! — повторила она с насмешливой улыбкой. — Ничем, сеньор, только вы ровно ничего не замечаете, так как видите только свою возлюбленную донью Флору. Что ж, это в порядке вещей, на что же я могу претендовать?..

— Что значат эти слова, смысл которых ускользает от меня, ваши упреки, наконец, не заслуженные мной? Умоляю вас, сеньорита, объяснитесь.

— Извините, сеньор, я расстроена, нервничаю, сама не знаю почему. Мне кажется, я как будто в жару. Вы же совершенно хладнокровны... Итак, остановимся на этом, мы никогда не пойдем друг друга.

— Однако, сеньорита, я желал бы знать...

— Что? — спросила она, взглянув ему прямо в глаза.

— Причину состояния, в котором вы находитесь. Не скрою, что оно сильно меня тревожит.

— Благодарю за сострадание, — надменно проговорила девушка, — но поберегите его для других, более достойных сожаления, чем я: мне оно не нужно... Впрочем, вот я и дома.

— Ради Бога, сеньорита, не расставайтесь со мной таким образом, скажите мне...

— Мою тайну, не правда ли? — вскричала она со смехом, похожим на рыдание. — Молодая девушка, дон Фернандо, позволяет иногда угадывать свою тайну, но не открывает ее никогда!.. Надо уметь понять, что она хочет сказать, из того, что она говорит. Прощайте, дон Фернандо, благодарю!

Она спрыгнула наземь с легкостью птички и скрылась в дверях дома, прежде чем капитан опомнился от удивления —

так поразили его, даже испугали странные слова, похожие на признание в любви.

«Неужели она любит меня?» — пробормотал он про себя.

Он бросил повод слуге, вошел в дом и велел доложить о себе дону Рамону де Ла Крису.

Тотчас же он был принят.

Когда он входил в одну дверь гостиной, где его ждал губернатор, донья Линда выбежала в другую.

По своему обыкновению дон Рамон принялся рассыпаться в изъявлениях вежливости и горячо благодарить дону Фернандо за то, что тот любезно проводил его дочь до дома.

Капитан дал ему истощить весь запас восторженных похвал. Когда же он наконец, истощив запас красноречия, перевел дух, Лоран заговорил в свою очередь.

Не скрыв ничего, он в мельчайших подробностях поведал о страшных событиях в Пуэрто-Бельо и Чагресе, о том, как были разорены эти два города и о предполагаемом наступлении флибустьеров на Панаму. Наконец, он рассказал о постыдном побеге дона Хесуса, о том, как он бросил свою дочь и донью Линду одних, без всякой защиты, на асиенде дель-Райо, и каким образом он, Лоран, был так счастлив, что смог сопровождать донью Линду до дома и возвратить ее отцу.

Губернатор был буквально сражен страшными известиями, о которых даже не подозревал. Поступок дона Хесуса исполнил его негодования, он поклялся, что заставит его дорого поплатиться за такую низость. Но теперь нельзя было терять ни минуты. Тотчас он велел созвать именитых граждан и отправил верного человека к генералу Альбасейте с просьбой пожаловать к нему немедленно.

— А вы, граф, — обратился он к капитану, — какую роль возьмете вы себе в предстоящей кровавой трагедии?

— Самую скромную, сеньор дон Рамон, — ответил молодой человек. — Здесь я большой пользы принести вам не могу, поэтому мне лучше объехать соседние города и просить о помощи, которая, верно, вам может понадобиться.

— Мысль неплоха, действительно, и вы согласились бы...

— Очень охотно, дон Рамон... разве я не обязан служить отечеству?

— Ваше имя, ваше высокое положение придадут вес поручению, которое вы берете на себя, и будут ручательством нашего успеха. Когда вы едете?

— Меня ничто не удерживает здесь, сеньор, с этой же минуты я полностью в вашем распоряжении.

— Благодарю, граф, принимаю ваше содействие с величайшей признательностью. Сегодня же вы получите рекомендательные письма к губернаторам городов, которые объедете.

— Получив их, я немедленно отправлюсь в путь.

Капитан раскланялся и отправился домой.

Мигель Баск по распоряжению Лорана поместил донью Лусию с дочерью и двумя доверенными служанками в потайных комнатах Цветочного дома, где никто не мог подозревать их присутствия.

Согласно своему обещанию губернатор прислал Лорану четыре рекомендательных письма к губернаторам ближайших к Панаме городов.

В присутствии посланника дона Рамона капитан сел на лошадь и выехал из города с шестью хорошо вооруженными слугами, но менее чем через час он уже возвращался в свой дом подземным ходом и приказывал доложить о себе донье Лусии.

Экспедиция против Панама была чуть ли не самой смелой и необычайной из всех, когда-либо предпринятых флибустьерами. Теперь, когда место действия нашего рассказа почти исключительно сосредоточится на Панаме, мы не можем устоять против желания познакомить читателя с извлечением из дневника, в котором описывается поход флибустьеров от Чагреса через перешеек. Дневник этот вел Оливье Эксменин, сам флибустьер и участник экспедиции, которую он описывает со строгой точностью, а главное, с восхитительной наивностью.

Надеюсь, читатели останутся нам благодарны за наше обращение к показаниям очевидца.

«В тот же день они прошли около шести испанских миль на веслах и парусах, а к ночи достигли места, называемого Рио-де-дос-Брасос. Там они задержались на несколько часов, так как идти дальше в темноте не могли; к тому же, по их соображению, тут должны были быть дома, а следовательно, и съестные припасы. Однако они обманулись в своем ожидании. Испанцы все разрушили, все уничтожили, повывали все корни, срезали даже незрелые плоды, не говоря уж о том, что увели весь скот. Авантюристы нашли одни только пустые дома; однако и те могли послужить им для ночлега, поскольку на судах была такая теснота, что они с

трудом могли отыскать место для отдыха. Вместо пищи им пришлось в эти дни довольствоваться трубкой табака, что сначала их не только не встревожило, но напротив, еще сильнее подстегнуло желание сразиться с испанцами при первой же встрече, чтобы добыть себе съестных припасов.

Девятнадцатого января, на второй день похода, с зарей авантюристы двинулись дальше. Около полудня они прибыли в местечко, называемое Крус-де-Хуан-Гальего. Тут они были вынуждены бросить свои корабли — отчасти потому, что река обмелела вследствие засухи, отчасти потому, что в воде плавало много бревен и приходилось предпринимать большие усилия, чтобы проводить корабли через этизаторы.

Проводники сказали, что тремя милями выше начинается участок, где удобно идти берегом; решено было часть войска отправить по суше, а часть по воде на каноэ. В этот вечер команды пожелали остаться на кораблях: ведь в случае нападения многочисленного отряда они все равно должны были бы отойти на суда, под защиту корабельных пушек. Когда флибустьеры двинулись дальше, на кораблях оставили сто шестьдесят человек. Последним отдал приказание простоять тут два-три дня на тот случай, если бы испанцы оказались слишком сильны и было необходимо отступить до этого места, чтобы при помощи орудий оттеснить и разбить неприятеля.

Кроме того, оставшимся на судах людям было запрещено высаживаться на берег, чтобы испанцы не застигли их в лесу и не захватили в плен, обнаружив при этом малочисленность авантюристов. Разумеется, испанцы держали большое количество шпионов для наблюдения за флибустьерами, но такого сорта люди сражаться не любят, и чтобы командиры не бросали их в бой, в донесениях о силах авантюристов они обычно утаивали число противников.

Двадцатого числа, то есть на третий день похода, Монбар послал одного из проводников с несколькими авантюристами отыскивать дорогу. Однако когда они вошли в лес, то не только не нашли никакой дороги, но и поняли, что проложить ее не представляется возможности, поскольку лес кругом был очень густой и приходилось остерегаться вражеской засады; кроме того, местность на несколько миль вокруг была сильно заболочена. Монбару пришлось перевозить свой отряд на каноэ в два приема до места, называемого Седро-Буэно, так как суденышки, полные людей, сначала должны

были высадить их в упомянутом мной местечке, а потом вернуться за теми, кто находился на кораблях.

Авантюристов начинал мучить голод; они желали бы как можно скорее сразиться с испанцами, потому что ослабели, оставаясь без пищи со времени выступления и не имея никакой возможности хотя бы подстрелить дичь. Некоторые жевали листья, но не всякие растения были годны в пищу. Стемнело, прежде чем успели переправиться, и пришлось ночевать на берегу реки с большими неудобствами, так как люди было плохо одеты, а ночи холодны.

Двадцать первого числа, то есть на четвертый день похода, авантюристы смогли продвигаться вперед одновременно, одни берегом, другие в лодках, причем и те, и другие — с проводниками. Проводники шли в двух ружейных выстрелах впереди с отрядами в двадцать, а порой и в тридцать человек, чтобы без шума накрывать засады испанцев, брать пленных, если возможно, и таким способом узнавать, велики ли силы врага. Но испанские шпионы были хитрее; отлично зная дорогу, они успевали предупреждать испанцев о приближении авантюристов за полдня до их появления.

Около полудня две лодки, которые шли на веслах впереди, повернули назад и дали знать, что впереди засада. Тотчас же флибустьеры с неимоверной радостью взялись за оружие: присутствие испанцев давало им надежду отыскать еду. Испанцы, куда бы они ни отправлялись, всегда обильно запасаются пищей. Приблизившись к предполагаемому месту засады, авантюристы с оглушительными криками бросились вперед, однако тут же застыли на месте, увидев, что враги отошли.

Испанцы действительно засели было в окопах, но узнав через шпионов, что приближаются основные силы авантюристов, сочли свою позицию ненадежной и бросили окопы, в которых могли помещаться до четырехсот человек. Окопы были обнесены в виде полумесяца частоколом из цельных толстых стволов деревьев.

Уходя, испанцы унесли с собой все съестные припасы и сожгли то, чего унести не могли. Нашлось только несколько кожаных сундуков, которые оказали большую пользу первым пришедшим. Их разрезали на куски, чтобы пустить в пищу, но приготовить не имели времени, так как следовало идти дальше.

Из-за недостатка съестных припасов Монбар торопился двигаться вперед как можно быстрее, чтобы найти наконец пищу для людей и себя. Шагая без отдыха целый день, к вечеру они наконец добрались до местечка под названием Торна Муни, где нашли еще одни окопы, брошенные наподобие первых. Эти две предполагаемые засады причинили им обманчивую радость и напрасную тревогу, так как их единственным желанием было как можно скорее дать бой испанцам.

Однако надо было подумать и об отдыхе. Наступила ночь, и в лесу царила абсолютная темнота. У кого оказалось несколько кусков кожи, те поужинали, у кого нет — остались без еды. Эти кожаные сундуки делаются из высушенных бычьих шкур и формой напоминают большие плоские корзины. Тот, кто всегда имел хлеба вдоволь, пожалуй, с трудом поверит, что можно есть кожу, и любопытно, каким образом ее готовят для употребления в пищу.

Итак, скажу, что авантюристы сперва размачивали ее в воде, потом отбивали между двух камней и, соскоблив шерсть ножом, поджаривали на огне, после чего рубили на мелкие куски и затем уж глотали. То, что таким образом можно поддерживать существование, это факт, однако разжиреть на этой пище — вряд ли.

Двадцать второго числа, на пятый день похода, авантюристы продолжали свой путь с самого утра. К двенадцати часам они прибыли к месту, называемому Барбакоа, где вновь повстречали покинутую засаду — и опять без съестных припасов. В этом месте было несколько пустых жилищ, которые авантюристы тщательно обыскали. После долгих поисков они наконец-то наткнулись на два мешка муки, зарытые в землю вместе с двумя большими бутылками вина и плодами, которые испанцы называют *плантанос*¹. Вмиг два мешка муки были принесены Монбару, и тот поделил их между теми, кто более других нуждался в пище — для всех еды не хватало.

Кому досталась мука, тот сделал себе тесто, разведя ее водой, и небольшими частицами пек на углях, завернув в банановый лист.

На следующее утро, двадцать третьего числа, на шестой день похода, людей уже не понадобилось поднимать утренней побудкой: пустые желудки не давали им заснуть. Итак,

---

¹ Речь идет о бананах.

они выступили, как обычно, но от слабости вынуждены были делать частые привалы и подолгу отдыхать. Во время этих привалов многие авантюристы бросались в лес на поиски каких-нибудь древесных семян, чтобы хоть как-то утолить голод.

В этот же день часов в двенадцать они подошли к жилью поодаль от дороги, где нашли большое количество маиса, но еще в колосьях.

Надо было видеть, как они набросились на него и стали есть: испечь его не было ни сил, ни времени.

Немного позднее они завидели впереди индейцев, за которыми тотчас бросились в погоню в надежде напасть на засаду испанцев. У кого еще оставался маис, те бросили его, чтобы легче было бежать. Они стреляли по индейцам, некоторых убили, других преследовали до Санта-Круса, где те вплавь кинулись на другой берег реки и ускользнули от авантюристов; однако преследователи продолжали гнаться за ними, в свою очередь переплыв реку, пока индейцы кричали им: «А-а, собаки-французы, выходите в поле, мы вам зададим!»

Двадцать четвертого числа, на седьмой день после выступления, авантюристы прибыли в селение Крус; оно стояло объятые пламенем, и в нем не оказалось ни души. Это селение являлось последним пунктом, которого можно было достигнуть водой. Именно туда доставлялись товары из Чагреса для дальнейшего следования берегом, на мулах, до Панамы, отстоящей от Круса всего на восемь миль. Флибустьеры решили, что останутся тут до ночи, чтобы собраться с силами и поискать средств утолить голод.

В местных магазинах нашли несколько кувшинов с вином и кожаный сундук с сухарями. Из опасения, как бы люди не перепились, Монбар распустил слух, что вино отравлено и запретил его пить. Некоторые из авантюристов, уже выпив на пустой желудок, почувствовали себя плохо, их стало рвать, и это убедило всех в том, что действительно в вино подсыпан яд. Разумеется, после этого его пить не стали.

Тем не менее оно не пропало даром. Были среди флибустьеров и такие люди, которые не смогли удержаться от выпивки даже перед лицом верной смерти от яда.

На другой день, двадцать пятого числа, Монбар отобрал двести человек и разослал их вперед на разведку, а главное, чтобы по возможности окружить неприятеля и рассеять свои силы, не подвергая их опасности быть застигнутыми врасплох на предстоящем переходе от Круса до Панамы, где доро-

га во многих местах была крайне узкой, так что двенадцать человек с трудом могли идти по ней рядом. Двести человек, выбранные Монбаром в передовые патрули, были вооружены лучше всех и являлись самыми искусными стрелками с Тортуги и Санто-Доминго. Они состояли по большей части из французских буканьеров, и эти двести человек стоили шести сотен других.

Монбар сформировал из своего отряда главный корпус, авангард и арьергард и расположил войско ромбом. В таком порядке Монбар вел авантюристов от Круса до Панамы.

Часов в шесть он достиг ущелья, называемого Темной Губой. Название было очень метким: солнце никогда не освещало его. Внезапно на авантюристов посыпались тучи стрел, которые убили человек восемь-десять и столько же ранили. Флибустьеры тотчас заняли оборонительную позицию, но не знали, что предпринять, видя перед собой одни только скалы, деревья и овраги. Был дан залп наугад.

Однако, при всей уязвимости такой обороны с завязанными глазами, на дорогу упали два индейца: один, весь в крови, приподнялся и хотел вонзить в француза стрелу, которую держал в руке, но другой авантюрист перехватил его руку и мгновенно заколол... Когда индейцы увидели, что их воин убит, они отступили, и с этой минуты в авантюристов не было выпущено ни единой стрелы. Дальше на дороге нашли еще двух или трех мертвых индейцев. Надо сказать, что место это представляло большое удобство для засады: сотня решительных человек могла бы преградить авантюристам проход, если бы стойко отбивались. За этим ущельем флибустьеры вышли в большую долину, где сделали привал для перевязки раненых. Между тем индейцы то и дело рыскали вокруг них. Нередко они даже кричали: «На равнине, на равнине мы с вами разделаемся, собаки-французы!»

В этот же вечер авантюристы были вынуждены рано остановиться на ночлег; начинался дождь. С величайшим трудом они отыскивали некоторое подобие приюта и немного пищи. Испанцы, как всегда, все уничтожили и угнали скот. Чтобы раздобыть хоть что-нибудь, флибустьерам пришлось уклониться в сторону от дороги. В полумиле от нее они набрели на ферму, строения которой не были сожжены, но их было не достаточно, чтобы разместить всех. Решили так: укрыть от дождя по крайней мере боевые припасы и оружие, а сте-

речь их поочередно по взводу из каждой роты, дабы в случае тревоги каждый знал, где его взять.

На девятый день похода, двадцать шестого числа, то есть на следующее утро, Монбар приказал зарядить все ружья, чтобы в случае надобности они от дождя не дали осечки. Приказание было исполнено. Флибустьеры опять двинулись в путь. Дорога предстояла очень тяжелая, местность была открытая, нигде ни деревца; солнце пекло немилосердно.

К полудню они взобрались на гору и оттуда увидели Южное море¹ и большое судно с пятью барками, которое выходило из Панамы, направляясь к островам Тобаго и Тавагилья, отстоящим не более чем на три или четыре мили. Тут отвага снова наполнила сердца флибустьеров; и еще больше они возликовали, когда спустились с горы в обширную долину, где паслось много скота. Они тотчас же разогнали стадо и перебили всю скотину, которую им удалось догнать...»

Здесь мы прервем эти записи, так как читатель достаточно мог уяснить себе страдания и лишения, вынесенные флибустьерами во время тяжелого перехода через перешеек.

Береговые братья не могли выступить из Чагреса ранее чем по прошествии десяти дней. Этот срок оказался необходимым для восстановления в городе некоторого порядка, иначе он не мог бы служить надежным убежищем на случай неудачи и поспешного отступления.

К тому же сказывался недостаток и в живой силе: множество буканьеров было тяжело ранено и убито на Санта-Каталине, в Пуэрто-Бельо и, наконец, в Чагресе, где испанцы оказали отчаянное сопротивление, несколько раз дело доходило до рукопашной, и следовательно, потери авантюристов в живой силе достигали значительных размеров.

Монбару приходилось оставлять сильные гарнизоны в захваченных авантюристами городах, дабы удерживать жителей в повиновении и с успехом отразить натиск испанцев, если бы они попытались, что, впрочем, маловероятно, взять их обратно.

Когда Монбар произвел смотр войску, которым мог располагать, у него в наличии оказалось всего тысяча сто человек.

---

¹ Южным морем испанцы называли Тихий океан. В XVI—XVII вв. это название часто встречалось в голландской, французской и английской литературе.

И с этой горстью он должен был пройти перешеек, сразиться с испанскими солдатами, в двадцать раз превосходившими флибустьеров числом, и овладеть городом с шестьюдесятью тысячами жителей. Всякий другой на месте знаменитого флибустьера если не отказался бы от такого смелого предприятия, то, по крайней мере, постарался бы усилить свое войско, уменьшив гарнизоны взятых им городов. Монбару и в голову это не пришло. Он только улыбнулся Олоне, который стоял возле него, и, пожав ему руку, заметил,

— Ба-а! Каждый из нас стоит десяти, мы одержим верх. Труднее будет — больше славы и достанется. Вперед, братья! Мы остановимся только в Панаме.

Авантюристы ответили громкими криками восторга и весело выступили в поход.

Что могли противопоставить испанцы подобным людям?

ГЛАВА XVI

До чего любовь доводит некоторых женщин

 тот же день, когда флибустьеры, поднявшись на пригорок, радостными криками приветствовали Южное море, которое расстилось перед их восторженными взорами гладким и прозрачным зеркалом, дон Рамон де Ла Крус, генерал-губернатор Панамы, расхаживал взад и вперед по гостиной в своем дворце.

Он казался мрачен, озабочен, ходил быстро, порывисто, опустив голову на грудь и заложив руки за спину; весь вид дона Рамона выдавал с трудом сдерживаемое внутреннее раздражение.

На столе лежало развернутое письмо. Каждый раз, проходя мимо, он взглядывал на него в порыве раздражения, порой останавливался, перечитывал несколько слов глухим голосом и опять принимался ходить с волнением, которое все возрастало.

Донья Линда, прелестная, но бледная, как статуя паросского мрамора, сидела, или, вернее, полулежала, в одном из кресел-качалок, встречающихся повсеместно в тех краях и чрезвычайно удобных для мечтаний при их мерном покачивании. Девушка озабоченным взглядом следила за движениями отца.

Часы, стоявшие на тумбе, пробили половину десятого. При скрипе пружин перед боем дон Рамон вздрогнул и с нетерпением взглянул на циферблат.

— Еще полчаса! — прошептал он.

— Стоит ли так тревожиться из-за анонимного письма, отец? — тихо заметила донья Линда. — Разве вы не знаете, что только подлецы прибегают к такому средству вредить своим врагам, на которых напасть открыто не решаются?

— Эти же слова я повторял себе сотню раз, — возразил дон Рамон, — конечно, анонимное письмо — низость; всякий согласен, что оно достойно одного только презрения. Однако, прочитав его, невольно задаешься вопросом: «А если все же это правда?» Уж такова наша жалкая человеческая натура, что все неизвестное пугает нас; откуда бы ни раздавался голос, грозящий нам несчастьем, мы готовы ему верить.

— Увы! — грустно прошептала девушка.

— Впрочем, — с живостью продолжал дон Рамон, — хотя почерк изменен довольно искусно, я почти ручаюсь, что узнал его: по-моему, это письмо написано доном Хесусом Ордоньесом.

— Доном Хесусом Ордоньесом, этим гнусным человеком, который подло бросил свою дочь и меня!

— Им самым, дитя мое... Ты понимаешь, что если этот человек осмеливается мне писать и вызывается лично явиться ко мне для предъявления доказательств того, что утверждает, он должен быть полностью уверен в своей безопасности, а следовательно, и в том, что намерен доказать.

— И вы поверите тому, что скажет вам подобный человек?

— Поверю, если он представит доказательства. Не беспокойся, — прибавил он со странной улыбкой, — если этот подлец намерен играть мной, не так легко будет ему ускользнуть из моих рук, как он воображает.

— А я так буду откровенна, отец! — вскричала донья Линда с оживлением. — Выбирая из двух человек, таких как дон Хесус Ордоньес и дон Фернандо де Кастиль-Морено, я не колебалась бы ни минуты: первый — трус, мошенник, словом, презренная тварь; другой — человек благородный, все поведение которого служит тому доказательством. Несколько дней тому назад он раненый прискакал на асиенду дель-Райо, чтобы спасти меня и в безопасности доставить к вам; он же предупредил вас о высадке флибустьеров — все он! Не стану упоминать, какое имя он носит! Его положение в све-

те, родство с вице-королем Новой Испании — все это явные доказательства в его пользу! К чему говорить лишнее? Скажу только одно: сравните этих двоих между собой и с первого же взгляда вы увидите, который изменник.

— Очень уж ты опрометчиво заступаешься за дона Фернандо, душа моя, — слегка насмешливо и вместе с тем нежно заметил дочери дон Рамон, — уж не влюбилась ли ты в него, чего доброго? Обычно так защищают только того, кого любишь.

— Что ж, папа, это правда! — вскричала во внезапном порыве девушка и, мгновенно встав с кресла, очутилась перед губернатором, который остановился, оторопев от неожиданности. — Да, я люблю его! Люблю всей душой, люблю за красоту, за величие, за благородство, люблю за то, что он спас мне, быть может, жизнь, но честь наверняка, люблю я его, наконец, потому, что люблю!

— Успокойся, дитя, ради самого неба! — вскричал дон Рамон. — Еще ничто не доказывает, что этот донос справедлив.

— Да мне-то что в этом доносе! — продолжала девушка, пожав плечами с гордым презрением. — Разве мы, женщины, отдав свое сердце, занимаемся подобными вещами? Пусть дон Фернандо будет изменник, как его обвиняют в этом; пусть он будет одним из главарей разбойников, от этого я не полюблю его меньше, больше — да, потому что в поступке его есть величие: во имя успеха замыслов тех людей, на сторону которых он встал, не колеблясь, один, беззащитный, он отдается в руки врагов и открыто идет с ними в бой! Кто так поступает, папа, тот не изменник, не подлец! Какое бы дело ни защищал он — это герой! И наконец, если этот донос, которому вы придаете такое значение, и справедлив, то это значит, что дон Фернандо не испанец, а француз. Вам он ничем не обязан и не изменяет вам; он служит своим друзьям, вот и все!

— Успокойся, дитя мое, — ответил дон Рамон, нежно пожимая ей руки. — Твои слова очень огорчают меня; я глубоко уважаю дона Фернандо, поведение которого всегда казалось мне безупречным. Я не только не желаю возводить на него напраслины, но и, будь уверена, напротив, мое живейшее желание — достоверно убедиться в его невиновности. Кроме того, что бы ни случилось, я не забываю и не забуду, в каком громадном долгу мы у него; будь он даже виновен, чего я пока что допускать не хочу, он найдет во мне

защитника! В его же интересах следует довести это дело до конца и посрамить подлого доносчика. Ты только одного не учла, мое бедное дитя, — а именно, что мы находимся в обстоятельствах исключительных: враги окружают нас извне, измена грозит нам внутри, на мне лежит страшная ответственность — я отвечаю перед королем и отечеством за жизнь и благополучие жителей города, находящегося под моим началом. Я обязан исполнить свой долг и я не изменю ему!

— Отец...

— Не увеличивай же, милое дитя, своими женскими увлечениями и пристрастными доводами трудность моего положения; предоставь мне полную свободу действий. Мне потребуются все мое хладнокровие и вся ясность мыслей, чтобы не сделать промаха при событиях, угрожающих нам со всех сторон. Особенно об одном умоляю тебя, Линда, мое дорогое дитя, — не противопоставляй моему долгу нежную любовь к тебе, ведь кто знает, не перетянет ли последняя и не сделаюсь ли я тогда преступником, забыв обо всем, кроме тебя. Не прибавляй ни слова! Настал час, когда должен прийти этот человек. Оставь меня с ним наедине.

Девушка сделала движение, как будто хотела возразить, но вдруг передумала. Бледная улыбка на мгновение мелькнула на ее губах.

— Хорошо, отец, — кротко согласилась она, подставляя ему лоб для поцелуя, — я ухожу.

— Ступай, дитя, и успокойся; ложись безбоязни на мою нежную любовь к тебе.

Он проводил дочь до двери, которую отворил перед ней, и донья Линда вышла, не сказав больше ни слова.

Дон Рамон вернулся к столу, взял анонимное письмо, в сотый раз перечитал его и спрятал в боковой карман камзола.

Пробило десять часов. Дверь гостиной отворилась, и слуга доложил:

— Дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро.

Вошел асиендадо.

«Я угадал!» — подумал про себя дон Рамон.

Он сделал слуге знак, и тот вышел, плотно затворив за собой дверь.

Два человека остались с глазу на глаз.

Донья Линда вернулась к себе в страшном волнении. Отослав служанок и заперев двери на ключ, она опустилась в кресло, закрыла лицо руками и погрузилась в размышления.

Без сомнения, думы ее были грустными — подавленные вздохи вырывались из груди девушки, рыдания душили ее, слезы струились сквозь пальцы, судорожно сжатые терзаниями скорби.

Но приступ отчаяния длился недолго; эта девушка с огненной душой тотчас опять подняла голову гордо, надменно, решительно. Она быстро отерла слезы с покрасневших глаз, и горькая улыбка тронула ее маленькие губки.

— Так надо! — прошептала она. — Что мне за дело?

Она приняла твердое решение.

Донья Линда закуталась в черную мантилью, накинула на голову платок, взяла со стола крошечный кинжал с тонким и острым, как игла, лезвием, какие в ту странную эпоху женщины постоянно носили при себе (в некоторых странах мужчины и женщины всегда ходили вооруженные); кинжал этот девушка спрятала за пазуху, осенила себя крестным знаменем, как это делают испанки: сперва перекрестив лоб, потом глаза, рот и наконец сердце; тихо отворив дверь, она прокралась в смежную комнату, затем в другую, добралась до лестницы, сошла вниз на цыпочках и, поскольку дверь губернаторского дома случайно была приотворена, мигом очутилась на улице, не замеченная даже часовым, и помчалась легко, как птичка.

Было десять часов вечера. Ночь стояла светлая и ясная; улицы были пусты. Девушка храбро шла вперед. Впрочем, план, задуманный ею, поглощал все ее мысли до такой степени, что для страха места не оставалось.

Донья Линда плотнее закуталась в мантию, взялась за ручку кинжала и, высоко подняв голову, глядя прямо перед собой горящим взором и ступая твердо и решительно, быстрыми шагами направилась по лабиринту улиц к нижним кварталам города.

На своем пути она встречала одних лишь ночных стражей — необходимую принадлежность всякого испанского города. Эти люди с удивлением посматривали на прекрасную молодую женщину, которая в столь поздний час ночи шла по улицам города одна и пешком. Порой на пути ей попадались ночные объезды, и солдаты отпускали в ее сторону шутки не совсем изящного свойства, но девушка не замечала ни изумления сторожей, ни насмешек солдат, она неуклонно шла своей дорогой, не замедляя шагов, не поворачивая головы.

Ее цель была еще далеко, но она стремилась к ней во что бы то ни стало.

Когда женщина решится быть храброй, она становится во сто крат настойчивее и намного отважнее мужчины; ничто не может остановить ее в исполнении того решения, которым она задалась, — ни трудности, ни опасность. Она сумеет преодолеть все преграды, но готова рухнуть от истощения сил и страха, когда пройдет то нервное возбуждение, которое одно и поддерживало ее.

Донья Линда шла таким образом около трех четвертей часа, пока наконец не очутилась перед великолепной решеткой с засовами изнутри. Она остановилась, с минуту постояла, прислонившись к решетке, чтобы перевести дух, потом, схватив молоток обеими руками, стала громко стучать.

Решетка эта принадлежала Цветочному дому.

Прошло несколько минут; девушка не переставала стучать. Наконец до ее слуха донеслись голоса и шум приближающихся шагов.

— Кто там? — спросили изнутри.

— Отоприте! — задыхающимся голосом ответила она.

— Кто вы? Что вам нужно?

— Узнаете, когда отопрете.

— Уже слишком поздно.

— Чего вы опасаетесь? Разве не слышите женского голоса?

— Так-то оно так, но мы не отопрем, пока не узнаем, кто вы.

— О! — воскликнула девушка в отчаянии и снова принялась стучать. — Отоприте — или я упаду мертвая у ворот. Это вопрос жизни или смерти.

С той стороны ограды принялись совещаться шепотом, потом ворота приоткрылись, и в проеме показался человек, держа в каждой руке по пистолету; за ним маячил другой, с мечом в одной руке и фонарем в другой.

— Наконец-то! — выдохнула донья Линда в порыве радости.

— В самом деле — женщина! — воскликнул первый из вышедших, не кто иной как Мигель Баск, сопровождаемый Данником. — И она одна! Что вам угодно, сеньора?

— Взгляните на меня, — ответила девушка, сбросив на плечи шарф.

— Донья Линда де Ла Крус! — в крайнем изумлении вскричал Мигель. — Одна! Здесь! В такое время!

— Да, любезный друг, это я; впустите меня скорее, ради Бога!

— Пожалуйста, — ответил Мигель, почтительно посторонившись.

Девушка быстро вошла, и ворота мгновенно затворились за ней.

Мигель пошел впереди. Он привел посетительницу в гостиную и попросил ее садиться, потом зажег восковые свечи и стал перед ней с поклоном.

— Что вам угодно, сеньорита? — спросил он.

Изнемогая от усталости и волнения, девушка почти упала в кресло.

— Мне надо поговорить с вашим хозяином, — ответила она, — я должна увидеть его немедленно.

— Это невозможно, сеньорита!

— Почему? Ведь я сказала, что мне необходимо видеть его. Неужели я решилась бы одна идти по городу в таком часу ночи из-за пустяков?

— Но графа здесь нет, сеньорита.

— Нет? Где же он?

— Не знаю, сеньорита.

— Положим, он отсутствует, но должен же он вернуться; я подожду его.

— Граф не вернется, сеньорита; в самый день его приезда он вечером опять уехал, и с тех пор мы больше его не видели.

— Да, да, — возразила девушка, недоверчиво покачав головой, — я понимаю: вам велено так говорить, и вы как честный слуга исполняете данное вам приказание; это прекрасно, но теперь пойдите и доложите обо мне вашему господину. Скажите ему, что я должна сообщить ему нечто чрезвычайно важное, что всякое промедление — гибель.

— Но уверяю вас, сеньорита...

— Ступайте, друг мой; будьте уверены, что не заслужите упреков от хозяина, если исполните мою просьбу.

Подвижная створка тихо скользнула в невидимых пазах; в проеме стены показался Прекрасный Лоран.

Он сделал знак Мигелю. Тот поклонился и вышел, не сказав ни слова.

Лоран задвинул за собой створку и подошел к донье Линде; но целиком поглощенная своими мыслями, девушка не заметила его появления.

Он остановился перед ней, почтительно склонил голову и тихим, ласковым голосом сказал:

— К вашим услугам, сеньорита; что прикажете?

Донья Линда с живостью подняла голову. У нее вырвалось радостное восклицание, но тотчас же усилием воли она справилась со своими чувствами; огонь померк в ее глазах, и черты ее лица приняли неподвижность мрамора.

— Трудно добраться до вас, сеньор, — ответила она холодно.

— Сознаюсь в этом, но я никак не рассчитывал на честь видеть вас у себя, особенно в такой поздний час ночи.

— Боже мой, это правда! — прошептала девушка, и по ее лицу разлилась яркая краска.

— Я понимаю, что только важная причина могла толкнуть вас на такой поступок, сеньорита. Говорите же откровенно, я ваш покорнейший и преданнейший слуга, что бы вы ни потребовали, я готов исполнить.

— Правда ли это, сеньор дон Фернандо?

— Клянусь честью, сеньорита! Я с радостью пролью кровь, если могу отвратить от вас горе, осушить хотя бы одну только вашу слезу. Говорите без опасения, умоляю вас!

— Благодарю вас, граф, но теперь речь идет не обо мне.

— О ком же?

— О вас.

— Обо мне?

— Да, граф, о вас.

Она указала ему на стул, и молодой человек сел.

— Я не понимаю вас, — промолвил он.

— Сейчас все поймете, — отозвалась девушка.

— Говорите же, прелестная сивилла¹, — улыбаясь, сказал Лоран.

— Напротив, мрачная сивилла; я должна предвещать одни несчастья.

— Эти несчастья будут встречены с радостью, когда они принесены вами.

— Не станем терять время на пустые слова и приторные любезности, граф; ведь мы не влюбленные, высказывающие друг другу нежную страсть, мы друзья и должны говорить о вещах серьезных.

— Я слушаю вас, сеньорита.

— Вам грозит страшная опасность, граф! Сегодня мой отец получил анонимное письмо.

---

¹ С и в и л л а — в античной мифологии ясновидящая, получившая от богов дар прорицания.

— Анонимное письмо? — повторил молодой человек с презрением.

— Да, но почерк, хотя и искусно измененный, узнать все-таки можно.

— И ваш отец узнал его?

— Узнал, граф, письмо написано доном Хесусом Ордоньесом.

— Доном Хесусом Ордоньесом! — вскричал Лоран со странным выражением в голосе. — Тут должна крыться какая-нибудь гнусная клевета!

— Именно так я и подумала.

— Вам известно содержание письма?

— Я читала его, более того, украдкой от отца сняла копию и принесла ее вам.

— Вы сделали это, сеньорита?! — вскричал Лоран с чувством.

— Для вас, граф, сделала. Читайте.

Она достала из-за пояса сложенный листок бумаги и подала его молодому человеку, который поспешно развернул его и стал читать.

Вот что заключалось в письме и вот что прочел Лоран, поблуднев от бешенства и отчаяния:

*Его превосходительству
дону Хосе Рамону де Ла Крусу,
генерал-губернатору города Панамы.*

Ваше превосходительство,

Верный подданный короля имеет честь донести вам, что вчера ночью в полумиле от города его людьми был захвачен разбойник-флибустьер, стремившийся пробраться в Панаму. Обороняясь, разбойник дал себя убить. При нем было найдено письмо со следующим адресом:

«Сеньору графу дону Фернандо де Кастель-Морено (в собственные руки, строго секретно)».

Письмо это находится в моих руках, и содержание его следующее:

«Любезный Лоран,

Мы у цели, преодолев нескончаемые преграды. Еще несколько часов, и мы наконец подступим к Панаме, которой без тебя не достигли бы вовеки веков; вся честь экспедиции принадлежит тебе одному.

Потерпи еще немного, твоя роль графа скоро подойдет к концу. Испанцы, кажется, не хотят вступить со мной в бой иначе как у самых городских стен, под прикрытием огня с валов. Сражение будет жарким, но мы одержим верх, если, как мы договаривались в Чагресе, тебе удастся открыть нам одни из городских ворот. Только на тебя мы и надеемся. Это будет решительный удар! Тотчас по получении этой записки, которую передаст тебе один из наших самых верных братьев, прими меры, чтобы помочь нам безпромедления войти в город и встретиться с тобой.

Все братья жмут тебе руку, я же остаюсь, как всегда, твоим братом-матросом.

Монбар».

Подлинное письмо, с которого снята эта копия, я представлю на благоусмотрение вашего превосходительства и буду иметь честь вручить его лично сегодня вечером, если вы соизволите принять меня. В десять часов я явлюсь к вам во дворец.

Честь имею быть покорным слугой вашего превосходительства.

Верноподданный короля

Q. S. M. B.¹

По прочтении этого поражающего документа Лоран некоторое время оставался словно ошеломленный, желая, чтобы земля разверзлась под его ногами и поглотила его.

— О! — пробормотал он, с яростью сжав кулаки. — И не иметь возможности раздавить этого человека, как гадину, как ехидну!

Вскоре, однако, лицо его опять приняло спокойное выражение. Он с улыбкой возвратил письмо и хладнокровно осведомился:

— Дон Рамон, вероятно, поверил этому, сеньорита?

— Не вполне, быть может, но оно взволновало его, и он согласился принять того, кто написал его. Сейчас они вдвоем.

— Вот как! — с живостью вскричал Лоран, но тотчас овладел собой. — А вы, сеньорита, что думаете?

— О письме?

---

¹ Который целует его руки. — *Примеч. перев.*

— Да, о нем.

— Вы хотите, чтобы я отвечала откровенно?

— Да, сеньорита, совершенно откровенно.

— Я думаю, что письмо это, хоть и написано рукой врага и подлеца, поскольку не имеет подписи, однако передает правду и излагает факты, каковы они есть на самом деле.

— Вы думаете так — и все-таки пришли?! — в изумлении вскричал Лоран.

— Пришла, сеньор, несмотря на свое убеждение.

— С какой же целью?

— Единственно чтобы спасти вас.

— О, вы ангел! — вскричал он.

— Нет, — едва слышно прошептала она, — любящая женщина!

Молодой человек упал к ее ногам, схватил ее руку и поцеловал.

— Благодарю, — сказал он, — благодарю, сеньорита, увы!..

— Ни слова, сеньор! — с достоинством перебила его донья Линда. — Ваше сердце принадлежит другой, которая счастливее меня.

— И эта другая благословляет тебя, моя возлюбленная сестра! — вскричала донья Флора, внезапно появляясь и бросившись в объятия подруги.

Две прелестные девушки крепко обнялись, потом обе взглянули на Лорана и в один голос вскричали с тоской:

— Что же делать? Боже мой! Что делать?

— Бежать! Бежать, не теряя ни минуты, — продолжала с жаром донья Линда, — быть может, и теперь уже поздно!

— Бежать? Мне? — возразил капитан с презрением. — Никогда! Скорее я лягу под развалинами этого дома, но в бегство не обращусь!

— Но ведь вы идете на смерть!

— Я исполню свой долг! Честь предписывает мне это, мое место здесь, и я не сойду с него. Вы верно угадали, сеньорита: да, я флибустьер, один из самых известных Береговых братьев. Мое имя — Прекрасный Лоран. Вы видите, что все изложенное в этом письме справедливо. Но меня привели сюда не жажда золота и не надежда на грабеж. Цель моя благороднее — исполнение священной мести! Теперь вы знаете все. Если я не могу сдержать своей клятвы, то, по крайней мере, сумею достойно умереть. Прекрасный Лоран не должен попасться живым в руки своих врагов... Теперь я должен

готовиться к схватке. Донья Линда, ваше отсутствие может быть замечено, если продлится слишком долго; позвольте мне иметь честь отвести вас к вашему отцу.

Девушка тихо покачала упрямой головкой.

— Нет, сеньор, — сказала она, — я остаюсь.

— Остаетесь?

— Что ж в этом удивительного?

— А ваше доброе имя, горе вашего отца, который сочтет вас погибшей?

— Мое доброе имя очень мало заботит меня в настоящую минуту; что же касается горя моего отца, то именно на него я и рассчитываю.

— О, ты любишь его! Ты любишь! — шепнула ей на ухо Флора, целуя ее.

— Да, люблю! — ответила она так же тихо. — А ты?

— О! Я!.. — страстно воскликнула Флора и закрыла лицо руками.

— Так сложим нашу любовь, чтобы спасти его!.. Не бойся, дорогая, когда настанет время, я исчезну бесследно. Будем же вместе страдать за него, а радоваться, когда пройдет опасность, будешь ты одна. Сердце мое разбито, но я сильная и предоставлю тебе твоё счастье.

Донья Флора с рыданиями обняла свою подругу.

— Бедняжка! — прошептала донья Линда, нежно глядя ее по голове.

Лоран со странным душевным волнением присутствовал при этой сцене, настоящий смысл которой оставался для него загадкой.

— Видите, кабальеро, — обратилась к нему донья Линда, указывая на Флору, — этот ребенок не в силах выносить такие жестокие удары. Позвольте мне пройти в ее комнату и позаботиться о ней... Впрочем, теперь уже поздно, и вам, вероятно, надо сделать важные распоряжения.

— Простите, сеньорита, но, клянусь честью, я ничего не понимаю...

— В моем решении, не так ли?

— Смиренно сознаюсь, что так.

— Вы все еще упорствуете и бежать не согласны?

— Мое решение твердо.

— Я и не собираюсь с вами спорить. Но в таком случае я остаюсь. Если же вы спасетесь бегством, я уйду.

— У меня голова точно в огне, сеньорита, ваши слова...

— Кажутся вам непонятными, — перебила она, улыбаясь. — Постараюсь объяснить их вам; быть может, менее чем через час этот дом обложит испанское войско, и вы будете окружены непроходимой железной и огненной стеной. Между вами и вашими врагами завяжется ожесточенная борьба. Я, дочь губернатора, ваша пленница, буду служить заложницей. Теперь вы меня понимаете?

— Да, сеньорита, понимаю, такое самоотвержение возвышенно, я преклоняюсь перед ним, но принять его не могу.

— По какой же причине?

— Честь не позволяет мне, сеньорита.

Девушка пожала плечами.

— Честь!.. У вас, мужчин, вечно одно это слово на языке, — с горечью проговорила она. — Как же вы назовете анонимное письмо, этот гнусный донос?

— Автор письма — мой враг, сеньорита, но, донося на меня, он поступил, как и следовало, то есть исполнил свой долг честного испанца и верноподданного короля...

— Положим, я допускаю, что в этом вы правы, но эти доводы меня не убедят, и если вы не выгоните меня из своего дома...

— О! Сеньорита, разве я заслужил подобные слова?

— Пойдем, сестра, — кротко произнесла донья Флора, взяв ее под руку.

— Да будет по-вашему, сеньорита, — сдался наконец капитан с почтительным поклоном, — но ваше присутствие здесь — приговор для меня: или победить, или умереть, защищая вас.

— Вы победите, дон Фернандо, — сказала девушка, с улыбкой протянув ему руку, которую он поцеловал, — теперь у вас два ангела-хранителя.

Обе девушки вышли из комнаты рука об руку.

— Теперь займемся другим! — вскричал молодой человек, как только остался один. — Ей-Богу! Придется выдержать славную осаду.

Он свистнул. Вошел Мигель.

— Хосе сюда, немедленно!

— Он ушел с полчаса назад, поскольку все слышал, и велел передать, чтобы вы не сдавались ни под каким видом.

— Это предостережение лишнее.

— Я так и сказал ему, — спокойно ответил Мигель.

— Сколько нас здесь всего человек?

— Двадцать шесть.

— Гм, не ахти!

— Велика беда! За этими стенами мы постоим за двух сотен!

— Возможно, — улыбнулся Лоран. — Сколько у нас ружей?

— Сто пятьдесят и тысяча пятьсот зарядов, а может, и больше; плюс к тому восемьдесят пистолетов.

— А съестных припасов?

— Хватит по крайней мере на неделю.

— Этого хватит с избытком! Через двое суток мы будем или победителями, или мертвыми.

— Похоже, что так.

— Вели зарядить все ружья и пистолеты, пробить бойницы, прикрыть турами слабые места и в особенности хорошенько заложить кирпичом подземелье, известное этому негодяю дону Хесусу Ордоньесу. Главное — держи ухо востро и при первой же тревоге беги ко мне... Старый дружище, быть может, это наш последний бой, но будь спокоен, мы устроим себе славные похороны!

— Полно! — возразил Мигель, уходя. — Какое еще последнее сражение! Мы с вами еще слишком молоды, чтобы умирать, да и то сказать, испанцы не сумеют убить нас — они не так ловки, смею вас уверить.

Он засмеялся.

Лоран, однако, не испытывал желания шутить, он задумался, и размышления его не были веселыми; напротив, положение представлялось ему очень опасным.

ГЛАВА XVII

Тихий Ветерок позволяет себе приятные шутки, которые не всем по вкусу

Как уже было сказано в одной из предыдущих глав, Тихий Ветерок покинул Панаму на своей каравелле, но вместо того чтобы удалиться от берега, он повернул к островам, лежащим у входа в порт, и, скрываясь за ними, лавировал между островами Товаго, Фламиньос и Тавагилья до той минуты, пока, согласно их предварительной договоренности, дон Пабло Сандоваль не вышел из порта на корвете «Жемчужина». Тогда буканьер взял курс в открытое море, убрав, однако, несколько парусов, чтобы корвету было легче догнать его,

что в действительности и случилось, так что к заходу солнца оба судна шли рядом.

В продолжение своего длительного пребывания в Панаме честный капитан не терял времени даром: менее чем за два дня он обследовал город вдоль и поперек; в особенности усердно он изучил кабаки и грязные притоны, где находили убежище матросы, слоняющиеся без дела. Во время этих своих странствий он высмотрел несколько мерзких лиц — настоящих висельников с мрачными физиономиями, принадлежащими людям, для которых нет отечества, которые смотрят на всякую землю, как на неприятельскую страну, и без угрызения совести могли бы убить своего лучшего товарища.

Слоняясь с места на место и осматриваясь по сторонам, Тихий Ветерок завербовал сперва одного, на следующий день другого, потом третьего, четвертого и так далее, пока наконец не набрал человек шестьдесят отчаянных головорезов. Эти новобранцы вместе с экипажем его каравеллы и еще несколькими людьми, которых ему по-товарищески уступил Лоран, уезжая на асиенду, составили самое грозное собрание разбойников, какое только можно себе вообразить. Прибавим, чтобы быть вполне правдивыми, что капитан Сандоваль любезно предложил свой опыт в распоряжение флибустьера и оказал ему в этих поисках величайшую помощь, за что Тихий Ветерок собирался как раз в данную минуту продемонстрировать ему свою признательность.

Когда каравелла шла под всеми парусами и была уже далеко от порта, Тихий Ветерок свистком созвал экипаж на палубу и скомандовал, чтобы он выстроился в две шеренги направо и налево вдоль бортов.

Экипаж составляли сто двадцать отчаянных молодцов, каждый из которых стоил двух человек. Капитан улыбнулся, глядя на эти отвратительные рожи, и объявил им сперва — кто он, а потом — чего ожидает от них.

Эти босяки, которые находили для себя выгодным уже то обстоятельство, что нанялись на контрабандное судно, были приятно изумлены, узнав, что их командир — знаменитый Тихий Ветерок, один из самых грозных флибустьеров Черепашьего острова, и что под его началом они будут гоняться за всеми испанскими судами, которые попадутся на их пути. Капитан даже обещал, что если останется ими доволен, то через несколько дней позволит им вернуться обратно в Па-

наму, где доставит им удовольствие грабить в неограниченных размерах.

Однако после всех этих чарующих обещаний он объявил, что на его корабле командует только один человек — он сам, капитан, что приказаний своих он никогда не повторяет дважды, что при малейшем колебании, при самом легком нарушении правил, установленных на его судне, виновник подвергается наказанию и что ввиду общей пользы, для избежания возможности совершить повторную ошибку, у него существует только один вид наказания — смерть.

При этих словах, зловеще произнесенных Тихим Ветерком — человеком, при одном имени которого бледнели люди самые неустрашимые, у всех этих молодцов, не боявшихся ни Бога, ни черта, волосы на голове стали дыбом; они отлично понимали все значение угрозы.

Они смиренно склонили головы и поклялись быть верными и покорными своему капитану. Тихий Ветерок усмехнулся в усы. Тигры были укрощены, теперь он мог без опасения делать с ними что угодно.

Итак, достойный капитан, добряк в глубине души, чтобы немного развеселить свой экипаж, обещал на следующий день взятие корвета «Жемчужина», высокие снасти которого начинали выступать на голубом фоне неба в нескольких милях позади.

Молодцы действительно обрадовались, да так гаркнули от восторга, что акулы чуть не шарахнулись в сторону от судна, вокруг которого шныряли в надежде, что им перепадет на зуб матрос или хотя бы юнга.

После смотра своего экипажа Тихий Ветерок, не желая возбуждать подозрений капитана своего спутника-корвета, отослал новобранцев обратно по местам и строго-настрого запретил им показываться на верхней палубе без его особого на то приказания.

Ночь прошла без тревоги. Тихий Ветерок провел часть ее за приготовлениями к смелому нападению, которое он замышлял; когда же все меры были приняты, он бросился на свою койку довольный и веселый и заснул с приятным сознанием, что не потерял времени даром.

На следующее утро солнце взошло во всем блеске посреди волн пурпура и золота. Дул легкий ветер; море было тихим и гладким, как зеркало, на которое походило своей прозрачностью. Тихий Ветерок, как человек практичный, не позволил

бы себе упустить это утро, предвещавшее такой прекрасный день. Напротив, он немедленно сделал ряд распоряжений, чтобы воспользоваться им.

Первой его заботой было держать совет со своим подшкипером и лейтенантом — двумя опытными моряками, ветеранами флибустьерства, которые только и думали что о резне и боях, и пришли в восторг от доверия, оказанного им командиром, перед которым благоговели.

Потом Тихий Ветерок призвал своего повара, в полном смысле слова отравителя и пачкуна, и дал ему инструкции. Еще раз с довольным видом он оглядел снасти каравеллы, крикнул рулевому взять к ветру на один румб и вошел в кильватер корвета, к которому вскоре приблизился на расстоянии слышимости голоса.

— Эй! На судне! — крикнул он.

— Что надо? — ответили тотчас.

— Не окажет ли мне честь капитан дон Пабло де Сандоваль со своими офицерами пожаловать ко мне на завтрак?

— С удовольствием, капитан, — отвечал сам дон Пабло, — но с условием, что обедать вы будете у меня.

— Решено, — прокричал Тихий Ветерок. — А для большей безопасности мы ляжем в дрейф на время наших взаимных посещений.

— До свидания! — крикнул капитан.

Через пять минут капитан Сандоваль со всеми своими офицерами, кроме того, кто стоял на вахте, спустились в шлюпку, которая отчалила от корвета и на веслах направилась к каравелле.

— Кажется, рыбка клюнула, — пробормотал про себя Тихий Ветерок с хитрой усмешкой крестьянина-нормандца.

Оба судна между тем встали неподвижно, раскачиваясь с боку на бок.

Тихий Ветерок принял капитана корвета со всеми полагающимися его чину почестями, а также выказал изысканную учтивость остальным офицерам.

Стол был накрыт под тентом на верхней палубе, туда Тихий Ветерок и повел своих гостей. Вскоре все уже сидели за столом и отдавали должное еде; один только хозяин, под предлогом расстройства желудка, ни к чему не прикасался, но был так любезен, что за столом царило величайшее оживление. Время текло незаметно. Однако под конец завтрака офицеры с корвета «Жемчужина» и сам капитан Сандоваль

почувствовали непонятную тяжесть голове, их стало непреодолимо клонить ко сну, веки отяжелели как свинец и, не смотря на все их усилия, глаза так и смыкались.

Тихий Ветерок как будто ничего не замечал, он становился все любезнее и оживленнее, но расточал свое остроумие даром. Вскоре из сидящих за столом не спал он один, а все его гости уснули мертвым сном.

— Ладно! — пробормотал он. — Часа на четыре они полностью отключены, времени у меня полно.

Пока Тихий Ветерок угощал офицеров корвета, боцман ухаживал за испанскими матросами, гребцами шлюпки. Этих слов вполне достаточно, чтобы читатель мог представить себе последствия.

Капитан свистнул. При этом сигнале, которого, вероятно, уже ждали, двадцать хорошо вооруженных человек в парусиновых голландках сошли в баркас, куда предварительно уже были опущены два бочонка, и лейтенант Тихого Ветерка, отодвинув занавеску, заглянул под тент.

— Все готово, капитан, — сказал он.

Тихий Ветерок вышел из-под тента и в свою очередь спустился по трапу в баркас, который по его знаку направился в сторону корвета.

Шлюпка, в которой прибыли испанские офицеры, следовала за баркасом, но в ней сидели гребцы с каравеллы.

Тихий Ветерок вскочил на палубу и раскланялся с офицером.

— Я привез вам боеприпасы, — весело сказал он.

Две бочки вмиг очутились на палубе корвета.

Испанцы ни о чем не подозревали.

— А где же капитан? — спросил офицер.

— Сейчас будет, — ответил, смеясь, Тихий Ветерок.

Действительно, в эту минуту к корвету причалила шлюпка.

Не прошло и пяти минут, как пятьдесят флибустьеров стояли выстроившись на палубе корвета.

Офицер встревожился, не видя ни своего капитана, ни товарищей.

— Что это значит? — спросил он.

---

¹ Г о л л а н д к а — матросская форменная рубашка с вырезом на груди, иногда с большим воротником.

— Это значит, — грубо ответил флибустьер, — что я — капитан Тихий Ветерок и имею честь захватить этот корвет от имени Береговых братьев; если же ты шевельнешься, — прибавил он, приставив ему пистолет к горлу, — я застрелю тебя. Ну, ребята, за дело!

Открыли бочки; в них был порох.

В каждую из них флибустьер прицелился из пистолета.

— Сдавайтесь, собаки-испанцы! — закричал Тихий Ветерок испанским матросам, которые толпились на палубе. — Сдавайтесь, или — клянусь Богом! — я взорву весь корабль!

Что делать? Нечего было и думать о сопротивлении. Испанцы упали на колени и дали связать себя, точно баранов.

Тихий Ветерок захватил судно, не пролив ни единой капли крови. Он сиял от радости.

Доблестный Береговой брат прибегал к жестокости только порой, когда этого непременно требовала польза общего дела, а впрочем, он был кроток, как ягненок, и добровольно не убил бы и мухи.

Этот корвет, так быстро и ловко захваченный, был просто подарком судьбы; он привел в восторг экипаж Тихого Ветерка и внушил всем высокое мнение о командире: с подобным человеком можно было решиться на все.

Флибустьер обосновался на корвете, оставив на каравелле всего десять человек под командой своего лейтенанта. Потом, торопясь избавиться от своих пленников, чересчур многочисленных, он поставил паруса и направился к бухте реки Гуайякиль.

Можно представить себе изумление и жестокое разочарование дона Пабло Сандовалья, когда он наконец очнулся от мертвого сна и узнал, что произошло. Но поправить дело было невозможно, и ему пришлось мириться со своим несчастьем, не иначе, разумеется, как поклявшись самому себе, что при первой же возможности он жесточайшим образом отомстит.

Между тем два судна быстро шли при свежем ветре по направлению к Гуайякилю. Когда Тихий Ветерок остановился против бухты, он выкинул испанский флаг и потребовал лоцмана.

Через час лоцман был на корвете. Тихий Ветерок вручил ему письмо на имя губернатора и, очень учтиво попросив его поторопиться, отправил обратно после того, как показал ему своих пленников, перевязанных, словно сосиски, и имеющих глупый вид лисиц, поднятых на смех курицами.

Письмо Тихого Ветерка к губернатору в Гуайякиле было лаконичным; флибустьер не отличался красноречием, предпочитая выражаться коротко и ясно.

Это письмо, или, вернее, записка, написанная невообразимыми каракулями и с фантастической орфографией, заключала в себе следующее:

На моих судах находятся двести пленных испанцев. Если в течение двух часов вы не свезете их всех на берег, то еще через полчаса они будут повешены.

Тихий Ветерок

Губернатор тотчас понял, с каким человеком имеет дело. Он поспешил собрать все лодки, какими только располагал, и немедленно послал их к двум стоящим судам. На исходе второго часа лодки подошли к ним. Испанцы подоспели вовремя: получасом позже состоялась бы казнь.

Избавившись от пленников, которые немного беспокоили его, Тихий Ветерок направился обратно к Панаме.

В условленный с доном Хесусом день он стоял против утеса Мертвеца. Около девяти часов вечера на его вершине показался огонь.

Тихий Ветерок сел в шлюпку и поспешил к берегу.

Дон Хесус ждал его; рядом лежало с десятков тюков.

— Где же сеньорита? — осведомился Тихий Ветерок.

— Она не смогла приехать, — ответил асиендадо. — Мне остается спасти еще так много вещей; увезите пока что хоть это.

— А вы разве не едете со мной?

— Любезный капитан, вы должны дать мне отсрочку еще на восемь дней.

— Гм! Это многовато... А как же флибустьеры?

— Говорят, они приближаются, но, разумеется, медленно — дороги отвратительны, а они вдобавок совсем не знают здешних мест.

— Действительно, — согласился капитан.

— Следовательно, — с живостью сказал дон Хесус, — у нас достаточно времени еще для одной поездки. Согласитесь же на эту последнюю отсрочку, умоляю вас, любезный капитан!

— Видно, придется, — пробурчал Тихий Ветерок, — взялся за гуж, не говори, что не дюж... Но знай я наперед, ни за что не ввязался бы во всю эту кашу.

— Чего вы боитесь? Уж вы-то ограждены от всякой опасности, зато мне оказали бы бесценную услугу!

— Ладно, пусть еще раз будет по-вашему, но этот раз будет последним, говорю вам!

— Клянусь!

— Так до встречи через неделю?

— Через неделю.

— Но поскольку за нами могли следить, то нам необходимо изменить час нашего свидания.

— Как вам угодно, любезный капитан.

— Я буду здесь в три часа ночи, но не заставляйте себя ждать, смотрите!

— Явлюсь минута в минуту!.. Однако мне кажется, будто на ветре у вашей каравеллы — «Жемчужина»...

— Да, любезный дон Хесус, это «Жемчужина» и есть.

— Отчего же с вами не приехал дон Пабло?

— Он очень хотел бы этого, но не мог.

— Как жаль!

— Он сожалел об этом не меньше вашего, — ответил Тихий Ветерок с насмешливым видом. — Однако — до свидания через неделю, считая от сегодняшнего дня, ровно в три часа утра.

— Не беспокойтесь, любезный капитан, быть точным важно для меня самого.

— Действительно, это скорее касается вас, чем меня. Прощайте!

— Прощайте!

Они расстались, и поскольку матросы за время их разговора уже перенесли тюки на шлюпку, капитан вернулся на каравеллу не теряя ни минуты. Тем временем дон Хесус уже успел скрыться за утесом.

— Вот сокровище-то эта скотина! — проворчал себе под нос Тихий Ветерок. — А еще говорят, что скряги хитры. Этот молодец может похвастаться, что удачно поместил свои деньги!

Капитан не любил терять времени даром и всю неделю крейсировал вдоль маршрута следования испанских судов в надежде захватить добычу-другую; но его ожидания не увенчались успехом, он не высмотрел ни одного паруса и в самом, разумеется, отвратительном расположении духа по прошествии означенного срока вернулся на место условленного свидания.

Как и в предыдущий раз, дон Хесус уже ожидал его; несколько тюков лежало вокруг испанца.

Асиендадо был бледен, встревожен, взволнован, озабочен до такой степени, что Тихий Ветерок волей-неволей обратил на это внимание.

— Что с вами, любезный дон Хесус? — спросил он. — Я нахожу, что вид у вас престранный. Не тревожит ли вас отсутствие вашей дочери? Может статься, она отказалась ехать с вами?

— Речь тут не о дочери! — вскричал асиендадо с нетерпением.

— А-а! Значит, речь идет о чем-то другом, — произнес флибустьер с самым спокойным видом.

— Представьте себе событие самое необычайное, самое поразительное, самое...

— Стойте, стойте! Расскажите мне, в чем дело, но только по возможности коротко и ясно, если, конечно, не предпочитаете оставить свои тревоги при себе.

— Почему же? От вас у меня нет никаких тайн, мой любезный капитан... к тому же, и вас это дело отчасти касается.

— Меня?

— О! Косвенно, разумеется.

— Это приятнее. Итак, вы говорили...

— Вы ведь знаете графа де Кастель-Морено?

— Мое судно зафрахтовано для него, вам это известно не хуже меня.

— Еще бы! Потому я и спрашиваю: знаете ли вы его?

Инстинктивно Тихий Ветерок угадал, что должен держаться настороже.

— Конечно, знаю... то есть, видите ли, дон Хесус, вы, наверное, знаете его лучше меня; я виделся с ним только по делам, раза два-три, не более, поскольку моя каравелла была зафрахтована под его товар.

— Стало быть, прежде вы не были с ним знакомы?

— Нисколько. Я должен сказать, что он мне кажется человеком благородным и великодушным.

— Да, великодушным, как бывают великодушны воры, — посмеиваясь, возразил асиендадо.

— О чем вы?

— Любезный капитан, знаете ли вы, кто этот благородный и великодушный дон Фернандо де Кастель-Морено?

— Позвольте спросить об этом вас, — ответил, придвигаясь ближе, Тихий Ветерок.

— Это вор-флибустьер, вот кто!

— Флибустьер?! Господи Боже мой!

— Святая правда; да еще из самых знаменитых!

— Не может быть!

— Говорю вам... А знаете, как называют его сообщники?

— Откуда же мне знать?

— И то правда; они зовут его Прекрасным Лораном, вот как!

— Прекрасный Лоран! — вскричал капитан, вздрогнув, но тотчас опять овладел собой.

— Как же вы узнали об этом, любезный дон Хесус? — прибавил он тотчас.

— Благодаря простому случаю. Представьте, я возвращался со своей асиенды, когда один флибустьер невзначай наткнулся на моих людей; конечно, мне сразу захотелось взять в плен этого человека, но подлец защищался как черт, и пришлось его убить. Я велел обыскать тело и обнаружил, что он нес с собой письмо от разбойника по имени Монбар, жестокая слава которого, вероятно, дошла до ваших ушей.

— Как не дойти? Продолжайте же, умоляю вас!

— Я распечатал это письмо; на конверте стояло имя графа, но адресовано оно было Лорану. Монбар сообщал ему, что пора действовать, что через двое суток он прибудет в Панаму... и что-то там еще — всего не упомянуть... Драгоценная находка, не правда ли?

— И даже очень!.. Что же вы сделали дальше?

— Как вы понимаете, любезный капитан, речь шла об общей безопасности, колебаться я не мог.

— И...

— Я пошел прямо к губернатору и показал ему письмо.

— Так что...

— Так что в данную минуту дом этого злодея окружен большим отрядом; убежать он не может и вскоре, надеюсь, будет повешен без особых церемоний.

— Ах ты, старый бездельник! — вскричал Тихий Ветерок, в невыразимой ярости схватив асиендадо за горло и опрокидывая его на прибрежный песок.

Дон Хесус настолько не ожидал подобного нападения, и произведено оно было так внезапно, что он даже не попытался защищаться.

— А! Ты выдал Лорана, моего брата, моего друга, разрази тебя гром! Да я с тебя с живого шкуру сдеру, злодей! Клянусь честью, лучше бы тебе быть в шкуре околевшей от чумы дрянной коровы, чем в своей собственной! С тобой расчет будет короток, не беспокойся!

Каждое свое слово капитан сопровождал пинком, от которого у почтенного асиендадо трещали ребра и грудь.

Он мог бы говорить долго, дон Хесус не слышал его, от ужаса он лишился чувств.

— Эй, ребята! Бросьте эту пададь на дно лодки и живо к корвету, черт побери!

Спустя минуту Тихий Ветерок уже всходил на палубу. Он запер асиендадо за крепкие запоры, выбрал из своего экипажа человек тридцать матросов из числа самых неустрашимых, вооружил их ружьями и саблями, снабдил порохом и, дав своему лейтенанту подробнейшие инструкции, высадился на берег с тридцатью отобранными флибустьерами, после чего отослал шлюпку обратно на судно.

— Ребята, — обратился он к матросам, — один из наших людей попался в Панаме в ужасную западню. Я поклялся спасти его или умереть вместе с ним; согласны вы следовать за мной?

— В Панаму! В Панаму! — вскричали матросы в один голос. — Только указывайте дорогу, капитан, мы от вас не отстанем!

— Спасибо, ребята, вы молодцы! Вперед, черт возьми! Да здравствует флибустьерство! Вперед!

Небольшой отряд быстро двинулся в путь и углубился в заросли пальм мерным скорым шагом, столь характерным для авантюристов, индейцев и лесных охотников.

Морякам свойственно особое чутье, которое никогда не обманывает их; они найдут дорогу куда бы то ни было и никогда не сойдут с пути. Впрочем, теперь задача представлялась не слишком затруднительной: берег служил им исходной точкой.

Они удалились от утеса Мертвеца в половине четвертого и менее чем через час достигли окрестностей Панамы. Они прошли, не останавливаясь и не переводя духа, около трех миль очень быстрым шагом, по скорости не уступающим лошадиной рыси.

Начинало светать. Тихий Ветерок не хотел быть замечен часовыми или наткнуться на патрули; он прекрасно пони-

мал, что приближение войска Монбара заставило испанцев привести город в оборонительное положение и охранять его, как в военное время.

Итак, флибустьер отважно углубился в чащу леса, чтобы попытаться отыскать вход в подземелье, которое вело в Цветочный дом.

Но подземный ход был тщательно скрыт и, не зная в точности места, где находилась пещера, через которую входили, отыскать ее было практически невозможно.

Время шло, поиски ни к чему не приводили, и капитаном овладела холодная ярость, выводящая из себя, затмевающая разум даже людей решительных, когда их воля разбивается о бессмысленные преграды.

Флибустьер все предвидел, все рассчитал, кроме того случая, когда он не сможет отыскать вход в подземелье. Бешенство бравого капитана дошло до крайних пределов, он не знал, молиться ли ему святым, продать ли себя черту, когда внезапно неподалеку послышались шаги и разговор, раздававшиеся все ближе и ближе. Тихий Ветерок слегка свистнул, флибустьеры мигом припали к земле и притаились в высокой траве, где оставались неподвижны, сдерживая дыхание.

Почти тотчас в десяти шагах от авантюристов появилось человек пятнадцать, хорошо вооруженных, которых вел индеец. Они разговаривали между собой без опаски, хотя и тихо.

Тихий Ветерок чуть не вскрикнул от радости: во главе этой кучки людей, состоящей исключительно из альгвазилов, он узнал раскрашенного пятнами индейца Каскабеля, заклинателя змей, и коррехидора дона Кристобаля Брибона-и-Москито.

— Тут кроется какая-то чертовщина, — пробормотал себе под нос Тихий Ветерок, и в его глазах сверкнула молния.

У Каскабеля рука была подвязана; казалось, он все еще страдал от недавней раны.

— Скоро мы дойдем? — спросил коррехидор.

— Через пять минут, сеньор, вход в подземелье там, под этой кучей камней.

— Хорошо! Несколько ударов ломом будет достаточно, чтобы эта груда обрушилась. Мы так заложим вход, что понадобится больше недели, чтобы его расчистить. Можно считать, что разбойники у нас в руках.

— Действительно, бегство для них невозможно.

— Почему же, однако, не пришел дон Хесус?

— Он предоставил это дело мне. Ведь вы обещали мне десять унций, сеньор?

— Ты получишь их, как только мы войдем в пещеру и я удостоверюсь, что ты нас не обманул.

— Гм! Видно, вы мне не доверяете.

— В делах нужна точность.

— Как бы там ни было... пойдете, вот сюда.

Индеец раздвинул ветки кустарника и открыл отверстие, ведущее в пещеру.

Альгвазилы во главе с коррехидором тотчас вошли в нее вслед за проводником.

Внезапно точно легион демонов вырос из-под земли и ринулся на них, не произнося ни слова, не издавая ни звука.

Наступила минута страшного замешательства, слышались хрипы умирающих, звон яростных ударов сабель, сдавленные стоны, потом все замерло и в пещере снова воцарилась мертвая тишина.

— Эге! Это что же тут делается? — раздался насмешливый голос.

— Мигель Баск! — вскричал капитан.

— Тихий Ветерок! — тотчас отозвался Мигель. — Живо, факелы сюда!

Огонь, прикрываемый до сих пор, вдруг осветил пещеру.

Испанцы пали все до единого, не имея даже возможности защищаться, ни один не подавал признаков жизни; Каскабель и коррехидор лежали друг на друге.

— Что ты здесь делаешь, дружище? — воскликнул Мигель.

— Тебя ищу, черт побери! Я привел тебе подкрепление.

— И, отыскивая меня, кажется, устроил порядочную бойню.

— Так получилось, брат; тем не менее эти негодяи помогли мне отыскать тебя — они шныряли тут, собираясь завалить вход в подземелье.

— Мы избавим от этого труда — не их, конечно, но тех их товарищей, которые, вероятно, скоро последуют за ними.

— О чем ты говоришь? Как же можно отрезать себе отступление?

— Простофиля! — засмеялся Мигель. — Это подземелье им известно, но ведь есть много других, о которых знаем только мы одни.

— Так за дело!.. А что Лоран?

— Он сияет от радости.

— Еще бы! Славная будет битва.

— Сколько с тобой людей?

— Тридцать.

— Тьфу, пропасть! Целое войско! Беда теперь испанцам. Флибустьеры захохотали.

Через четверть часа пещера была заложена камнями и вход в подземелье уничтожен.

ГЛАВА XVIII

*О том, какие требования были предъявлены
Прекрасному Лорану и что из этого вышло*

Читатель мог заметить, что дон Рамон де Ла Крус не испытывал особого уважения к дону Хесусу Ордоньесу, но долг губернатора ставил ему в непременную обязанность скрыть свое законное недовольствие, дабы получить от этого человека обещанные им драгоценные сведения; разумеется, дон Рамон не думал отказываться от своего намерения отплатить асиендадо впоследствии за его низость, особенно за то, что недавно он так гнусно бросил донью Линду, невзирая на опасность, которой она могла подвергнуться.

Чувства эти отразились на приеме, оказанном им дону Хесусу: он был вежлив, но холоден.

Асиендадо не подавал вида, что замечает такую холодность, задавшись определенной целью и заранее составив себе план действий.

По приглашению дона Рамона он сел и приступил к рассказу.

Губернатор выслушал его совершенно бесстрастно, не перебивая.

Дон Хесус передал ему письмо Монбара, в подлинности которого не могло быть сомнения, и наконец открыл существование подземелья, которое вело от Цветочного дома в поле.

— Этим-то подземельем, вероятно, и доставлялась к вам контрабанда, сеньор? — с улыбкой заметил дон Рамон.

— Быть может, прежний владелец дома пользовался этим ходом для подобной цели, — нагло возразил асиендадо, — но я могу свято утверждать, сеньор кабальеро, что никогда не бывал причастен к гнусным махинациям, встречаемым законом.

— Знаю, что утверждать что-либо для вас не составляет особых затруднений... Но оставим это, я благодарен вам за доставленные мне сведения; я сумею извлечь из них пользу для нашего отечества.

— Мне кажется, сеньор дон Рамон, что необходимо, не теряя ни минуты, окружить Цветочный дом и выставить караул у входа в подземелье, которым эти разбойники, увидев, что их обман раскрыт, вероятно, не замедлят воспользоваться, чтобы попытаться спастись бегством.

— Сдается мне, сеньор, — возразил дон Рамон, — что вы каким-то непонятным образом поменялись со мной местами и позволяете себе предписывать мне то, что я должен делать.

— Извините, сеньор кабальеро, я думал...

— Я губернатор в городе, вы же — шпион!

— Шпион! — вскричал дон Хесус.

— Подыщите другое слово, если можете, я же иного подобрать не могу, — холодно заметил дон Рамон. — Итак, вы шпион, вы доставили мне драгоценные сведения — с этим я не спорю, — и я готов заплатить вам, если нужно.

— Заплатить мне, дон Рамон?

— Почему же нет, сеньор? Всякий труд заслуживает вознаграждения.

— Одно лишь усердие верноподданного его величества руководило мной, сеньор. Несмотря на ваши жестокие слова, — напыщенно продолжал дон Хесус, — совесть говорит мне, что я исполнил свой долг! Предлагать мне вознаграждение — это значит не признавать бескорыстия моих намерений и оскорблять меня!

— Прекрасно, я не стану настаивать. Но теперь, когда эти сведения вами сообщены, ваша роль закончена и начинается моя. Не угодно ли вам будет служить проводником людям, которых я пошлю на розыски подземелья?

— У меня есть слуга, который может исполнить это.

— Согласен и на это. Где же этот ваш слуга? Кто он такой?

— Индеец валла-ваоз, изгнанный из своего племени уж не знаю за какое преступление. Он давно уже у меня на службе.

— Как его зовут?

— Каскабель.

— А-а! Этот негодяй — ваш слуга? — вскричал губернатор, уставившись на собеседника.

— Да, сеньор, он всегда был верен мне.

— Но вы мне отвечаете за него головой!

— Отвечаю, сеньор кабальеро, — хладнокровно согласился асиендадо.

Дон Рамон позвонил; явился слуга.

— Немедленно отправляйся к коррехидору дону Кристобалью Брибону и проси его явиться сюда со всеми альгвазилами, каких он соберет. Ступай... Да! Кстати, когда прибудет коррехидор,пусти вместе с ним слугу этого господина, он должен шнырять где-нибудь в прихожей.

Слуга поклонился и вышел.

Губернатор взял в руки книгу, раскрыл ее и сделал вид, будто читает с напряженным вниманием; дон Хесус понял намеки и не произнес ни слова: что ему было за дело до презрения дона Рамона, когда он скоро уедет из Панамы навсегда и увезет с собой все свои богатства?

Прошло полчаса.

Наконец дверь отворилась и в дверях появился дон Кристобаль, за ним выглядывала отвратительная рожа Каскабеля.

Дон Рамон с живостью бросил книгу, в которой не прочел ни единого слова, встал и пошел навстречу дону Кристобалью.

— Извините, любезный коррехидор, — дружески сказал он ему, — что я потревожил вас среди ночи, но мне необходимо ваше преданное содействие в одном важном деле, откладывать которое нельзя ни в коем случае.

— Я к вашим услугам, сеньор, говорите, пожалуйста, о чем идет речь?

Он отвесил почтительный поклон губернатору, пододвинувшему к коррехидору кресло, и слегка кивнул головой дону Хесусу.

Тогда дон Рамон передал дону Кристобалью, который слушал его с величайшим изумлением, все, что уже известно читателю.

— И вы обязаны этими сведениями дону Хесусу, сеньор? — сказал наконец коррехидор, подозрительно покосившись на асиендадо.

— Ему, любезный дон Кристобаль, он оказывает королю огромную услугу.

— Поистине огромную, однако, быть может, было бы не плохо поручиться за него самого.

— Гм! Вы полагаете?

— Да ведь он драгоценный человек, этот дон Хесус, а вам известно, сеньор дон Рамон, что ценные предметы утрачиваются скорее других; если не хочешь потерять, надо зорко

наблюдать за ними, — заключил коррехидор с усмешкой, от которой мороз пробежал по коже асиендадо.

— Нет, такая мера была бы самоуправством; пока что приходится полагаться на него, позже мы увидим.

— Как вам угодно, дон Рамон, только лучше бы...

— Нет, повторяю вам, и оставим этот вопрос.

Дон Кристобаль склонил голову, асиендадо с трудом перевел дух, как водолаз, долго остававшийся под водой и наконец всплывший на поверхность.

— Этот негодяй, — прибавил дон Рамон, указывая на Каскабеля, — послужит вам проводником, чтобы указать вход в подземную галерею. Смотрите за ним в оба и при малейшем подозрительном движении разmozжите ему голову.

Каскабель, ничуть не смущаясь, пожал плечами.

— Что это еще значит?! — вскричал дон Рамон, заметив непочтительный жест.

— Ничего, — грубоответили индеец, — но я желал бы знать, чем меня вознаградят, если я в точности исполню поручение.

— Сто палок тебе, мерзавец! — крикнул коррехидор, склонный к крутым мерам.

— Ну, а если я не согласен исполнить требование? Ведь я же волен поступать как хочу.

— Если ты не исполнишь...

— Позвольте, позвольте, дон Кристобаль, — со смехом перебил губернатор. — Если ты честно исполнишь возложенное на тебя поручение, вот эти десять унций, которые я отдаю коррехидору, он передаст тебе. Доволен ты теперь, дружок?

— Все лучше, чем сто палок; с вами, по крайней мере, можно разговаривать, не то что с этим — у него одни угрозы на языке.

— Ну, довольно, теперь ступай с сеньором коррехидором. Предписывать вам торопиться, думаю, лишнее, любезный дон Кристобаль.

— Положитесь на меня, сеньор дон Рамон, я не потеряю ни минуты.

— А вы, дон Хесус Ордоньес, вольны идти, вы свободны.

Асиендадо не заставил повторять приглашения дважды; он поклонился и немедленно вышел.

Дон Рамон остался один.

Было два часа ночи.

В первую минуту губернатор не знал, на что ему решиться, он пребывал в сильном недоумении. Факты, представленные ему доном Ордоньесом, казались неоспоримыми; не могло быть

и тени сомнения относительно виновности мни Лораном, тем флибустьером, который наравне с Монбаром слыл одним из самых страшных предводителей Береговых братьев.

Дон Рамон собрался было пойти к дочери и рассказать ей о случившемся, дабы по возможности объяснить, что при настоящем положении дел никак нельзя щадить человека столь опасного, присутствие которого, особенно в свете ожидаемой атаки флибустьеров, могло быть причиной не только серьезных затруднений, но и, пожалуй, если не поспешить схватить его, самых ужасных событий в городе.

Но затем, подумав, что дочь его спит, что она принимает в этом человеке живое участие, так как видит в нем своего спасителя, дон Рамон решил оставить ее в неведении относительно мер, принятых против него, а уж потом, когда все будет исполнено, он увидит, как ему лучше поступить.

На самом деле дон Рамона более всего страшили слезы и мольбы дочери; у него не хватало духа сопротивляться им.

Таким образом, он оставался довольно долго в мучительном недоумении. Наконец часам к трем утра губернатор велел оседлать трех лошадей, одну для себя, двух для слуг; когда это приказание исполнили, он вышел из дома и поехал к полковнику, который в отсутствие генерала Альбасейте командовал военными силами.

Дон Рамон убедился, что никоим образом не может уклониться от своего долга, и принял наконец решение действовать энергично.

Дом полковника находился в довольно отдаленном квартале. Все уже спали, пришлось стучать у ворот, потом будить полковника и наконец дать ему время привести себя в порядок, чтобы выйти к губернатору в сколько-нибудь приличном виде; все это тянулось страшно долго.

Наконец приступили к объяснениям. Дон Рамон и полковник стали придумывать наилучшее средство захватить флибустьера врасплох прежде, чем он успеет бежать; потом пришлось отправляться в казарму собирать солдат, раздавать им боеприпасы, офицеров снабжать инструкциями — словом, все эти переезды взад-вперед, эти распоряжения и разговоры отняли массу времени. Ночь была уже на исходе, когда войско наконец было готово выступить.

Оно вышло из казарм только часов в пять утра. Были собраны значительные силы в расчете на несомненный успех.

Тысяча пятьсот человек шли, чтобы захватить одного. Правда, имя того, кого хотели схватить, леденило всех ужасом.

Вперед продвигались неслышным шагом и с величайшими предосторожностями.

Губернатор сам хотел присутствовать при исполнении отданных им приказаний. Он ехал верхом во главе колонны.

Когда достигли перекрестка у поворота на улицу, где находился Цветочный дом, войско разделилось на четыре части, каждая из которых пошла своей дорогой, однако таким образом, чтобы сойтись в одной точке, то есть у Цветочного дома.

Через десять минут дом был окружен со всех сторон.

Когда дон Рамон лично удостоверился в том, что вышеозначенный маневр исполнен, он подал знак.

Алькальд с четырьмя альгвазилами подошел к решетке и постучал по ней три раза серебристым набалдашником трости, которую держал в руке как знак своего звания. Калитка отворилась, и в нее выглянуло насмешливое лицо Мигеля Баска.

— Что вам угодно, сеньор? — спросил он насмешливо.

— Отворите, приказываю вам именем короля!

— Именем короля? Которого же? — все так же насмешливо осведомился Мигель.

— Покажите приказ, — сухо бросил губернатор.

Алькальд поклонился, потом развернул большой лист и тем плачевным голосом, который неизвестно почему принимают официальные лица при исполнении своих служебных обязанностей, принялся читать:

Именем его католического величества дона Карлоса Второго, Короля Испании и Обеих Индий, я, дон Луис Хосе Бустаменте...

— К делу! — воскликнул Мигель.

Алькальд продолжал невозмутимо:

...Сантьяго Хуан де Мендоса-и-Рабоса-и-Пераль-и-Кастанья, главный алькальд города Панамы, объявляю ниже-реченному...

— Да к делу же, ради всех Святых! — еще раз воскликнул Мигель.

...Лорану, известному разбойнику, противозаконно скрывающемуся под именами и титулами дона Фернандо

графа де Кастель-Морено, пойманному и уличенному в государственной измене, главным образом против нашего господина и властителя, короля...

— Дойдете ли вы наконец до дела?

Алькальд продолжал читать ровным голосом:

...что он обязан отдать себя в мои руки, дабы можно было немедленно приступить к суду. Сделать это ему предписывается добровольно, без малейшей попытки к неповиновению, иначе я, нижеподписавшийся алькальд, предупреждаю его, что он будет к этому принужден всеми законными мерами, на случай чего мной привлечены значительные военные силы.

— Попробуйте! — пробурчал Мигель.

Настоящее приказание, данное мне от имени короля его превосходительством доном Рамоном де Ла Крусом, капитан-генералом и губернатором этого вышепереченного города, с исполнительной властью...

— Ступай к черту со своей исполнительной властью и со своими солдатами, осел! — крикнул Мигель и захлопнул калитку перед самым носом алькальда.

— Что прикажете делать, ваше превосходительство? — обратился сановник к губернатору, оторопев от такой неожиданности и складывая лист.

— Повторите требование трехкратно, как установлено законом.

Алькальд поднял кверху свой жезл.

Три трубача, стоявшие за ним, проиграли сигнал.

Затем началось чтение указа.

Три раза трубачи играли сигнал, три раза повторили требование сдаться.

Все было напрасно; Цветочный дом оставался безмолвен как могила.

Необходимо было положить этому конец. Дон Рамон прекрасно понимал, насколько глупо положение тысячи пятисот человек, которых вяжет по рукам единственный противник.

Солдаты едва сдерживали нетерпение и гнев.

— Пусть же их кров падет на их собственные головы! — воскликнул губернатор. — Вперед, солдаты! Долой решетку!

Человек сорок или пятьдесят ринулись на железную решетку с заступами, топорами и мотыгами.

Однако, из опасения какой-либо засады, дон Рамон приказал сперва дать залп по ее деревянным заслонам.

Заслоны эти, вероятно заранее снятые со своих мест, разом упали.

Солдаты испустили крик торжества, но он немедленно превратился в стон.

Из-за решетки был открыт неумолкаемый огонь, а главное, метко направленный; он положил на месте почти всех солдат, бросившихся было разбивать решетку.

Этот страшный огонь привел нападающих в замешательство, он безжалостно косил всех смельчаков, которые порывались приблизиться к роковой решетке.

У флибустьеров была возможность в течение всей ночи готовиться к отпору; они искусно воспользовались данной им отсрочкой, чтобы придать защите тот грозный характер, который свидетельствовал о их глубоком знании военного дела.

Не располагая достаточными силами, чтобы соорудить стены вокруг и выдержать яростную атаку, они воздвигли по всему периметру дома прикрывающие земляные насыпи футов в восемь высотой, которые давали им возможность стрелять почти без промаха. Из самого дома они сделали нечто вроде штаб-квартиры, а вокруг, на некотором расстоянии одна от другой, устроили баррикады из срубленных деревьев, опрокинутой мебели и всех предметов, какие попались им под руку.

Кроме того, они подвели в нескольких местах мины, дабы в нужную минуту обрушить на осаждающих массивные стены.

Эта система обороны, искусно продуманная и отлично исполненная, позволяла флибустьерам наблюдать за неприятелем со всех сторон в одно и то же время и бросаться туда, где натиск противника становился сильнее.

Забор вокруг дома и служб был всего лишь завесой, которая скрывала оборонительные сооружения осажденных и давала им возможность выиграть время.

Прорвавшись за ограду, солдаты оказывались перед настоящими укреплениями импровизированной цитадели, и перед ними вставала задача брать приступом один за другим все баррикады и ретраншементы, а затем и самый дом, что ни в коем случае не было делом легким.

Однако губернатор не унывал от неудачи при первой попытке, он не знал системы обороны, устроенной флибустьерами, и не имел понятия о точном числе людей, запершихся в доме.

Значительно его преуменьшая, он предполагал, что оно доходит всего-навсего до двадцати человек.

Он воображал также, что стоит только перелезть забор, и всякое сопротивление сделается невозможным.

Как жестоко он ошибался!

Сперва он велел вывести солдат из-под убийственного огня флибустьеров — каждый их выстрел укладывал человека, — а потом второпях послал за лестницами для попытки взять дом приступом.

Первая стычка уже стоила испанцам тридцати человек убитыми и вдвое больше ранеными; дорого был куплен сомнительный успех.

Что же касается флибустьеров, то они не получили ни единой царапины.

— Глупы эти испанцы, — философски рассуждал Мигель Баск в беседе со своим приятелем Тихим Ветерком, — ведь как легко было бы им оставаться преспокойно дома и не искать ни с того ни с сего ссоры с нами!

— Что прикажешь! — отозвался Тихий Ветер, пожимая плечами. — В жизни я не видывал людей более вздорных. Просто противно, честное слово!

За первой схваткой, однако, последовало нечто вроде перемирия. Огонь с обеих сторон прекратился.

Дон Рамон воспользовался этой минутой передышки для последней попытки к соглашению; он велел сыграть сигнал и поднять белый платок.

Мигель подошел, держа руки в карманах.

— Что вам еще надо? — спросил он сердито.

— Честное слово вашего командира, что я смогу свободно уйти после переговоров с ним, если он не примет условий, которые я хочу ему предложить, — ответил губернатор.

— Эге! — отозвался Мигель, уклоняясь от прямого ответа. — Как же вы можете верить слову разбойников и воров, как вы нас величаете?

— Ступайте и передайте вашему хозяину мои слова, — холодно произнес губернатор.

— Ладно, отойдите от решетки и ждите.

Через пять минут Мигель вернулся.

— Граф согласен... — начал он.

— Граф!.. — с горечью пробормотал дон Рамон.

— Я сказал «граф» и повторяю это, — грубо возразил Мигель. — Граф согласен и дает честное слово, что вы сможете свободно уйти, но с одним условием.

— Предписывать условия мне! — надменно вскричал губернатор.

— Ваша воля принимать его или не принимать. Вы не желаете — стало быть, и говорить не о чем. Остаюсь в приятной надежде никогда более с вами не встречаться.

Он сделал движение, чтобы уйти.

— А что за условие? — поспешно спросил дон Рамон.

— Вам завяжут глаза, пока вы будете идти туда и обратно, и снять повязку вы должны будете только когда вам позволят.

— Хорошо, я согласен, — ответил губернатор, немного подумав.

— Тогда велите завязать себе глаза.

Офицер взял платок из рук дона Рамона, сложил его в несколько раз и повязал ему на глаза.

— Я готов, — сказал губернатор.

Мигель отворил решетчатые ворота, взял дона Рамона за руку, ввел его во двор, запер за собой ворота и проводил губернатора в дом.

— Снимите повязку, дон Рамон де Ла Крус, — вежливо и дружелюбно сказал Лоран, — милости просим.

Губернатор снял с себя платок и с любопытством осмотрелся вокруг.

Он находился в парадной гостиной Цветочного дома; Лоран стоял перед ним в окружении человек сорока в лохмотьях, но грозного вида, которые опирались на свои ружья и смотрели на пришельца весьма сурово.

Дон Рамон, несмотря на все свое мужество, содрогнулся в душе.

— Другом ли, недругом явились вы сюда, сеньор дон Рамон, — продолжал капитан, — я вам искренне рад.

— Я пришел другом, сеньор... как прикажете называть вас? — возразил губернатор не без легкой иронии.

— Хотя я имею полное право на титул графа и, пожалуй, еще повыше, — гордо отвечал молодой человек, — прошу называть меня Лораном или капитаном, если угодно, так как здесь я окружен храбрыми товарищами, среди которых по их собственному выбору занимаю первое место.

— Итак, капитан Лоран, мои намерения чистодружеские, повторяю.

— Я уже заметил это, — не без горечи возразил молодой человек, — продолжайте.

— Я желаю прекратить кровопролитие! Я располагаю значительными силами, у вас же всего горсть людей; как бы храбры они ни были, в таком открытом доме, как этот, долго обороняться с успехом невозможно. Согласитесь сдать и сложить оружие. Даю вам честное и благородное слово, что вы и ваши товарищи будете считаться военнопленными и встретите согласно этому должное уважение.

— Слышите, братья? Что вы думаете об условии, предложенном сеньором губернатором?

Флибустьеры расхохотались во все горло.

— Продолжайте, сеньор.

— Капитан Лоран, я вас уважаю, наконец, я в таком долгу у вас, что честь велит мне настаивать; ваш отказ вынуждает меня прибегнуть к мерам, которых я стремлюсь избежать всей душой. В последний раз позвольте мне напомнить вам о тех добрых отношениях, что существовали между нами; одумайтесь, вспомните, что на мне лежит священный долг и что огонь, стоит ему возобновиться, может быть прекращен только тогда, когда вы будете взяты в плен или убиты.

— Вы все сказали, сеньор?

— Всс, капитан.

— Вы упомянули о добрых отношениях, которые существовали между нами... Должен сказать, что только благодаря им я и согласился принять вас. Под моей командой находятся триста человек — отнюдь не трусов, уверяю вас; боеприпасов у нас в изобилии, провизии тоже; этот дом не так уж открыт, как вы полагаете; скоро вы удостоверитесь в этом на собственном опыте, если попробуете взять его. Вспомните, какой урон вы уже понесли, взвесьте все это хорошенько, прежде чем возобновите враждебные действия. Вот что я вам скажу: хотя вы зачинщик, хотя я не признаю законности вашего указа, поскольку, благодарение Богу, я подданный короля не испанского, а французского, я согласен, повторяю, не сдаваться, но пойти на соглашение, и это — из одного лишь уважения к вам.

— Поясните, капитан.

— Я обязуюсь не нападать на вас первым и оставаться нейтральным за чертой боевой линии до трех часов пополудни; если до той поры не случится ничего благоприятного ни

для вас, ни для меня, мы возобновим бой и положимся на решение свыше. Разумеется, вы останетесь на своей позиции, как я останусь на своей.

Дон Рамон покачал головой.

— И ничего более вы не можете предложить мне?

— Ничего, сеньор... впрочем, прибавлю одно слово.

— Говорите, капитан.

— У меня здесь дамы, которые по доброй воле отдались в мои руки, я оставляю их у себя как заложниц; со временем вы, конечно, оцените всю важность этого факта.

— Как! Вы осмелились...

— У меня не было никакой надобности осмеливаться! Клянусь вам честью, что дамы эти пришли сюда по собственному побуждению, и я, напротив, сделал все от меня зависящее, чтобы уговорить их удалиться.

— Верю вам, капитан, я не сомневаюсь в вашей чести.

— Должен прибавить с сожалением, сеньор, что в числе моих заложниц находится и донья Линда, ваша дочь.

— Моя дочь?! — вскричал губернатор, остолбенев. — О! Только этого несчастья еще не доставало!

— Простите меня, отец! — воскликнула девушка, внезапно появившись и падая к ногам отца. — Простите меня, ведь я хотела спасти моего избавителя!

Дон Рамон, бледный как смерть, устремил на нее грозный взгляд и так сильно оттолкнул дочь от себя, что она чуть не упала навзничь.

— Что надо этой женщине? — произнес он хриплым голосом. — Я ее не знаю!

— Отец!

— Будь проклята, презренная тварь без стыда и чести, изменяющая своему отечеству ради воров и грабителей! Прочь! Знать тебя не желаю, говорю тебе! — крикнул он громовым голосом.

И не обращая больше внимания на донью Линду, которая лежала в обмороке у его ног, он решительно объявил:

— Завязывайте мне глаза! Теперь, капитан Лоран, между нами — поединок не на жизнь, а на смерть. Прощайте!

Через пять минут перестрелка возобновилась с необычайным ожесточением. Спустя час испанцы перелезали через забор под градом пуль и ринулись очертя голову на флибустьеров, которых уже одолевали; несмотря на их отчаянное сопротивление, ничто не могло удержать яростный натиск

испанцев, во главе которых находился дон Рамон, воодушевляя солдат своим примером.

Боевая линия постепенно сжималась вокруг дома, который, подобно грозному Синаю, был окружен вспышками огня и клубами дыма.

ГЛАВА XIX

Как флибустьеры вышли победителями и взяли Панаму

Монбар продолжал идти так быстро, как только было возможно, пока наконец не достиг очень густого леса, в который углубился без колебаний. Вскоре дорога стала так плоха, что авантюристы были вынуждены пролагать себе путь топорами, и действительно, понадобилась вся неодолимая энергия этих железных людей, чтобы не отступить, встречая на каждом шагу бесконечные затруднения и преграды.

Марш по лесу, в котором было едва три мили, отнял целый день.

Вечером кое-как расположились биваком и легли вповалку, даже не перекусив. Монбар подозревал, что испанский лагерь находится где-то поблизости, и запретил разводить огонь, чтобы не выдать своего приближения; единственное, что он позволил своим людям в виде утешения, — это закурить.

На другое утро, чуть занялся рассвет, был отдан приказ выступить. Снова двинулись в путь.

К полудню авантюристы взойшли на вершину горы, откуда увидели наконец испанское войско, которое с таким упорством преследовали и которое никак не могли уловить.

Войско это, в три тысячи человек, шло в образцовом порядке; яркие камзолы пехотинцев и кавалеристов блестели и переливались в жарких лучах солнца. Судя по всему, испанцы были преисполнены воинственного пыла.

Флибустьеры испустили скорее рев, чем крики радости, при виде всего этого войска и уже готовы были ринуться на него, но Монбар удержал их. Знаменитый предводитель Береговых братьев понимал, что минута решительного боя еще впереди, и не хотел излишней поспешностью поставить под сомнение успех экспедиции. Он приказал тотчас разбить лагерь; в такой поздний час дня он не хотел завязывать

сражения — лучше было дожидаться следующего утра и начать его на рассвете.

Однако, чтобы дать испанцам ясно понять о своей решимости не отступать ни на шаг, он велел распустить знамена, бить в барабаны и трубить в горны, как бы в знак вызова.

Испанцы не замедлили ответить тем же и со своей стороны стали на биваках на расстоянии пушечного выстрела от авантюристов.

При заходе солнца Монбар удвоил число часовых, выставил патрули и велел несколько раз бить тревогу, чтобы его войско было настороже, но флибустьеры так радовались предстоящему бою, что заставить их врасплох было бы невозможно, а поскольку разводить огни запрещалось и теперь, то им ничего не оставалось делать, как запустить зубы в еще остававшиеся у них куски сырой говядины и предаться отдыху.

Часам к десяти вечера Хосе, пробравшись с риском для жизни между испанскими постами, прибыл в стан авантюристов и велел немедленно отвести себя к Монбару.

Знаменитый авантюрист, изнемогая от усталости, лег, завернувшись в плащ, на кучу сухих листьев маиса, с трудом набранных солдатами, чтобы устроить нечто вроде постели. Он уже засыпал в ту минуту, когда в палатку вошел Хосе, однако сейчас же открыл глаза и встал.

— Ну, что нового? — спросил он.

— Много нового, — ответил вождь.

— Сколько человек в отряде, который стоит перед нами?

— Три тысячи под командой генерала Альбасейте.

— Далеко мы от Панамы?

— В двух милях.

— Приведен ли город в готовность к обороне?

— В определенной степени: из мешков с мукой устроили зубчатые редуты, хорошо вооруженные артиллерией, починили городскую стену и подготовили несколько засад; но не тревожьтесь, ваша задача — только одолеть войско, которое находится перед вами, я же ручаюсь, что введу вас в город так, что вы даже сабель не обнажите, в нем почти совсем нет защитников.

— Как же так? А где же войско?

— Войско рассеяно повсюду. Я не знаю, что за ослепление напало на испанцев, но достоверно то, что они разбросали своих солдат по всем направлениям для защиты деревень и городков на морском побережье; самая значительная сила

теперь перед вами, да и то генерал Альбасейте силой завербовал даже кордильерских да августинских монахов, и Бог знает кого еще!

— Это хорошие вести!

— Очень хорошие, но мне остается еще сообщить дурные.

— Гм! Посмотрим... — промолвил Монбар, нахмутив брови.

— Курьер, направленный вами к Лорану, был захвачен и убит испанцами, которые обнаружили при нем ваше письмо. Губернатор собрал всех солдат, какие оказались под рукой, и теперь полторы тысячи человек оцепили дом капитана.

— Полторы тысячи!

— Не меньше; город располагает всего одним войском, и сегодня утром оно должно было выступить, чтобы усилить отряд генерала Альбасейте, а вместо этого оно теперь занято осадой дома капитана.

— Ей-Богу! — вскричал Монбар с восторгом. — Этому молодцу Лорану на роду написано одному пожинать все лавры в этой экспедиции! Честное слово, счастье так и валит ему! Итак, он держит в бездействии тысячу пятьсот человек?

— Да, но держит-то за счет своего здоровья!

— Ерунда! Выпутается, и опять именно ему мы будем обязаны победой. Завтра у нас и так будет довольно противников, а если бы к неприятелю подоспело это подкрепление, мы просто погибли бы.

— Но теперь может погибнуть он.

— Полно! Лорану — и погибнуть! Видно, ты не знаешь его, любезный Хосе. Сражение — его стихия. Ему известно, что я близко, и он будет держаться во что бы то ни стало! Завтра я разобью испанцев, пройду по их телам и выручу его.

— Дай-то Бог, адмирал!

— Бог даст это, любезный друг, щеголям-испанцам не устоять против нас. Могу представить себе, как этот черт Лоран тешится там вволю! Счастье сопутствует ему! Ему постоянно везет, ей-Богу! Я просто начинаю завидовать.

Хосе совсем оторопел от того, как Монбар принял весть, по его мнению очень дурную; он не понимал непоколебимой веры флибустьеров в их счастливую звезду, веры, благодаря которой они со смехом пренебрегали всеми опасностями и видели одну лишь победу там, где всякий другой ожидал бы только смерти или поражения.

— Больше тебе нечего сообщить? — спросил адмирал.

— Есть. Испанцы пытались отбить назад Пуэрто-Бельо и Чагрес.

— Ага! Ну и что же?

— Морган и Медвежонок Железная Голова разбили их наголову. Эти два отряда были посланы несколько дней тому назад из Панамы.

— Собаки-испанцы просто сошли с ума, честное слово! Лучше бы они сосредоточили все свои силы здесь, они бы им оченьгодились!

— Теперь поздно, даже если они и спохватятся: два ваших помощника полностью уничтожили оба их отряда.

— Решительно, провидение за нас... Ложись возле меня, Хосе; вздремнем на несколько часов, любезный друг, сдается мне, завтра день будет не только светлый, но и жаркий, — заключил он шутливо.

На другое утро, чуть только забрезжил свет, испанцы протрубили подъем. Монбар тотчас отозвался тем же.

Вскоре авантюристы увидели несколько эскадронов кавалерии, которые подошли для наблюдения за ними.

Монбар приказал солдатам готовиться к бою и спустился в долину.

Оба войска храбро двинулись навстречу друг другу.

Теперь мы дадим слово Оливье Эксмелину, который лучше, чем кто-либо, в состоянии описать неслыханную битву, где он лично участвовал и мужественно исполнил свой долг.

Мы в точности передаем его рассказ, не считая себя вправе изменить в нем хоть одно слово.

«...Когда все было готово, Монбар велел своему войску выстроиться в боевом порядке, но лишь для видимости: этих людей никто не удержал бы в рядах, как это делается в Европе.

Двести человек охотников были посланы против кавалерии, намеревавшейся ударить по нам, гоня перед собой две тысячи разъяренных быков. Но испанцы наткнулись на две преграды: во-первых, они угодили в топкое место, где лошади никак не хотели идти вперед; во-вторых, охотники, посланные к ним навстречу, упредили их и, став на одно колено, открыли убийственный огонь; одна половина стреляла, пока другая заряжала. После каждого их выстрела падали наземь или человек, или лошадь.

Эта бойня длилась около двух часов. Испанская кавалерия-полегла вся, за исключением человек пятидесяти, обратившихся в бегство.

Между тем собиралась двинуться вперед и пехота испанцев, но, увидев, что кавалерия разбита, только дала залп, побросала оружие и пустилась наутек, вереницей огибая пригорок, который скрывал ее от флибустьеров, вообразивших, что испанцы хотят зайти им в тыл.

Итак, кавалерия была разбита, разъяренные быки метались из стороны в сторону, погонщики никак не могли справиться с ними. Заметив это, авантюристы послали против них нескольких храбрецов, те ринулись на стаю животных со страшными криками и размахивая намотанными надула ружей тряпками; быки в ужасе рванулись прочь с такой силой, круша все на своем пути, что погонщики и сами были рады убраться.

Когда авантюристы заметили, что враги не смыкают рядов, а напротив, бегут врассыпную, то погнались за ними и захватили большую часть испанцев, которые и были умерщвлены.

Несколько монахов, взятых в этом числе и приведенных к Монбару, немедленно подверглось такой же участи.

После сражения Монбар созвал всех, чтобы напомнить, что времени терять нельзя, что позволить испанцам собраться в городе означало лишить себя возможности овладеть им. Следовало идти к Панаме, не теряя ни минуты, и стараться прибыть к городским стенам одновременно с испанцами, чтобы не позволить им укрыться за укреплениями.

Он на ходу устроил смотр своих сил, и оказалось, что потери составили всего два человека убитыми да два — ранеными.

Быть может, принимая в соображение неравенство сил с одной и с другой стороны и ожесточенность схватки, многие сочтут выдумкой, что авантюристы потерпели такой незначительный урон, а испанцев полегло до шестисот.

Не могу, однако, не упомянуть об этом, так как сам был тому свидетелем».

Повествуя о таких невероятных событиях, необходимо привлечь свидетельства очевидцев, дабы не навлечь на себя подозрения во лжи, но рассказ Оливье Эксмелина носит такой отпечаток правдивости, что нельзя подвергать его сомнению.

Авантюристы едва дали себе время второпях перекусить и тотчас двинулись к городу.

Войско разделилось на две части.

Первый отряд в пятьсот человек под командой Польше отважно пошел к Панаме, нисколько не скрываясь и стреляя в испанцев, которые бежали от этих людей, точно от демонов, изрыгнутых адом.

Второй отряд, также в пятьсот человек, под командой Монбара и Олоне углубился в лес, следуя за индейцем Хосе, служившим ему проводником.

Было десять часов утра.

Вокруг Цветочного дома не стихало сражение.

Целых тридцать часов авантюристы, мало-помалу оттесненные к дому, где заперлись накрепко, вели неравную борьбу со своими врагами.

Дорого заплатились испанцы за свои весьма скромные успехи. Каждая разрушенная стена, каждая взятая баррикада стоили им громадных потерь, груды тел лежали вокруг дома, превращенного в крепость.

Испанцы задыхались от бешенства и прилагали неистовые усилия, воодушевляемые беспримерной храбростью губернатора.

Действительно, дон Рамон де Ла Крус сражался с неустрашимостью, которой восхищались даже флибустьеры; двадцать раз они могли бы убить его, но Лоран строго приказал щадить его жизнь; пули так и свистели близ его головы, люди вокруг падали замертво, один он оставался цел и невредим.

На этот раз доном Рамоном руководило не чувство долга, а мщение, он сражался для себя. Этим и была вызвана безумная смелость, с которой он очертя голову кидался в самую гущу схватки.

Разумеется, для флибустьеров было проще простого бежать и скрыться от неприятеля, ведь им были известны тайные подземные ходы, о существовании которых никто из испанцев и не догадывался.

Но цель их была иной.

Составляя авангард Береговых братьев, они своим сопротивлением отвлекали отряды испанцев, которые, примкнув к войску генерала Альбасейте, могли отразить атаку основных сил флибустьеров, но теперь, сосредоточенные у Цветочного дома, своим бездействием способствовали успеху авантюристов и, быть может, облегчали им победу. Каждая минута, выигранная осажденными, была поистине драгоценна для их товарищей. Итак, им надо было держаться во что бы то ни стало, не отступать ни на пядь и пасть на своем посту.

Они стояли с холодной решимостью, невозмутимые и непоколебимые, как люди, которые готовы пожертвовать жизнью, но тем не менее хотят продать ее как можно дороже.

Их потери, в сущности довольно незначительные, при их ограниченном числе были, однако, чувствительны: у них убили человек десять и столько же ранили; следовательно, более четверти всего их наличного состава выбыло из строя.

В довершение всех бед у них подходили к концу порох и пули.

Дважды Мигель Баск и Тихий Ветерок предпринимали отчаянные вылазки с целью отнять у испанцев боеприпасы и возвращались с добычей, но она была крайне скудна.

Лоран переменял тактику: он отобрал лучших стрелков, и огонь вели поддерживали они одни, остальные только заряжали и подавали им оружие.

Выстрелы, правда, теперь раздавались реже, но в то же время стали более меткими и действенными, от каждого из них валился человек.

Прекрасный Лоран стоял у окна со своими двумя ангелами-хранителями, доньей Линдой и доньей Флорой, и беспрестанно стрелял из ружей, которые поочередно подавали ему девушки, заряжая их своими нежными ручками.

В глубине комнаты отец Санчес, которого беспокойство выгнало из асиенды дель-Райо, стоял на коленях подле доньи Лусии, пораженной шальной пулей, пока она молилась за сражающихся; монах перевязывал ее рану, удостоверившись, что она не смертельна.

Поразительное и величественное зрелище представлял этот полуразрушенный дом с гордо развевающимся над ним флибустьерским знаменем, который то и дело опоясывался молниями ружейных вспышек и клубами дыма и оставался непоколебимым, несмотря на всю ярость нападавших.

Дон Рамон ошибочно истолковал тот факт, что выстрелы флибустьеров стали раздаваться реже; он вообразил, что их силы иссякают, и решился последним усилием захватить Цветочный дом.

Собрав всех солдат вокруг себя, он ободрил их короткой речью и во главе испанцев ринулся к дому.

Произошло страшное столкновение.

Карабкаясь по спинам товарищей, хватаясь за все, что попадалось под руку, испанцы наконец достигли окон первого этажа. Они кинулись на авантюристов и схватились в рукопашную, один на один, грудь с грудью.

Дон Рамон ворвался в гостиную, словно тигр. Увидав, что Лоран отчаянно отбивается прикладом от наседавшей на

него кучки солдат и, как на бойне обухом убивают быков, валит всех вокруг себя, губернатор кинулся к нему, подняв пистолет, с яростным криком удовлетворенной мести, но на его крик ответил другой, отчаянный, душераздирающий, и в ту минуту, когда дон Рамон спускал курок, донья Линда стремительно бросилась вперед.

— Отец! Отец! — вскричала она.

Раздался выстрел, девушка вздрогнула и медленно опустилась к ногам дона Рамона.

— Слава Богу, он спасен! — прошептала она и распростерлась на полу.

Бледный от ужаса, с каплями пота на лбу и стоящими дыбом волосами, с пеной на губах, ничего не видя, ничего не слыша, дон Рамон шаг за шагом пятился к окну и выпрыгнул в него, с отчаянием восклицая:

— Моя дочь! Я убил свою дочь!

С этими словами он бросился бежать, как будто его преследовало страшное видение.

Бегство дона Рамона увлекло за собой солдат; через пять минут все оставшиеся в живых испанцы были оттеснены к окнам и вышвырнуты вон. Правда, вскоре они вновь собрались с силами и стали готовиться к повторной атаке.

Лоран кинулся к донье Линде, возле которой суетились донья Флора и отец Санчес и которая улыбалась, несмотря на причиняемые раной страдания.

— Бедное, бедное дитя! — воскликнул молодой человек с живейшей скорбью. — Боже мой, и это ради меня!

— Разве я не ваш ангел-хранитель? Вы спасены, — промолвила она со спокойной и кроткой улыбкой. — О, я счастлива! Как я счастлива!

Голос доньи Линды слабел. Она взяла руку доньи Флоры, вложила ее в руку Лорана и чуть внятно прошептала:

— Любите друг друга... Ведь и я любила вас, — прибавила она, и судорожное рыдание вырвалось из ее груди.

Глаза девушки сомкнулись, голова откинулась назад, и она застыла в неподвижности.

Даже флибустьеры, эти суровые и неумолимые люди, утирали украдкой глаза, чтобы скрыть навертывавшиеся слезы.

— Боже мой! — вскричал Лоран. — Она умерла!

— Умерла, моя сестра умерла! — вскричала донья Флора в отчаянии.

Отец Санчес покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это только обморок.

— О! Значит, она спасена!

— Не льстите себя безумной надеждой, рана чрезвычайно опасна.

По знаку монаха авантюристы с трогательными предосторожностями перенесли девушку в соседнюю комнату, где уже расположилась донья Лусия; донья Флора шла за ними, заливаясь слезами.

Вдруг невдалеке от Цветочного дома раздался громовой залп из орудий. Испанцами овладел невыразимый ужас, они мгновенно обратились в бегство.

— Не унывать, ребята! — зычно крикнул Лоран. — Открывайте двери, чересчур уж долго сидели мы здесь взаперти; наши товарищи идут к нам на помощь! Ударим-ка по этим испанским собакам! Не щадите этих убийц женщин! Помните о донье Линде!

Авантюристы ответили громкими криками, к которым примешивался глухой рокот, доносившийся из подземелья.

Вдруг потайные двери разлетелись вдребезги, и толпа флибустьеров во главе с Хосе, Монбаром и Олоне ворвалась в дом.

Братья-матросы пожали друг другу руки.

— Я ждал тебя, — сказал Лоран.

— Я здесь, — только и ответил Монбар.

Два необыкновенных человека поняли друг друга без лишних слов.

Флибустьеры высыпали из дома и с яростью устремились на испанцев, которые тщетно пытались оказать сопротивление.

Почти в то же время появился Польшэ; точно тигр, прыгнул он в самую гущу врагов, сметая всех попавшихся на пути испанцев.

Последние защитники города попали между двух огней; почти все они полегли на месте.

Отряд под командой Польшэ шел к Панаме дорогой из Пуэрто-Бельо, которую никто не охранял; когда авантюристы достигли стен города и увидели, что никто даже не пытается преградить им дорогу, что на стенах нет ни души, они забыли предостережения Монбара и рассеялись во все стороны грабить и гоняться за испанцами, которые при одном виде авантюристов в ужасе бежали.

Флибустьеры беспрепятственно добрались до площади Пласа-Майор, где неожиданно были встречены жестоким залпом из шести орудий, поставленных перед церковью.

Взбешенные тем, что один залп уложил на месте человек пятьдесят, флибустьеры очертя голову ринулись на орудия, не давая испанцам времени перезарядить их, и без всякой жалости перерезали всех артиллеристов.

Этот-то залп из орудий и дал знать Лорану о прибытии товарищей.

Между тем богатейшие торговцы города сложили в лодки самое ценное из своего имущества с целью спастись бегством на остров Тобаго; флотилия галионов тоже попыталась сняться с якоря и выйти в открытое море. Но несчастные испанцы обманулись в своих надеждах: корвет «Жемчужина» и каравелла «Святая Троица», на рассвете пришедшие под испанским флагом на рейд Панама, внезапно подняли флибустьерский флаг и открыли убийственный огонь по баркам и галионам.

Им пришлось сдаться.

Монбар приказал имущество жителей сносить на Пласа-Майор, а когда больше нечего будет брать, сжечь город.

В то же время начались и казни.

Поместив донью Флору и отца Санчеса под охраной Мигеля Баска с двумя десятками Береговых братьев в губернаторском дворце, Лоран с Тихим Ветерком вскочили в лодку и пошли на веслах к корвету.

Лоран спешил захватить презренного Хесуса Ордоньеса, чтобы предать его неумолимому суду своих товарищей.

Вскоре он был на корвете, и лейтенант Тихого Ветерка встретил его и своего командира с величайшими почестями.

Тут произошла сцена, вполне обрисовывающая характер флибустьеров; несмотря на весь ее ужас, она не лишена доли комизма, и даже не знаешь, смеяться или содрогаться от такого страшного поступка.

Лейтенант Тихого Ветерка был старый, опытный в своем ремесле флибустьер, хоть и ограниченного ума, всей душой преданный своему командиру и считавший каждое его слово святым.

— Где пленник? — спросил Лоран.

— Испанец-то?

— Ну да, — вмешался Тихий Ветерок, — тот, которого я послал два дня назад на корабль с утеса Мертвеца.

— Ага! Понимаю... Я исполнил ваше приказание.

— Какое? — с некоторым беспокойством спросил Тихий Ветерок, так как хорошо знал своего лейтенанта.

— Да то, что вы сами дали.

— Я?

— Кто же иной, помилуйте! Разве не вы сказали, что с него живьем сдерете шкуру?

— Правда, сказал, ну и что дальше?

— Это исполнено. Вот и все! — с милейшей улыбкой заявил лейтенант.

— Как! Ты действительно живьем содрал с него кожу?! — вскричал Лоран, остолбенев от такого хладнокровия.

— С живехонького, — радостно подтвердил лейтенант, потирая руки. — Говоря по правде, хлопот с ним было пропасть. Он словно чертенок рвался из рук и кричал так, что мы чуть не оглохли; но все равно, операция прошла отлично.

— Но скажи, во имя всех чертей, — вскричал Тихий Ветерок, — зачем же ты это сделал?!

— Полагал, что оказываю вам услугу, капитан, избавляя от лишних хлопот... Кроме того, я просто не знал, честно говоря, чем мне заняться в ваше отсутствие.

— Странное занятие! — пробормотал Тихий Ветерок.

— Я сохранил кожу; она очень хороша, вы останетесь довольны.

— Пошел к черту, олух!

— Как! Разве я сделал что-то не так? — наивно осведомился лейтенант, сильно опечаленный резкими словами командира.

— Нет, друг мой, — мрачно промолвил Лоран, — ты ничего плохого не сделал, потому что был всего лишь орудием Провидения, все это — дело рук Божьих, так было угодно Ему.

— Ого! — воскликнул лейтенант, глядя на флибустьеров с оторопелым видом.

Почтенный лейтенант ровно ничего не понимал.

— Поедем обратно, Тихий Ветерок, — продолжал Лоран, — нам тут больше делать нечего.

— А кожа? — робко спросил лейтенант. — Разве вы не возьмете ее, капитан?

— Я?.. Нет, оставь ее себе; делай из нее что хочешь.

— Ладно! Я сделаю себе фуфайку, — весело потирая руки, сказал лейтенант.

— Хоть сапоги сшей, если тебе так хочется, но — тысяча чертей! — оставь меня в покое и не трещи мне то и дело в уши про эту глупую историю.

— Гм! Что это с ним? — пробормотал про себя лейтенант. — Вот и старайся для других, чтобы встретить подобную награду!

Он пожал плечами.

Флибустьеры были опечалены; они гребли молча и задумавшись. За все время переезда они не перекинулись ни одним словом.

Только несколько сажен¹ отделяло их от пристани, когда они увидели человека, который бежал к морю с саблей в руке, преследуемый толпой флибустьеров.

Два раза этот человек останавливался на бегу, чтобы повернуться лицом к преследователям, и каждый раз, выхватив из-за пояса пистолет, он стрелял и укладывал на месте одного из своих противников.

Взбешенные авантюристы удваивали усилия, чтобы догнать его, но беглец, достигнув берега, переломил на колене саблю, швырнул обломки в море, осенил себя крестным знамением и бросился в воду головой вперед; волна тотчас подхватила его и увлекла на глубину.

Лоран вскрикнул от ужаса: он узнал дона Рамона.

Сбросив с себя оружие и верхнее платье, он нырнул на дно в том самом месте, где скрылся несчастный губернатор.

Долго длились поиски; несколько раз Лорану приходилось возвращаться на поверхность воды, чтобы перевести дух. Тихий Ветерок следил за ним со скорбным любопытством.

— Ага! — наконец вскричал он и глубоко перевел дух с чувством облегчения.

Лоран только что появился на поверхности воды, держа в своих сильных руках безжизненное тело губернатора.

Дон Рамон был без чувств. Вмиг он очутился на дне лодки, которая поспешила причалить к пристани.

— Ну, ребята! — обратился Лоран к авантюристам, которые с любопытством собрались на берегу, наблюдая за этим удивительным спасением. — Составьте носилки из ваших ружей, положите на них этого человека и следуйте за мной.

Авантюристы не посмели противиться своему грозному предводителю, они повиновались.

Таким образом дона Рамона перенесли в его собственный дом.

Целых десять дней Панама подвергалась грабежу; в руках флибустьеров оказались неисчислимые богатства. Все жители, не успевшие спастись бегством и попавшие в руки свирепых

---

¹ Речь идет о морской сажени, равной 1,6 м.

победителей, после самых ужасных пыток были безжалостно умерщвлены без различия пола и возраста.

Потом по приказанию Монбара город подожгли с нескольких концов; пожар распространялся быстро, так как дома были построены преимущественно из кедрового дерева, да и флибустьеры всячески способствовали распространению огня.

Катастрофа, постигшая несчастный город, была так велика, что даже развалины его были брошены испанцами, которые по удалении авантюристов вновь отстроились немного дальше по берегу Рио-Гранде, где Панама стоит и поныне.

ГЛАВА XX

Заключение

Прошло три месяца после взятия Панамы.

Уничтожив несколько мелких отрядов испанцев, рассеянных по окрестностям, авантюристы наконец ушли от дымящихся развалин разрушенного ими города, уводя с собой большое количество богатых торговцев и принадлежавших к первым семействам колонии зажиточных горожан, за которых требовали значительный выкуп.

Богатства, которые захватили Береговые братья, были навьючены на мулов и перевезены в Крус, откуда их водой переправили в Чагрес; туда же был доставлен родственниками пленных требуемый за них выкуп, и большей части этих несчастных возвратили свободу.

В Чагресе разделили добычу, потом, разрушив форты, флибустьеры сели на корабли и направились к Санто-Доминго, куда прибыли после перехода, не ознаменовавшегося ничем особенным.

Их прибытие в Пор-де-Пе было настоящим торжеством. При виде богатств, которыми завладели их товарищи, авантюристы, не участвовавшие в экспедиции, жаловались на свою долю, на то, что были лишены такого дивного случая разбогатеть.

В одно прекрасное утро начала августа два всадника, богато одетые, на отличных лошадях, сопровождаемые на почтительном расстоянии хорошо вооруженными слугами, выехали из довольно частого леса и, проехав некоторое расстояние по широкой тропе, вившейся по равнине, остановились у дверей загородного дома, наполовину скрытого густой зеленью.

В ту минуту, когда всадники сходили с лошадей, у входа появился человек, который при виде гостей испустил радостное восклицание.

— Мсье д'Ожерон! Монбар! — вскричал он. — Сердечно рад, ей-Богу! Вот приятная неожиданность! А я уже было собирался в Пор-де-Пе, чтобы навестить вас.

— Надеюсь, наш сегодняшний приезд ничем вас не обременил? — осведомился д'Ожерон.

— Разумеется, нет, — весело откликнулся Прекрасный Лоран, дружески обнимая посетителей, — но прошу вас, сходите, что же мы стоим у дверей!

Гости вошли в дом вслед за капитаном.

— Ну, что у вас нового? — спросил д'Ожерон, когда все уселись и была подана закуска.

— Все ли благополучно? — в свою очередь осведомился с участием Монбар.

При этих простых вопросах, произнесенных самым дружеским тоном, лицо молодого человека, однако, омрачилось.

— Благодаря познаниям и усердию отца Санчеса, — ответил он, — донья Лусия и донья Линда совсем поправились, даже дон Рамон, который с самого приезда сюда, по-видимому, страдает неизлечимой меланхолией; — и тот, кажется, меньше грустит в последние дни... Как видите, — прибавил он, отворачиваясь, — все идет хорошо, я совершенно счастлив — или, вернее, настолько, насколько это допускает наша презренная человеческая натура, — заключил он, подавив вздох.

Д'Ожерон и Монбар прикинулись, будто не замечают его грусти.

— Я специально приехал, брат-матрос, чтобы первым сообщить тебе весть, которая может тебя порадовать, — сказал Монбар.

— Увидев тебя, я так и подумал, что ты хочешь сообщить мне что-то приятное, мой добрый друг. Говори же скорее!

— Вчера, в час прилива, в Пор-де-Пе вошло несколько судов; в их числе находились корвет «Жемчужина» и каравелла «Святая Троица». Мигель Баск и Тихий Ветерок совершили благополучное плавание. Они без препятствий прошли Магелланов пролив и по пути сюда захватили еще несколько испанских барок, отчего находятся в блистательном расположении духа.

— Это действительно радостная весть для меня, дружище. Итак, скоро я увижусь с моими добрыми товарищами. Бед-

ные друзья, они оба — и Тихий Ветерок, и Мигель Баск — чуть не плакали, расставаясь со мной в Панаме. Замечательно и то, что я наконец смогу вернуть донье Лусии состояние, отнятое у нее презренным Ордоньесом и свезенное на каравеллу «Святая Троица».

— Дорого же он, однако, заплатился за него, — смеясь, заметил Монбар. — Тихий Ветерок рассказал мне эту историю; право, презабавно.

— Да, забавно, — ответил Лоран, опять нахмурив брови. Слуга отворил дверь и доложил, что завтрак подан.

— Тсс! Ни слова, — шепнул Лоран своим приятелям, которые не поняли, к чему относится это предостережение.

Тем временем хозяин встал и пригласил гостей пройти в столовую.

Д'Ожерон и Монбар переглянулись со значением.

Со двора послышался лошадиный топот, и вскоре появилось еще четверо посетителей.

Это были Мигель Баск, Польтэ, Тихий Ветерок и Олоне.

Лоран крепко пожал им руку.

— Как кстати вы приехали, братья! — вскричал он. — Мы только собирались сесть за стол.

— Так не будем терять времени, — сказал Олоне, — я умираю с голоду.

Они прошли в столовую.

Там уже находились дон Рамон, донья Линда и отец Санчес.

Капитан вопросительно взглянул на монаха.

— Дамы к завтраку не выйдут, — ответил ему отец Санчес.

Лоран не стал настаивать.

Все уселись за стол и принялись есть.

Донья Линда была прелестна; ее лицо приобрело прежнюю перламутровую свежесть, оттенок меланхолии придавал ее красоте еще большее очарование.

Дон Рамон был серьезен, но не грустен; он любезно отвечал на вежливые знаки внимания, выдаваемые ему флибустьерами.

Разговор, сначала довольно вялый, вскоре оживился и сделался занимательным.

— Адмирал, — обратился дон Рамон к Монбару, — я рад, что вижу вас и могу выразить вам свою благодарность за великодушные...

— Не будем упоминать об этом, сеньор кабальеро, — перебил его Монбар с добродушной улыбкой, — в этом деле

я только следовал указаниям, данным мне капитаном Лораном. Таким образом, одному только ему, а вовсе не мне, вы обязаны сохранением вашего состояния.

— Я знала это! — прошептала донья Линда, подняв на капитана глаза, исполненные невыразимого чувства, тогда как прелестное личико ее покрылось яркой краской.

— Как, капитан! — вскричал дон Рамон, протягивая через стол руку молодому человеку, который сидел напротив него. — Разве вы хотите, чтобы я уже никогда не мог сквитаться с вами?

— Я рассчитываю на это, — ответил Лоран, смеясь, и украдкой бросил взгляд на девушку.

— Это еще не все, господа, — сказал д'Ожерон, — я прошу уделить и мне минутку внимания.

— Разве это еще не все? — удивился Лоран.

— Бесспорно.

— Господа, — вступил Мигель Баск, — сперва я предлагаю выпить за здоровье нашего губернатора, а потом уж выслушать его.

— Я поддерживаю это предложение!

— С условием, чтобы было выпито дважды, — прибавил Олоне.

Все расхохотались, наполнили стаканы и осушили их додна.

— Теперь мы слушаем, — объявил Тихий Ветерок с полным ртом.

— Господа! — заговорил д'Ожерон, отодвинувшись немного от стола. — Вчера фрегат его величества «Клоринда», которым командует наш старый товарищ Дюкас, пришел в Пор-де-Пе прямо из Бреста с грузом хороших вестей.

— Старый черт Дюкас всегда навезет их целую кучу, — заметил Польтэ.

— За его здоровье! — гаркнул Олоне.

— Молчи, болтун! — остановил его Мигель Баск.

В утешение Олоне выпил один.

— Сеньор дон Рамон де Ла Крус, — обратился д'Ожерон к испанскому дворянину, — Монбар прислал мне из Панамы отчет о своей экспедиции, а вместе с ним и подробное описание вашего доблестного поведения во время событий, совершившихся на перешейке. Это донесение, написанное рукой капитана Лорана и засвидетельствованное подписями адмирала, старших офицеров его штаба и двенадцати именитых граждан Панамы, было отослано мною его величеству Людовику Четырнадцатому. Его величество соблаговолил пе-

реслать его герцогу д'Аркуру, своему посланнику в Мадриде, с предписанием предоставить на усмотрение его католического величества и вместе с тем поддержать приложенную к донесению его собственную просьбу. Будьте уверены, кабальеро, я почитаю за счастье, что его величество король, мой властелин, избрал меня, чтобы передать вам ответ короля Испании.

Д'Ожерон встал с поклоном подал дону Рамону несколько свитков; тот принял их дрожащей рукой.

— Прочтите, — сказал ему д'Ожерон.

Дон Рамон развернул свиток и пробежал его глазами. Вдруг он побледнел, и слезы сверкнули на его ресницах.

— Как! — вскричал он, не в состоянии владеть собой от наплыва самых разных чувств. — Возможно ли это?!

— Все возможно с вашими достоинствами.

— Я, я пожалован в графы де Санта-Крус, в испанские гранды и назначен губернатором и генерал-капитаном острова Кубы! О!

В невыразимом волнении он вскочил.

— Да кто же вы? — обратился он к Лорану. — Кто вы, имеющий власть творить подобные чудеса?

— Ваше высочество! — почтительно обратился д'Ожерон к капитану Лорану. — Если вы удостоите...

— Тише! — с живостью перебил флибустьер, и глаза его метнули молнии. — Так-то вы держите свою клятву?!

Он наклонился к дону Рамону с очаровательной улыбкой и сказал:

— Кто я, любезный граф? Разве вы не знаете? Разбойник, вор, как вы, испанцы, называете нас, и ничего более.

Дон Рамон, окончательно растерявшись, опустил на стул.

— Быть может, я и пользуюсь некоторым весом в высших сферах, — прибавил Лоран с язвительной иронией, — но вес этот не велик, как сами можете судить.

Новоиспеченный граф думал, что все это ему грезится во сне; он наивно боялся проснуться.

С сияющим от счастья лицом донья Линда нежно целовала руки отца, но взгляд ее почти не отрывался от флибустьера.

— Продолжайте, любезный д'Ожерон, — сказал Лоран, смеясь, — кажется, вы сообщили еще не все.

— Многое еще следует добавить, капитан, но, признаться, я в сильном затруднении, — возразил губернатор.

— Вы в затруднении? Полно!

— Дело вот в чем, брат-матрос, — вмешался Монбар, приходя на помощь губернатору, — его величество Людовик Четырнадцатый удостоил...

— Удостоил... Ну же! Что ты остановился?

— Костью поперхнулся, — ответил Монбар, смеясь, — она мне встала поперек горла.

— Черт возьми! Видно, уж очень трудно сказать то, что тебе надо говорить.

— Да уж... Ба! Видно, ничего не поделать!.. Его величество Людовик Четырнадцатый, — прибавил Монбар с иронией, — удостоил каждого из нас грамоты на звание командующего эскадрой.

— Командующего эскадрой! — вскричал молодой человек надменно. — И это мне? Мне, сыну... — Но он тотчас овладел собой и прибавил с горечью: — Я весьма признателен его величеству за такую милость. Надеюсь, ты отказался, брат?

— Еще бы! — засмеялся Монбар. — Я служу королю по-своему, это мне приятнее.

— И мне тоже. На что нам чины, когда мы и так начальники? Разве мы не первые среди товарищей? Пусть нам поднесут титулы лучше тех, которые нам даны нашими братьями! Да и то сказать, ведь мы разгромленные титаны, отверженцы старой европейской семьи, на что же нам такие милости? Возьмите ваши грамоты назад, любезный д'Ожерон, и возвратите их королю, вашему властелину, нам они не нужны! Из всех Береговых братьев вы не найдете ни одного, кто бы оценил их даже наравне со щепоткой табака в трубке.

— Bravo! Да здравствует Лоран! Да здравствует Монбар! Да здравствует флибустьерство! — вскричали авантюристы в порыве энтузиазма.

Изумление дона Рамона дошло до предела, он чувствовал, что мысли его путаются.

Он никак не мог постичь, что это были за удивительные люди, которые ставили себя наравне с могущественнейшим властителем в Европе и, заставляя осыпать милостями других, сами пренебрегали этими почестями, гордо провозглашая себя независимыми от государя, которому оказывали такие блестящие услуги.

Что же касается доньи Линды, то ею овладело странное волнение, сердце ее сжималось, и слезы наворачивались на глаза — слезы радости или грусти, она не сумела бы определить этого сама.

— Я не настаиваю, капитан, зная, что все было бы напрасно, — продолжал д'Ожерон, — но позвольте заметить вам, что его величество будет огорчен вашим отказом.

— Ба-а! — шутливо возразил Монбар. — Два-три удачных крейсерства — и его величество забудет о своем неудовольствии.

— Мы не любим, чтобы нам платили за услуги... Истожили ли вы теперь весь ваш запас новостей, любезный д'Ожерон?

— Нет, капитан, еще одно я должен сообщить вам, но так как вопрос важен и касается лично вас, то я не решаюсь.

— Любезный д'Ожерон! Здесь находятся мои старые боевые товарищи, с которыми у меня все было общим — и опасности, и похождения; от них у меня нет тайн, как нет тайн и от моих новых друзей, — прибавил он с поклоном в сторону дона Рамона и его дочери. — Да и вообще, если хотите, я приверженец жизни нараспашку, во всеувидение... Итак, говорите без опасения. Что вы хотели передать мне?

— Если позволите, сын мой, говорить буду я, — вмешался отец Санчес, остававшийся до сих пор безмолвным свидетелем разговора.

— Говорите, я вас слушаю, — ответил Лоран, немного встревоженный.

— Войдя сюда, сын мой, вы спросили меня, почему нет доньи Лусии и ее дочери, а я ответил вам, что они не выйдут к завтраку...

— Да, я помню.

— Донья Флора ее и мать уехали вчера вечером в восемь часов в Пор-де-Пе; вот что господину д'Ожерону, у которого они остановились, поручено было сообщить вам.

— Уехали! — вскричал молодой человек вне себя. — Зачем? Клянусь Богом! Я...

— Постойте, сын мой, — строго остановил его монах, — не дайте увлечь себя необузданному нраву. Они приняли непоколебимое решение.

— Клянусь именем... — вскричал было Лоран с глазами, налитыми кровью.

Монбар схватил его за руку и с живостью перебил:

— Будь же мужчиной! Ты несправедлив к ним. Их отъезд — только доказательство преданности...

— Преданности!.. — пробормотал молодой человек, дико озираясь и машинально опускаясь на стул.

— Конечно! И в то же время это в высшей степени разумно.

— Уехать тайно, бежать таким образом от меня! О, это ужасно, брат!

— Успокойся, дружище. Я долго говорил с доньей Флорой. Она убедила меня в том, что все сказанное ею — истина; убегая от тебя, она только поддалась убеждению, преодолеть которое была не в силах. Она не простила с тобой единственно для того, чтобы не огорчить тебя отказом, который неизменен.

— Она оставила вам письмо, сын мой, — прибавил отец Санчес, — вот оно, читайте.

Дрожащей рукой Лоран взял письмо, которое подал ему священник, поспешно распечатал и впился в него глазами.

Гробовое молчание повисло над сборищем, еще минуту назад таким веселым и шумным.

Письмо было коротким. Оно состояло из следующих слов:

Любезный кузен!

Я уезжаю. Когда вы получите это письмо, я буду уже далеко от вас; я направляюсь во Францию, где имею намерение удалиться в испанский монастырь в Перпиньяне. Не пытайтесь поколебать мое решение, оно неизменно, я приняла его по зрелом размышлении, пристально заглянув в собственное сердце. Фернандо, друг мой, брат мой — позвольте мне таким образом называть вас, — мы оба ошибались в наших чувствах; то, что мы с вами принимали за любовь, было просто глубокой братской дружбой. Теперь мои глаза раскрылись, и я ясно читаю в собственном сердце... Вы меня любите, это бесспорно, но любите так, как любят дорогую сестру. Ваша любовь принадлежит другой, пусть она будет счастлива с вами! Из моей дальней кельи я буду молить Господа о вашем благополучии.

Мой милый брат, если вы хорошо поняли смысл этого письма, вы не дадите нам уехать, не простившись со мной и с моей матерью. Смерть отца и все бедствия, наказавшие нас, ставят нам, слабым и бедным женщинам, в обязанность посвятить себя Богу и молить Его о милосердии.

Ваша кузина

Флора Ордоньес

Прочитав это странное письмо, Лоран опустил голову и закрыл лицо руками.

Прошло несколько минут.

— Когда они уезжают? — спросил он наконец.

— Через неделю, на фрегате «Клоринда», — ответил д'Ожерон.

— Я буду их сопровождать, — прибавил отец Санчес.

Молодой человек с трудом пересилил себя и спокойно ответил:

— Благодарю, что вы не оставляете их, отец мой. Я поеду проститься с ними. Моя кузина должна принести приличный вклад в монастырь, куда желает вступить; это я беру на себя, тем более что все ее состояние находится у меня на каравелле.

— Вы вольны поступить как вам угодно, сын мой, — грустно ответил старик, — но, может быть, лучше было бы...

— А почему нет? — перебил он с неожиданным резким хохотом. — Разве я капризный ребенок, который от самого легкого противоречия падает в обморок? Нет! Нет! — вскричал он душераздирающим голосом. — Я мужчина, я сильный мужчина, и мне по силам пережить все — и радость, и страдание!.. Как видите, горе не убивает, раз я еще жив!.. О-о!..

Кровь хлынула у него носом и ртом; нервы, натянутые выше человеческих сил стремлением побороть себя, не выдержали дольше. Он закатил глаза, взмахнул руками, испустил жалобный стон и упал бы навзничь, если бы Монбар, Мигель Баск и другие друзья не кинулись к нему на помощь и не поддержали его.

С ним сделался нервный припадок.

Лорана поспешно перенесли на кровать. Все пришли в ужас.

Отец Санчес несколько раз пустил ему кровь.

Целых шесть дней и шесть ночей друзья не отходили от его изголовья.

Донья Линда неотлучно находилась при нем и ухаживала за ним, как преданная сестра. С содроганием, орошая его руки слезами, она выслушивала его страшные признания во время бреда.

После шести долгих дней постоянных мук девушка не могла более выносить такую глубокую скорбь, она ушла, несчастная, мрачная, задумчивая.

На другой день, то есть на седьмой день болезни, Лоран, хотя еще и очень слабый, хотел встать.

— Поедем в Пор-де-Пе, — сказал он отцу Санчесу, который в эту минуту входил к нему и сделал невольное движение изумления, увидев его на ногах.

— Отправимся, если вы хотите, сын мой, — кротко ответил монах.

Вдруг отворилась дверь, и на пороге остановилась донья Линда; она была бледна и грустна, но спокойна.

— Это лишнее, — сказала она голосом, которому тщетно силилась придать твердость, — я привела к вам ту, которую вы так пламенно желали видеть... Входи, сестра.

С этими словами она ввела за руку донью Флору.

Девушка бросилась к Лорану и с рыданием упала к нему на грудь.

— Флора здесь! Боже мой! — вскричал он в неопиcуемом волнении.

— Да, здесь, — ответила донья Линда кротко, но твердо, — Флора, которую вы любите и которая любит вас!

— О! Я люблю, люблю тебя! — вскричала Флора растерянно. — Прости меня, Лоран, я была безумной, я...

— Ревновала, бедная сестра, — договорила донья Линда, осыпая ее нежными ласками, — разве я не сказала тебе, что хочу, чтобы ты была счастлива?

— О, вы ангел! — с чувством произнес капитан. — Вы благородно исполняете данное обещание... Увы! Ее отъезд убивал меня, но вы?..

— Я? — переспросила донья Линда с глубоким волнением, воздев к небу глаза, полные слез. — Ведь я ваш ангел-хранитель!..

Спустя два дня дон Рамон и его дочь отправились на Кубу на принадлежавшем нейтральной стране корабле, зашедшем в Пор-де-Пе для выкупа нескольких испанских пленнх.

Прощание было печальным, но спокойным; Лоран и донья Флора не расставались с девушкой до той самой минуты, когда она сошла в лодку, чтобы переправиться на судно, где ее отец взял места для переезда.

Через месяц Лоран узнал, что донья Линда постриглась в одном из гаванских монастырей.

Эта весть произвела на него тяжелое впечатление, но прелестная улыбка доньи Флоры вскоре изгнала это легкое облако из его сердца.

Отец Санчес только и ждал конца траура доньи Лусии и ее дочери, чтобы благословить союз молодых людей.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСНИК

ПРОЛОГ

<i>ГЛАВА I</i> Читатель немного знакомится с Сантьяго Лопесом и его семейством.....	7
<i>ГЛАВА II</i> Несколько неприятных часов в Толедских горах	19
<i>ГЛАВА III</i> Как несчастье входит в дом.....	30
<i>ГЛАВА IV</i> Где доказывается, что ни богатство, ни величие не составляют счастья.....	41
<i>ГЛАВА V</i> Клятва	52

<i>ГЛАВА I</i> Что происходило 28 февраля 1664 года в пятом часу утра на пустынном побережье в окрестностях Чагреса	63
<i>ГЛАВА II</i> Как совершился первый переход.....	74
<i>ГЛАВА III</i> Каков был на самом деле дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, владелец асиенды дель-Райо	85
<i>ГЛАВА IV</i> Дон Фернандо влюбляется в донью Флору и снимает дом у дон Хесуса	100
<i>ГЛАВА V</i> Какую странную ночь провел дон Фернандо на асиенде дель-Райо.....	115
<i>ГЛАВА VI</i> Каким образом капитан Лоран, или дон Фернандо, проник в первый раз в Цветочный дом.....	127
<i>ГЛАВА VII</i> Где доказывается, что иногда полезно подслушивать беседу некоторых особ	141
<i>ГЛАВА VIII</i> Как граф де Кастель-Морено водворился в своем новом жилище	155
<i>ГЛАВА IX</i> В этой главе читатели найдут старых знакомых	166
<i>ГЛАВА X</i> Флибустьерский флот снимается с якоря.....	180
<i>ГЛАВА XI</i> Как капитан Сандоваль пригласил дон Фернандо позавтракать на корвете «Жемчужина»	192
<i>ГЛАВА XII</i> Почему дон Фернандо согласился на приглашение капитана Сандовалья.....	202

МОРСКИЕ ТИТАНЫ

<i>ГЛАВА I</i> Уже забытый, вероятно, читателями Каска- бель появляется вновь	215
<i>ГЛАВА II</i> Как Пьер Легран взялся за дело, чтобы овла- деть островом Санта-Каталина.....	225
<i>ГЛАВА III</i> Дон Хесус Ордоньес и дон Пабло Сандоваль воображают, что заключили выгодную сделку.....	236
<i>ГЛАВА IV</i> Здесь начинается вырисовываться личность краснокожего проводника Хосе.....	247
<i>ГЛАВА V</i> Как Лоран вступил в перестрелку, когда вовсе этого не ожидал	259
<i>ГЛАВА VI</i> Как дон Хесус признался Лорану, что боится его, сам не зная почему	270
<i>ГЛАВА VII</i> Прекрасный Лоран готов верить в колдовство	280
<i>ГЛАВА VIII</i> Чем можно заниматься ночью, если не хо- чешь спать.....	291
<i>ГЛАВА IX</i> Две встречи, которых Прекрасный Лоран ни- как не ожидал.....	301
<i>ГЛАВА X</i> О том, как Прекрасный Лоран посетил Монба- ра и что за этим последовало	311
<i>ГЛАВА XI</i> Какой план составил знаменитый флибусть- ер, чтобы захватить форт Сан-Лоренсо-де-Чагрес	323
<i>ГЛАВА XII</i> Как испанцы защищали город Чагрес.....	336
<i>ГЛАВА XIII</i> Здесь доказывается, что страх — плохой со- ветчик	347
<i>ГЛАВА XIV</i> Как дон Фернандо возвратился на асиенду дель-Райо	359
<i>ГЛАВА XV</i> В каком порядке Монбар повел свои войска на Панаму	372
<i>ГЛАВА XVI</i> До чего любовь доводит некоторых женщин.....	386
<i>ГЛАВА XVII</i> Тихий Ветерок позволяет себе приятные шутки, которые не всем по вкусу.....	399
<i>ГЛАВА XVIII</i> О том, какие требования были предъявле- ны Прекрасному Лорану и что из этого вышло	412
<i>ГЛАВА XIX</i> Как флибустьеры вышли победителями взяли Панаму	424
<i>ГЛАВА XX</i> Заключение.....	436

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т о м 9

Редактор *Е. Серегина*

Художественные редакторы *И. Сайко, С. Шалимов*

Технический редактор *М. Секей*

Корректор *В. Лизунова*

ЛР. № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано к печати 24.05.93. Формат 84 x 108 1/32.

Бумага офсетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52.

Усл. кр.-отт. 23,52. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 50 000 экз.

Заказ 486.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва,
Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета
на Ярославском полиграфкомбинате Министерства
печати и информации Российской Федерации.
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

